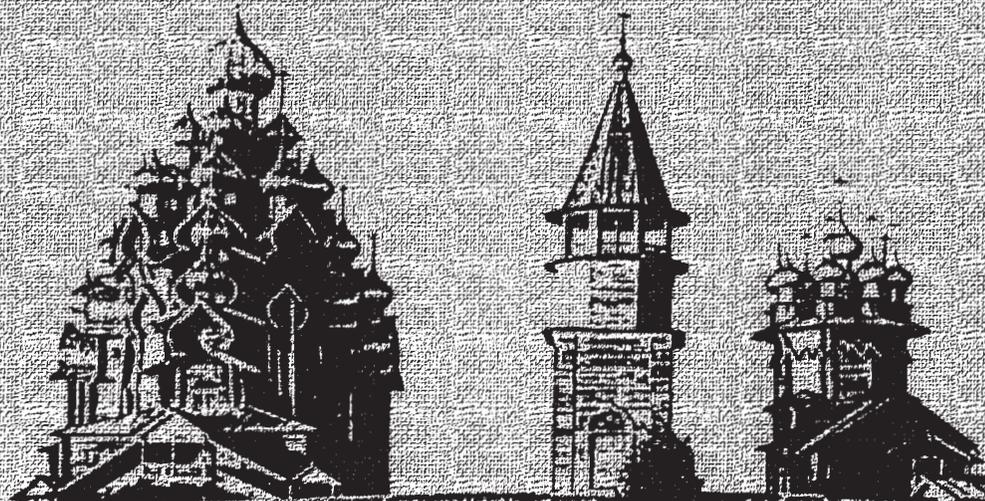

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК. Выпуск 15

15

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижский“»

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

В ы п у с к 1 5

Петрозаводск
2015

УДК 502.8(470.72)
ББК 63.5(2)
К38

Редактор-составитель

кандидат исторических наук ***И. В. Мельников***

Рецензенты:

кандидат филологических наук ***С. В. Воробьева***

кандидат искусствоведения ***В. Г. Платонов***

кандидат исторических наук ***М. М. Шахнович***

К38 Кижский вестник. Выпуск 15. Петрозаводск: Карельский науч-
ный центр РАН, 2015. 315 с.

УДК 502.8(470.72)
ББК 63.5(2)
К38

ISBN 978-5-9274-0661-6

Т. Ю. Дудинова

**НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РАБОТА ЛАРСА
ПЕТТЕРССОНА И ПЕНТТИ ХЯРКЁНЕНА
«КИЖСКАЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.
ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИК ЦЕРКОВНОГО
ИСКУССТВА ОЛОНЕЦКОГО КРАЯ»**

В начале 2008 г. по инициативе старшего научного сотрудника музея-заповедника «Кижы» В. А. Гущиной музей-заповедник «Кижы» через Министерство внешних связей Республики Карелия сделал запрос в Министерство культуры и спорта Финляндии с целью получения информации о судьбе икон «неба» Преображенской церкви о. Кижы и возможности наличия цветных фотографий и других документов о кижских иконах в Финляндии.

В ответе, полученном из Финляндии в мае 2008 г., сообщалось, что во время войны работы по документированию церкви на о. Кижы проводил профессор Ларс Петтерссон и собранные ученым материалы, касающиеся храмов восточной Карелии, находятся в Национальном архиве Финляндии. Коллекцию документов профессора Л. Петтерссона передала в Национальный архив внучка финского ученого Сюзанна Петтерссон. На основе собранных в военное время в Заонежье материалов финский исследователь защитил диссертацию по теме «Церковная архитектура Заонежья»¹.

В Национальном архиве Финляндии в коллекции Л. Петтерссона хранятся черно-белые фотографии, негативы, рисунки, чертежи, полевые записи с описанием архитектуры церквей и часовен, а также их интерьеров, каталог фотографий и другие документы. Многие фотографии из коллекции Л. Петтерссона опубликовал в альбомах известный иссле-

¹ Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950.

дователь деревянного зодчества М. И. Мильчик². В альбоме «Заонежье. История и культура. Очерки. Фотографии» была опубликована переведенная на русский язык статья Л. Петтерссона, написанная молодым ученым под впечатлением от встречи с иконописцем Иваном Михеевичем Абрамовым во время исследовательской экспедиции в Заонежье в 1942–1944 гг.

В этой коллекции хранится рукопись книги о Преображенской церкви. Она представляет собой рукописные и машинописные тексты. Материал рукописи является результатом совместной работы Л. Петтерссона и его коллеги по исследовательской деятельности во время войны на оккупированной территории восточной Карелии П. Хяркёнена. Работа над книгой о Преображенской церкви была завершена в 1944–1945 гг., но обстоятельства сложились таким образом, что после окончания войны одобренная издательством и подготовленная к печати книга о кижском храме не была издана.

Финский искусствовед, историк деревянного зодчества Финляндии, Скандинавии и Карелии профессор Ларс Петтерссон (1918–1993) родился в семье морского капитана. С 1951 по 1981 г. он читал курс истории искусства в Хельсинкском университете. С доктором философии П. Хяркёненом (1911–2005) они были знакомы ещё до войны, в 1930-е гг. авторы рукописи о Кижской Преображенской церкви изучали историю искусства в Хельсинкском университете. Во время войны они встретились в Петрозаводске³. В период с 1 июня 1942 г. по 30 ноября 1943 г. П. Хяркёнен был командирован в бюро жалоб при штабе Военного ведомства Восточной Карелии. Осенью 1942 г. в отдел просвещения Военного ведомства был назначен магистр по храмовой архитектуре и искусству, фенрик⁴ Л. Петтерссон. В обязанности молодого офицера входила работа по фотофиксации и каталогизации памятников архитектуры, предметов церковного имущества и этнографии на оккупированной территории. Вероятно, идея о книге родилась во время посещения финскими исследователями Заонежья и острова Кижы летом 1943 г. В ноябре 1943 г. П. Хяркёнен вернулся на фронт, на Карельский перешеек и с 1 декабря 1943 г. приступил к обязанностям командира стрелкового взвода⁵. Л. Петтерссон продолжил работу по изучению и сохранению храмов Заонежья до окончания войны.

² Мильчик М. И. Заонежье на старых фотографиях: Альбом. СПб., 1999; Он же. Заонежье. История и культура. Очерки. Фотографии: Альбом. СПб., 2007.

³ Во время финской оккупации Петрозаводск назывался Янсинлина.

⁴ Фенрик – воинское звание в финской армии.

⁵ Härkönen P. Kiizin ikonimaalaus: Perinneihanteiden täyttymystä kuvataiteen kielellä // Viisauden rintaa vasten: 75 vuotta ortodoksista teologista koulutusta. Joensuu, 1994. S. 174.

Совместная работа над книгой была построена таким образом, что текст об архитектуре Преображенской церкви написал Л. Петтерссон, а комментарии по вопросам иконописи сделал П. Хяркёнен, о чём говорится в предисловии рукописи.

Подготовленный во время войны материал доктора философии П. Хяркёнена позднее, спустя почти пятьдесят лет, был опубликован в юбилейном издании православного теологического факультета университета г. Йёнсуу в 1994 г.⁶ В статье финский исследователь рассказал об истории написания книги и поделился некоторыми воспоминаниями о работе над ней в далёкое военное время. Например, как в январе 1944 г., по приглашению Л. Петтерссона, он приехал с фронта в Хельсинки, чтобы участвовать в открытии выставки «Сохранение памятников искусства во время войны: иконопись восточной Карелии». Иконы, отобранные для выставки, были в основном из Кижской Преображенской церкви. В течение трех дней, очарованный удивительными произведениями искусства, исследователь делал памятные записи, на основании которых после возвращения на фронт в блиндаже с середины марта до середины апреля 1944 г. написал свою работу. Желанием П. Хяркёнена было сделать материал доступным для читателей, показать мир иконы из восточной Карелии, где можно было встретить удивительные темы, слияние «земного и небесного» и, что особенно характерно для изображений на клеймах больших по размеру икон, отражение близости повседневной жизни. Свое впечатление от знакомства с иконами из Преображенской церкви автор статьи сравнивал с силой воздействия на него музыки Себастьяна Баха⁷.

Как уже говорилось выше, рукопись книги о Преображенской церкви была почти подготовлена к изданию. Копия экземпляра рукописи, с которой выполнялся перевод, представляет собой набранный в типографии текст формата А5, объемом в 71 страницу⁸. Первая часть рукописи посвящена архитектуре Преображенской церкви. В ней рассматриваются вопросы истории строительства церкви, её композиция, история пожертвований на храм и ремонтных работ. Отдельно выделен раздел о легендах, связанных со строительством Преображенской церкви на острове Кижь. Вторая часть книги посвящена иконописному искусству. Подробно описана техника написания икон, представлен иконостас Преображенской церкви и иконы «неба», а также описаны иконы, которые не входили в иконостас. Как сказано в предисловии, авторы поста-

⁶ Härkönen P. Kiizin ikonimaalaus...

⁷ Härkönen P. Kiizin ikonimaalaus... S. 176.

⁸ Pettersson L. Kiizin Kirkastuskirkko: Aunuksen kirkkotaiteen ylväin muistomerkki: [käsikirjoitus/Lars Pettersson, Pentti Härkönen]. [Б. м., б. г. 1940 ?]. (Копия рукописи, переданной С. Петтерссон, внучкой Л. Петтерссона, хранится в личном архиве автора.)

вили перед собой задачу опубликовать в книге иллюстративные материалы, касающиеся Преображенской церкви, чтобы создать полное представление о храме. Предложенные текстовые материалы должны были служить пояснением к иллюстрациям и являются результатом исследований о церкви. В содержании рукописи обозначены разделы «Примечания» и «Приложение. Каталог икон иконостаса и куполообразного потолка “неба”, а также отдельных икон», но, к сожалению, текстовые материалы этих разделов в копии экземпляра рукописи отсутствуют. Можно предположить, что материалы данных разделов не были набраны в типографии, так как на завершающем этапе подготовки книги к печати, по политическим причинам, работа над книгой была прекращена. В полном объёме рукопись книги хранится в Национальном архиве Финляндии в коллекции Л. Петтерссона. Например, каталог куполообразного потолка «неба» представляет собой набор карточек, вырезанных из тетрадных листов и вложенных в обычный почтовый конверт. На каждой карточке название одной иконы.

Несмотря на то что Л. Петтерссон и П. Хяркёнен работали над книгой более 70 лет назад, она представляет интерес для всех, кто увлекается историей Преображенской церкви. Имеющееся в рукописи описание куполообразного потолка «неба» Преображенской церкви является единственным известным материалом о цветовом исполнении икон «неба», утраченных во время войны, что делает рукопись особенно ценным источником.

При сопоставлении текста об иконах в рукописи с текстом статьи П. Хяркёнена в университетском сборнике обращает на себя внимание отсутствие в опубликованной статье информации об иконах «неба». В связи с этим возникает вопрос, почему автор не включил материал о «небесах» в свою статью. С большой осторожностью позволю предположить, что страницы об иконах «неба» могли быть написаны Л. Петтерссоном. Предположение основывается на материале переписки авторов в феврале-марте 1944 г. Письма П. Хяркёнена, адресованные в этот период Л. Петтерссону, хранятся в коллекции Л. Петтерссона в Национальном архиве Финляндии. Работая над своей частью книги на фронте и не имея возможности видеть иконы, П. Хяркёнен вёл активную переписку с Л. Петтерссоном. В письме к Л. Петтерссону от 16 февраля 1944 г.⁹ он пишет: «Фотографии еще не получил и без них не могу ничего написать об иконах “неба”. В том случае, если не получу фотографии, не мог бы ты написать мне что-нибудь об иконах “неба”, что я смог бы добавить

⁹ Письма П. Хяркёнена хранятся в коллекции Л. Петтерссона в Национальном архиве Финляндии.

в продолжение текста об иконах. В продолжении надо было бы отразить важные сведения об иконах иконостаса Преображенской церкви, об их численности, а также о количестве икон в каждом ряду иконостаса. В общих чертах, эти сведения у меня отсутствуют. Поэтому в этом вопросе я вынужден прибегнуть к твоей помощи». Вместе с письмом от 20 февраля 1944 г. П. Хяркёнен отправляет свои записи об иконах «неба» и сожалеет о том, что «фотографии ещё не пришли» и что «они могут не успеть быть полезными» в работе над чистовым вариантом материала. Чуть позже, в письме от 1 марта 1944 г., П. Хяркёнен благодарит Л. Петтерссона за помощь и за конспект «Иконостас и иконы купола» и сообщает, что возвращает ему конспект.

Письма помогают представить обстановку, в которой работали авторы книги, почувствовать их увлеченность темой исследования. В один из февральских вечеров, как описывает П. Хяркёнен, он вышел на улицу и, видимо, «порывом ветра из открытой двери приподняло бумаги на столе, их концы коснулись языка пламени от керосиновой лампы». Когда он вернулся в помещение, то «то вся комната была освещена пламенем». В результате происшествия пострадали 15 листов рукописи из 41 листа, их пришлось восстанавливать, как писал в письме П. Хяркёнен, частично по останкам, а частично по памяти.

Фрагменты из перевода рукописи об иконах «неба» Преображенской церкви были использованы в статье В. А. Гущиной «О возможности воссоздания “неба” Преображенской церкви на острове Кижии»¹⁰ и в книге Г. И. Фроловой «Небеса» Заонежья: иконы из собрания музея-заповедника «Кижии»¹¹. Легенды о строительстве Преображенской церкви вошли в юбилейное издание к 300-летию церкви на острове Кижии¹². Думаю, что и в дальнейшем материалы перевода рукописи могут быть интересны исследователям.

Осенью 2008 г. мы встречались с внучкой профессора Л. Петтерссона в Хельсинки. С. Петтерссон рассказывала, что её дедушка всегда надеялся, что спустя время собранные им материалы о Заонежье будут полезны, и он не ошибся. Что же касается цветных фотографий икон, то, по рассказу С. Петтерссон, она их никогда не видела. Госпожа Хельви Хокканен-Петтерссон, жена профессора Л. Петтерссона, также подтвердила, что были только черно-белые фотографии.

¹⁰ Гущина В. А. О возможности воссоздания “неба” Преображенской церкви на острове Кижии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 270–280.

¹¹ Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья: иконы из собрания музея-заповедника «Кижии». Петрозаводск, 2008.

¹² Набокова И. И. Кто построил Преображенскую церковь? // Остров Преображения. К 300-летию Преображенской церкви на острове Кижии. М., 2014. С. 79–80.

КИЖСКАЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИК ЦЕРКОВНОГО ИСКУССТВА ОЛОНЕЦКОГО КРАЯ

Предисловие

Во время войны между Советским Союзом и Финляндией в 1941–1944 гг. остров Кижы с церквями и часовнями, расположенный в северной части Онежского озера, оказался рядом с линией фронта. В сложившихся условиях нельзя было обеспечить сохранность этих строений, являющихся художественной ценностью. Судьба Преображенской церкви и ее икон вызывала особую озабоченность у тех, кому было вверено попечение о памятниках, которые находились в районе военных действий. Поэтому было принято решение произвести фотографирование как церкви, так и икон, и выполнить эту работу настолько тщательно, насколько это было возможно в тех условиях. К счастью, церковь не была разрушена. Так как о Преображенской церкви не было исчерпывающего представления, ниже подписавшиеся поставили перед собой задачу опубликовать касающиеся церкви иллюстративные материалы в книге. Предложенные тексты служат, прежде всего, для пояснения иллюстраций и являются результатом исследований церкви. Особенности кижского церковного искусства можно представить лишь на фоне рассмотрения деревянного зодчества и иконописного искусства России. Поясняющий текст об архитектуре Преображенской церкви был написан Ларсом Петтерссоном, комментарии по вопросам иконописи составил Пентти Хяркёнен.

Всем тем, кто тем или иным образом способствовал созданию этой книги, авторы выражают огромную благодарность.

*Хельсинки. День Светлого Воскресения Христова, 1945
Ларс Петтерссон, Пентти Хяркёнен*

Храмовое искусство северного побережья Онежского озера

В минувшие времена публичное строительство и изобразительное искусство в Олонецком крае, как и в других районах Русского Севера, было почти ограничено церковным кругом. Однако вопрос не надо понимать таким образом, что православная церковь была единственным первоисточником всей этой красоты, которая сохранилась после войн и разрушений, и все еще встречается во многих церквях и деревенских часовнях Олонца, как в древних храмах, так и в каменных церквях в стиле неоклассицизма. Сильное стремление к красоте и религиозность характера олончанина, в такой же мере, как церковь и интерес к искусству, побуждали его к художе-

ственной деятельности. Во многих местах было распространено представление, что тот, кто построит три церкви, получит прощение грехов и обретет «вечное царствие небесное». Известно, что многие храмы были построены на пожертвования только одного человека. Результаты позволяют судить о том, что средства, усилия и мастерство не экономились.

Территория между Кондопожским и Повенецким заливами, а именно Заонежье (Äänisniemi), с входящими в него островами, сохранила до наших дней наследие храмовой архитектуры, может, даже самое богатое в Олонецком крае. Многие церкви и часовни все еще стоят на своих местах, во многих сохранился неповрежденным интерьер. Такое положение не является лишь случайностью. В прошлом сельскохозяйственное значение Заонежья было на редкость благоприятным. Древний водный путь от Свири до Повенца пролегал как раз через Заонежский архипелаг, с западной стороны Клименецкого острова, где можно было находиться в безопасности от онежских штормов. Появлению поселений в Средние века способствовала почва, содержащая шунгит и известняк. На Южном Оленьем острове, расположенном с восточной стороны Клименецкого острова, был найден могильник эпохи каменного века. С упомянутого Южного Оленьего острова происходит известняк, который использовали при строительстве кирпичных церквей на полуострове в стиле неоклассицизма. На высокий экономический уровень положения Заонежья указывают проходившие каждый год знаменитые ярмарки в Шуньге, на которые съезжались со всего Русского Севера.

Заметная роль в духовной жизни, и прежде всего в храмовом искусстве, этих мест принадлежала монастырям. А именно монастырю, расположенному недалеко от Толвуи на Палеострове, который предположительно был основан в 13 в., а также Клименецкому монастырю в честь Святой Троицы, основанному в 1520 г., благодаря которому Клименецкий остров получил свое название. Еще в прошлом столетии на полуострове жили старообрядцы. Они стремились сохранить старые традиции как в храмовой архитектуре, так и в иконописи, пытаясь замедлить влияние на них новых течений. С восточного берега Заонежья, толвуйской деревни Часовенская был родом святой Зосима, известный в истории основания Соловецкого монастыря. На многочисленных иконах он изображен держащим макет Соловецкого монастыря со своим сподвижником святым Савватием. Когда заонежане посещали Соловецкий монастырь в паломнических поездках, то в монастыре к ним относились с особым почтением, потому что они были из родных мест святого Зосимы.

Нам известно, что уроженцами Заонежья были многие строители церквей, которые работали в различных районах Олонецкого края. Известно и о шести иконописцах. Один из них, житель деревни Космозе-

ро Иван Михеевич Абрамов, насколько мы знаем, единственный, ныне живущий представитель этой профессии в Олонецком крае. Вместе с отцом он написал иконы для десятка церквей и часовен, а также иконы для «небес» храмов. Истоки их профессионального мастерства восходят к деятельности в 1694–1855 гг. Даниловского монастыря – «Северного Афона», расположенного в верховье реки Выг, важного центра старообрядчества. В монастыре была известная иконописная мастерская, стиль которой свидетельствует о том, что иконописцы монастыря опирались на традиции иконописных школ Новгорода и Москвы. Их миниатюрные, детально выписанные иконы были ранее распространены по всему Русскому Северу, а многие из них нашли дорогу в заонежские дома и церкви.

Может быть, отчасти из-за монастырского влияния и из-за влияния переселенцев-старообрядцев, выходцев из Центральной России, карельское население полуострова обрусело настолько, что едва ли кто теперь владеет карельским диалектом. Но рассказывают, что еще три поколения назад на Клименецком острове было только три русских семьи. В 1869 г. кижский священник писал: «На территории Кижского прихода еще с древних времен жили к финскому племени относящиеся прихожане, которые все же говорили по-русски, мужчины, женщины и дети».

Остров Киж

Знаменитый остров Киж, затерянный в Онежском озере, бесспорно, является святым местом. Остров находится в проливе между «Бовиным мысом» и Клименецким островом. Остров длинный и узкий, в настоящее время весь покрыт полями и лугами. В некотором роде он представляет собой центр, являвшийся ранее местом сбора жителей из близлежащей округи, а также портом для проходящих мимо судов.

Рассказывают, что во время «немецкой войны» в 1592 г. на острове была церковь, но о ней не сохранилось никаких сведений. Уже издалека, держит ли человек путь с юга или с севера, он видит святыни острова, днем сверкающие в солнечном свете, а ночью их строгий силуэт на фоне неба. Рядом возвышаются Преображенская и Покровская церкви, первую церковь использовали как летнюю, а вторую – как зимнюю. Преображенская церковь была построена в 1714 г. Зимняя Покровская церковь – вероятно, в 1764 г. Между церквями находится колокольня с основательным фундаментом, она была отремонтирована в 1874 г. По преданию, колокольня была построена для зимней церкви. С колокольни открывается вид на водные просторы и окрестности. В северо-западном направлении – на Великую губу, а в восточном – на побережье Заонежского полуострова, на юге находится Сенная губа и виднеются белые стены церкви во имя Николая Чудотворца. В архитектурный комплекс входит кладби-

ще с могилами и крестами, вокруг погоста ограда, сложенная из серых камней. Кирпичные ворота с арочным сводом, установленные в конце прошлого столетия, обращены к деревне.

Кроме церквей, в южной части острова, на нем есть две часовни. Они расположены в центральной части острова. В деревне Васильево находится часовня Успения Пресвятой Богородицы, на холме в деревне Ямка стоит часовня во имя Св. Дмитрия Солунского. Основное строение первой часовни датируется 17 в., вторая часовня – следующим столетием. Зимняя церковь в Кижях оказалась полностью в тени летней церкви. По внешнему виду церковь скромная, и сведений о ней очень мало. Преображенская церковь, напротив, была центром всеобщего внимания, о ней рассказывали легенды, она изображена на гравюрах и живописных полотнах, запечатлена на фотографиях. На самом деле церковь демонстрирует все лучшее, что сохранилось в деревянном зодчестве Русского Севера.

Архитектура и история строительства Кижской Преображенской церкви. Легенды о Мастере-Несторе и о строительстве Преображенской церкви

Летняя церковь освящена в честь праздника Преображения Господня. О строительстве церкви и о случившихся в это время чудесах существует в Олонецком крае много легенд, дающих представление об атмосфере благоговения, в которой выполнялась работа. Обобщив сведения, мы получаем следующую картину о минувших событиях. Ранее на острове уже была деревянная церковь. По ветхости она обрушилась. Летом 1711 г., когда начали подготовку к строительству новой церкви, из упомянутой выше часовни в деревне Васильево передали для новой церкви храмовую икону. Верующие жители из окрестных деревень предоставили плотникам кров и питание, но основные средства на строительство были получены в дар откуда-то из центральных районов России. По одной из традиционных легенд, дарительницей крупной суммы на строительство церкви была сестра Петра I принцесса Анна, сосланная в Сенную Губу на Клименецком острове¹³. Бревна привезли на холм в деревне Ямка, на котором решили построить церковь, часть бревен в виде плота осталась на берегу. Землю под строительство церкви выровняли и сложили первый венец сруба. По старой традиции, принесенная храмовая икона была установле-

---

¹³ Эта легенда не имеет под собой реальной исторической подосновы. Возможно, мотив легенды связан с известным историческим фактом пребывания в ссылке в заонежском селе Толвуя Марфы Романовой, матери русского царя Михаила Романова (*прим. ред.*).

на на престоле, в том месте, где должен быть алтарь. К месту строительства для совершения богослужения, освящения начала строительных работ был приглашен яндомозерский священник. Когда на следующее утро предстояло продолжить строительные работы, обнаружили, что бревна и престол с иконой исчезли. Их нашли в южной части острова, на пригорке, поросшем можжевельником, и перенесли на прежнее место. После того как возобновили работу, которую прервали на несколько дней, на ночь оставили сторожей-плотников как на холме в деревне Ямка, так и в упомянутом можжевельнике. Утром на остров опустился сплошной туман, когда он рассеялся, стало ясно, что бревна и икона вновь переместились в южную часть острова. Их опять вернули назад, но чудо повторилось третий раз, после чего все восприняли случившееся как волю Всевышнего, что следует строить церковь на ямковском холме. На собрании народа приняли решение построить церковь на том месте, на которое указало «чудо». Спустя много лет, в память об этих событиях, на холме в деревне Ямка построили часовню во имя Св. Дмитрия Солунского.

Мастером был приглашен плотник по имени Нестор, известный на побережье Онежского озера как Мастер-Нестор. Согласно церковной хронике, он был родом из Тверской губернии. И, возможно, до прихода на остров Кижы построил церковь в Каргопольском крае, а также был строителем Вытегорской многоглавой церкви, построенной в 1708 г., которая является непосредственно предшественницей Кижской летней церкви. Кроме этого, под его руководством была построена церковь на родине мастера и еще одна церковь в Архангельской губернии. Также рассказывают, что по замыслу Мастера-Нестора была построена прежняя церковь во имя Св. Ильи Пророка в Машезерском монастыре, что в южной части Петрозаводска. В Беломорье на острове Сунсаари (Sunostrov) старые жители рассказывали легенды о подобном строителе Мастере-Несторе, которого, возможно, мы можем отождествить с кижским мастером.

Строительство церкви длилось три года. Очевидно, в одно время с возведением сруба были написаны иконы для иконостаса и «неба». Утверждают, что в подчинении у Нестора могли быть также иконописцы, по крайней мере, их было четыре человека, если опираться на манеру письма икон. Сам Мастер-Нестор был подрядчиком, таким же, как и многие храмовые строители, работавшие в Олонецком крае в прошлом столетии.

На чердаке церкви сохранился деревянный, так называемый ворот, при помощи ворота и канатов поднимали бревна на леса. Концы многих бревен поливали водой или в них делали отверстия, чтобы было легче закрепить за них веревку. Пилу ранее не использовали. В основном пользовались топором.

Рассказывают, что когда церковь была построена, то Мастер-Нестор был настолько доволен своей работой, что забросил в Онежское озеро строительные инструменты и чертежи, прокричав: «Теперь не буду больше строить!» По другим сведениям, он обошел вокруг центральной главки, четыре раза повернувшись на все четыре стороны света со словами: «Я есть Мастер-Нестор, нет другого такого». После этого он бросился на землю и умер. В Преображенской церкви молились о спасении его души на протяжении 18 в.

На праздник освящения церкви 6 августа 1714 г. приехали гости, как из епархии Олонецкого края, так и из Новгородской епархии. Во время богослужения на остров проникла шайка литовских разбойников во главе с атаманом Мануховым и начала убивать людей, собравшихся на церковном пригорке. Одна пуля попала прямо в икону Христа Спасителя, в тот же самый момент разбойники ослепли и начали убивать друг друга. Их похоронили на поле недалеко от деревни Воробьи, прошло время и их кости выступили на поверхность земли.

На иконе, которую, как рассказывают, задела пуля, еще до сих пор есть от нее след. Народ почитает икону как чудотворную. Считается, что она помогает исцелять животных от чумы и иных болезней. Многие паломники приезжали на остров, чтобы попросить помощи у иконы.

Спустя три года после освящения Преображенской церкви, с юга в Соловецкий монастырь путешествовала богатая женщина благородного происхождения. Путешественница пожелала свернуть к острову Кижь, чтобы помолиться в церкви на острове, но шкипер не захотел останавливаться, а наоборот, хотел продолжить путь. Он стремился добраться в тот же самый день до Типиниц, поэтому они прошли мимо острова. Когда корабль достиг северной оконечности острова, началась сильная буря, и она заставила корабль вернуться. Путешественники остановились на ночь на острове Кижь. Благодаря тому, что случилось, желание паломницы исполнилось. Позднее летняя церковь стала свидетелем известного события в истории Олонецкого края. Так, летом 1771 г. на острове Кижь собрались жители окрестных деревень на сход против обязательных отработок на заводе. Князь Урусов, направленный императрицей, потребовал от крестьян письменных обязательств. Он призвал мужиков прийти к церковной ограде, после чего место окружили солдатами и пушками. Крестьяне согласились на переговоры лишь после того, как одну из пушек перетащили внутрь ограды и прицелились в предводителей.

Композиция Преображенской церкви

Обстоятельством, которое больше всего привлекает внимание Кижской Преображенской церкви, является необыкновенный внешний вид, большое количество главок и на первый взгляд словно случайно и без

единого строительного приема соединенные детали. На самом деле композиция церкви хорошо продумана, все в ней последовательно, композиция полностью приспособлена под ограниченные возможности бревенчатого материала, одновременно при строительстве были использованы все возможности дерева, как того требуют прочность и польза.

Для того чтобы понять композицию церкви, представим ее в момент строительства, без главок и крыши, с голыми бревенчатыми стенами. Основанием является огромный сруб восьмерик, стены которого в верхней части имеют повал наружу. В документах церковь упоминается как строение в форме восьмигранной колонны. С четырех сторон восьмерик поддерживают двухступенчатые и довольно узкие прирубы, которые возвышаются примерно до середины нижнего восьмерика. К восточному прирубу, в котором расположен алтарь, примыкает трапецевидный сруб. На нижнем восьмерике расположены два более узких по объему восьмерика. В верхней части стен обеих восьмериков имеются повалы наружу, такие же, как в нижнем восьмерике. В момент возведения восьмериков в стены были врублены миниатюрные, напоминающие расщепленные луковичи, так называемые бочки (tynnyri). На самом деле такая деталь инородна для деревянного материала. Бочка устроена таким образом, что ее боковые стороны сделаны из горизонтальных бревен, один конец которых врублен в стену октагона, а другой – в собственный фронтоны бочки. Первоначально бочки могли выполнять только декоративную функцию, но для них, по крайней мере в Кижях, было определено конструктивное назначение. Они переносят вес верхней части строения на стены прирубов, одновременно поддерживают склонные к выпячиванию стены восьмерика. В основание шейки центральной главки врублены подобные миниатюрные конструкции.

Изначально в западной части церкви была низкая, но довольно просторная трапезная, она была «предназначена для народа, собирающегося на церковные праздники из соседних деревень и всей округи». В центре западной стены трапезной трапецевидный портал. Перед ним два мощных кронштейна с характерной резьбой. Кронштейны уходят под основание церкви и поддерживают двухмаршевое крыльцо. Первоначальные бревна не сохранились. Но есть основание предположить, что настоящие кронштейны, сделанные в прошлом столетии, повторили в общих чертах прежнюю форму. Их закрывала крыша, которую поддерживали столбики, украшенные богатой резьбой. От главного крыльца входной трапецевидный проем в западном прирубе. Другой вход был в южной части трапезной, таким образом, что вход в трапезную был через дверь в западной стене трапезной и через дверь в западной стене южного прируба, и далее в моленное помещение. Обе упомянутые двери теперь заделаны, но их следы видны в притворе.

Такие важные во внешнем облике церкви детали, как луковичные главки на основании цилиндрической формы, а также большая центральная главка, были сделаны из вертикальных деревянных деталей изогнутой формы, образующих остов главки. Очевидно, главки были покрыты лемехом. Бочки и главки луковичной формы расположены таким образом, что главка поднимается как раз с внутренней стороны фронтона бочки, частично утопая под крышей соседней бочки. Такой конструкцией была подчеркнута рельефность композиции, а также взаимодействие света и тени. Вдобавок на уровне нижнего восьмерика главки больших размеров, что создает впечатление иллюзорной перспективы.

Следует отметить, что первоначально пол в церкви поддерживали горизонтальные поперечные балки без каких-либо вертикальных подпор. В прирубках потолки из горизонтальных профилированных досок, в то время как большую часть потолка церкви занимает потолок-«небо». Центральная часть «неба» – это медальон. От него в виде солнечных лучей отходят тябла, поверхность которых украшена орнаментом. Иконы «неба» опущены сверху вниз. Замковое кольцо, а также весь купол поддерживают металлические крюки и тросы, которые прикреплены к горизонтальным балкам, расположенным над куполом и уходящим в стены. Иконы «неба» настолько большие по своим размерам, что не поместятся в дверь, ведущую на улицу. Данное обстоятельство указывает на то, что они были установлены на свои места до окончания основных строительных работ.

Верхняя часть внутреннего пространства церкви преднамеренно сделана полностью темной, о её сложной бревенчатой конструкции трудно составить представление, стоя на полу. Мастерски, с помощью четырехгранных прирубов удалось поставить друг на друга восьмерики таким образом, что верхняя часть над потолком образует просторное, постепенно сужающееся помещение, в стены которого врублены перекрещивающиеся балки.

Горизонтально уложенные бревна и строение углов в церкви можно смело рассматривать как декоративные элементы. В настоящее время открытую внешнюю поверхность бревенчатых стен можно видеть только в трапезной в западном прирубе, поверхность стены серого цвета. Круглые, аккуратно обработанные бревна и вертикальные углы дают представление о прежней красоте и роскошности строения церкви. В четырех задних углах использован прием рубки углов в ласточкин хвост и поверхность стены совершенно ровно стесана. Так было в деревянных храмах Русского Севера повсеместно, начиная с 18 в. Кижская летняя церковь, вероятно, была одной из первых.

Из первоначальных оконных рам, возможно, сохранились рамы только в трапезной, но можно сделать реконструкцию прежней рамы в молельном помещении. В оформлении дверных и оконных рам не использованы

наличники, какие были в других районах Русского Севера до прихода стиля ампир. Вместо оконного стекла использовали пластины слюды, закрепленные в металлической раме.

Образующие собственно церковное помещение центральный восьмерик, а также западный, северный и южный прирубы особым образом сфокусированы. Это становится понятным из плана строения и интерьера церкви. Яркая живопись куполообразного потолка «неба» и иконостас придают молельному помещению редкостный роскошный вид. Убранство молельного помещения призвано слиться воедино с действием, происходящим на амвоне во время богослужения. В церкви помещалось людей гораздо больше, чем в других деревянных храмах Олонецкого края того времени. Особо обращают на себя внимание в интерьере церкви детали, которые являются важными для совершения литургии, а именно престол в восточном прирубе, иконы «неба» в молельном помещении и иконостас, который закрывает центральный октагон, а также восточные стены северного и южного прирубов. Храмовую иконопись рассмотрим отдельно немного позже.

Чтобы нам получить представление о первоначальном виде интерьера молельного помещения, нужно представить поверхность внутренних стен без обшивки, гладко стесанную и на месте современных позолоченных рам иконостаса простые горизонтальные деревянные полки-тябла, украшенные изображениями херувимов на белом фоне и замысловатым растительным орнаментом. В этот простой, но со вкусом оформленный интерьер входили еще сохранившиеся в центре помещения зеркально одинаковые клиросы, выполненные в стиле ренессанса, а также скамейки того же стиля в западном прирубе.

Происхождение архитектурных форм церкви

На данном этапе исследования еще преждевременно делать окончательные выводы об истоках происхождения архитектуры и языка архитектурных форм Кижской Преображенской церкви. Давая пояснения по данному вопросу, нам необходимо помнить, что прежние Олонецкая, Архангельская и Вологодская губернии, деревянные храмы которых являются предметом разговора, представляли почти единую территорию, на которой творили одни и те же строители церквей. Вместе с тем 18 в. — это период активного храмового строительства на Русском Севере, когда государь тем или иным образом оказывал содействие в строительстве церквей в качестве покровителя или мецената. В это время развитие храмового строительства шло быстро, появились новые типы храмов. Отчасти преобразования Петра I остались позади, его желание европеизации страны сказалось на влиянии Западной Европы на развитие искусства в России и на территории Русского Севера.

Церкви и часовни Заонежья 17 в. не являются непосредственно прообразами Кижской летней церкви. Самая старая деревянная церковь Заонежья была построена в 1650 г. в деревне Яндомозеро, церковь Святой Варвары с шатровой крышей. В плане церковь имеет квадрат, к которому с восточной стороны примыкает помещение алтаря и с западной – трапезная с двухскатной крышей. Такой тип храма был традиционным, и такое стандартное соединение объёмов известно повсеместно на Русском Севере, а также в Сибири, и оно сохранилось вплоть до второй половины 18 в. Однако иногда такое строение венчалось главками, как например, в Кижской зимней церкви.

Повсеместно был распространен тип часовни, состоящей из двух помещений. К относительно высокому и узкому молебному помещению с двухскатной крышей с западной стороны примыкала более низкая трапезная с двухскатной крышей и крыльцом. К такому типу относится часовня в деревне Васильево на острове Кижы, также часовня во имя Св. Дмитрия Солунского в деревне Ямка.

Таким образом, начальный облик летней церкви надо искать в архитектуре деревянных церквей сельских поселений, а также в каменной архитектуре, которая получила развитие в городах и монастырях.

Сначала обратимся к бревенчатому восьмерику, который служил основой строения церкви. Такой же восьмерик найдем в церкви Св. Николая Чудотворца, построенной в 1600 г. (?) в деревне Панилово Архангельской губернии. Вероятно, этот тип церкви относится к самому старому известному типу церквей на Русском Севере.

В строении восьмерик с шатровой крышей соединен с помещениями алтаря и трапезной с крышей-бочкой, они значительно ниже по высоте, а также с крыльцом с двумя маршами. Несмотря на простоту, церковь имеет родственные черты с Кижской церковью. Этот тип церкви демонстрирует тип церкви 17 в. Похожие церкви есть в Архангельской и Вологодской губерниях. Схожесть внешнего вида находим с церквями из Гришино и Пидмы в бассейне реки Свири, обе церкви 1696 г. Хотя бы одна церковь такого типа есть и в Новгородской губернии.

Рядом с упомянутой комбинацией объёмов, главным образом в конце 17 столетия и в начале следующего, мы встречаем крестообразные церкви, в которых к основе-восьмерику с четырех сторон примыкают прирубы. Территория их распространения больше восточная. В Вологодской губернии в Кокшеньге есть Преображенская церковь 1683 г., по своему строению и внешнему виду она похожа на Кижскую церковь, хотя крыша в ней шатровая.

К 17 в. возвращаются те крестообразные по форме церкви, в которых центральный восьмерик начинается лишь от уровня крыши. Хорошим при-

мером служит церковь во имя Святого Клементия в Архангельской области, прирубы которой возвышаются в две ступени, также церковь Трех Святителей в Клименецком монастыре, построенная в 1712 г.

Особенностью Кижской летней церкви является постепенное, ступенчатое сужение восьмериков снизу вверх. Такая форма обнаруживается уже довольно рано в Шевдинской церкви во имя Св. Николая 1625 г. в Вологодской губернии. Однако её верхний восьмерик венчает шатровая крыша. В 18 в. в Костромской и Тверской губерниях можно было встретить церкви, похожие по архитектурному замыслу на Кижскую церковь. Почти крайностью была идея октагона у собора в четыре яруса во имя Св. Петра и Павла в Петербурге 1703 г.

На фоне выше перечисленных провинциальных церквей нам становится очевидным план Мастера-Нестора. В 1708 г. в Вытегре была построена Покровская церковь, которая была больше Кижской церкви, но менее удачно сложена с точки зрения композиции. К обоим прирубам, северному и южному, примыкает, словно лишний, трапециевидный прируб алтарного помещения. Трапезная также в основании трапециевидная. В этой церкви шатёр отсутствует, что можно рассматривать как новое явление на Русском Севере. На смену шатру пришли луковичные главки и мощное, динамичное сочетание легкости их форм и массивности строения церкви. В Вытегре еще только два октагона, расположенные один на другом, но в строении церкви есть все кижские черты.

Для шатровой крыши характерно расширение сруба в верхней части. Со второй половины 16 в. эта деталь является необычайно древней в северных губерниях. Само собой разумеется, что такое вертикально спланированное, часто прямо-таки смелое строение не могло быть рождено самостоятельно в рамках деревянного зодчества. Подобную башне архитектурную форму в новых исследованиях в области русской архитектуры рассматривают как форму, происходящую из каменного храмового зодчества Московской земли начала 16 в. В данной композиции просматриваются следы влияния немецко-готического стиля и стиля эпохи Ренессанса, также восточного стиля, прежде всего армянского или исламского. Все эти влияния стилей слились в единое целое на русской почве. Можно привести в качестве примера церковь из царской загородной резиденции в Коломенском, которая была построена в 1532 г. О Коломенской церкви было сказано, что это готика, одетая в ренессанс. В церкви уже встречаются многие черты, которые есть в Кижской Преображенской церкви. Церковь принадлежит к средневековой эпохе. Однако общие черты церкви в Коломенском кульминируют в Покровской церкви на Красной площади, построенной в 1555–1560 гг. Восьмерики поставлены друг на друга, а шатер предопределен зодчими. Можно сказать, церковь имеет общие черты с Кижской Преображенской церковью.

Вместе с тем восьмерики и шатровые крыши северных русских церквей можно сравнить с бревенчатыми укреплениями многочисленных монастырей и крепостей, расположенных в этих краях в прошлом. В их облике было много готических черт. Непосредственно их возникновение не зависело от Москвы и характерной для неё и её окрестностей каменной архитектуры.

Торговые отношения между Новгородом и Ганзой способствовали проникновению заимствований из готического стиля и распространению готики из Балтийских стран в деревянное зодчество Русского Севера.

Причина, по которой строители церквей немного отступили от конусообразных завершений башен, отчасти связана с тем, что московский патриарх Никон в 1650 г. запретил строительство церквей с шатровым верхом, требуя вернуться к пятикупольным, византийским храмам. Однако запрету следовали довольно небрежно, построенные в 18 в. шатровые церкви показывают, что их облик зависел от желания старообрядцев, сопротивлявшихся всем церковным нововведениям.

В русских исследованиях стремятся показать, что прообразами крестообразных в плане церквей, как Кижской, так и других северных церквей, были ранние византийские церкви, облик которых столетиями сохранялся в народном искусстве отдаленных провинций.

Если восьмигранное основание и крестообразное в плане строение Кижской и Вытегорской церквей несут византийские и готические традиции, то ступенчатое уменьшение восьмериков, бочки и луковичные главки надо считать более современными, главным образом нововведениями Московского патриарха. Стремление этого крайне богатого и детального языка форм, возможно, отражает так называемый стиль московского барокко, который начиная с 16 в. и до эпохи неоклассицизма был прежде всего явлением городским и господствовал в храмовой архитектуре Москвы и ее окрестностей. Примеры этого декоративного направления есть в Покровской церкви 1693 г. в Филях, восьмерики в ней также поставлены друг на друга, а прирубы мысленно воспроизводят тип деревянных церквей Мастера-Нестора. Церковь в Филях и родственные ей по стилю церкви, расположенные поблизости, А. И. Некрасов также считал близкими по архитектуре с Кижской и Вытегорской церквами.

В строениях Кижской и Вытегорской церквей такие существенные элементы, как бочки, являются важными декоративными формами северной православной деревянной архитектуры. Бочки возвращают нас к формам, зародившимся, очевидно, в конце Средневековья в Пскове. Эти архитектурные формы уклоняются от соответствующего им византийского языка форм. То же и с луковичными главками, их пышная форма, возможно, возникла под влиянием древних форм византийских купо-

лов в русском исполнении и распространилась повсеместно в 16 и особенно в 17 столетиях. Восхищает талантливое воплощение этой формы в строении Кижской и Вытегорской церквей, характерной для каменной архитектуры и чуждой для деревянных строений. Можно сказать, что средневековое и простое основание церквей увенчаноотяжеленным, восточным прекрасным нарядом.

Отдельного рассмотрения заслуживает деревянный куполообразный потолок церковного помещения. Он близок к тем куполам, которые уже встречаются в 17 в. на северных берегах Онего. Церковное и часовенное «небо» было своего рода мерой их солидности и богатства. В Заонежье мы находим десятки «небес», самым древним, из которых является «небо» в церкви Святой Вырвары в Яндомозере, а самое позднее в часовне 1898 г. в Косельге. Мастер-Нестор использовал такой же куполообразный потолок в Вытегре, возможно, прообразы были также в Архангельской и Новгородской губерниях еще в предыдущем столетии. Совершенно определенно «небо» – это повторение византийского купола из камня в деревянном материале.

Важным является то обстоятельство, что мы можем считать Мастера-Нестора человеком, создавшим единое пространственное решение расположения помещений церквей в Кижях и Вытегре. Помещения кафоликона и трапезной, а также прирубы соединены таким образом, что между ними нет никаких разделяющих стен, т. е. нет никого разделения единого пространства. Православным деревянным храмам, вплоть до эпохи неоклассицизма, были характерны сравнительно маленькие и темные, иногда довольно самостоятельные помещения, сгруппированные друг за другом, без возможности видеть, что происходит в соседнем помещении. Интересно отметить, что развитие храмового строительства в Обонежье двигалось по тому же направлению, что и ранее в Западной Европе, где ренессанс и барокко были вдохновителями многих центричных церквей. Может быть, церкви мастера Нестора частично были рождены под влиянием западных стран?

Когда появятся новые исследования, мы увидим, что тип церкви в Кижях и Вытегре мог быть плодом личного творческого развития мастера, что способствовало появлению этих церквей на завершающем этапе его работы. В Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях развитие как старого, так и нового происходило под влиянием городских центров.

Невероятно, чтобы эти деревянные церкви были имитацией (подражанием) одной из упомянутых каменных церквей. Прямого прообраза каменной церкви, по всей вероятности, не было использовано. Корни архитектуры церкви находятся глубже и шире в российской почве, чем можно было бы это себе представить. Церкви можно считать своеобразным

конгломератом архитектуры, их внешний вид вобрал в себя различным стилем и эпохи. По внешнему виду Кижская Преображенская церковь является высшим достижением северного деревянного зодчества, почти высшей ступенью его развития.

Ранее уже было обращено внимание на социальное и экономическое место Преображенской церкви. Более достоверным видится мнение о том, что церковь и иконопись не являются творением местным заонежским и даже олонекским, а скорее, они результат российского общесеверного развития того времени, когда строительные и эстетические предпосылки не были ограничены какой-либо губернией. С одной стороны, на это указывает сюжет легенды о царской сестре как дарительнице церкви, с другой – сама деятельность Мастера-Нестора на обширной территории. Могло быть и так, что Мастер-Нестор руководил подрядческой артелью плотников и иконописцев, которая строила по заказу и выполняла отделочные работы церковью иногда по своим планам, иногда по пожеланиям заказчиков. Строительство Преображенской церкви было ответственной задачей, которая, без сомнения, имела единое руководство и можно предположить, что только одного благодетителя. Как весь облик церкви в целом, так и её отдельные детали свидетельствуют о том, что работу стремились выполнить согласно последней моде. И неудивительно, что последующее поколение считало мастера Нестора сверхстроителем, волшебником, который не мог умереть естественной смертью, именно поэтому должен был быть драматический и внезапный конец.

Ремонты и пожертвования

Современный внешний вид, а также интерьер летней церкви не представляют собой первоначального облика храма, а являются результатом многих ремонтов и переделок. По одной из церковных хроник первый ремонт был осуществлен через несколько лет после строительства, тогда сделали новую крышу и стены обшили тесом. Снаружи на западной стене трапезной, под современной обшивкой сохранилась некрашенная обшивка из горизонтальных досок, возможно, та самая, которую хотели продемонстрировать в литографии, сделанной в 1792 г.

В 1759 г. иконы деревянного купола, или «неба», в кафоликоне поновляли, но очень неумелой рукой. Очевидно, в это же время для западного переруба приобрели двустворчатую дверь в стиле рококо с роскошной ручкой и замком.

Нет упоминаний о том, когда старый тябловый иконостас заменили на резной иконостас, богато украшенный гроздьями и акантом, с золотыми листьями. Главной идеей было разделение на горизонтальные архитравы и вертикальные колонны и пилястры. Вероятно, смена иконостаса произошла

в начале 19 в.¹⁴, так как позолоченный и резной иконостас фигурирует в инвентаризационной описи 1830 г. В то же время иконостас с рамой дополняет тяжёлой формы балдахин алтаря. Эти блестящие примеры деревянной резьбы не являются исключением для Олонецкого края. В течение 19 в. они появились во многих деревянных церквях, даже в деревенских часовнях.

В середине прошлого столетия встал вопрос о капитальном ремонте Преображенской церкви. Сильно обветшала крыша и стены трапезной, а также нижние венцы, так как церковь была построена прямо на земле без фундамента. Крестьянин Акакий Воронцов, который хотел построить новую церковь, дал согласие на предложение священнослужителей пожертвовать средства на ремонт Преображенской церкви осенью 1867 г. Наконец, после многих приготовлений комитет по ремонту Преображенской церкви в феврале 1869 г. заключил договор с государственными крестьянами из Пудожского края Родионом Ивановым Поташевым и Гавриилом Семеновым Насоновым, которые обязались приступить к ремонту церкви 1 октября того же года. По какой-то причине Поташев один заканчивал работу, в сложившихся обстоятельствах она была перенесена на первую половину следующего года. Работы по ремонту церкви включали полную обшивку стен, как внутренних, так и наружных, кладку фундамента из булыжника и строительство крытых ворот, кроме того, все бочки обшили досками. Центральную главку полностью и кресты других главок покрыли железом. Пол в церкви укрепили пятнадцатью вертикальными деревянными столбами-подпорами, поставленными на каменное основание. Между крытыми консолями ступеней сделали проем, ведущий в подклет.

Очевидно, в то же время в северной части трапезной отделили перегородкой отдельную кладовую. В южной части, наоборот, закрыли обе упомянутые в ней двери и разобрали ступени, примыкающие к ним. Одновременно в северо-западной стене трапезной сделали новый дверной проем и двустворчатую дверь на французский манер. Деревянный купол приподняли на четыре вершка, над куполом сделали из бересты и теса с углублением страховочную кровлю, идущую от боков к центру. Собираемая вода, через водостоки выводилась наружу и отбрасывалась по обе стороны церкви. Потолки прирубов и алтарного помещения обновили по так называемому польскому образцу – из профилированных досок внахлест. В церкви и помещении алтаря старые окна поменяли на новые окна в стиле ампир.

В новом выраженном облике, так скажем, неоклассицизма, церковь обрела великолепный цвет. Летом 1870 г. Харитон Иванович Соколов из д. Пегрема и Степан Иванович Порошков из д. Пороги покрасили цер-

¹⁴ Резной иконостас был установлен в церкви в 1770-х гг. (см.: Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля... С. 12) (прим. ред.).

ковь снаружи и внутри. Наружные стены покрасили в желтый цвет, оконные рамы – в зеленый цвет, часть обшивки, подразумеваемую как часть кирпичного фундамента, покрасили в красно-коричневый цвет, крыши – в тот же цвет. Снизу внутренние стены приобрели красно-желтый цвет, верхнюю часть покрасили в белый цвет. В то время эти цвета красок на Русском Севере в храмах использовали почти повсеместно, и прежде всего при окрашивании звонниц и крылец часовен.

Позже мы вспомним ростовского золотых дел мастера Александра Степановича Ильина, обращаясь к оформлению рамы иконостаса. Ремонтные работы, выполненные в 1902 г. и летом следующего года, окраска в белый цвет наружных стен церкви, а также частичный ремонт крыши и покрытие ее полностью железом можно рассматривать как важные вехи в истории строительства Преображенской церкви.

Иконы иконостаса частично являются дарами от частных лиц и относятся к разному времени. Так, крестьянин Козьма Климович 15 июня 1814 г. получил от священника Преображенской церкви Петра Мефодиевича деньги под расписку для того, чтобы заказать серебряный оклад в Петербурге для чудотворной иконы Спаса. Примерно к тому же времени относится прекрасный киот в стиле ампир, что перед южным клиросом, где упомянутая икона находилась позже. У иконописца Федора Данилова из Толвуи купили в 1815 г. икону Спаса, нельзя определить более важной в церкви иконы этой иконографии. В сентябре 1865 г. крестьяне Матвей Яковлевич Вавилов из деревни Телятниково и Иван Васильевич Морозов с острова Кижы, из деревни в его северной части, подарили большой киот ценой в 150 рублей. В нем была икона «Успение Пресвятой Богородицы». Киот установили перед северным клиросом, где он находится и сейчас. В южном прирубе имеется большой канунник с навесом, он был оплачен одним богатым купцом, проживавшем в Петербурге.

Церковная иконопись. Строеие иконостаса и его назначение

Назначением иконостаса было вызвать у пришедших в храм чувство непосредственной близости Бога. На иконах изображены библейские события и события из истории Церкви, а также святые, которые становятся для верующих живыми и близкими, когда эти небесные и невидимые члены общины присутствуют «in effeque» на божественной службе вместе с членами общины в видимом мире.

Число поставленных друг на друга рядов икон в иконостасе может меняться от одного до пяти. Повсеместно были распространены трех- и четырехрядные иконостасы, такое оформление они получили на Русском Севере в конце Средних веков. В иконостасе Кижской Преображенской церкви четыре ряда икон, и в нем 102 иконы. Иконостас отделяет собст-

венно церковное помещение от алтаря, куда ведут спрятанные под иконописью три двери: северная и южная диаконские двери и между ними Царские врата, двустворчатые двери. Царские врата называются так потому, что через них входит Царь Славы Господь Иисус Христос во Святах Дарах и нисходит ими во время причащения мирян. Через них могут проходить священнослужители и глава государства.

В первом, или верхнем, ряду иконостаса Преображенской церкви в центре между иконами с изображением пророков находится икона «Пресвятой Богородицы», на груди у неё изображен Эммануил, Иисус Христос в образе младенца.

Идея второго ряда иконостаса – «единение всех в общей молитве», поэтому он получил название *Deisos*, или молитва. По религиозному представлению деисусный ряд является «духовным пульсом иконостаса», более ценным в силу того, что иконы иконостаса сами по себе считаются как бы более святыми, чем другие иконы, которые находятся в церкви. В них особо кульминируется и достигает вершины подъёма то возвышенное состояние души, которое иконы в церкви были предназначены пробуждать. В центре деисусного ряда икона «Иисус Пантократор, или Мировой судья на престоле», к которому в торжественном шествии приближаются слева Пресвятая Богородица, Архангел Михаил и апостол Петр, а справа – Иоанн Креститель, Архангел Гавриил и апостол Павел. Как со стороны апостола Петра, так и со стороны апостола Павла, с двух сторон расположены иконы с изображением других апостолов, отцов Церкви, епископов, настоятелей монастырей и святых людей. Из них назовем трех великих отцов Церкви – святителя Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, а также святителя Николая Чудотворца.

Третий ряд иконостаса включает праздничные иконы, в которых вместе с двенадцатыми праздниками представлены события Нового Завета и истории Церкви.

В четвертом, нижнем, ряду, помимо Царских врат и диаконских дверей, находятся местные иконы. Справа от южных диаконских дверей икона с изображением святого или события, в честь которого церковь была освящена. В данном случае это храмовая икона «Преображение Господне». Также представлены другие иконы, такие как «Покров Пресвятой Богородицы», «Успение Богородицы», «Святитель Николай Чудотворец», «Святые Зосима и Савватий» и «Пророк Илья». Все эти иконы больших размеров (средний размер 170 x 140 см), вокруг центрального изображения (средника) в них от 12 до 24 клейм.

Первоначальный иконостас состоял из тех же самых икон, но был другой конструкции. Его раму образовывали исключительно лишь горизонтальные, прочные деревянные полки, украшенные херувимами и сме-

няющими друг друга растительным орнаментом и виноградной лозой, фон окрашен в светлый тон, почти такие же тябла небес. Старые фрагменты тябел сохранились за современной рамой, сделанной в прошлом столетии. Прежние царские врата после ремонта церкви были сохранены и стояли отдельно. Они старые, с шестигранными столбцами.

Техника написания икон

Прежде чем мы перейдем к более подробному описанию икон Преображенской церкви, нам необходимо кратко объяснить технику, которую использовали мастера для написания икон.

В основных чертах, вероятно, это такая же техника, которой пользовались повсеместно в православной иконописи до прихода масляных красок в 19 в. Иконы писались темперными красками на щите, состоящем из одной или нескольких соединенных вместе досок. В кижских иконах, как правило, для иконной доски использовали сосну, как и в других иконах Олонецкого края. Иконная доска была укреплена таким образом, что края ее немного выступают поверх изображения, очевидно, что это обстоятельство имело практические причины. Средняя толщина доски составляла 4 см. До нанесения непосредственного изображения иконная доска покрывалась паволокой, смоченной в клеевом растворе, на которую наносили в 4–5 слоев грунтового состава, сделанного в основном из клея, мела и масла. Это делалось для того, чтобы позднее доска при растрескивании не разрушила поверхности изображения. На меловой грунт (левкас) наносился рисунок, необходимый для написания иконы. Очевидно, это делалось как свободно от руки, так и при помощи прориси (рисунка углем). Сюжет рисунка механически переносился с образца-подлинника на подготовленную для иконы доску. Копирование рисунка могло быть осуществлено следующим образом. Сначала все важные линии образца обводили кисточкой, смоченной в угольной кашице, изготовленной из перетертых угольков, смешанных с водой. После чего чистую бумагу прижимали к поверхности образца изображения и сюжет иконы, как негатив, особым образом переносился на неё, в свою очередь бумагу прикладывали к левкасу для новой иконы, так рисунок углем переносили на левкас. Эта система копирования, которая предполагала грунтование, с 16 в. была повсеместно распространена в русском иконописном искусстве. В Кижях она могла быть использована в иконах праздничного, дейсусного и пророческого ряда, а также в иконе «Святитель Николай» и храмовой иконе из нижнего ряда.

После перенесения изображения линии, обозначенные углем, процарапывались шилом или иглой, затем покрывались те участки грунта, которые нуждались в золочении, от нимбов святых до золотого фона «не-

ба», на них накладывались золотые или серебряные листики или дешёвое листовое золото, в состав которого было подмешано серебро. На многих иконах в Кижях левкас выглядит так, словно должен был быть покрыт листовым золотом, несомненно, что после этого цвет становился более глубоким и насыщенным. Этот прием был известен уже в Средние века.

Основное изображение наносили темперными красками с использованием яичного желтка как связующего элемента. В целом в написании использовали технику, напоминающую технику лессировки, многократное, примерно в четыре слоя, нанесение краски, с наложением поверх листового золота, что придавало цвету глубину. Работа была необычайно трудоёмкой и требующей времени, так как темперные краски сохнут быстро, и они не терпят исправлений.

В конце работы на высохшую поверхность иконы наносили олифу, что делало ее более упругой и препятствовало растрескиванию.

Из рассмотрения иконописной техники становится ясно, что иконописцы иконостаса Преображенской церкви работали под единым руководством. Они использовали примерно одинаковые пигменты и иконные доски, крепление во всех иконах одинаковое. Исключение составляют старые Царские врата и также храмовая икона, которые по стилю отличаются от остальных икон иконостаса.

Весьма разрушительным явлением для кижских икон и особенно иконы «неба» в прошлом столетии стала традиция покрывать поверхность икон медным лаком (олифой), что мгновенно возвращало потемневшим от времени иконам прозрачность цвета, но позже они темнели больше прежнего и лак разъедал твердую и стойкую темперу.

Иконописный стиль

Ценность любого художественного стиля во многом связана с тем, какой смысл он вложил в стремление к монументальности в искусстве, а также в какой мере это стремление смогло осуществиться. Вместе с тем наше мерило ценностей в период развития высокого искусства основывается на том, что не монументальность и устойчивость высокого стиля творят сильный всплеск мимолетного гения, а устойчивость высокого чувства. Величие и целостность стиля есть проявление того душевного равновесия, которое достойная внимания личность художника в состоянии достигнуть в гармонии действия и противодействия с помощью победоносной творческой работы. Все это предполагает долгое развитие в нем искусства жизни.

Иконописный стиль, характерный для всей иконописи Преображенской церкви, который мы имеем в виду, наиболее отчетливо проявился в иконах праздничного ряда. Иконы праздничного ряда с меняющимися

сюжетами и событиями, с изображением многочисленных групп людей, архитектуры и пейзажей предполагают условия его развития. Входящие в праздничный ряд иконы были написаны человеком, которого надо считать главным мастером иконописи Преображенской церкви. Возможно, ему также принадлежит большая икона «Святитель Николай». При создании икон праздничного ряда у него были ученики, на чей счёт можно отнести такие примеры, как неточное изображение ангела на иконе «Животворящий источник», где во всем письме присутствует некоторая угловатость. Банальна и безжизненна иконопись на иконе «Покров Пресвятой Богородицы». Пока об этом главном мастере у нас нет никаких сведений, свой след он оставил только лишь в своей работе, и это высокое и благородное искусство в то же время является народным в лучшем его понимании. Можно сказать, что он был благородным потомком, рожденным из самого сердца своего народа. В его образе соединяются степенность врожденного чувства красоты и утонченность наивного чувства, его работы окружает атмосфера благоговения, чистоты и честности. Созданная им тема «Снятие с креста» напоминает одну из работ Рубенса по тому, как мастерски изображено человеческое тело, а также по применению композиционных и живописных приемов. Кижский мастер подчиняет художественные приемы служению теме, достижением чего является исключительно честное религиозное чувство, подлинность и усердность вместе с сильным художественным выражением.

Образы персонажей икон дают возможность почувствовать личностное состояние художника. Внешне они немного скованные, но их незначительные жесты выражают сильную внутреннюю жизненную энергию. Например, так мастер изобразил выражение сочувствия Иоакима у постели Анны. Язык письма простой. Намного богаче и ярче него цветовая гамма. Апостол Марк из «деисусного шествия» одет в рубаху лососево-розового цвета и хитон светло-серого цвета, складки которого оттенены светло-коричневым цветом. О контрастном восприятии цветовой гаммы упомянем вкратце. Иконописец с удовольствием использует смелые и рискованные теплые оттенки цвета, красный с его различными переливами, но он заботится всегда о том, чтобы слишком горячая иллюзия впечатления охлаждалась светло-серыми, синеватыми, темно-коричневыми, фиолетовыми, холодными зелеными и другими холодными тонами. Чувствуется, что в цветовой гамме не могло быть места соприкосновения с земным удовольствием жизни, в той же мере это относится и к религиозному миру идей. Также и пейзажи на иконах являются пейзажами души, а не фотографическими предметами зрительного наблюдения, краски не являются вещественными, они лишь краски высшего мира, видение преображения духа. Иконописец чувствует опасное цветовое равновесие, мастерски владеет

им, таким образом, что из смелых деталей рождается общее умиротворенное впечатление. Это искусство отражает отдачу художника работе всем своим существом без остатка. Вероятно, только аскетическая жизнь, полностью состоявшаяся, может в одно и то же время получить этот таинственный художественный конечный результат, где строгость духа соединена с внутренней красотой и очарованием богатой души.

Бегло рассмотрим духовные и психологические предпосылки иконописного стиля, для этого нам надо создать представление об их историческом происхождении.

Пока нет возможности глубоко проанализировать стилистические истоки происхождения кижской иконописи, так как иконопись Русского Севера изучена сравнительно слабо. Иконы иконостаса производят впечатление более поздних икон, чем потолочная роспись, которая могла быть и второй половины 17 в., но все же моложе, чем, например, соответствующая иконопись в д. Яндомозеро и д. Васильево.

Если рассмотреть духовные и психологические предпосылки кижского иконописного стиля, то он является полностью сформировавшимся, а мастера, которые его представляют, являются мастерами нового сознания. Но если мы обратим внимание на исторические истоки происхождения иконописного стиля, то заметим, что ощущение от законченности его формирования значительно уменьшится. Мастера обучались искусству иконописи в ином месте, там, где, несмотря на некоторые расхождения, писали почти таким же способом. Таким образом, можно сказать, что величие личности иконописца остается в тени иконописной традиции.

Интересным с точки зрения стиля является проявление в иконах элементов новгородской и московской школ, например в изображении местности. Несовпадение этих обоих стилей особенно метко охарактеризовал Бертел Хинце. Он обращал внимание на то, что московская иконопись «в интимной, нежно-лирической и ясной живописи ближе к языку формы книжной миниатюры». В изображении пейзажа проявляется больше малых форм, рисунок менее прерывный, чем в новгородском иконописном стиле. Это «достигается упрощением монументальной формы величественно простой и строгой фресковой живописи Новгорода. Вместо пластичной формы византийской живописи и мягкой гармонии цвета она основывается на поверхностном впечатлении полной декоративности и чистого контраста смелой и сильной цветовой гаммы. В гармоничном единении рисуются большие силуэты, ясные контуры которых разграничиваются». Так создавались многие изображения в кижской иконописи, но в ней сильно и господствующее влияние новгородской иконописной школы в сравнении с другими школами. Влияние новгородской школы в кижской иконописи мы можем увидеть, прежде всего, в стремлении

к монументальности, тогда как в изображении пейзажа, архитектуры и в цветовой гамме мы сталкиваемся с чертами искусства Центральной России, с искусством так называемой строгановской школы.

Изучая работы главного кижского мастера, приходим к мысли, что он, вероятно, в годы странствий познакомился с церквями Ярославля, Костромы, Звенигорода, Вологды и других северных русских городов, живопись которых большей частью основана на строгановской школе. Близкие ей черты мы находим в живописи главного кижского мастера. В ней, вероятно, увидел примеры, в которых представлен дикий девственный лес, изобилие эффектных тем и скопление изображений. Его искусство только выиграло в результате того, что мастер овладел скупым способом выражения высокого стиля. Очевидно, из упомянутых выше церквей происходят некоторые примеры изображения растительности на кижских иконах, фантастические формы тюльпанов и различные мотивы одежды.

У изображенных главным мастером персонажей относительно большие головы и большие глаза. Глаза в рассматриваемых ликах часто изображают «почти спереди увиденными», что напоминает традиции древнего египетского искусства. Подчеркивание век красным цветом указывает на то, что изображение лика на иконах имело большое значение. Образы молодого Христа и апостола Иоанна можно во всех изображениях узнать только по характерной для него манере рисования кудрявой головы. У апостола Петра волосы с проседью, частично прямые, частично волнистые. У Девы Марии коричневый темно-красный хитон и три звезды на покрывале, говорящие о трехкратном целомудрии: зачатие, время до него и после. Эти характерные черты касаются в первую очередь написанных главным мастером праздничных икон, в которых монументальность стиля естественным образом соединяется с реалистическими деталями. Так, например, на иконе «Снятие с креста» с реалистичной точностью изображено древесное волокно креста. Образ Никодима, который вынимает гвозди из ног Христа, целиком сливается с возвышенным настроением изображения.

Работу главного мастера надо рассматривать как иконопись, которая родилась на основе сильной иконописной традиции Центральной России, близкой к строгановскому влиянию. При этом надо принимать во внимание такие северные черты, как изображение на иконе «Иисус и самаритянка» сруба колодца с журавлем, а также бревенчатой колокольни на иконе «Николай Чудотворец», которым очень трудно найти соответствие в русском иконописном искусстве.

Напротив, иконы местного ряда «Святые Зосима и Савватий», «Спас Нерукотворный», «Св. Авраам» и «Пророк Илья» имеют оттенок местного иконописного искусства, и, несмотря на нескладность, они не лишены обаяния. В клеймах этих икон мы находим такие черты, которые можем

назвать местными. Изображенные персонажи коренастые и с большими головами. Их образы близки к народу, но не лишены деликатности. Можем ли мы наблюдать эти черты в изображении, где Фаддей показывает царю Авгару изображение Спаса Нерукотворного, а также на иконе «Святые Зосима и Савватий», особенно в изображении путешествий на лодке, занятия земледелием и строительства монастыря? В этих иконах встречаются черты, характерные для района Белого моря. Изображениям поверхности воды и путешествиям на лодке найдутся интересные соответствующие изображения в иконах, которые были написаны в Кирилло-Белозерском монастыре, расположенном на южном берегу Белоозера.

Несмотря на то что иконы, рассматриваемые в данный момент, являются непритязательными по манере исполнения, в их красках обнаруживаем сочные, хотя и не совсем великолепные цвета. В них ощущается влияние русской иконописи, которая была тогда в моде, например, на иконе «Лно Авраамово» изображен праздничный круглый стол и паркетный пол, детали, известные по иконам строгановской школы более раннего времени.

Примечательно, что клеймам икон нижнего ряда мы находим близкие аналогии в иконах из заонежской часовни 18 в., что на Клименецком острове. И, как интересно отметить, также на Клименецком острове сохранились иконы, близко напоминающие стиль главного мастера, например, икона «Старозаветная Святая Троица» в часовне д. Вой-Наволок. Также северная диаконская дверь из церкви в Великой Губе точно такая же, как соответствующая ей дверь в Кижях. Заслуживает внимание то обстоятельство, что тогда, как в 15–16 вв. завершается время расцвета среднерусской иконописи, северный иконописный стиль получает свое распространение двумя веками позже, в 18 в., когда предшествующие иконописные традиции оказались в состоянии упадка. Это указывает на омоложение, происшедшее в иконописном искусстве на Севере, кто знает по какой причине, отчасти, может, в том числе и карельский род привнёс в него молодую кровь. Так, обычные изображения святых, особенно на иконах, посвященных Пророку Илье, вызывают интерес потому, что в них чаще всего проявляется облик, близкий к национальному прототипу олонецкого человека.

Иконопись иконостаса Пророческий ряд

Теперь, когда иконописный стиль Преображенской церкви в некоторой степени стал нам ближе, перейдем к разъяснению изображений пророков в верхнем ряду иконостаса. Иконописцы называют пророками Давида, Соломона, Гидеона, Моисея, Арона и других представителей высшего духовенства. Их можно узнать по свиткам в руках, в текстах кото-

рых содержатся пророчества. К тому же на иконах справа или слева в верхнем углу имеются наглядные символы. Так, например, на иконе с изображением Гидеона пучок шерсти, знак о случившемся чуде, о чем сказано в Писании. Моисей изображен с горящим кустом в руке, в правом верхнем углу на иконе с изображением Давида нарисована трехструнная арфа, Соломон держит в руке макет Иерусалимского храма. В данной иконе, как и на других иконах, Давида изображают созерцающим патриархом, тогда как его сына Соломона как человека светского – подобно царственной королевской особе. Пророк Исайя держит щипцами раскаленный уголь. Пророк Аввакум, в книге которого содержится яркая патетическая поэма, как и пророк Даниил, изображен красивым молодым человеком в одеждах сине-зеленого цвета и в плаще лососево-розового цвета. У представителей высшего духовенства белые тюрбаны в форме полусферы с красными набалдашниками. Без сомнения, главный мастер поручил написание пророков кому-то из своих помощников, краски на иконах холодные, образы немного оцепенелые и им приданы схематичные формы. Но какая коллекция роскошных окладистых бород, просто глаза разбегаются. Все они индивидуальные и характерные, с их помощью можно хорошо отличать одного от другого. В изображении пророков есть своя особенность, как отметил Бертел Хинце, в их изображении просматриваются местные народные прототипы. Этим они отличаются от соответствующих характерных для того времени светских образов официального русского иконописного искусства.

Деисусный ряд

Если пророки изображены как «деревянные скульптуры» народного типажа, то персонажи деисусного ряда – как живые, индивидуальные образы. Словно персонажи Ветхого Завета были далекими и чужими для иконописца, по этой причине его влияние на их образы могло остаться поверхностным. Применение грубоватого способа прорисовывания фигур пророков толстыми линиями, при использовании скудного сочетания красок, служит для того, чтобы прихожане могли увидеть изображенные персонажи икон верхних рядов иконостаса в потемках. В образах Деисуса Нового Завета присутствует художественный, более изысканный прием изображения. В изображениях апостолов и деятелей Церкви встречаем лики, которые ближе к человеческому сопереживанию. Они оставляют глубокое и незабываемое впечатление. О том, как выглядели персонажи Нового Завета и выдающиеся деятели Церкви, у иконописцев на начальном этапе истории христианства, видимо, было много сведений, но за пределами византийско-православной культуры они сохранились частично. Реалистичный портрет и достоверная схожесть, являясь неразрывной

традиций, перемещались из одного столетия в другое. Например, портретное изображение Иоанна Златоуста. Естественно, чем мы дальше возвращаемся назад, тем больше человеческий облик проникает в иконографический образ. Заслуга портретных изображений персонажей Библии в истории Церкви отчасти заключена в их волшебной силе воздействия. Когда простой человек из народа приходил в церковь, он еще долго воспринимал их как близких ему живых людей, но из общества святых. Особо почитались Архангел Михаил, пророки Гидеон, Илья, Даниил, Аввакум, Давид и Соломон, Иоанн Креститель, апостолы Иоанн Богослов и Фома, также Василий Великий, Иоанн Златоуст и Святитель Николай Чудотворец. Простой человек знал о них из жизнеописаний и проповедей священника или же сам читал о них, он с детства говорил с ними при жизненных трудностях, и мы можем себе представить сквозь какую мистическую, очаровательную атмосферу их образы сияли для него.

Шествие Деисуса легким, ритмичным шагом, как в подоблачном танце, движется в направлении престола, на котором видим Иисуса Пантократора, правой рукой он осеняет крестом, а в левой руке держит Евангелие, его несут четыре крылатых колеса, как рассказывал Иезекииль. Вокруг престола мандорла, по внешним углам которой изображены символы четырех евангелистов: ангел, лев, бык и орел. Вокруг мирового судьи парят ярко-красные и темно-синие херувимы, у некоторых из них красный цвет скрывает половину лица. Те приемы, которые намного позже использовали в искусстве экспрессионисты, были не чужды иконописцам, чему можно привести много других примеров.

Слева от престола икона с изображением Пресвятой Девы Марии. Насыщенный зеленый цвет ее одежды и глубокий каштановый цвет мафория пробуждают гармоничное, античное настроение. Цвета одежды дышат светотенями, отчего одухотворенное лицо предстает как откровение.

Такие же цвета украшают плащ и доспехи Архангела Михаила, стоящего рядом с Богоматерью и держащего в руке копьё, помимо этого гармонию впечатления усиливает золотой цвет. Возникает ощущение, что в величественном облике ангела-князя с римским военным атрибутом одновременно могла быть персидская божественность, античная устрашающая беспощадность и сверкающая восточная таинственность. Приходишь к мысли, что религиозность чувств в этот момент разрушена, так как было принято решение изобразить горделивого ангела и сильного молодого человека розовощеким ангелом-ребенком в виде сентиментальной девушки. Художественное богатство выражения образов на иконах деисусного ряда подтверждает то, что у каждого участника шествия своя, отличная от других поза и цвет одежды.

Праздничный ряд

Вторая икона праздничного (третьего) ряда иконостаса рассказывает об истории любви родителей Пресвятой Девы Марии. В комнате, в которой со стороны смотрящего отсутствует стена, видим Иоакима и Анну, которые обнимают друг друга. На этой же иконе они изображены стоящими на коленях в молитве на крыше по обе стороны от башни.

Эти же персонажи присутствуют на иконе «Рождество Девы Марии», на ложе лежит Анна, утомленная родами, рядом с ложем стоит Иоаким, он полон сочувствия Анне. Три девы принесли золотые сосуды с дарами. На столе красный турецкий кофейный сервиз, такие сервизы были распространены на Русском Севере. На переднем плане коренастая женщина из народа купает маленькую Марию. Картину завершает фон с архитектурой высокого стиля, напоминающей искусство Джотто.

Икона «Введение во храм Пресвятой Девы Марии»

На иконе изображены родители Девы Марии и друзья по играм, которые приводят показать Марию первосвященнику. Праздничную атмосферу создают горящие свечи в руках Иоакима и дочери. Всем иконам, рассказывающим об Иоакиме и Анне, свойственно идиллическое очарование. В них в поэтической форме прославляется любовь в браке и счастливая семейная жизнь и как пример этому союз родителей Девы Марии.

Икона «Сретение Господне»

Фоном служит архитектура светлого цвета. В темном дверном проеме занавес серо-синего цвета, с правой стороны – белого цвета с желтизной. Крышу поддерживают две колонны цвета слоновой кости и светло-розового цвета.

Икона «Воскрешение Лазаря»

Лазарь стоит обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами белого цвета с красными повязками, идущими крест-накрест вдоль тела. Марфа и Мария встали на колени, одна касается полы плаща Христа, другая припала к его стопе. Юноша, стоящий рядом с воскресшим, разматывает его пелены, глаза на смуглом лице ученика блестят благоговением и искренностью. Над степным пейзажем небо золотого света, в центре, подобно сновидению, возвышается город с белыми и темными готическими крышами. Изображенная на фоне степь образует две волны, и город словно теряется между ними. На иконе сама по себе ровная степная земля поднимается вертикально, и, благодаря использованию такой перспективы, был создан прекрасный фон для изображения групп людей. Иконописец со знанием дела выбрал его и использовал для хорошего воспроизведения цветовой гармонии. Это типичное явление повторяется во многих иконах.

Икона «Въезд Христа в Иерусалим»

Закхей в развивающемся красном плаще залезает на цветущую иву. Справа городские ворота, над ними башни Иерусалима. Христос восседает на белом осле, похожем на лошадь. Встретить его вышли старцы с густыми бородами. Один из них держит в руках цветущую ветку вербы, такие же ветки брошены под ноги лошади всадника вместо пальмовых веток. На земле разбросаны плащи: синий, красный, зеленовато-коричневый и светлый красновато-серый.

Икона «Иисус в Гефсиманском саду»

В верхней части иконы ангел подает чашу стоящему в синей мантии Христу, который изображен в центре в глубоком поклоне. В нижней части Христос делает внушение проснувшимся ученикам. Фоном является вместо обычного для западного искусства изображения густого тенистого парка песчаная пустынная местность с осокой и кочками. Мастерски использованное созвучие синего, золотого и светлых оттенков цвета с ритмом полукруглых линий сплелось в этой иконе в чудесную музыку цвета.

Икона «Распятие»

Широко раскрытыми от ужаса глазами Пресвятая Дева Мария пристально смотрит на проколотый копьём бок, из которого сочится ярко-красная и черно-коричневая кровь. Молодой Иоанн в безнадежном отчаянии закрывает руками лицо, упав на землю. Одновременно находящийся справа сотник Лонгин с важным видом и взволнованным жестом протягивает свою руку, чтобы набрать кровь из струи, текущей из левой руки. На фоне в центре возвышается благородный город с готической архитектурой, в цветовом колорите которой отражена печаль происходящего. Свидетелями событий являются представители всей Вселенной, солнце и луна. Они изображены с человеческими лицами, со стилизованными венками. В новгородском искусстве 15 в. появляется такая же композиция, как и в выше изложенной иконе, написанной в 18 в. в Кижях. Однако данная икона не является одним из вариантов сюжета. Особую ценность ей придают своеобразная цветовая гамма и отдельные детали, а также глубокое благородство религиозного чувства.

Икона «Снятие с креста»

К деревянному кресту приставлена лестница, стоящий на её перекладине Иоанн передает тело распятого Христа на руки Деве Марии, в это же время Никодим клещами вытаскивает гвозди из ног. Весь ход событий получил живое выражение за счет повествования о поочередных

событиях в одновременном их изображении. Если бы попытались поочередно изобразить на иконе события, то не было бы такой святости впечатления, силы чувства и искренности духовной веры. Данная икона тому подтверждение.

Икона «Вознесение. Сошествие во ад»

Иисус, вокруг тела которого мандорла, попирает ногами врата, ведущие в ад. Из саркофагов восходит воскресший род человеческий, в первых рядах мы видим прародителей – Адама, Еву, Давида и Соломона, патриархов и высшее духовенство.

Икона «Жены-мироносицы у гроба Господня»

Херувим, нарисованный с огненно-красной головой, сидит на камне, охраняя гроб. Рядом с ним справа три жены-мироносицы. Сверху простирается пустынный пейзаж с осокой и кочками. В его объятиях, как в сновидении, возникает удивительно красивый белый город Иерусалим.

Дополнительно к изображениям на сюжеты из Нового Завета упомянем несколько праздничных икон старозаветной темы, а также изображения, где представлены сюжеты из истории Церкви.

«Старозаветная Святая Троица»

Слева два дома, в центре сверху ветвистый «экспрессивный» Мамврийский дуб, справа – пустынный пейзаж. Ангелы, представляющие ветхозаветную святую троицу, изображены без присутствия Авраама и Сары. Композиция благородных красок и высокого стиля берет начало от известной иконы на такую же тему великого русского иконописца Андрея Рублева. Мастер жил и творил в 15 в.

Икона «Первый Вселенский собор»

Рядом с освящением главного события привлекают внимание интересные изображения в двух боковых клеймах. Слева вверху изображено видение епископу Спиридону. Он видит на престоле Иисуса Эммануила. Справа внизу сидит и стонет еретик Арий, из живота которого, в наказание Господне, выпадают кишки.

В праздничный ряд входят изображения первого и четвертого¹⁵ Вселенских соборов, в художественном плане изображения интересные, прежде всего, благодаря холодной, утонченной и благородной цветовой гамме.

¹⁵ В праздничный ряд Преображенской церкви входят изображения первого и второго Вселенских соборов (См.: Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Кижи». Каталог / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 26) (прим. ред.).

Нижний ряд

Первая икона из нижнего ряда, которую мы рассмотрим, – это икона «Соловецкие чудотворцы св. Зосима и Савватий», изображенные несущими макет Соловецкого монастыря. Вокруг средника, в 22 клеймах изображены сцены из истории возникновения Соловецкого монастыря. Надо сказать, что св. Зосима был родом из заонежской деревни Толвуя. Хотя рассматриваемая нами довольно большого размера икона выглядит как работа местного мастера, выполненная в довольно суровой манере письма, от неё исходит атмосфера удивительного мира и мифического очарования. В центральной части иконы видим св. Зосиму и Савватия, стоящих на берегу Белого моря, их фигуры неестественно большого роста с маленькими головами. В самом центре в руках святых сияют белокаменные стены Соловецкого монастыря. Огромная крепость, подобно городу, заключена в ограду. За оградой возвышаются башни, крыши и лес крестов церковных главок. Каменные стены и оборонительные башни построены в конце 16 в. Из тех икон, которые нам известны, эта лучшая из сохранившихся на соловецкую тему икона. В клеймах обычным способом изображена жизнь святых: рождение, крещение и жизнь в монастыре до кончины. В клеймах заключены важные сцены из их жизни. О святом Зосиме в них рассказано, что ему было видение божественной церкви и монастыря, о том, как он строит святыню и возделывает землю, как нечистый дух искушает его в одиночестве и как призванные его молитвой ангелы стегают женщину, изгоняя беса, вселившегося в неё. О св. Савватии рассказано почти также, в отдельных сценах он изображён вместе со св. Зосимой, в других – в обществе св. Германа. Средник соловецкой иконы, как и средники многих больших по размеру икон, представляет каноническую трактовку сюжета, в то время как в маленьких клеймах иконописец часто хочет отразить что-нибудь иное, закулисное, где он ведет свой свободный рассказ. Нечистый дух, или Бес, становится важной деталью, героем события, порой его тайным фаворитом. «Где Бог построит храм, там черт построит часовню». Так, Бес ходит по пятам святых Соловецкого монастыря: они противоположные стороны и находятся непосредственно в центре событий, как св. Георгий и Змий, Архангел Михаил и Сатана. Прообразом изображения противоборства можно рассматривать пример из античной персидской мифологии, в драматическом сопоставлении Ормуса и Аримана, добра и зла, света и тьмы. В одном из клейм видим, как черт со своими помощниками (волк, медведь, змея и дракон) досаждают св. Зосиму. Беса изображают цветом, которым рисуют нечистую силу, – серо-синеватым, реже черным или темно-коричневым. Эти нечистые серо-синеватого цвета с красными, блестящими языками создают жи-

вую цветовую гармонию на темно-сине-зеленом фоне, свойственном для северной иконописи. Бес выписан красочно и мастерски. Возможно, художник несколько ошеломлен врагом.

В другом клейме изображены ангелы Господни, которые везут св. Зосиме хлеб и муку в его монашеское жилище, таща волокушу, её изображение является чертой кижской иконописи.

Многие встречи св. Зосимы и Савватия в клеймах иконы происходят на небольших фрагментах суши, на островах. Темно-синее, серое и бушующее Белое море является объединяющим всех общим фоном. Святые идут под парусом по морю жизни. Угрюмо шумя, море играет соло, руководит жизненными скитаниями святых, не обращая внимания на них самих. Для иконописца море, как поток открытого водного пространства Туонелы, наполненный страшными беснующимися демонами, такой же, как Одиссея для поэта. Хотя море непреодолимо уводит их в сторону от северной земли, от всего изображения настолько веет поэзией моря, что, вероятно, подобное впечатление не могло быть достижимо в более поздние времена. Такое же сильное воздействие оказывают сцены морских штормов на иконе св. Николая. В общей морской теме олонецкой иконописи следует упомянуть еще тему «Страшного суда», хотя в кижском иконописном искусстве этот сюжет не представлен в виде Страшного суда как острова смерти. Согласно античным представлениям, этот остров имеет вид плоской земли, которая со всех сторон окружена водой.

Икона «св. Георгий» в 22 клеймах, со сценами из жизни святого

В среднике изображено чудо, которое произошло в Сирии во времена правления Диоклектиана. В Ливании, в одном из горных озер жил страшный дракон. Из своего логова он совершал набеги, принося в провинцию разорение и наводя страх на жителей. По очереди каждая семья в провинции отдавала в жертву дракону одного из детей. Последней пришла очередь для единственной дочери правителя, и, казалось, ничто не могло спасти ее от жестокой судьбы. Тогда появился в сияющих белых одеждах всадник с копьём в руке. Это был св. Георгий, у стен крепости правителя он нанес чудовищу смертельные удары. На иконе изображено, как родители принцессы наблюдают с башни крепости за победной борьбой святого героя. Поле смерти великомученика легенда о сотворенном им чуде стала одной из любимых тем в православной иконописи. Из-за привлекательности к этой теме обращались в главных своих работах такие мастера западной живописи, как Рафаэль и Делакруа. Последний в своих религиозных полотнах удивительно близок к духу иконописного искусства, к его возвышенности и глубине, он ближе к нему, чем любой другой европейский художник, и превосходит его по гениальному владению художественными приемами.

Икона «Сошествие во ад»

Иконописец много писал, чтобы наглядно показать догмы Православной церкви, а также ее гимны, тропари и акафисты, которые своей красотой оказывали воздействие на его чувствительную душу. Так же, как и сюжеты из текстов Библии, он с удовольствием изображает на иконе сюжеты, взятые из текстов молитвы к богослужению. По содержанию эти стихи большей частью являются поэтическим толкованием Библии, но по своим законам они образуют некий святой источник, который является особой ценностью в Православной церкви.

В качестве примера приведем два отрывка из акафиста, из которых иконописец, возможно, взял материал для художественного изображения освобождения души из преисподней: «Христос, своим воскрешением Ты разорвал против нас сотворенную рукопись и вывел нас из ворот смерти. Ты притупил острие греха и открыл Адаму ворота в рай». – «Иисус, Ты, спустился под землю, на самую глубину и разбил вечный засов, за которым были пленники. И на третий день, как освящает Иона, воскрес из могиль».

Событие этой темы в основных чертах таким же образом изображено на одноименных иконах праздничного ряда, меньших по размеру. Место события напоминает интерьер театра, на сцене которого видим Христа, попирающего врата ада. Из саркофагов поднимаются его прародители, представители человечества Старого мира. Внизу в темном «партере» ангелы в красных мантиях сажают на цепь Сатану серо-синеватого цвета, вокруг – весь арсенал разрушенного ада.

На той же иконе внизу справа изображено воскресение Христа. На земле спит вповалку охрана, сгрудившись в одну кучу. На головах у них шлемы новгородского типа – вспоминаются иллюстрации новгородских хроник. Вверху виднеется Иерусалимский райский сад цветов, окруженный каменной оградой, цветы напоминают капли крови. Над святой сценой веет весенним пасхальным чувством.

Икона «Успение Пресвятой Богородицы»

События на иконе изображены в виде ярусов, расположенных друг над другом, которые являются основой монументальной композиции. В ней представлены многочисленные группы людей и различные события. В нижнем ярусе изображено смертное ложе Богородицы, за ним в центре стоит Христос, в левой руке он держит освободившуюся от тела «душу». Святые и епископы выстроились, показывая движением голов и ног свое почтение, действие напоминает церемонию погребения главы государства. В верхнем ярусе сила Святого Духа в шуме ветра ведет двенадцать апостолов, разбросанных волей судьбы по миру, в Иерусалим, где они, согласно легенде, были вместе в день смерти Девы Марии. Анге-

лы несут круглый медальон. Внутри него изображена Пресвятая Дева Мария на престоле, словно идущая сквозь воздух, проходящая между апостолами в небесную вышину.

Немного непоследовательно в этом ряду представляют апостолов по пути в Иерусалим. Образ Девы Марии также было бы лучше не помещать. В верхней части изображены два ангела. Они открывают ворота для вновь прибывших. Слово приоткрывается нам вид на райский луг с цветами и деревом жизни. Солнце, луна и космическое звездное пространство освещают последний земной путь Девы Марии. Нужно упомянуть еще об одной интересной встрече. Смертное ложе охраняет Архангел Михаил с обнаженным мечом в руке. Справа от него мы видим человека, жесты которого выражают горькое стенание. Это иудейский священник по имени Афония, который, по легенде, насмехался над сопровождающими в последний путь Деву Марию и пытался перевернуть носилки с покойной. В тот же момент у него оторвались руки. Они встали на место после того, как им позволили прикоснуться к носилкам. На иконе изображают прежнего насмешника как человека, изменившего свое мнение о Боге Всемиловитом. Цветовая гамма сумрачная, мерцающая, по-восточному великолепная. Стены комнат дворца лососево-розового цвета, справа пурпурно-красный, слева оранжево-желтый занавес с золотой окантовкой поверху. Колонны цвета зеленой водоросли. У ангелов хитоны цвета слоновой кости. Над общим впечатлением доминируют темные и черные оттенки.

Икона «Святитель Николай» в 24 клеймах

В клеймах изображены события из жизни Николая Чудотворца и им сотворенные чудеса. Икона рассказывает об истории праведной жизни архиепископа, жившего в городе Мире в Ликии в 4 в. Перед нашим взором раскрывается образ сложной личности, в которой живет удивительная, тайная любовь к жизни, богатой приключениями, с ее опасными ситуациями. В центре бурь моря жизни, а также мира сатанинского зла он добрым делом, исцелением и спасением, неведомым силе природы, и с именем Христа защищает бедствующих от разрушений буйства стихии и жестокости людей. Его благородный, мудрый и крепкий образ светится, как символ высокой гуманности на темном фоне подлости жизни.

Икона «Св. Николай» представляет собой работу главного кижского иконописца как по высокому уровню в достижении сочетания композиции и цвета, так и по другим особенностям иконописи. Примером является композиция одного из клейм с правой стороны. Композиция проста и монументальна. В клейме изображен св. Николай, спасающий моряка, потерпевшего кораблекрушение. Епископ и погруженная в воду лодка усиливают эффект впечатления вертикальной линии, моряк, уходящий

под воду, подчеркивает впечатление горизонтальной линии. Драматический контраст уравнивает наклонная линия плавающего в воде весла. Композиция выполнена мастерски, с неиссякаемой изобретательностью как в отдельных клеймах, так и в целом. О богатстве цветовой гаммы дает представление клеймо, находящееся в нижнем ряду, в котором изображено, как Чудотворец спасает патриарха Афанасия. Волны шаровидные и темно-сине-зеленого цвета. Гребни волн разрезает коричнево-красный корабль, на корабле мы видим команду в ярко-красных плащах и путешествующих в обществе патриарха монахов в черных головных уборах цилиндрической формы. Парус корабля и плащ св. Николая цвета слоновой кости, мачта светлая, розовая, фон неба золотой.

В правом нижнем угловом клейме изображена несколько инородная для традиционной русской иконописи северная тема. Рядом с церковью возвышается бревенчатая колокольня, на ней три различных колокола на фоне оранжевой бревенчатой ограды.

Тот, кто способен слышать, слышит музыку, которая скрытно присутствует во всех событиях и проявлениях жизни на иконе. В сценах жития св. Николая сочетание цветов играет свою «пьесу». Если художник не свободен в чем-то ином, то в выборе используемых красок он свободен, как сама природа, и независим от ограничений церковного жизнеописания. Он понимает, что оттенкам цвета все позволено, так же, как и в музыке все дозволено и нет ничего невозможного. Цветовая гамма иконы «Св. Николай» по своей сути – это симфония цвета, близкий родственник музыкальной симфонии. Эпическая тема для художника является лишь трамплином в восторженное понимание мира красоты, где он изнутри соприкасается с природой и глубиной жизни. Красками он изображает мир, его красоту и суровость, а также блеск высокомерия и чувство восхищения миром, как и его трагичность. Всю его любовь, одиночество и жестокость. Краски полны о безграничных ужасах Вселенной смягчающим взволнованным мотивом, рассказ о которых словами мог быть недозволен и невозможен. Краски представляются красками судьбы. Есть ощущение, что это произведение одно могло заполнить поверхность средней стены, ее сравнительно маленький размер (170x144 см) застигает врасплох того, кто смотрит на нее.

Северная диаконская дверь

На иконе изображены Авраам, Исаак и Иаков, у них на коленях праведники в белых одеждах в образе «душ». Тут же изображён благоразумный разбойник, держащий перед собой крест. В центре изображение сотворения Евы, грехопадения и изгнания из рая, в нижней части иконы – монах у смертного ложа покойного, призывающий живых задуматься о смерти.

Между северной диаконской дверью и Царскими воротами находится икона «Богоматерь Тихвинская». На ней мы видим Деву Марию с Иисусом в позе, характерной для иконографии этого типа. Икона в серебряном окладе, оставленные открытыми участки из-за потемневшего слоя лака не дают никакого представления о её художественной ценности.

Царские ворота иконостаса того же времени, что и рама иконостаса. С обратной стороны створок Царских врат закреплены овальные по форме иконы. Они написаны на деревянных досках и не представляют какого-либо интереса.

Первоначальные Царские ворота стоят отдельно, до поновлений они находились в иконостасе на месте современных Царских врат. В верхней части или «сени» изображение «литургической евхаристии», с отступлением от обычной «исторической евхаристии», Христос присутствует в одной иконе дважды: слева подающий хлеб и справа – вино. В шести иконах на створках дверей изображены Благовещение и четыре евангелиста. На боковых пилястрах сверху слева Дева Мария, справа Иисус Христос, под ними внизу соответственно Григорий Богослов и Василий Великий, св. Николай и Иоанн Златоуст, а также диаконы Стефан и Лаврентий. Эта, как в целом, так и в деталях, благородная и блистательная по цветовой гамме художественная работа явно не является работой кижского мастера и заметно отличается от его стиля. Известен тот факт, что Царские ворота часто заказывали из другого иконостаса или из другой мастерской, у другого мастера. Интересен барочный орнамент Царских врат в местах изображения евангелистов, что усиливает утверждение об одном возрасте Царских врат и рамы иконостаса.

В 16 клеймах иконы «Преображение Господне» изображены страсти Господни. В более раннем среднике, который, по преданию, происходит из часовни в деревне Васильево и по стилю может быть отнесен к 17 в., проявляются далекие традиции манеры письма Феофана Грека. В клеймах встречаются интересные композиции и отдельные детали. Например, в клейме, где изображено распятие Христа, руки разбойника распяты обычным образом, они висят согнутые в месте локтевого сгиба, привязанные веревками за предплечье к кресту. Во многих клеймах просматриваются античные традиции, например, в изображении голов медуз на круглых или овальных щитах стражи. На Голгофу несут три креста. Один крест несет Симеон Кириянин, два креста – два разбойника. Их обнаженность прикрывают набедренные повязки. Композиция, рисунок и цветовая гамма выполнены мастерски, как и в других клеймах, в них присутствуют такие же композиции, как и в праздничных иконах. Исходя из этого, клейма для храмовой иконы могли быть написаны кижским главным мастером. Так

же, как большую и великолепную икону «Св. Николая» надо считать его работой. Только загадкой остается некоторое несходство в цветовой гамме. В последней работе цветовая гамма более стильная в сочетании драматичных теплых и холодных цветовых оттенков. В клеймах храмовой иконы, напротив, присутствуют неземные благородные холодные тона. Возможно, что сама тема иконы оказывала определяющее влияние на ее цветовое исполнение, но одного лишь этого объяснения недостаточно. Правдоподобным видится и предположение о том, что иконописец клейм иконы «Преображение» заимствовал у кижского мастера композиции, близкие к иконописной традиции строгановской школы, а также использовал его цветовую гамму. Возможно, что при написании этих двух икон были использованы книжные образцы или другие ранее написанные иконы.

На южной диаконской двери монументальное изображение пророка Даниила, под ногами которого в геометрически стилизованной пещере спят четыре льва.

«Спас Нерукотворный» в 16 клеймах

В клеймах рассказывается, как после проповеди апостол Фома дотрагивается платом до лица Иисуса, на котором остается изображение его лика, и как апостол Фаддей совершает с платом многие чудеса в городе Эдессе, исцеляет больных и искалеченных, изгоняет злого духа, делает здоровым смертельно больного царя Агбара. Средник, на котором изображён лик Христа, который отобразился на плате, позже поновили грубой записью в новом стиле. Манера письма в клеймах неуклюжая, но пейзажи фонов в них прописаны просто и сильно.

Исходя из манеры письма, можно сказать, что автор анализируемой иконы, очевидно, написал также икону «Покров Пресвятой Девы Марии, нашей Властительницы» («Покров Пресвятой Богородицы»). В 16 клеймах этой иконы изображены события из легенд, касающихся жизни и чудес Девы Марии. В среднике представлен пролог чуда. Дева Мария изображена со свитком, полным обращенных к ней просьб, там же в центре иконы два ангела, словно в ответ на них, распростерли над людьми покров, как защитное покрывало. В центре иконы изображено видение крещёного невольника Андрея, о котором он рассказывает ученику Епифанию. Чтобы воспеть его, Роман сочиняет хвалебный гимн на церковном амвоне. Это чудо произошло в Константинополе, во Влахернском храме, в 903 г., в правление императора Льва Великого и во время угрозы городу сарацинами. Весть о событии молниеносно распространилась в народе. На иконе вокруг Девы Марии и пришедших с ней святых летают краснокрылые херувимы и темнокрылые серафимы.

Икона «Рождество Христово»

В центре иконы возле яслей изображена Дева Мария, симметрично с двух сторон стоят слева три волхва, спешащие принести дары, и справа – пастухи с берестяными рожками. Немного ниже у входа в пещеру слева видим фею земли в образе обнаженной женщины. Внизу пророки, апостолы и мученики, предшественники Христа. Изображенные в одиночку и группами, они подтверждают рождение Иисуса Христа. Народный оттенок радостного рассказа сюжета иконы дополняет ее ценность и интересность.

Двенадцать клейм из жизни Авраама лучшее подтверждение тому, как точно иконописец способен передать и оживить события Ветхого Завета. Эта икона, как кошмарный сон в примитивном понимании современного человеческого общества, впечатление о котором смягчают очаровательные жанровые картины, рассказывающие о повседневной жизни людей в прошлом. На иконе переплетаются друг с другом идиллия и страх, точно змея в винограднике. Мы можем стать участниками рассказанных на иконе событий, как Авраам с кадилом в руке ведет для приношения в жертву своего сына Исаака, который несет на спине связку дров, и как он возносит нож, но в небе появляется десница Господня и останавливает жертвоприношение. Как Авраам прохладается в тени мамврийского дуба, и как Сара размешивает тесто. Изображена церемония восточных стран: патриарх опускается к ногам трех ангелов и на другой картине моет гостям ноги. Они осеняют крестом кувшин с вином, который во время трапезы хозяин несет к столу. Патриарх молит гостей, Союз Старозаветной Троицы, сохранить Содом и Гоморру. В последнем клейме идиллия омрачается сценой мирового потрясения: распутные города пылают в море огня. Жена Лота оборачивается, страдая по их жизни, и превращается в соляной столб. Сам Лот с двумя дочерьми прячется в горной пещере.

Эти клейма написаны мастером под воздействием местной природы, язык форм суровый и монументальный. В центре иконы углубление в виде киота, на дверцах которого рельеф с изображением в полный рост Девы Марии и Иоанна Крестителя. Упомянутый цветной рельеф по дереву является редкостью в православии. В Олонце такие рельефы встречаются только несколько раз, но достаточно часто, например, в церквях Пермской области. Центральное изображение отсутствует.

Икона «Огненное восхождение Ильи Пророка» с изображением в 20 клеймах событий из жизни пророка. Есть ощущение, что эта икона напоминает икону об Аврааме. Вместе с тем фон иконы серебряного цве-

та, и обе иконы выглядят, как написанные разными мастерами. В клеймах иконы чувствуется поэтика природы и примитивность животного представления о природе и мире ранее угнетенного ею человечества. Это одинаково касается как темы, так и ее исполнителя.

Одно из клейм повествует о сельской жизни. Крестьянин Елисей пашет плугом, перед ним три запряженных быка. В то же время Илья приглашает его в приемники, положив руки ему на голову так, как делают, посвящая в сан епископов и священников в Православной церкви. От благородного и поэтического библейского рассказа было сохранено изображение явления Господа Илье в нежном шуме ветра, на фоне чудесно стилизованного выступа пещеры и дерева в форме веера. Большая часть иконы посвящена Илье и картинам его борьбы с ложными пророками: напрасно пророки Ваала просят поджечь от небесного огня жертвенного быка на жертвенном костре. «Десницей сделана картина» у основания статуи идола. Но огонь ниспадает с неба тогда, когда Илья просит об этом. Небо делает выбор в пользу праведников. Далее следует окончательное прояснение отношений с ложными пророками. Ученик пророка хватает его, когда Илья пронзает их насмерть мечом. Небо потемнело совсем, как земля. В той части иконы, где изображены противники, нарисована огромная темно-коричневая пасть, и широкий красный язык пламени уничтожает алтарь Ваала и сбрасывает вниз с высокого пьедестала идола.

Удивительным образом в изображениях представлены значительные события в жизни Ильи. Он помогает расчистить грот берегового откоса, куда ворон в клюве носит ему еду. Это изображение чудесного кормления посредством ворона представляет прообраз Евхаристии. Рядом с ним другое изображение: пророк спит в пустыне, и ангел спускается к нему. Илья сушит промокший в реке хитон, о чем свидетельствует Елисей. Правый берег реки гористый, левый берег холмистый, на нем растут лесные цветы с пурпурными цветоложами и темными лепестками. Согласно жизнеописанию, Илья завершил свою жизнь так же, как закат солнца, которое уходит из поля зрения, но не исчезает совсем, не уйдет никогда или, очевидно, ещё долгое время. Этот закат солнца загадочным образом волнует мысль иконописца. Драматический, волнующий, большой жизненный путь Ильи никоим образом не мог завершиться затихающей старостью. Возможно, что сама мысль о таком завершении жизненного пути пугает, она не сдерживается, она кульминируется в последнем аккорде. Илью уносит в облака огненная колесница как победитель закона природы, в конце концов, он высвобождается от слабости и оков человеческой лжи, и пламя его духа соединяется с вечным первоогнем.

Потолочная иконопись

Наше представление об иконописном искусстве Преображенской церкви было бы не полным, если бы мы не коснулись иконописи «неба», икон на куполообразном потолке в собственно церковном помещении. По характеру письма иконы «неба» являются иными, чем иконы иконостаса. Они были предназначены создать иллюзию неба, дать представление о мире парящих ангелов, возвышающихся до небес, деятелях Ветхого Завета, прародителях рода человеческого, патриархах, царских особах и протоиереях. Центральной иконой «неба» является изображенная в медальоне Новозаветная Святая Троица, от нее лучами отходят 16 секторальных икон, поддерживаемых тяблами. Во всем изображении присутствует динамика движения, она и в развивающихся мантиях, и в шагающих фигурах святых. Определенную драматичность изображений подчеркивает «оборванность» красочных облаков, сквозь которые блестят золотые звезды.

Фигуры ангелов и фигуры, изображенные в нижних частях секторальных икон, написаны таким образом, что они обращены к западу, к входу в церковь, образуя шествие, напоминающее деисусный ряд иконостаса. Шествие с двух сторон приближается к центральному изображению, Святой Троице. Во всем прослеживается такая же строгая последовательность, как и в иконостасе. Все здесь хорошо продумано и заранее спланировано.

Так же, как на иконах из деисусного и пророческого рядов, на иконах «неба» фигуры ангелов, как и персонажи Ветхого Завета, представлены индивидуальными. Они все разные, по-разному одеты и у каждого своя поза. Только херувимы и серафимы похожи друг на друга. Во время создания икон «неба» было взято во внимание будущее расположение икон, высоко над головами прихожан. Для этого максимально переданы детали на иконах. Так, облака и фигуры обрисованы толстыми линиями. Интенсивность мазков присутствует в прорисовывании складок одежды, где использованы мазки в палец толщиной. Фон икон темный, сине-зеленый. По краям и между плывущими облаками мы встречаем яркую гамму красок: белый, оранжевый, красный и зеленый цвета, а по внешнему краю – красно-коричневый цвет. У ангелов и святых роскошные одежды. Особенно красиво одеты Мелхиседек, Вениамин и Захарий. На них дорогие парчовые одежды, их пурпурные мантии обрамлены мехом горностая. Можно предположить, что такая одежда могла быть праздничной одеждой русских бояр. Скромные зеленые плащи наброшены, например, на Адама, Ноя, Малахия. Ковчег, который несет Ной, погруженный в свои мысли, красного цвета (просмолен), у него криволинейный нос как у онежской лодки.

В центре медальона, в окружении серафима и херувима, восседают Бог Отец и Иисус, держащие яблоко царства небесного. Чуть ниже изображены уже известные нам с «Деисуса» четыре колеса. В самом верху в мандорле изображен белый голубь – образ Святого Духа на фоне лосо-сево-розового цвета, украшенного звездами.

Хотя иконы «неба» сами по себе кажутся более ранними по сравнению с иконами иконостаса, возможно, из-за потемнения красочного слоя и повреждения поверхности икон, едва ли есть сомнение в том, что они могли быть написаны в одно время с иконами иконостаса. На это обстоятельство указывают многие детали как самих изображений, так и красок. Кто был автором икон «неба», этот вопрос остается открытым. И необязательно, что иконопись «неба» могла быть полностью создана не тем мастером, который написал иконы для иконостаса.

Рассматривая строение церкви, мы предполагали, что в иконописи данного «неба» есть подражание византийским традициям и сводам русских каменных церквей. Иконопись кижских икон «неба» соответствует темам иконописи куполов каменных церквей, но иконам «неба» нет образов в Заонежье и Олонецком крае, наоборот, они сами явились образцами для подражания при создании «небес» заонежских часовен, построенных в 18 в.

Иконы, которые не входят в иконостас

Кроме икон, в иконостасе и иконописном потолке «неба» в Преображенской церкви есть иконы на стенах. Назовём некоторые значимые иконы.

В трапезной церкви в первоначальных рамках, украшенных орнаментом 18 в., сохранилось 5 икон. Их надо отнести к иконам деисусного ряда: «Спас», «Пресвятая Дева Мария», «Иоанн Креститель», «Архангелы Михаил и Гавриил». Цветовая гамма благородная, музыка темных красок без прикрас, как звучащая на кантеле карельская песня.

Иконы «Иоанн Креститель» и «Иоанн Златоуст» похожи на иконы, родственные по стилю иконописи строгановской школы.

Икона «Благовещение Пресвятой Деве Марии» в своем исполнении подобна иконам, выполненным знатоками художественных произведений. Чувственная композиция и изящный рисунок напоминают рококо. Созвучие голубого, серебряного и ярко-красного цвета открыто говорит о чуде.

Во многих отношениях из этих трех икон, во всех из которых проявились черты рококо, нужно выделить икону «Св. Владимир, Кирик и Иулита». Она привлекает к себе особое внимание изображением городской архитектуры, напоминающей стиль рококо, с причудливыми и фантазийными формами крыш. Неизменность небес выступает здесь как противо-

положность динамичному движению земли. Облачный пейзаж дышит неземной духовностью, а в прозрачности осеннего настроения царит вневременная прохлада чувства красоты.

Здесь ритуальная степенность лишена глубокого благоговения. Религиозное чувство совершенно ослабевает в изображении города и домов. В атмосфере царит ощущение преследующей судьбы. Эта маленькая по своим размерам (60x53,5) икона указывает на некоторый поворот в истории иконописи и человеческой души. Лики ее персонажей скрывают ценности ранее найденных решений.

Заключительное впечатление. Античные традиции. Некоторые вопросы исследования иконописи

В общем впечатлении, которое остается в памяти от иконописного искусства Преображенской церкви, прежде всего, привлекает внимание дыхание античности. Оно внезапно прорывается нам навстречу через слои готического стиля и барокко, а также через чисто местные этнографические особенности. Античность нужно понимать в сравнительно широком смысле, через греко-эллинистическую и византийскую культуру, включая еврейскую культуру Ветхого и Нового Завета. Мы находим присутствие этого пленительного явления в северной земле. Не будет преувеличением сказать о соприкосновении далеких традиций и национальной культуры в лучших образцах олонецкой иконописи этого периода, представленных в церквях, часовнях и отдельных иконах в районе ладожской Карелии. С точки зрения психологии интересно было встретить сочетание северных и античных черт. Одни иконы выражают карельскую мифическую фантазию, другие – передают античные чувства судьбы. Таким примером может быть икона из яндомозерской деревни Есино, представляющая Иерусалимского патриарха Медоста. В северном углу иконы изображен дракон, который посреди ясного дня лакает воду из колодца, срубленного из бревен, при этом он относительно безразличен к реву льва.

Об античном пафосе говорят некоторые клейма, в которых рассказывается о легендах из жизни святых людей. Например, на кижской иконе «Илия», где мы видим выражение фатального исхода на лице царя на пороге смерти, а также в изображении сошествия Христа во ад и в сценах Страшного суда. Также эта тема представлена на известных иконах с изображением святых, пророков, Иисуса Христа с суровыми и жесткими взглядами. Наряду с изображением Пастыря, иногда иконописец словно отдает предпочтение изображению зла. С большим удовольствием он изображает не проповедника Евангелия, обращающегося с теплым призывом к детям или к людям, отягощенным непосильной работой, а злого

духа, Беса, серо-синеватого цвета, мрачно взывающего: «Придите ко мне, немилосердные и фарисеи, ложные учителя, придите ко мне в братья, и вы узнаете о том, каким будет конец. Вы ложно судите и ложно живете, вы соберёте колоски урожая вместе со мной. Лживый, соединишься с чертом. Лживый, пусть поглотит тебя пасть ада». (Икона Кижской зимней церкви «Богоматерь всех скорбящих радость», нижняя часть). В очаровательном пафосе изображения мы можем видеть жестокость Беса как угрозу, направленную на весь мир. Одновременно можем интуитивно почувствовать, что от этого почти нигилистского отрицания не такой уж большой шаг в поздний оптимизм.

О влиянии на рассмотренную иконопись византийской и античной культуры говорит один выразительный пример. Почти во всем средневековом искусстве Западной и Центральной Европы исчезает античный костюм. Персонажей древнего времени одевали в одежды, согласно представлениям о последней моде, или в народные одежды. Только во времена Ренессанса, как известно, произошли небольшие изменения. Вместе с тем простые олончане, и мужчины, и женщины, знали в каких одеждах ходили греки, римляне и евреи. Это они могли видеть во время богослужения, глядя, например, на иконы деисусного чина. Еще в 20 в. художник одевал апостолов в туники, хитоны и т. д. Таким образом, у карел было сохранено соприкосновение с античной традицией Греции, как, например, у западных финнов. Некоторое византийское художественное влияние обрело в Олонце, и отчасти в Приладожской Карелии, народный характер и проявилось в самой глубине облика людей, вошло в кровь. Оно направляло развитие женского ткацкого ремесла, воспитывало вкус и чувство цвета.

В кижской и олонцкой иконописи чувствуется дуновение античной греческой мифологии, ранее мы уже упомянули об обнаженной хозяйке земли, которая незванным гостем присутствует на рождестве Христовом. Ангелов в парусах небес (Васильевская часовня) называют как стороны света, подобно свирепым южному и западному ветрам и т. д. Словно в христианской сцене встречаются божества моря и ветра, духи рыбаков в меховых шапках, паромщик Туонелы Харон.

В отсутствии в этой связи больших расхождений мы находим общие точки соприкосновения между иконописью и античным искусством. В иконах деисусного чина, в мистическом шествии персонажей, продолжается античная жизнь, что проявляется в античных одеждах святых, в завитках волос, в кудрявых головах ангелов. Вспоминается лучшее из классического искусства Греции, что проявилось в ритмичной линии рисунка и эллинистической цветовой гамме, подобной настенным рисункам Помпеи, в суровом пафосе, монументальности, ан-

тичной поэзии моря, свойственном всему греческому искусству чувстве красоты. Надо подчеркнуть, что в рассматриваемой иконописи нет ничего отдаленно повторяющего это искусство, наоборот, иконопись привнесла в поздний эллинизм и византийское искусство новое, влила свежую кровь в ослабевающую жизнь, иконописное искусство является чем-то новым, самобытным, здоровым и сильным явлением в искусстве. Какое-то новое чувство очарования растет вместе с тем, как прибавляются наши знания о нем. Знание иконографических и догматических представлений Православной церкви, а также истории искусства и истории жизни святых существенно усиливают наш интерес к иконописи. Таким же образом, как оно помогает оценить то искусство. Именно с этой точки зрения, к сожалению, сведения, касающиеся иконописи Кижской Преображенской церкви, пока крайне ограничены. Мы не знаем, когда написаны иконы, кто их главный мастер и кто был его помощником. Возникает и вопрос о том, кто был заказчиком, а также поручающим лицом? При этом надо обратить внимание на то, что хотя Преображенская церковь и ее иконопись, очевидно, достижение православной иконописной традиции, но в ней все же встречается влияние староверческих черт. Исторические факты и датировка большей частью покрыты мраком. Какое строение общества, его экономическое развитие и средства к существованию способствовали развитию этой иконописи? И каким образом она отражает народный характер, темперамент и всю сущность его психологии? Владеющим этим искусством во многих отношениях должен был быть человек с высоким чувством стиля. Вспоминается пословица «о плодах дерева знают». Все это было бы очень важно изучить. Изучить, какими были представления северного человека о морали, какие у него были идеалы и методы воспитания. И то, как они могли воплотиться в иконописи и повлиять на ее рождение? Надо было бы пролить больше света на этот мифический мир, ту философию, которая заключена в живописи, представляющей Страшный суд. Иконы с темой смерти проповедуют античное искусство как близкое к иконописному искусству. Много в рождении этого искусства, в его характере и духе можно найти в нравственной силе Православной церкви и также старообрядчества, которое приумножилось в течение времени.

Об историческом фоне кижского искусства мы можем сделать некоторые наброски и предположения. Главный мастер был выходцем из Ярославля, Костромы или Вологды. На всем его пути в северном направлении возводились храмы и создавалась иконопись. Во время своих странствий он встретил мастера Нестора. В обществе главного мастера, вероятно, были другие иконописцы, может меньше обучен-

ные, но не менее талантливые. Возможно, что эта группа мастеров под руководством мастера Нестора взяла подряд на строительство и оформление Кижской Преображенской церкви. Иконы писали на острове, в организованной на месте временной мастерской. В течение трех лет выполнялась большая работа. Наряду с основной работой исполнялись побочные заказы, иконописцы писали образа и иконы для крестьян из соседних деревень, по заказам рыбаков, купцов и представителей духовенства.

Преображенская церковь была готова в 1714 г., когда на острове умер её строитель мастер Нестор. Он бросился с церкви, как рассказывают в народе. Словно после такой грандиозной работы не было смысла продолжать жить. О последующей судьбе главного иконописца мы ничего не знаем. Однако с тех пор с природной сверхъестественной благосклонностью в Заонежье, в его чарующей атмосфере, в последующие годы и десятилетия сложились впечатляющее зрителя слово цветового колорита, чудо космического праздничного шествия, проявившееся в изобилии икон церквей и часовен, иконостасов и потолочных росписей. Хотя только отдельные из них могут быть названы работами главного мастера, но во многих иконах четко проявилась его традиционная манера письма. Скорее всего, главному мастеру была предложена новая работа по его уровню и она поторопила отправиться его куда-нибудь на юг или на восток. В Заонежье на долгие годы остались продолжать художественную деятельность его помощники и ученики, при этом они нашли в местных мастерах наследников иконописной традиции. Отсюда кижские иконописцы годами перемещались по Русскому Северу, продолжая профессиональную деятельность в одиночку или в артелях. Трудно рассказать о них больше. Вероятно, имеются церковные источники, в которых сохранились сведения об их именах и о времени работы, но также очевидно, что многие сведения были утрачены навсегда.

В молчании застыл потолок-«небо» над головой стоящего в храме – только от ярких красок образов ангелов говорит пылающая огнем тоска и ее умиротворение в синеве небесного фона души глубины моря.

Несмотря на пробелы в наших знаниях, нас удивило и обрадовало открытие кижского церковного искусства, подобное подводной скале. Оно говорит о том, что высокая духовная культура северного человека сделала доступным библейское живописное искусство через кижский художественный образ.

СИМВОЛИКА АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ НА О. КИЖИ

*Показался Спасушко –
светломилостивый Спас Еросалим!*

Исследователи деревянного зодчества по внешним архитектурным признакам относят церковь Преображения Господня на о. Кижы к башенным ярусным многоглавым храмам¹.

Её силуэт движением архитектурных масс (бочек с главками) направлен к верхней главе, завершающей общий образ. Если следовать формально-типологическому сходству архитектурных форм, то церковь предстает ярусным храмом. Такое представление архитектурного образа в союзе с нарядным убранством скрывает его символическую сущность.

Символика церкви многозначна. Рамки статьи позволяют тезисно обозначить восприятие церкви Преображения Господня через христианскую символику. Предваряя, приведем слова Ю. Линника: *«семантика этого сооружения бездонна... Это наисложнейший текст. Многие его слои еще не высвечены наукой»*².

Объяснить появление столь удивительного произведения, как Преображенская церковь, можно, обратившись к культурно-историческому периоду середины – второй половины XVII в., времени правления патриарха Никона. Издание им «Скрижали» в 1656 г., которая большим тиражом разошлась по стране, послужило мощным толчком к по-

---

¹ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 49–50, 113.

² Линник Ю. В. Архетипы Преображенской церкви // Рябининские чтения-2007. Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 160.

ниманию символических форм храма и литургики. В ней для русских впервые на основании исконного иконографического учения подробно изъяснялся духовно-таинственный, реально-символический смысл знакомых чинопоследований богослужения, отдельных богослужебных предметов, облачений, частей храма и т. п.³ Его грандиозный замысел создания святых мест в окрестностях Москвы – «подмосковной Палестины», – воплотившийся в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, оказал влияние на символическое мышление через систему символов и знаков.

Церковь Преображения Господня – «плод» своего времени, синергическое действие промысла Божия и сознательной воли православных русских людей. Во второй половине XVII в. на территории современной Карелии строится значительное количество православных храмов⁴. В начале XVIII столетия в Обонежье построено несколько многоглавых церквей: Предтеченская в Шуе, Троицкая в Клименецком монастыре, Покровская в Анхимово, Преображенская в Кижях, в своей основе имеющих крестообразный план и потолок-«небо». Таким образом, наблюдается распространение и развитие в деревянном зодчестве иконографии, в основе которой – крестово-купольной тип храма. Архетип подвергся переработке, в процессе которой убирались чуждые для деревянного зодчества элементы. В результате была создана русская редакция, в которой дерево как строительный материал заменило камень⁵.

Основу архитектурного облика церкви Преображения Господня составили три последовательно уменьшающихся кверху восьмерика. Нижний восьмигранный сруб имеет четыре прируба – «контрфорса», ориентированные по сторонам света. Прирубы значительно повысили устойчивость центральной высотной части храма и определили ее крестообразный план – один из самых символически постоянных типов православного храма, в основе которого равноконечный «греческий»

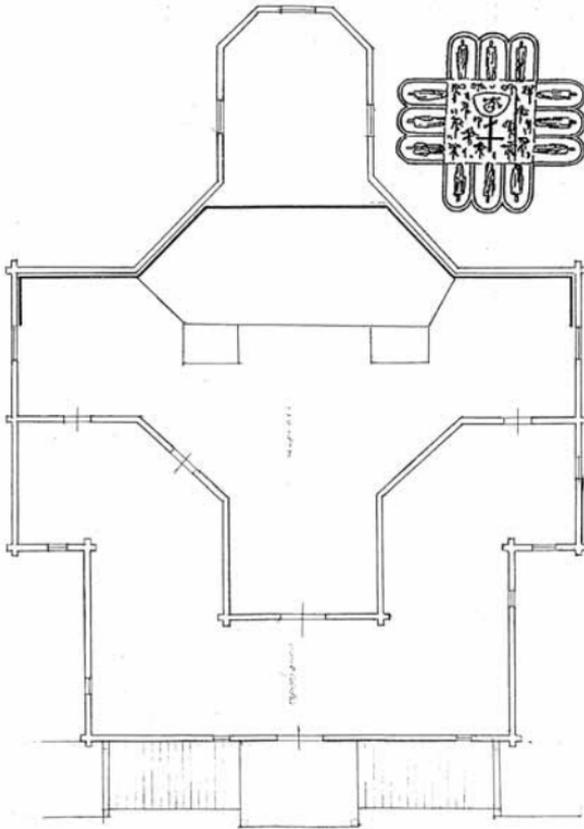
---

³ Лебедев Л. Богословие земли Русской. Размышление у стен нового Иерусалима, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://catacomb.org.ua>.

⁴ Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1988. С. 55–73.

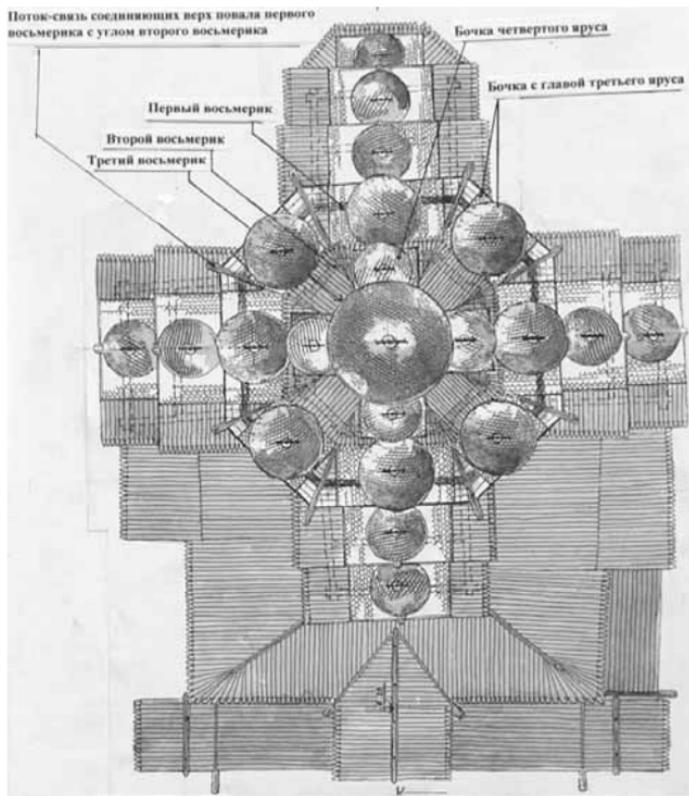
⁵ О взаимовлиянии каменного и деревянного зодчества, в том числе о кижской церкви имеется целый ряд публикаций. См., например: Спегальский Ю. П. К вопросу о взаимовлиянии деревянного и каменного зодчества в Древней Руси // Архитектурное наследство. М., 1972. № 19. С. 65–75; Орфинский В. П. Собор Покрова на Рву и его аналогии (О взаимовлияниях деревянного и каменного храмостроительства на Руси) // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 61–66.

крест (рис. 1). В данной конструкции не только восьмигранник, но и три прируба – южный, северный и западный, в совокупности со «святой святы» – алтарным прирубом, образовали просторное молитвенное помещение – объемный крест – самый универсальный из христианских символов. «Это не есть какой-либо абстрактный знак или иероглиф – это инструмент, посредством которого совершается личное преображение верующего в Христа»⁶. Ярусная конструкция с главками, расположенными на кровлях прирубов и восьмериках, четырехкратно усиливает крестообразную структуру храма (рис. 2).

Рис. 1. Планы Небесного Града и церкви Преображения Господня на о. Кизи

⁶ Мэтьюз Т. Преображающий символизм византийской архитектуры и образ Пантократора в куполе // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 7.

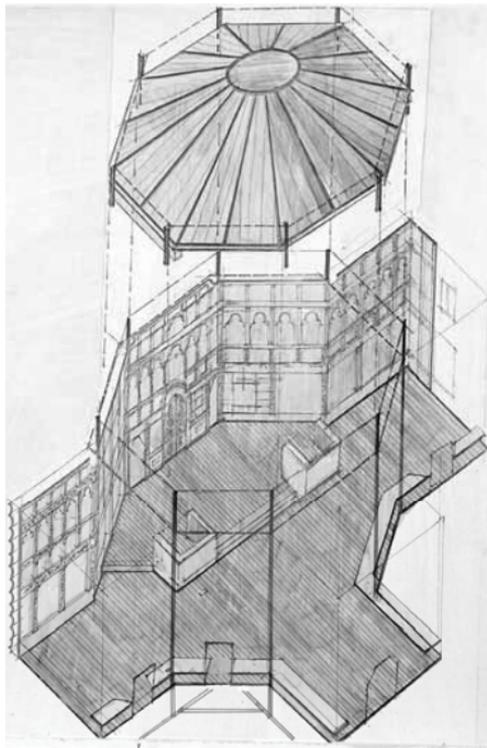

Рис. 2. Схема кровель и глав. Вид сверху на церковь Преображения Господня на о. Кижь

Центричность церкви образована средокрестием восьмигранника в нижней плоскости и шестнадцатигранным «небом» в верхней части. Конструкция «небо» в деревянном храме Русского Севера не что иное, как аналог куполу в каменном храме (рис. 3)⁷. То есть, объемно-пространственная композиция церкви Преображения Господня соответствует архитектурному типу христианского храма – с крестово-купольной структурой, господствовавшей в архитектуре Византии с IX в. получившей широчайшее распространение в древнерусской. Крестово-купольный тип храма был воспринят христианскими странами православного вероиспо-

⁷ Кольцова Т. М. Росписи «небес» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993; Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из фондов музея-заповедника «Кижь». Каталог. Петрозаводск, 2008. Автор выражает свою признательность за предоставленные рабочие чертежи А. В. Козлову, сотруднику музея «Кижь».

ведания как основополагающий, поскольку идеально отражал суть христианского вероучения о Христе – Спасителе («...ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец» (И. Богослов, Откр.21:22)⁸.

Рис 3. Внутреннее пространство храма Преображения Господня на о. Киж

Преображенская церковь памятник поздний в сравнении с древнерусскими каменными храмами, в которых в разной степени «похожести» был проявлен Первообраз. Согласно теологическим воззрениям, каждый храм есть воспроизведение Царства Небесного на земле. В кижской церкви Преображения Господня христианская символика получила дальнейшее развитие, прежде всего, в связи с образом Небесного Иерусалима.

⁸ Отметим, что наиболее значимые храмы на Руси: Софийский в Киеве, Софийский в Новгороде, 1045–1050 гг., Спасо-Преображенский в Переславле-Залесском, 1152 г., Успенский, 1158–1160 гг. и Дмитриевский, 1191 г. во Владимире, Рождества Богородицы в Суздале, 1222–1225 гг., Георгиевский в Юрьеве-Польском, 1230–1234 гг., Троицкий в Троице-Сергиевой лавре, 1422 г., Успенский и Архангельский в Москве, 1505–1509 гг., Софийский в Вологде – в своей основе имеют крестово-купольную структуру.

Образно-символические основы христианского храмостроительства рассматривались в ряде работ⁹, но в них в основном анализировались каменные храмы. Первых исследователей деревянной кижской церкви, И. Э. Грабаря и Ф. Ф. Горностаева, «ритмичность глав и бочек натолкнула на мысль, что здесь есть система и план, и притом план исключительный и небывалый». Однако они ограничились символикой глав, исходя из общей идеи многоглавых храмов: «подчинения приемов многоглавия композиционной системе девятиглавия, символизирующего девять чинов ангельских или девять чинов святых угодников»¹⁰.

Необычная для христианского сооружения трактовка символики архитектурных форм через языческие отголоски была предложена В. А. Крохиным¹¹.

Современный и весьма любопытный взгляд через структурные матрицы предпринял Ю. В. Линник. Философ рассмотрел церковь Преображения Господня с позиции архетипов: крест, круг, пирамида, лестница и тринитарный архетип. Любопытно, что архетип креста и круга он выводит как заимствование из природы, восклицая «Изоформизм приемов налицо!»¹².

Простой геометрический объем – четырехконечный крест с двенадцатью гранями в основе кижской церкви Спаса Преображения *позволяет провести параллель с Небесным Иерусалимом* в соответствии с богословскими формулировками идеала церкви. Этот идеал восходит к описанию святого Небесного Града «нового, сходящего от Бога с неба» евангели-

⁹ Бондаренко И. А. Архитектурные воплощения образа «славы Господней» // Архитектурное наследство. М., 2012. Вып. 56. С. 5–15; Заграевский С. В. Формы глав (купольных покрытий) древнерусских храмов. М., 2008; Мокеев Г. Я. Якоже Горний Иерусалим. Воплощение символа Горнего Иерусалима в архитектуре русских городов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.Voskres.ru/architecture/ierusalim.htm>; Подосинов А. В. Символы четырех евангелистов. Их происхождение и значение. М., 2000; Лидов А. М. Вращающийся храм. Иконическое как перфомативное в пространственных иконах Византии // Пространственные иконы. Перфомативное в Византии и Древней Руси. М., 2011. С. 31.

¹⁰ Грабарь И. Э., Горностаев Ф. Ф. Главные типы великорусского деревянного храма. Биб-ка РусАрх, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusarch.ru/grabar_i4.htm. С. Заграевский в примечании к труду академиком пояснил: «Впрочем, эта концепция оспаривалась уже вскоре после выхода в свет I тома “Истории русского искусства”». В композиции церкви в Кижях девятиглавая основа выражена более крупными по размерам центральной главой и восемью главами второго ряда; остальные двенадцать глав меньшего размера подчеркивают традиционное для северных деревянных храмов крещатое построение плана.

¹¹ Крохин В. А. Символика многоглавия в древнерусском зодчестве и форм покрытий в деревянной культовой архитектуре // Рябининские чтения-1995. Сборник докладов. Петрозаводск, 1997. С. 362–368.

¹² Линник Ю. В. Архетипы Преображенской церкви... С. 158–160.

стом и апостолом Иоанном Богословом. Ворота Небесного Града, согласно видению Иоанна Богослова, охраняют 12 апостолов (Откр. 21). Число стен четырехконечного креста Преображенской церкви в сумме составляет 12, то есть семантически это «12 ворот, по трое на четыре стороны». Крестообразная основа Преображенской церкви соотносится с этим описанием, то есть геометрия церкви соответствует представлениям о Горнем Граде (во образ, а не по образу)¹³ (рис. 1).

В экстерьере памятника явно читается уже упоминавшаяся четырехкратная повторяемость четырехконечного креста. Два нижних и верхний ярус завершаются главками по четыре на каждой кровле. В сумме они составляют двенадцать глав и невольно ассоциируются с двенадцатью жемчужинами из видения И. Богослова (Откр. 21:19). Третий верхний пояс креста оформлен в перекрестиях четырьмя дополнительными килевидными кровлями с главками, образуя вокруг восьмерика круг – знак вечности. Восемь глав, на наш взгляд, сознательно увеличенных в размере, по сравнению с соседствующими ярусами, создают образ восьмиконечной звезды – знака Бога Отца, который в преображенном виде может быть присущ и Сыну¹⁴, что соотносится с названием кижского храма. Сакральность числа восемь как символа Воскресения опять же может восприниматься как явление Небесного Иерусалима¹⁵.

Хотелось бы отметить и то, что жители окрестных мест также воспринимали Преображенскую церковь как олицетворение Небесного Иерусалима: «Показался Спасушко – светломилостивый Еросалим!»¹⁶. Здесь хотелось бы провести интересную параллель с «островным богословием» патриарха Никона, который возводил свои монастыри в окружении воды: Кийский Крестный, Валдайский Иверский, Воскресенский Ново-Иерусалимский, вызывающие ассоциации с Откровением Иоанна Богослова: «..Перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу» (Откр. 4:6). Спасо-Кижский погост также расположен на острове.

¹³ Абстрактно-символическая идея Горнего Града была основной в средневековой картине мироздания и в произведениях искусства передавалась с предельной условностью. В XVII в. идея Горнего Града приобрела новое звучание. Небесный Иерусалим стали изображать на фресках, иконах, осуществлять в монастырских ансамблях, например, в Воскресенском Ново-Иерусалимском и других монастырях, достигших своего расцвета в XVII в. См.: Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII вв. М., 1996. С. 419.

¹⁴ Например, Христос изображается с восьмиконечным нимбом на иконах «Недреманное око», «Спас Благое Молчание».

¹⁵ Восьмеричность в храмовой архитектуре, по мнению М. Е. Морозовой, в ряде случаев указывает на происходящее вращение. Морозова М. Е. Тема Преображения в иконографии и в русском храмовом зодчестве XI–XVI вв. Библиотека РусАрх. [Электронный ресурс]. Ре-жим доступа: <http://www.voskres.ru>.

¹⁶ Агапитов В. А. Кижская топонимия и фольклор // Рябининские чтения-1995. Сборник докладов. Петрозаводск, 1997. С. 240.

Для обоснования символических форм важны публикации, в которых архитектура каменных храмов проецируется на библейский текст пророка Иезекииля – видение им славы Господней¹⁷. Так, текст пророка натолкнул И. А. Бондаренко на мысль о том, что центрические конструкции храмов: купол на четырех опорах или восьмерик на четверике, воспроизвели засвидетельствованное авторитетом Священного Писания «видение славы Господней, нисшедшей с небес на землю и освятившей собой богоизбранное место»¹⁸.

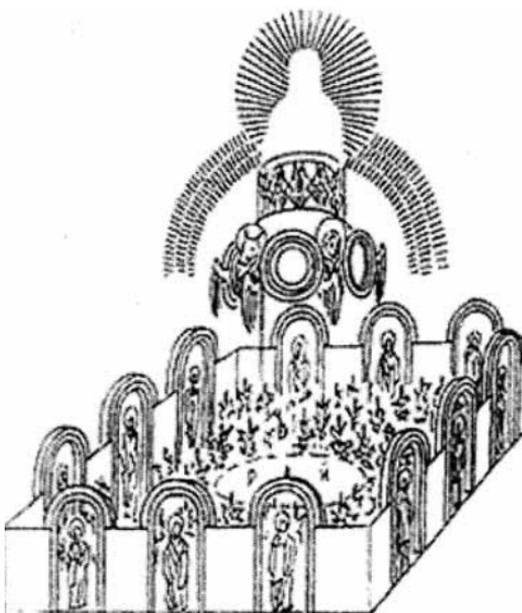

Рис. 4. Изображение Небесного Града и Главы

Г. Я. Мокеев, также рассматривая формы ранних русских православных храмов, сопоставил их завершения с библейскими текстами. Он убедительно обосновал, каким образом зодчим удалось в завершениях каменных храмов воплотить Первообраз Сидящего на Престоле (по видению пророка Иезекииля¹⁹), рассмотрев изображения Небесного Иерусалима в миниатюрах, фре-

¹⁷ «...И сияние было вокруг него. В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом» (Иез. 1:27).

¹⁸ Бондаренко И. А. Архитектурные воплощения... С. 7.

¹⁹ Престол поддерживают четыре многоочитых херувима, под которыми четыре колеса, а над ними свод. «Над сводом, который над головами их, было подобие престола, по виду как бы из камня сапфира, над подобием престола было как бы подобие Человека» (Иез. 1:26).

сках и др. изображениях. По мнению архитектора, этот образ в киевской школе зодчества воплощен в следующих архитектурных элементах: в центре над храмом обычно поднимается сначала верх кубического «подпрестоля» (трибун), затем мощный престол (барaban), наконец вверху – Лобное место с крестом. В смоленской школе образ еще более конкретизирован: «подпрестоле» (трибун) над храмом приняло форму «колес» – арок²⁰ (рис. 4).

То же, но в варианте для деревянного зодчества видим в Преображенской церкви. Вокруг её завершающей главы расположен четвертый ярусный крест. Вместо кубического надпрестоля в каменных конструкциях здесь – восьмигранник. На нем – шейка (барaban) – Престол, на которой завершающая глава – «подобие Человека» (рис. 5).

Рис. 5. Схема верхней части (завершения) церкви Преображения Господня на о. Кижь

²⁰ Мокеев Г. Я. Якоже Горний Иерусалим... (Изображения Горнего Града в качестве иллюстраций взяты из данной статьи.)

Килевидные бочки с главками на них, расположенные по сторонам света, могут быть трактованы как своеобразная опора Престола – в виде Иезекииля – свод, над четырьмя колесами (Иез. 18:28)²¹. А кокошники²² между килевидными кровлями могут символизировать херувимов, на которых спустилась божественная Слава, осенившая это место.

Мастера, возводившие церковь Преображения Господня, обладали не только техническим талантом и эстетической самодостаточностью, им было дано божественное откровение, без которого невозможно воплотить в деревянной конструкции во образ Небесный Град и Славу Господню.

Литургическое содержание интерьера находилось в гармонии с архитектурной оболочкой кижского храма.

Внутреннее убранство кафоликона на первый взгляд было традиционным как для данной местности, так и для своего времени – первой четверти XVIII в. Основные его компоненты – иконостас, солея с клиросами и потолок-«небо». Однако интерьер отличался от внутреннего убранства большинства обонежских церквей масштабностью и единым нерасчлененным пространством кафоликона. С введением в него резной, золоченой рамы-иконостас распространился на стенные плоскости северного и южного концов креста, заполнил ровно половину всех стен храма²³.

Иконостас, как известно, являет образ будущего богообщения в новом преображенном мире²⁴, его главная цель – проповедь Царства Божия²⁵. Четырехъярусный преображенский иконостас включает огромное количество икон и состоит из местного, праздничного, деисусного и пророческого рядов (рис. 6).

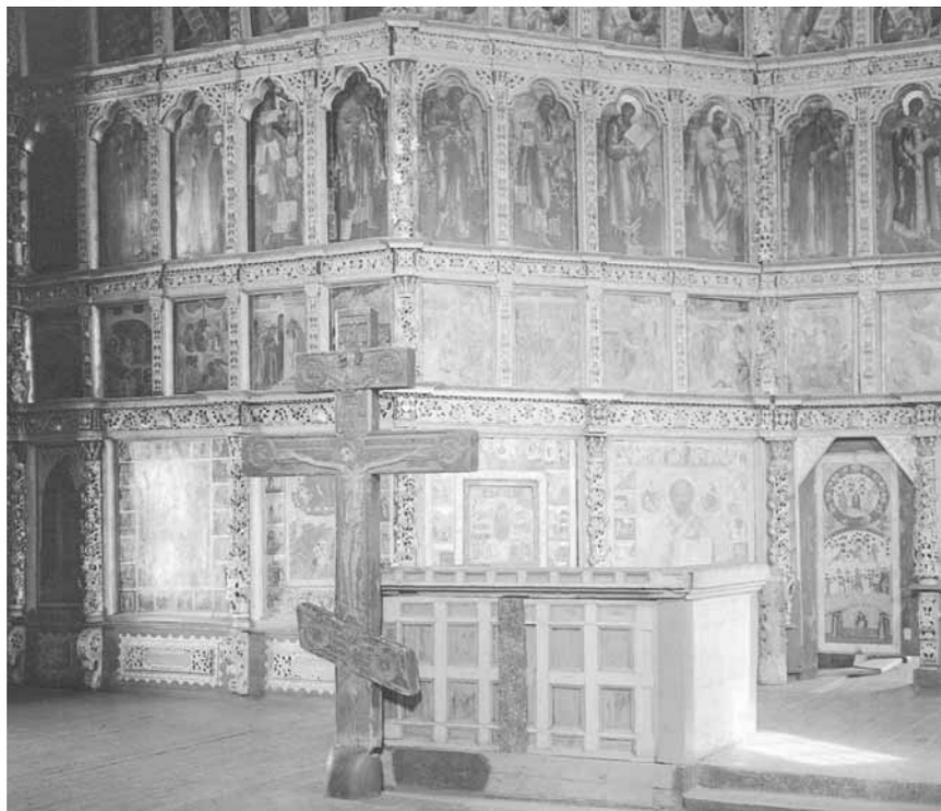
²¹ Здесь также хотелось бы отметить, что форма четырехконечного креста как направление четырех сторон сотворенного мира имеет аналогию с иконой «Спас в силах».

²² Общность архитектурных деталей Преображенской церкви с элементами каменного зодчества отметил Ларс Петтерссон. Он обратил внимание на то, что в нижний восьмигранный сруб Преображенской церкви в момент его возведения «врублены миниатюрные фронтоны, напоминающие расщепленные луковицы, так называемые бочки». «Такая форма, – считал Л. Петтерссон, – инородна для деревянного материала». (См.: Кижский КП- 3161–3164. Петтерссон Л. Заонежские церкви и часовни. (Кижская Преображенская церковь). Рукопись.) Внешне они напоминают закомары (рис.5). Таким образом, можно предположить, что здесь строители использовали элемент, характерный для каменного зодчества. Сходство не ограничено внешним подобием, этот круговой пояс из бочек и фронтонов (кокошников) определяет внутреннюю высоту Преображенской церкви. Кокошники, расположенные наравне с килевидными бочками, создают круговое обрамление, являясь прообразом херувимов.

²³ В церковных документах приведены следующие размеры: высота 3 сажени 2,5 аршина, длина 12 сажений. (НАМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2738. Л. 17. (Петтерссон Л. Кижский погост. Сметы, счета с 1813 г.).

²⁴ Евсева Л. М. Эсхатология 7000 года и возникновение высокого иконостаса // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М., 2000. С. 423.

²⁵ Языкова И. К. Спас в силах. Богословие иконы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.plam.ru>

Рис. 6. Фрагмент иконостаса церкви Преображения Господня на о. Кижи

Иконы местного ряда несут разнообразную информацию, в том числе затрагивают тему Горнего Иерусалима (икона «Ветхозаветная Троица с Деяниями»), икона «Собор Богоматери», кижский вариант которой во многом близок иконографии «О тебе радуется...», олицетворяющей Небесный град, северные алтарные врата, включающие композиции «Лоно Авраамово», «Насажденный рай», «Плачемся и рыдаем»).

Среди икон местного ряда невозможно не отметить композиционное построение храмовой иконы «Преображение» (рис. 7). Спаситель изображен на горе Фавор, к вершине которой ведут четко обозначенные четыре ряда лещадок. Пространственная динамика сюжета построена как своеобразная четырехступенчатая лестница преобразования, по которой совершается путь приобщения к жизни Будущего века. В этом ее композиционное построение значительно отличается от «классического» варианта. Подобной «лестницы» в пределах Обонежья не обнаружено. Завершает местный

ряд икона эсхатологического содержания «Воскресение Христово», композиция которого включает изображение Горнего Града, подтверждаемого надписью «Горний Ерусалим» – как торжество Христа, как образ воплощения идеи будущего века со Спасителем в Царствии Небесном (рис. 8).

**Рис. 7. Храмовая икона «Преображение Господне»
из иконостаса церкви Преображения Господня на о. Кизи**

Подробное представление евангельской и христианской истории на 29 иконах в праздничном ряду освещает литургический год в его нескончаемом круговороте. В иконах этого яруса, на которых сюжет развивается на фоне пейзажа, присутствует изображение белокаменного города, напоминающего Иерусалим («Воскрешение Лазаря», «Исцеление расслабленного», «Христос и самаритянка», «Вход в Иерусалим»). Белокаменная архитектура, завершающаяся высокими шпилями, резко отличается от традиционных иконописных палат (рис. 9). Наличие в праздничном ряду провинциальной церкви икон, повествующих о четырех Вселенских соборах, придает особое содержание иконографическому замыслу.

Рис. 8. Фрагмент иконы «Воскресение Господне» из местного ряда иконостаса церкви Преображения Господня на о. Кизи

Рис. 9. Фрагмент иконы «Вход в Иерусалим» из праздничного ряда иконостаса церкви Преображения Господня на о. Кизи

Своеобразие иконографической программы иконостаса этим не ограничено. В центре деисусного ряда – образ «Спас в силах»²⁶. В наименовании композиции «Спас в силах» отражена богословская концепция – явление Иисуса Христа в силе и славе в конце времен как исполнение Божественного Промысла о мире: «Дабы все земное и небесное соединить под главой Христа»²⁷. В деисусном чине, помимо традиционного состава, Спасителю предстоят преподобные. Они представлены русскими святыми: Александр Невский, Антоний Римлянин, Варлаам Хутынский, Зосима и Савватий Соловецкие. Исключение составляет Симеон Столпник. Их необычно много, приближенные по своему духовному состоянию к Богу, они напрямую связаны с преображением тела и духа. Святые, предстоящие в деисусном чине, расположены в ставах с арочными проемами (*подобно скиням небесным*) – такая конструкция опять же символически может быть зрительным напоминанием о Небесном Граде. Литургическое значение их не ограничено участием в Евхаристической молитве, они также представляют образ Будущего века, вместе с пророками, изображения которых расположены в следующем верхнем ярусе. Тексты на свитках многих пророков свидетельствуют об Иисусе Христе как Спасителе (пророчества Давида, Аггея, Захарии, Авдия, Михея, Амоса, Софония).

Золотофонность икон и добавленное позднее золото резной рамы с виноградной лозой и бутонами райских цветов придают сакральность иконостасу и храму как Небесному Иерусалиму – граду из чистого золота.

Удивительно расположение иконостаса в Преображенской церкви. Конструкция иконостаса повторяет форму церкви. Его форма, как распростертые объятия Христа, обнимает и вовлекает прихожанина, делает его вместе со святыми сопричастным Господу. Эта идея передана через текст на книге в руке Спасителя на главной иконе иконостаса «Спас в силах»: «ПРИИДИТЕ КО // МНЕ ВСИ ТРУ//ЖДАЮЩИИСЯ // И / ОБРЕМЕНЕНИИ//И / АЗЪ ПОКОЮ ВЫ // ВОЗМИТЕ ИГВ // МОЕ НА / СЕБЕ // И / НАУЧИТЕСЯ // ОТ МЕНЕ ЯКО КРОТОКЪ ЕСМЪ». Входя в церковь, кижане оказывались в пространстве креста. В нем они литургически приобщались к крестной жертве Христа, отождествлялись

²⁶ Заонежье, и в частности Спасо-Кижский погост, длительное время находились во владении Великого Новгорода, и влияние новгородской культуры заметно в наследии Заонежья. Между тем центральные иконы в кижских храмах (Покровская, Преображенская церкви, Петропавловская часовня) представлены в иконографии «Спас в силах».

²⁷ В этой иконографии сливаются различные аспекты трактовки образа Христа: эсхатологический аспект (второе пришествие Спасителя и Страшный суд), апокалиптический (образ Царя царей, Небесного Владыки и Агнца) и софийный (Пантократор — Логос, Бог Творящий). (см.: Языкова И. К. Спас в силах...).

с распятым Христом, преображались посредством креста. Это преображение было усилено подкупольным «небесным» пространством²⁸. В центре потолочной росписи Преображенской церкви, к сожалению, безвозвратно утраченной, размещалась композиция «Новозаветная Троица» в окружении небесных сил (серафимов, херувимов, престолов), в основе которой слова: «Восшедший на небеса и сидящий одесную Отца»²⁹. Здесь можно усмотреть завершение теофании преображения – явление Христа в Троице. Исходя из посвящения церкви, композиция семантически может означать подтверждение единственности Христа и Бога-Отца, утвержденному на I Вселенском соборе (Никейском соборе). Центральный медальон окружали грани, на которых в три регистра были изображены серафимы, чередовавшиеся с херувимами, ангелы, праотцы³⁰, расположенные опять же в круговом движении. Заметим, что на данном «небе» есть изображения персон, не встречаемых в других потолочных росписях. В частности, включение Иосифа Аримафейского усиливало литургический аспект храмовой декорации. «В пакибытии, – пишет протоиерей Лев Лебедев, – все удостоившиеся Царства Небесного будут созерцать не что иное, как Божественную литургию, поскольку она есть образ всего домостроительства Божия о спасении человека, образ всего Божия Промысла о сотворенном Им мире»³¹.

Замковое кольцо, обрамлявшее медальон, иконы вокруг медальона представляют собой круг как символический образ рая.

Прихожанин, находясь в кафоликоне, пребывал в центре храма на оси: крест – замковое кольцо, вместе с Богом, который «иже еси на небеси и на земли» (рис. 3). Душа земного многогрешного человека, находившегося в центре пространственного креста – восьмигранника, преображаясь, устремлялась к небесам, в Царствие Божие, в соответствии с иконографической программой, замыкавшейся круговым текстом молитвы. Замковое кольцо, обрамлявшее образ Троицы, содержит текст молитвы «Отче наш» – молитвы, которую заповедал Господь. На этой оси: средокрестие (с преображающимися прихожана-

²⁸ Иконы «неба» утрачены в годы Второй мировой войны. Сохранились конструктивные элементы: расписные тьябла, замковое кольцо с текстом и фризы, прикрывавшие стыки восьмерика и конусообразного потолка. В фондах музея-заповедника «Кижский острог» имеются материалы фотофиксации икон неба, сделанные финскими военными во время оккупации.

²⁹ Эта композиция ранее XVIII в. неизвестна в «небесном» воспроизведении. До этого периода центральными образами были «Вседержитель» (в церквах и часовнях) и «Христос иерей» (в церквах).

³⁰ Не все персонажи на потолочной росписи являются праотцами в строгом смысле этого понятия, например: Иосиф Аримафейский, святой князь Владимир, родители Богородицы Анна и Иоаким.

³¹ Лебедев Л. Богословие земли Русской...

ми) – «небо» (с ангелами, праотцами и Троицей), иконографическая программа храма (как интерьерная, так и экстерьерная) получала свое логическое завершение.

Несмотря на видимые изменения в храмовом оформлении, характерные для XVII–XVIII вв. (резной золоченый иконостас, применение в иконописи новомодных тенденций), которые связаны с естественным стремлением прихожан отразить новые веяния в храмовой декорации, убранство Преображенской церкви было реализовано в полном соответствии с богослужением и одновременно отражало важнейшие идеологемы эпохи, соответствующие духовным запросам времени. Каноническая концепция крестово-купольного храма – Небесного Града – как совершенного, вечного, была полнокровно воплощена в летней кижской церкви.

ТРАПЕЗНАЯ ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

Долгое время у исследователей и сотрудников музея «Кижы» вопрос о трапезной как об одновременной с церковью постройке не вызывал сомнений.

Прорыв в данном вопросе совершил финский исследователь Ларс Петтерссон, изучавший церковь в годы оккупации Заонежья в 1942–1943 гг. Результаты своих исследований он представил в 1950 г. в графических чертежах в виде реконструкции открытой «галереи» – крыльца с наклонной крышей, без потолка. «В западном прирубке находится трапезная, разделяющей стены между собственно церковью и трапезной никогда не было»¹. Узкая галерея охватывала все грани западного фасада церкви с одним выходом на двумаршевое крыльцо (рис. 1, 2).

Такой в представлении Ларса Петтерссона была первоначальная конструкция церкви во время завершения её строительства в 1714 г.

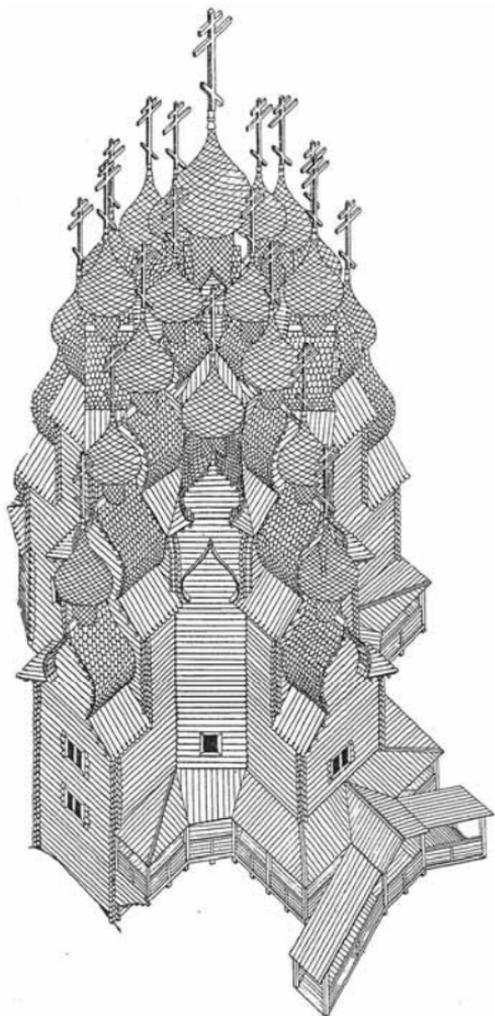
Гравюра Р. Зотова 1785 г. – самое раннее изображение Кижского погоста – не является точным источником, но всё же даёт представление об узкой, с глухими стенами пристройке с односкатной кровлей, примыкающей к западному фасаду церкви (рис. 3).

Через 50 лет, в 2000 г., предположение финского исследователя развивает главный архитектор проекта реставрации Преображенской церкви В. С. Рахманов. Он считает, что первоначально «с запада к основному объёму примыкала *паперть с каркасным верхом, а по подклету – бревенчатая* (курсив наш. – В. Г., Б. Г.), связанная с ним в единый сруб. Входы в церковь были решены через сложную систему крылец. Основное – западное, с ориентацией лестничных маршей на север

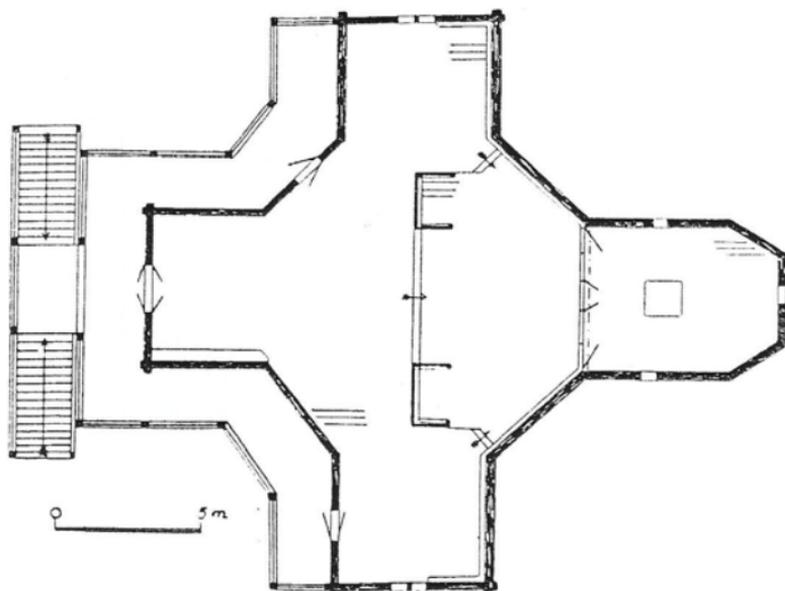
¹ Pettersson L. Äänisniemen kirkollinen puuarkkitehtuuri. Helsinki, 1950. S. 53–54.

и юг. Два боковых – северное и южное – ввели от нижних площадок западного крыльца к крыльям паперти. Южный вход был связан «висячим» переходом со стоявшей рядом колокольной»².

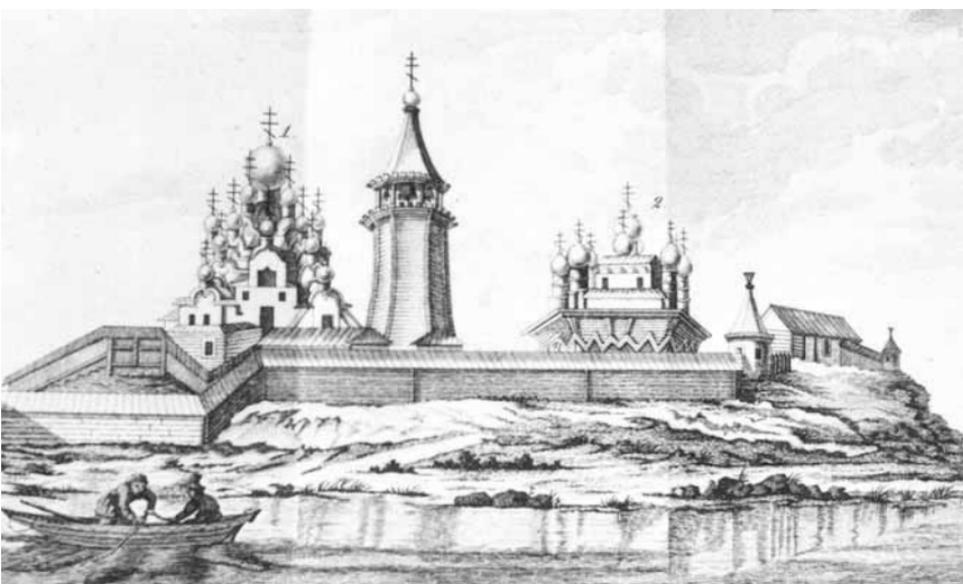

**Рис. 1. Реконструкция Преображенской церкви на 1714 г.
Исполнитель Ларс Петтерссон**

² НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1972. Л. 9. (Комплексный эскизный проект реставрации Преображенской церкви Кижского погоста. Т.3. Этапы строительства, ремонтов, исследований и реставрации (на основе историко-архивных и натуральных исследований. Обоснование проекта реставрации. СПб., 2000.)

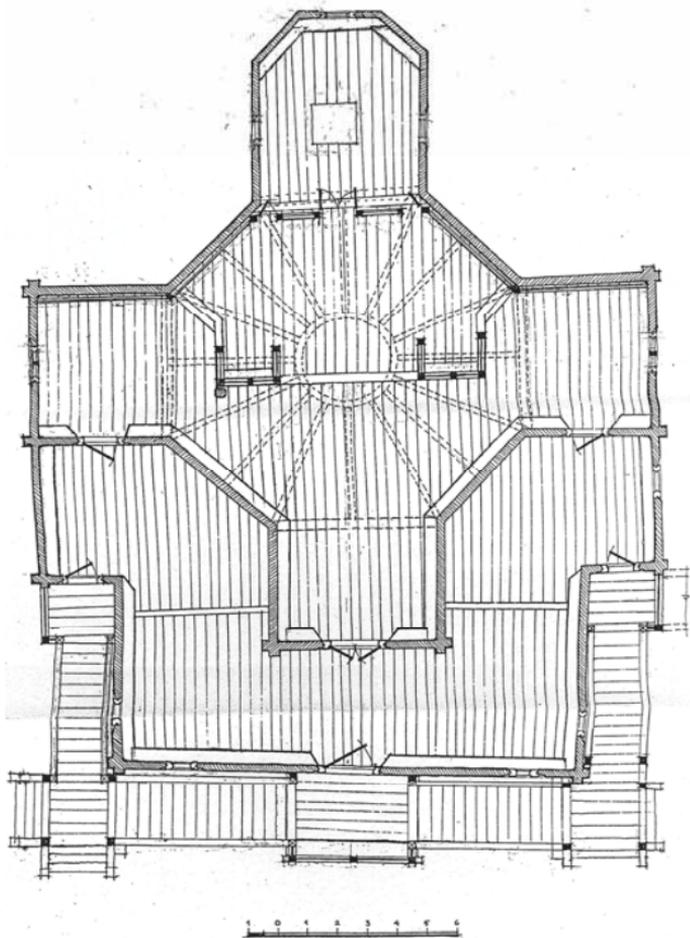
*Рис. 2. Реконструкция Преображенской церкви на 1714 г.
Исполнитель Ларс Петтерссон. План, горизонтальная проекция*

Рис. 3. Первое графическое изображение Кижского погоста. Гравюра Р. Зотова. 1785. (Из книги «Путешествие академика Н. Озерецковского по озёрам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя». СПб., 1792)

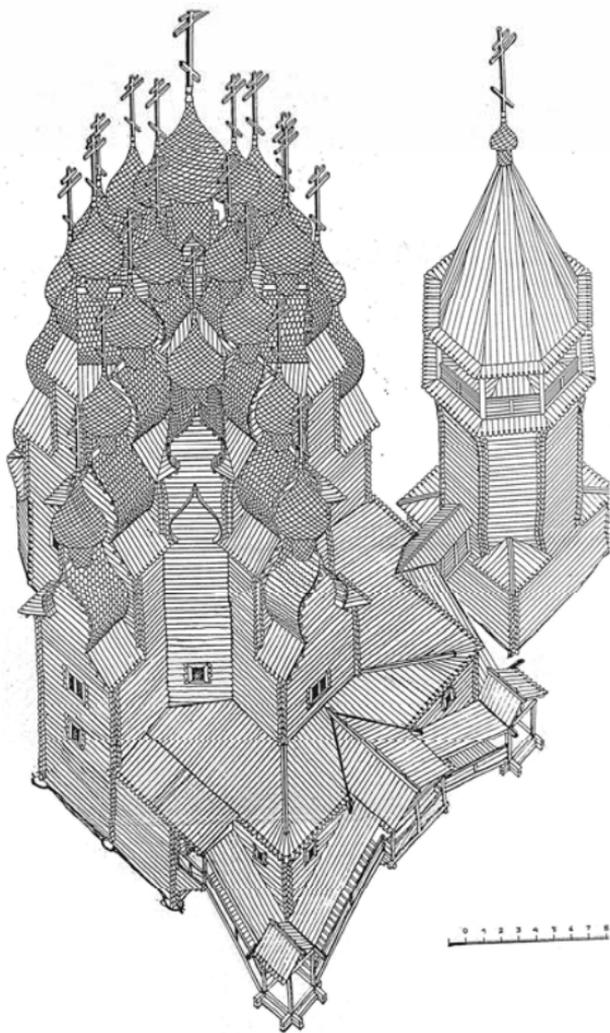
Заметим, что в отличие от Ларса Петтерссона, отметившего лишь один вход в церковное помещение через двумаршевое крыльцо, архитектор В. С. Рахманов представляет сложную систему крылец, ведущих в церковь³ (рис. 4, 5).

Кроме того, паперть с каркасными стенами и кровлей у В. С. Рахманова имеет другую, отличную от контуров открытой «галереи» – крыльца Ларса Петтерссона, конфигурацию и выглядит намного объёмнее.

**Рис. 4. План основного яруса Преображенской церкви.
Исполнитель В. С. Рахманов, 2000 г.**

³ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1972. Л. 102–103.

**Рис. 5. Аксонометрическая реконструкция церкви и колокольни.
Исполнители: Л. Петтерссон с дополнениями В. С. Рахманова**

Таким образом, мы имеем два разных представления о первоначальном образе церкви Преображения Господня.

Архитектор В. С. Рахманов предполагает, что в 1714 г. Преображенская церковь возводится на месте сгоревшей меньшего размера. Поэтому в пятне застройки нового храма оказались захоронения на примыкавшем кладбище, что, по всей видимости, исключало возможность устройства необходимых фундаментов глубокого заложения и стены

церкви строятся с опорой на большие валуны, уложенные по углам, с мелкой валунной поверхностной забиркой.

В результате неравномерной осадки фундаментов, усушки элементов сруба и других конструкций храма в его разных частях произошли изменения, повлёкшие деформации полов, балок потолков, тябел иконостаса, каркасных стен и кровли притвора в зоне её примыкания к основному объёму – восьмерику с прирубами. Появились значительные отклонения стен сруба от первоначального положения.

По мнению В. С. Рахманова, деформации возникли уже в процессе строительства и в первые годы существования церкви. К 1759 г. положение усугубилось ещё более и деформации достигли состояния, осложняющего нормальную эксплуатацию здания. Наружные каркасные стены притвора (стоечно-балочная конструкция с дощатым заполнением), потолок-«небо», тябловый иконостас, дверные заполнения и полы, видимо, особенно реагировали на неравномерность осадки стен и требовали постоянного выравнивания. Это в первую очередь и определило неизбежность замены каркасных стен притвора на срубные в 1780–1800 гг.⁴

Отталкиваясь от надписи, сохранившейся на фризе «неба»: «Возобновлены сии небеса в лето мироздания 7267 (1759) от Рождества же по плоти Бога слова», В. С. Рахманов, соглашаясь с архивными и натурными исследованиями, высказывает предположение о проведении в этот период ремонтных работ, устраняющих деформационные причины. Производится частичное выравнивание полов, обновляется «небо», *каркасные стены притвора заменяются на бревенчатые* (курсив наш. – В. Г., Б. Г.), поднимается на один венец уровень крыши притвора со стороны восьмерика, в северо-восточной части паперти делается перегородка для устройства кладовой, в северо-западной стене устраивается новый дверной проём. Вероятно, вместо двери в подклет под крыльцо первоначально был небольшой, сравнимый с окном, лаз⁵.

В 1815 г. церковная кладовая, устроенная в северо-восточной части паперти, переоборудуется в ризницу для хранения церковных ценностей. Во время ремонта кладовая покрывается листовым железом⁶. Размер кладовой составлял «в длину 2 ½, шириною 2 сажени, вход в оную кладовую из церкви»⁷. В связи с этим разбирается северное крыльцо и на месте дверного проёма делается окно⁸.

⁴ НАМК. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1972. Л. 21–22.

⁵ Там же. Л. 11–13.

⁶ Из книги счетов кижского церковного старосты Петра Козьмина за 1815 г. о расходах на ремонт Преображенской церкви // Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.). Петрозаводск, 2014. С. 14.

⁷ Исторические сведения о приходе Кижском // Документы и материалы... С. 32.

⁸ Комплексный эскизный проект реставрации Преображенской церкви... Т. 3. Л. 14.

В архивных записях после 1832 г. о северном крыльце не упоминается, так как оно уже отсутствует продолжительное время, а вместо дверного проёма в западной стене северной части притвора устроено косячатое окно. Консоли крылечной площадки срублены (следы их визуальнo чётко прослеживаются)⁹.

Натурное исследование Преображенской церкви, выполненное архитектором-реставратором В. А. Крохиным в 2006 г., зафиксировало в северном прирубе на месте бывшей двери трёхкосячатое окно с пятью бревенчатыми «коронками», введёнными в сруб впритык к старым дверным затёсам левой дверной колоды, а также штрабу для устройства верхней площадки крыльца. Данные следы указывают на наличие выхода на крыльцо из кладовой-ризницы, связанной прежде лестничным пролётом с нижним рундуком основного двумаршевого крыльца (рис. 6). Архитектор представил черновой набросок северного крыльца (рис. 7).

Рис. 6. Северный прируб Преображенской церкви. Фото 2006 г.

⁹ Там же. Л. 17–18.

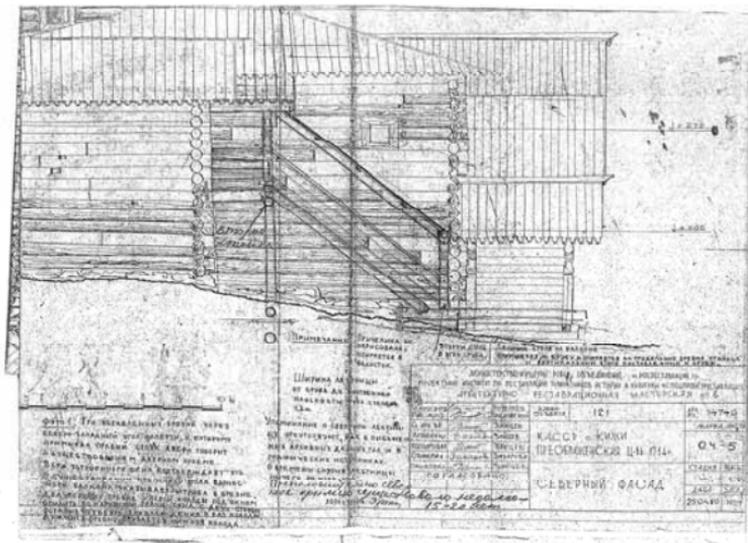

Рис. 7. Реконструкция лестничного пролёта северного крыльца (черновой вариант). Исполнитель В. А. Крохина, 2006 г.

По мнению В. А. Крохина, крыльцо существовало недолго (20–30 лет) и было ликвидировано в связи с устройством в кладовую-ризницу нового входа непосредственно из собственно церковного помещения, о чём свидетельствует дверь, существовавшая в северо-западной грани прируба.

Таким образом, лестничный марш с северного фасада, примыкающий к главному парадному крыльцу, действительно существовал.

С южного фасада был устроен «церковный мост» (переход на столбах), ведущий из церковного помещения в старинную колокольную, по всей видимости, не связанный с устройством лестничного марша, примыкающего к центральному крыльцу. Перепад местности заставил устроителей поднять «мост» на столбах, то есть сделать его «висячим» с невысоким лестничным подъёмом – спуском в сторону колокольни (рис. 8). Этот переход был зафиксирован в архивных документах разных лет, а также на гравюре Р. Зотова в 1785 г.¹⁰ (см. рис. 3). Крытый переход существовал до 1862 г., до возведения новой колокольни вместо обветшавшей прежней.

Наличие церковного перехода в прежнюю, старинную колокольную подтверждается существовавшей до недавнего демонтажа трапезной двери, ведущей «в никуда», которая использовалась до 1862 г., до разборки обветшавшей колокольни и уничтожения церковного перехода (рис. 9).

¹⁰ См.: Гущина В. А. Предложения к проекту реставрации Преображенской церкви (исторический аспект) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 91.

Согласно архивным данным в описании храма, составленном священником С. Ржановским, значит: «В западную сторону паперти крыльцо с двумя на юг и север лестницами, а третье крыльцо с лестницею же на южной стороне. Над обоими крыльцами и всеми лестницами устроена крыша»¹¹.

По мнению В. С. Рахманова, это описание свидетельствует о существовании третьего лестничного марша южного крыльца¹².

Данное представление, на наш взгляд, неправомерно в связи с наличием здесь уже имеющейся крытой площадки – церковного моста – перехода из церкви на колокольню. Предполагаемое наличие южной лестничной площадки, примыкающей к нижнему рундуку основного крыльца, с двойным выходом из церкви через церковный мост в колокольню и одновременно на главное крыльцо стало бы лишним.

В настоящее время воссоздание данных конструкций в виде двух дополнительных лестничных маршей (предполагаемого с южной и действительно существовавшего с северной стороны), примыкающих к основному крыльцу, на наш взгляд, неоправданно. Достаточно отобразить кратковременное наличие одного (северного) и предположение о другом (южном) в исторической документации и ввести в научный оборот в схематическом виде¹³.

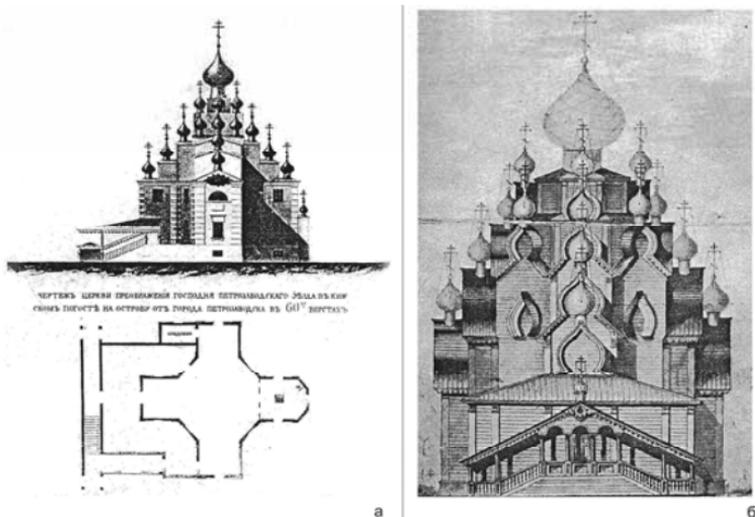

Рис. 10а,б. Преображенская церковь. Проект нового оформления южного и западного фасадов. Исполнитель техник Петров, 1866

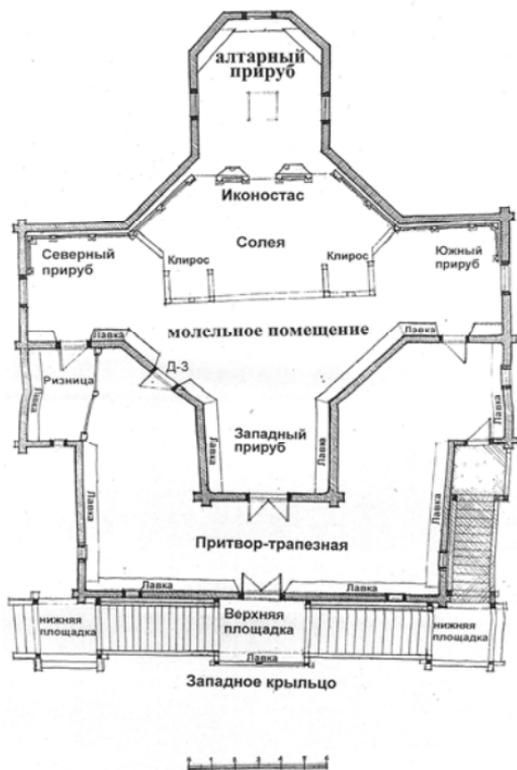
¹¹ Исторические сведения о приходе Кижском Петрозаводского уезда // Документы и материалы... С. 32.

¹² Комплексный эскизный проект реставрации Преображенской церкви... Т. 3. Л. 19.

¹³ Гущина В. А. Предложения к проекту реставрации Преображенской церкви... С. 101.

В связи с этим интерес представляют чертежи проекта нового оформления церкви Преображения Господня, выполненные техником Г. Петровым в 1866 г., после разборки древней колокольни и уничтожения церковного перехода. Автор предлагает использовать оставшуюся дверь, ведущую «в никуда», в качестве выхода на боковое крыло главного крыльца с южной стороны. Впоследствии разработчик проекта отказался от такого варианта крыльца, сохранив его двумаршевый образ без дополнительных боковых лестничных пролётов, но в более детальной декоративной разработке¹⁴ (рис. 10 а, б).

По мнению В. С. Рахманова, после разборки церковного моста южное крыльцо сохраняется¹⁵ (рис. 11), что даёт архитектору основание для воссоздания парадного крыльца с двумя дополнительными лестничными маршами как с северной, так и с южной стороны.

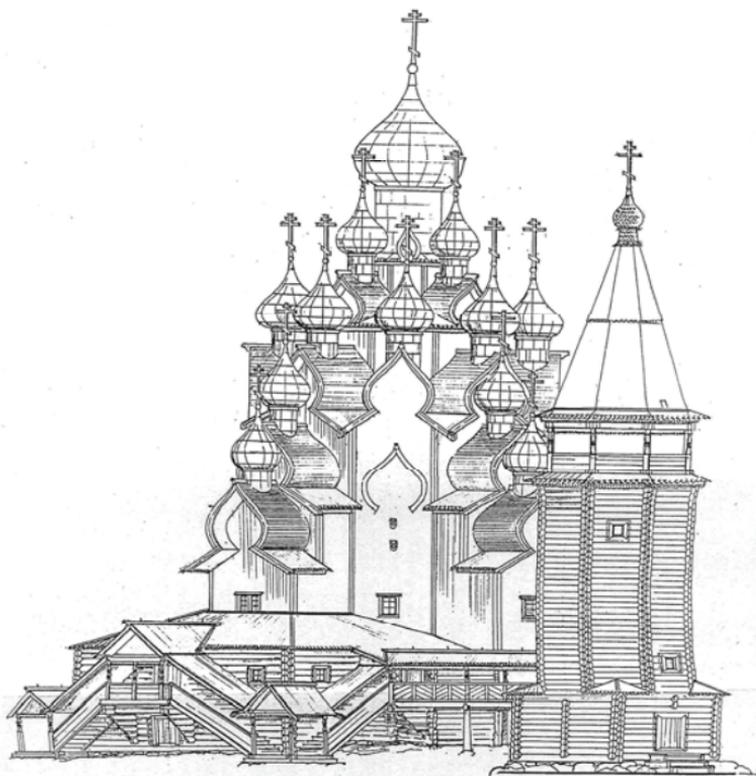

**Рис. 11. Пролёт южного лестничного марша западного крыльца.
Исполнитель В. С. Рахманов, 2000 г.**

¹⁴ Там же. С. 92–93.

¹⁵ Комплексный эскизный проект реставрации Преображенской церкви... Т. 3. Л. 19.

Существование южного пролёта крыльца поддержал и архитектор Е. В. Вахрамеев¹⁶ (рис. 12).

*Рис. 12. Юго-западный фасад Преображенской церкви.
Исполнитель Е. В. Вахрамеев*

В 1981 г. Б. П. Зайцев, главный архитектор проекта инженерного укрепления и архитектурной реставрации Преображенской церкви, отразил на её макете крыльцо с двумя боковыми лестничными маршами¹⁷.

Архитектор А. В. Ополовников, автор проекта реставрации Преображенской церкви, разработанного и осуществлённого в 1949–1959 гг., в своей рецензии на «Проект инженерного укрепления и архитектурной реставрации ...» выразил согласие с авторами, принявшими такое решение, отмечая при этом, что он при реставрации «... преследовал основ-

¹⁶ Комплексный эскизный проект реставрации Преображенской церкви... Т. 3. Л. 105.

¹⁷ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1085. Л. 98, 99. (Комплексный проект инженерного укрепления и архитектурной реставрации Преображенской церкви. Москва. Трест «Росреставрация». 1981 г.).

ную цель – раскрыть подлинную архитектуру сооружения, сняв с него мертвящий футляр тесовой обшивки и чуждые народному деревянному зодчеству металлические кожухи на главках.

Эта задача, как известно, была выполнена, но, сконцентрировав внимание на главном, были упущены некоторые другие вопросы реставрации церкви, по тому времени не столь актуальные. В частности, не все элементы его первоначальной архитектуры были восстановлены. ...Прежде всего, речь идёт о восстановлении боковых крылец притвора Преображенской церкви. Следы врубок на брёвнах убеждают в существовании крылец в прошлом, а сам характер врубок позволяет с достаточной достоверностью определить ширину крылец. Наличие подобных крылец в древнерусских деревянных церквях – явление весьма распространённое, о чём говорят и сами авторы проекта, ссылаясь на конкретные примеры и литературные источники. Положительно и то, что характер архитектурного решения крылец находится в полном соответствии с конструктивными и архитектурными приёмами центрального крыльца»¹⁸.

В начале 19 в. после многочисленных мелких поправок, выравнивания, установки подпорок и т. д. появляется необходимость устройства надёжных фундаментов и дощатой обшивки на постоянно деформировавшихся стенах¹⁹.

Сметой и проектом Г. Петрова, разработанными в 1866 г., предусматривалась разборка бревенчатой пристройки, охватывавшей основную объём церкви с запада, и строительство на этом же месте новой.

К сожалению, в архивных документах начала 19 в. нет сведений о том, что представляла собой предполагаемая архитектором В. С. Рахмановым папёрть с каркасными стенами и крышей стоечно-балочной конструкции с дощатым заполнением, нет данных и о заменившем её бревенчатом притворе.

Архивные сведения 1866 г. дают некоторое прояснение по этому вопросу: «Через несколько лет после строительства её (церковь) ремонтировали... была сделана бревенчатая пристройка, которая непосредственно примыкает к зданию церкви без связей и потолка, только лишь с кровлей “по курицам и потокам” и полом, огороженных тремя стенами, самым простым и непрочным способом, без всякого украшения. И как, побывав на месте, констатировали, стены опустились (осели), брёвна отделились от церковных стен, так что дождевые ливни постоянно струятся вдоль стен, причиняя постройке вред»²⁰.

¹⁸ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1075. Л. 99. (Ополовников А. В. Рецензия на «Проект реставрации Преображенской церкви в Кижях». Москва. 1981 г.).

¹⁹ Комплексный эскизный проект реставрации Преображенской церкви... Т. 3. Л. 22.

²⁰ Из сметы расходов Кижского погоста на ремонт Преображенской церкви // Документы и материалы... С. 55.

«Духовенство и жители прихода объяснили, что эта боковая пристройка (курсив наш. – В. Г., Б. Г.) была предназначена собственно для тех людей, которые приходили в церковь из соседних деревень на церковные праздники, и что её из-за этого хотели использовать и в дальнейшем для той же цели с тем условием, что:

1. Совместно с ремонтными работами на церкви разберут стены пристройки и построят их вновь, просто связывая и соединяя их со стенами церкви сжимами и болтами... Нужно разобрать бревенчатые стены пристройки высотой 7,5 аршинов, толщина 6 вершков, 4 венца из всех стен церкви или всего 446 сажень...»²¹.

Однако, как констатирует архитектор В. С. Рахманов, от данной идеи отказались и эти работы были исключены. Паперть сохранялась и ремонтировалась²².

Возможно, данное заключение уточнят исследования, предпринятые в 1999 г. Н. Л. Поповым²³.

На основании упомянутых выше архивных сведений им были исследованы места пристыковки северной и южной стен сруба трапезной к западным углам северного и южного прирубов храма. Визуально и методом прощупывания металлической полосой выявлено, что доступные для исследования брёвна трапезной и брёвна прирубов не являются цельными, сквозными и просто примыкают друг к другу в угловых врубках прирубов. Это примыкание завуалировано торцевым остатком врубки «в обло»²⁴ (рис. 13).

При этом, по заключению Н. Л. Попова, «следует существенный и неутешительный вывод о том, что в связи с удалением торцевых остатков врубки “в обло”, ранее выходивших из северного и южного прирубов на запад, значительно ослаблены конструкции этих прирубов».

Авторское заключение следующее: «Поскольку само здание и более поздняя пристройка-трапезная ...не составляли единого целого, то можно предположить, что перевязка здания для удержания их в единой конструкции осуществлена позднее введённым перерубом в подклете трапезной между торцевой стеной западного прируба храма и западной стеной пристройки-трапезной»²⁵ (рис. 14).

²¹ Из сметы расходов Кижского погоста... С. 55–56.

²² Комплексный эскизный проект реставрации... Л. 24.

²³ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1969. Л. 13. (Комплексный эскизный проект реставрации Преображенской церкви Кижского погоста. Кн. 2. Т. 1. СПб. Институт «Спецпроект-реставрация»).

²⁴ Там же. Л. 41.

²⁵ Там же. Л. 14.

Преображенская церковь на о.Кижь
Соединение пристройки-трапезной с основным срубом храма

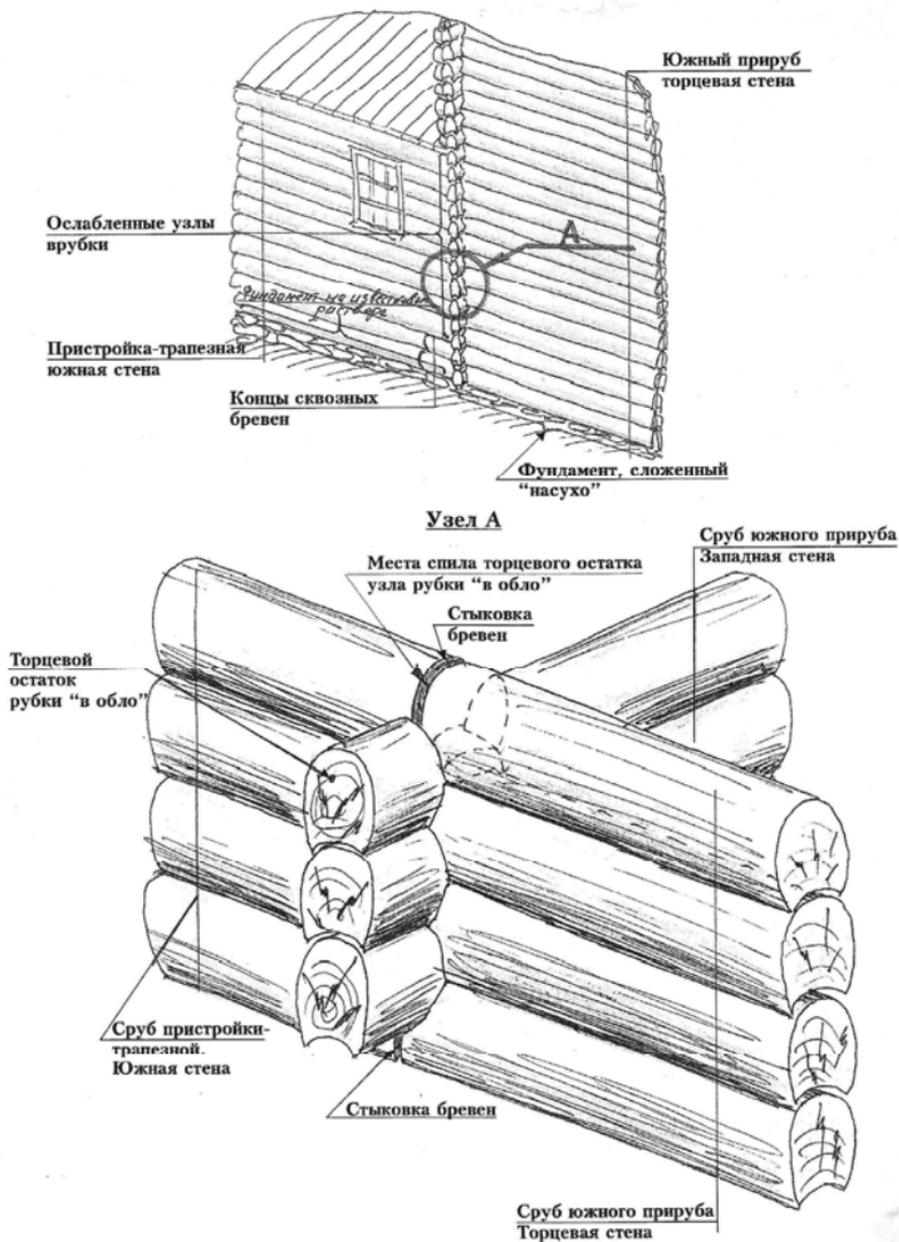
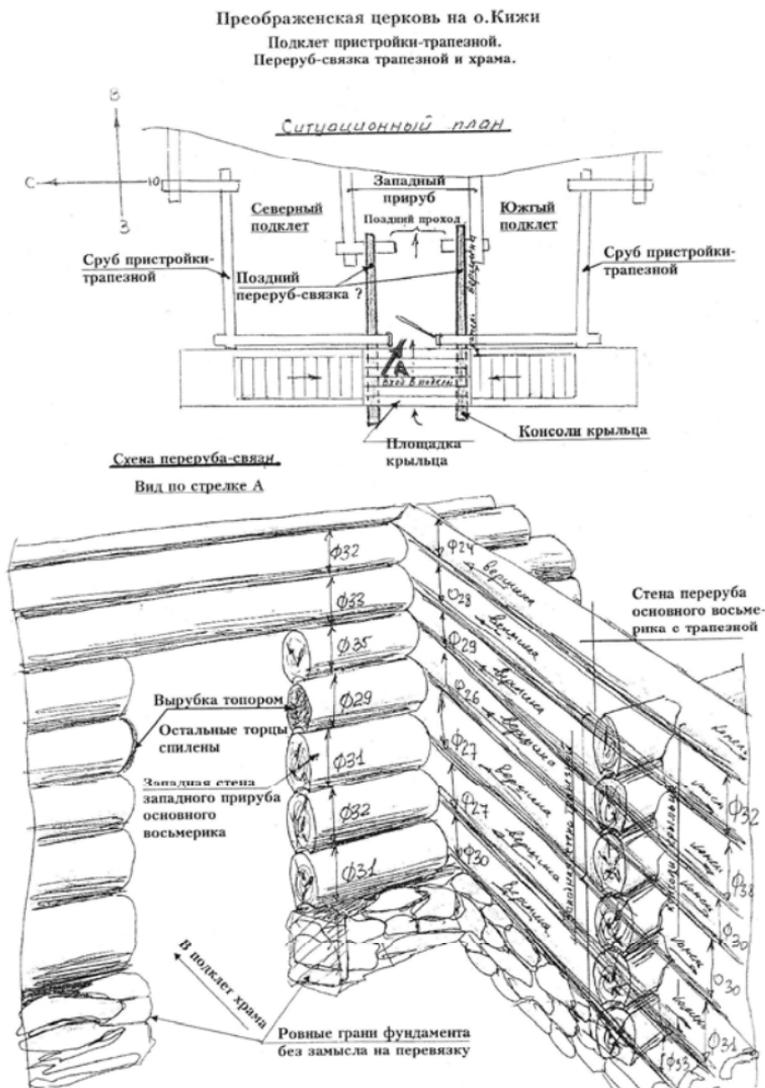

Рис. 13. Соединение пристройки-трапезной Преображенской церкви с основным срубом храма. Исполнитель Н. Л. Попов

Рис. 14. Подклет пристройки-трапезной Преображенской церкви.
Переруб-связка трапезной и храма. Исполнитель Н. Л. Попов

На предположение о том, что данная связка-переруб имеет более позднее происхождение, исследователя наводит «...сама конструкция этого переруба, которая собрана из не притёсанных по длине круглых брёвен со щелями от 1 до 4 см, вершинами в одном направлении, вставленными между брёвнами торцевой стены западного прируба, по всей видимости, в период вырав-

нивания храма подкопом с западной его стороны. При этом нижние брёвна торцевой стены западного прируба, находящиеся в контакте с перерубом-связкой, также были заменены. Об этом говорят их внешний вид (идентичен брёвнам переруба-связки) и характер их укладки по длине (без притёски). Окончательную проверку справедливости данного предположения даст дендрохронологический анализ этой связки стен» (рис. 15)²⁶.

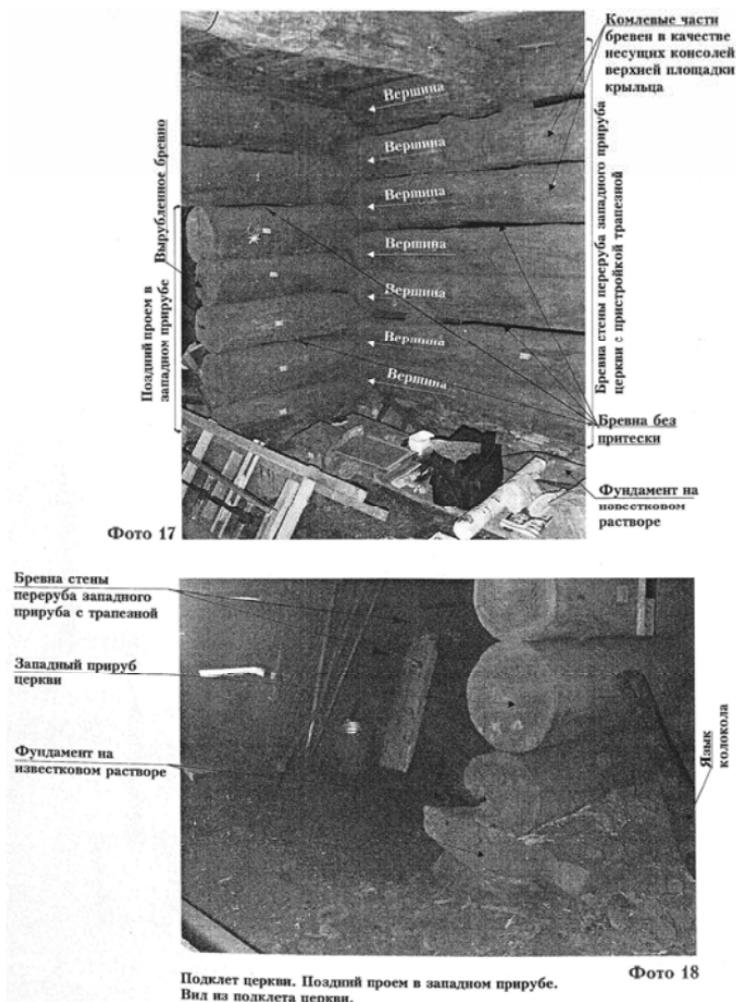
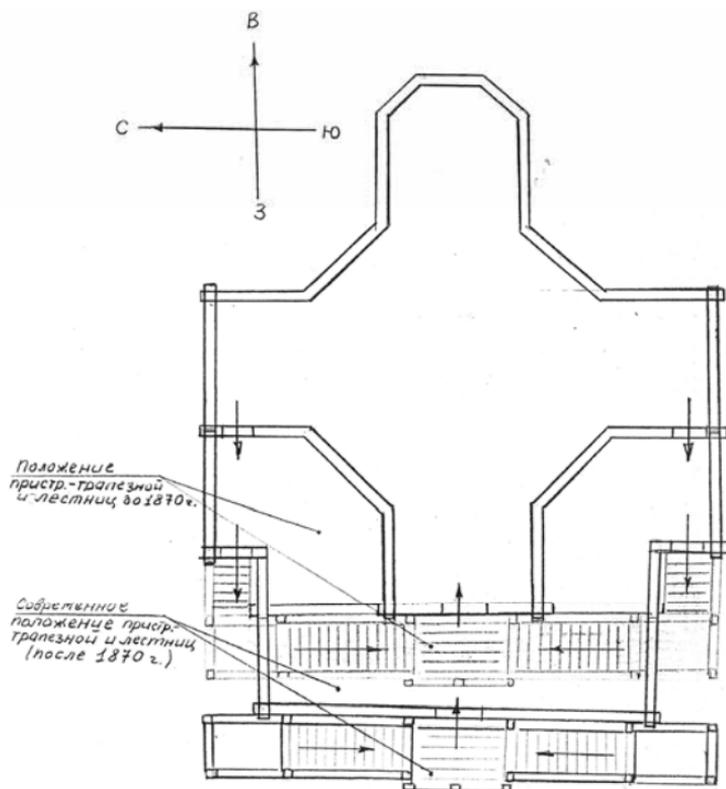

Рис. 15. Подклет Преображенской церкви. Поздний проём в западном прируб. (Из эскизного проекта реставрации, исполнитель Н. Л. Попов)

²⁶ НАМК. Ф. 1. Оп 3. Д. 1969. Л. 14.

В заключение исследователь предполагает, что «появившийся переруб, замена нижних брёвен торцевой стены западного прируба, сохранившееся старое бревно в северном подклете трапезной, сохранившиеся горизонтальные ровные вырубki в остатках верхнего и нижнего брёвен торцевой стены западного прируба как бы для крепления верхней площадки крыльца и нижней обвязки опорных столбов – всё это наводит на мысль о существовании прежде другой, меньшей по размерам пристройки-трапезной (курсив наш. – В. Г., Б. Г.).

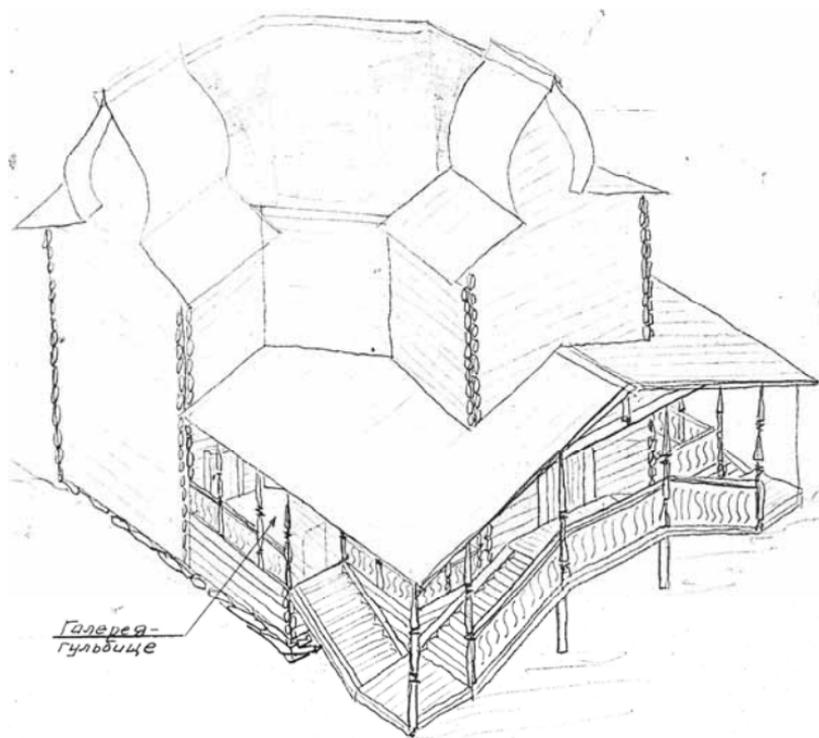

Примечание
С противоположной точки зрения (по кол-ву звокоуц, выходов) ситуация до 1870 г. наиболее предпочтительна.

Рис. 16. Изменение конструктивного абриса Преображенской церкви во времени. Исполнитель Н. Л. Попов

Подтверждение или опровержение этого предположения возможно путём продолжения целенаправленных археологических изысканий в подклетах пристройки-трапезной»²⁷.

Результаты исследований Н. Л. Попов представил в графическом виде, где изобразил положение пристройки-трапезной с боковыми лестничными маршами до 1870 г. и современное положение после 1870 г. (рис. 16)²⁸. Кроме того, Н. Л. Попов представил своё предположение о конструкции пристройки-трапезной в более ранний период, с галереей-гульбищем до 1759 г. (рис. 17)²⁹. Конструкция пристройки-трапезной после 1759 г. до 1870 г. в его представлении выглядит в виде бревенчатого сруба (рис. 18)³⁰.

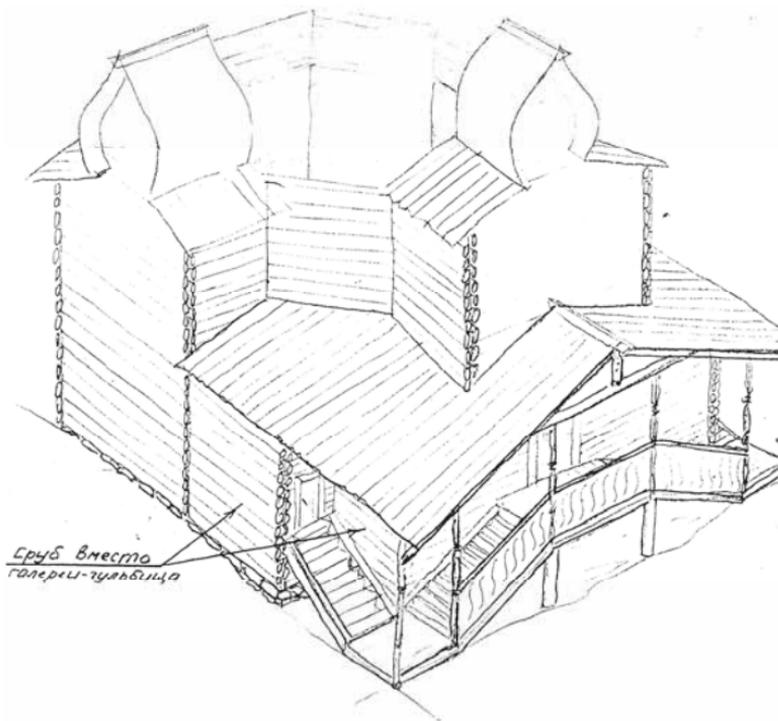
Рис. 17. Предполагаемая первоначальная конструкция пристройки-трапезной Преображенской церкви до 1759 г. Исполнитель Н. Л. Попов

²⁷ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1969. Л. 14.

²⁸ Там же. Л. 51.

²⁹ Там же. Л. 52.

³⁰ Там же. Л. 53.

Рис. 18. Предполагаемая конструкция пристройки-трапезной Преображенской церкви в 1759–1870 гг. Исполнитель Н. Л. Попов

В источнике 1867 г. указывается размер паперти: «При ней (церкви) огромная паперть, имеющая в диаметре 16-ть сажень»³¹. В 1872 г. отмечается «огромность этого притвора, имеющего в длину и ширину до 16 сажень... стены в нём весьма тверды и под крышею, от дождя не портятся»³².

Заметим, что в текстах редко упоминается слово «трапезная» – церковное помещение, часть храма, используемая для ожидания богослужения, совместного приёма пищи и общественных нужд. В источниках фигурируют следующие названия: «бревенчатая пристройка», «боковая постройка», Ларс Петтерссон и А. В. Ополовников используют термин «открытая галерея», В. С. Рахманов – «паперть» или «притвор».

³¹ Из церковной летописи о ремонте Преображенской церкви // Документы и материалы... С. 72.

³² Из протокола Совещательного присутствия техников Строительного отделения Олонецкого Губернского Правления // Документы и материалы... С. 83.

Обратимся к периоду реставрации Преображенской церкви 1949–1959 гг. По наблюдениям архитектора-реставратора А. В. Ополовникова, трапезная на момент реставрации выглядела следующим образом: «кровля трапезной покрыта обычным кровельным железом в гребень, по брусчатой несплошной обрешётке в 1920 г. Гвозди – обычные, штампованные, с широкой шляпкой. В трапезной вследствие протекания крыши и попадания воды на скамьи, идущие вдоль стен, венцы на уровне этих скамей и ниже их сгнили...

Кровля трапезной во многих местах дала течь и ввиду её общего износа должна быть заменена полностью. Все элементы железной кровли должны быть выкрашены масляной краской на натуральной олифе.

На каждом углу трапезной необходимо восстановить водосточные трубы.

Полы в трапезной значительно повреждены гнилью и требуют полной переборки с укреплением и частичной заменой балок под ними.

На месте кладовой пологого настила нет вообще.

Кладовая была разобрана во время реставрации 1949–1959 гг. Её площадь составляла 23 кв.м.

Бригада плотников под руководством М. К. Мышева выполнила одну из самых сложных реставрационных работ – подъём вагами юго-западного угла трапезной Преображенской церкви для замены сгнивших венцов»³³.

«В левом крыле трапезной, в местах сопряжения со стеной потолка и стен кладовки, несколько брёвен также требуют замены. .... обнажённая изнутри конструкция новой железной кровли с брусчатой обрешёткой и размалёванный яркой зелёной масляной краской дверной портал выглядели на фоне рубленых стен совсем уж чужеродными. Кровля полностью утратила свой вид и будет восстанавливаться деревянной, тесовой без потоков с фигурными окончаниями тесин. На наличие здесь деревянной кровли указывает старая штраба в стене восьмерика, ныне опущенная на полтора венца ниже существующей кровли. Новая деревянная кровля должна лечь на прежнее место, а балки под ней с выпилёнными гнёздами для брусков заменены»³⁴.

Сруб трапезной требовал скорейшего укрепления «...брёвна прогнили насквозь, на всю толщину... Под тонкой оболочкой оболони (2–3 см), сохранившей форму бревна, древесина самого ядра превратилась в сыпучую аморфную массу, а весь угол галереи держался только на обрешётке под тесовую обшивку, как инвалид на костылях, и мог рухнуть в любую

³³ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2732. Л. 14–15. (Ополовников А. В. Отчёт о реставрации памятников деревянного зодчества – Преображенской, Покровской и колокольни на Кижском погосте. Москва – Петрозаводск, 1957).

³⁴ Ополовников А.В. Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974. С. 233–234.

минуту... кроме того, в поражённых местах... возник опасный очаг заражения домовым грибом, плодовые тела которого покрывали всё это место сплошным ковром»³⁵.

«Основной работой по укреплению сруба трапезной стала частичная и полная замена гнилых брёвен новыми вследствие протекания крыши и попадания воды внутрь помещения»³⁶.

После реставрационных работ в 1949–1959 гг. состояние трапезной к 2009 г. оставалось очень сложным.

Осуществляемая в настоящий момент реставрация Преображенской церкви предусматривала разборку пристройки-трапезной как отдельный этап работ вне зависимости от разборки основного объёма церкви, которая выполняется с помощью специального оборудования лифтинга. Конструктивные особенности трапезной, многочисленные ремонты, нарушение связей с основным срубом позволили разобрать сруб традиционным способом.

Разборка пристройки-трапезной осуществлялась в сентябре-октябре 2009 г. по разработанному институтом «Спецпроектреставрации» проекту производства работ «Разборка срубовых конструкций притвора-трапезной Преображенской церкви. 1-ый этап»³⁷.

По словам сотрудника музея «Кижжи» А. С. Куусела, участвовавшего в разборке трапезной, состояние её конструкций (бревенчатые стены, балки пола и потолка) оказалось плачевным. Конструкциям при её строительстве и последующих многочисленных ремонтах не уделялось должного внимания.

При разборке сруба было выявлено следующее.

Сруб был собран некачественно, наспех. Брёвна держались в основном за счёт угловых чаш, по длине брёвен в нижних их частях не было пазов или они были очень малы по ширине. При снятии длинного 16-метрового верхнего бревна западной стены, которое связывало две половины трапезной, стены разваливались в разные стороны от дверного проёма и были удержаны от падения только дополнительными подпорками. В угловых рубках в период «советской» реставрации были установлены многочисленные протезы без разборки сруба, что выполнить качественно невозможно. В срубе имелось очень много составных брёвен (из отдельных кусков). В отдельных местах примыкания брёвен

³⁵ Ополовников А. В. Реставрация памятников...

³⁶ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1429. Л. 17. (Ополовников А. В. Объяснительная записка к проекту реставрации Преображенской, Покровской церквей и колокольни на Кижском погосте Карело-Финской ССР. М., 1949 г.).

³⁷ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3277. Л. 3. (Преображенская церковь. Отчёт о разборке пристройки-трапезной. 2009).

На наш взгляд, это связано с конструктивными особенностями трапезной и историческими этапами её формирования, предположительно вобравшими в себя как образ открытой «галереи»-крыльца, так и каркасно-столбчатый вариант галереи с тесовым заполнением и заменивший её бревенчатый сруб, часть которого, по всей видимости, сохранилась до нашего времени.

На «Исполнительной схеме разборки сруба трапезной. Развёртки стен (вид с наружной стороны)» отмечено: «Южная часть стены трапезной почти не связана со срубом церкви. *Исключение составляет только бревно ю-07* (курсив наш. – В. Г., Б. Г.). Учитывая проектные предложения по восстановлению южного крыльца и восстановлению консольных выпусков, необходимы проектные решения по обеспечению жёсткой связи трапезной и церкви (с северной стороны) и восстановлению консольных выпусков для крыльца»⁴⁰ (рис. 19).

Таким образом, воссоздание южного бокового пролёта крыльца планируется осуществить при проводящейся в настоящее время реставрации. На «Исполнительной схеме разборки сруба...» отмечена зона производства работ, где проектными предложениями предполагается удлинение элементов для создания консолей южного крыльца⁴¹.

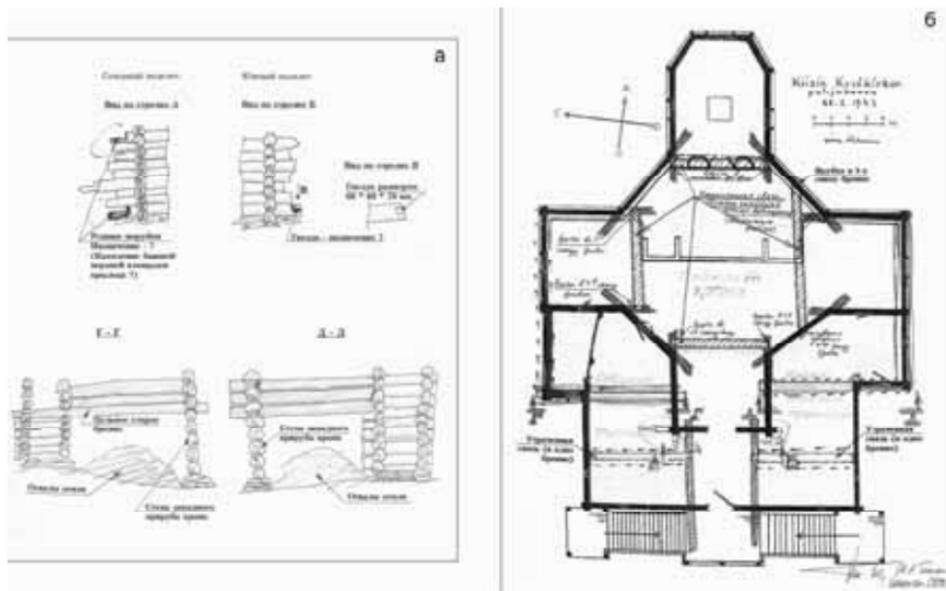
На наш взгляд, прежде чем принять такое ответственное решение, следовало бы с большим вниманием отнестись к имеющимся архивным, натурным и опубликованным источникам, а также сделать анализ сохранившихся элементов трапезной, которые не были демонтированы одновременно с основным срубом.

Помимо упомянутого бревна ю-07, интерес представляют следующие элементы, выявленные Н. Л. Поповым (рис. 20 а, б): целое бревно в северном подклете трапезной по линии «Г-Г» и, возможно, отвечающее ему бревно в южном подклете трапезной по линии «Д-Д»; утраченные связи (в одно бревно) в северном подклете трапезной «А», а также в южном подклете трапезной «Б»; утраченные связи (нижнего замкнутого кольца восьмерика); зафиксированные в подклете храма врубки в нижние брёвна, врубки во второй снизу венец, врубки во второе, третье и четвертое снизу бревна, сквозное отверстие в четвертом снизу бревне.

Со временем, возможно, изучение выше названных элементов в их совокупности поможет выяснить скрытые временем конструктивные особенности становления и формирования первоначального образа церкви Преображения Господня.

⁴⁰ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3277. Л. 18–19.

⁴¹ Там же.

**Рис. 20 а,б. Детали конструкций подклетов пристройки-трапезной Преображенской церкви (а) и утраченные связи жёсткости (б).
Исполнитель Н. Л. Попов**

Но и в настоящее время становится ясным, что храм, изначально не обременённый обширным помещением пристройки-трапезной, был более компактным, лёгким и устремлённым ввысь. Наличие бревенчатой объёмной трапезной несколько утяжелило нижнюю часть строения, но притом всё-таки сохранило стремительный взлёт всей купольной системы.

ИКОНА СПАСА ВСЕМИЛОСТИВОГО В ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ НА ОСТРОВЕ КИЖИ

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы Кижского погоста построена в 1694 г.¹ Существующий ее четырехрядный тябловый иконостас в основном укомплектован иконами, написанными около 1697г.² Ныне в его состав входит происходящая из этой же Покровской церкви икона Спаса Всемилоственного или Спаса Смоленского, отнесенная к концу XVI в.³ (рис. 1). О ней и пойдет здесь речь.

В. Г. Платонов, отмечая связь образа Спаса Смоленского с идеей защиты русской земли, интерес к этой теме в Обонежье на рубеже XVI–XVII вв. объясняет нападением иноземных (шведских и польско-литовских) отрядов, во время одного из которых, по преданию, вражеской стрелой была повреждена находившаяся в Преображенской церкви на острове Кижы икона Всемилоственного Спаса («Белого Спаса»)⁴.

---

¹ Гущина В. А. Об уточнении датировки церкви Покрова Богородицы и колокольни Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 136–140; Крохин В. А. Формообразование Кижского ансамбля // Там же. С. 151–157.

² Гурвич И. М. Древняя живопись Карелии. Каталог. Фонды музея «Кижы». Петрозаводск, 1980. С. 31–37; Фролова Г. И. Из истории внутреннего убранства кижской Покровской церкви. Никольский иконостас // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 173–183.

³ Гурвич И. М. Древняя живопись Карелии... С. 32. № 5; Платонов В. Г. Храмы Кижского погоста и их убранство в XVI и XVII столетиях // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1999. Вып. VII: Исследования и реставрация памятников культуры Русского Севера. С. 80–81. Воспроизведение в цвете см.: Кижы. Альбом-путеводитель по музею-заповеднику / Сост. И. В. Мельников, фотографии О. А. Семенов. Петрозаводск, 2012. С. 32.

⁴ В «Исторических сведениях о приходе Кижском Петрозаводского уезда», составленных священником Стефаном Ржановским после 1847 г., приведены данные о первой церкви Преображения Господня, на горе Каргиной, и помещено сказание о нападении на нее литовцев в Смутное время, когда они «прострелили бывшую в церкви икону Всемилоственного Спаса в правую руку, что и поныне на той иконе видно». После позже случившегося пожара «близ переплывших лесов у берега нашли в кустарнике простре-

По описям XIX в. она уже значится в Покровской церкви, а в главной – ее копия, свидетельствующая о почитании старой иконы. Исследователь обратил внимание на то, что в описании Преображенской церкви в писцовой книге 1628–1629 гг. не упоминается икона Всемилоственного Спаса, а зафиксирована лишь икона Спаса Вседержителя, стоявшая в местном ряду на третьем месте слева от Царских врат. И, как пишет далее автор статьи, «“Спас Смоленский” по стилистике отличается от рассмотренных (им. – В. П.) икон. Для этого произведения характерен жесткий, графически заостренный рисунок, орнаментальность в исполнении горок, контуров одежд. Икона создана, вероятно, в одном из северных центров, где была известна эта сравнительно новая иконография»⁵. И здесь же несколько ранее замечено, что «О северном происхождении иконы может свидетельствовать, в частности, то, что к стопам Спаса припадают преподобные Варлаам Хутынский и Александр Свирский, тогда как на среднерусских иконах вместо последнего изображался Сергей Радонежский. По трактовке деталей этот памятник близок к иконе из Сийского иконописного подлинника»⁶.

Все приведенные сведения представляются весьма существенными, а высказанные суждения – убедительными, объясняющими причины иконографического и стилистического своеобразия произведения. Они не оставляют места для дискуссий, но вместе с тем и не исключают продолжение

ленный литовцами образ Всемилоственного Спаса и на сем месте построена церковь, которая и донине стоит по милости Божией невредима». Далее тот же автор замечает: «В сведениях, представленных священно церковному сего прихода в 1832 г., помещен рассказ об образе Спасителя, стоящего ныне в церкви Преображения Господня за правым клиросом, что оный был во время нашествия панов пристрелен стрелою; но рассказ сей сомнителен, а) в образе нет признака прострела с правой стороны или с лицевой образа, б) хотя с левой стороны есть заколина шириной 3/4 вершка, а длиной 4 вершка, но как сквозной дыры нет, ибо ежели положить, что стреляно с задней стороны, то полагать надобно, что означенная заколина случилась во время тесания топором досок на образ и случай сей для простолоудинов, смотрящих на все издали, был чудом и подал повод составить сказку, в подтверждение коей еще приводят другой рассказ о чудесном открытии образа сего после сгорания церкви и осквернении кровью панов в кустарнике можжевелевом и о чудесном переносе леса с одного места на другое: но сей рассказ есть подражание, как кажется, преданию о построении Яндомозерской церкви, посвященному в сведениях того погоста». (См.: Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авт.-сост.: В. А. Гущина, Б. А. Гушин. Петрозаводск, 2013. С. 33, 35–36). Однако легенда бытовала и позже, о чем свидетельствует анкета 1870 г. (Там же. С. 81). Икона в числе древних в августе 1926 г. привлекла внимание И. Э. Грабаря, который в своей записной книжке отметил: «Спас в рост с односторонними шпонками с припавшими Александром Свирским и Варлаамом Хутынским. Вверху с ангелами со страстями 4 фигуры – Екатерина, Мавра, Татьяна» XVI в. Лик не прописан. Риза 1814 г. и, очевидно, того же кюта ампириный, очень не дурный, со шпонками и сиянием вверху» (Там же. С. 114).

⁵ Платонов В. Г. Храмы Кижского погоста и их убранство в XVI и XVII столетиях. С. 81.

⁶ Там же. С. 80–81.

наблюдений, касающихся характерных черт памятника, иконографический образ которого нельзя отнести к числу популярных на Русском Севере. По-видимому, для его появления существовали конкретные причины.

**Рис. 1. Спас Всемиловитый. 1560-е гг.
Покровская церковь Кижского погоста**

Кижская икона размером 87,0 х 65,0 см состоит из трех березовых тесаных и строганых досок толщиной 2,5 см, соединенных 2 врезными правосторонними шпонками; с ковчегом и паволокой, на которую нанесен белый плотный левкас. Материалом для северных икон в основном служили сосновые доски, что, в частности, подтверждают и сохранившиеся на острове Кижии произведения. Иногда употребляются для этой цели также еловые доски, главным образом в конце XVII в. Лишь на рубеже XVIII–XIX вв. наблюдается использование различных пород

дерева, в том числе и березовых, но уже пиленых и строганых досок с иного типа шпонками. Все это позволяет предположить, что икона привезена издалека, но откуда именно? Основная масса икон выполнена на липовых досках, меньше – на сосновых, а березовые практически почти не применяли, за исключением отдельных случаев. Живопись ориентирована на подражание элитарному образцу.

В центре описываемой иконы крупная фигура стоящего в рост Христа, благословляющего отведенной в сторону и опущенной книзу правой рукой, держащего в левой раскрытое Евангелие, с припадающими к стопам преподобными Варлаамом Хутынским и Александром Свирским, а также с парящими по сторонам вверху коленопреклоненными архангелами Михаилом и Гавриилом. На полях иконы, на уровне двух последних изображений, приписные фигуры святителя, а также святых Параскевы Пятницы, и еще двух мучениц, из которых одна в императорской одежде (рис. 1). Сопроводительные надписи с трудом поддаются прочтению⁷.

Основа композиционной схемы, предполагающая изображение Христа с припадающими, восходит к иконографии явления воскресшего Христа женам⁸, что справедливо было отмечено И. Л. Бусевой-Давыдовой⁹. Ее интерпретация на русской почве приводит к созданию образа Спаса Смоленского или Спаса Всемилоственного, написанного после взятия Смоленска в 1514 г. и помещенного над Фроловскими воротами Московского Кремля. На осмысление этого исторического события оказало еще воздействие видение слепой старицы кремлевского Вознесенского монастыря в 1521 г., когда к Москве подошли крымские татары Махмет-Гирей: представилось, что через Фроловские ворота выходят из Кремля митрополиты Петр, Алексей и Иона Московские с епископом Леонтием Ростовским, выносящие икону Владимирской Богоматери и «прочие святыни», но их здесь встречают преподобные Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский и, припав к ногам, умоляют не оставлять своей паствы. Тронутые просьбой преподобных, святители после соборной молитвы вернулись в Кремль. Махмет-Гирей со своим войском ушел без боя. Известно также, что хан не думал брать Москву приступом и не имел для этого средств, и соглашался немедленно удалиться, получив письменное обязательство о выплате ему великим князем дани. Такое обязательство ему было дано, и хан отступил к Рязани, но, не сумев взять ее хитростью, ушел¹⁰.

⁷ По мнению Г. И. Фроловой, на полях иконы изображены Параскева Пятница, Екатерина и Марфа (имеется надпись: «Мафра»). (Прим. ред.).

⁸ Турић В. Ј. Сопоћани. Београд, 1963. С. 54. Таб. XXII.

⁹ Бусева-Давыдова И. Л. Припадающие соловецкие святые: генезис и смысл иконографии // Наследие Соловецкого монастыря. Архангельск, 2007. С. 124–137.

¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. Т. 5. С. 266–267.

Рис. 2. Спас Смоленский с припадающими Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским, с евангельскими притчами. 1550–1560-е гг. Благовещенский собор Московского Кремля

Классическим образцом иконографии Спаса Смоленского можно считать средник иконы в окружении клейм с изображениями евангельских притч и проповедей на иконе 1550–1560-х гг. в Благовещенском соборе Московского Кремля¹¹ (рис. 2). Композиция здесь отличается более свободным расположением фигур, а изображение Христа – жестом благословляющей правой руки. У его ног припадающие преподобные Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский, наиболее почитаемые в Москве и Новгороде. Горный пейзаж со скалистыми уступами, на фоне

¹¹ Вера и Власть. Эпоха Ивана Грозного. М., 2007. С. 210–213. № 95.

которого представлены русские подвижники, суров и лишен какой-либо растительности, в отличие от описываемой иконы в Кижах. Для того чтобы этот иконографический образ оказался в центре иконы со сложной иконографической программой, предназначенной для придворного храма московского царя, он должен был получить распространение в русской столице. Следовательно, начальный этап формирования, не отраженный в сохранившихся произведениях, скорее всего, приходится на предшествующие десятилетия, на вторую четверть XVI в.

Иконография Спаса Всемилостивого или Спаса Смоленского вскоре оказалась унифицирована вследствие замены припадающих к стопам Христа, прежде всего Зосимой и Савватием Соловецкими, о чем свидетельствует гравированное изображение на серебряном кресте из Соловецкого монастыря, датированном 1560–1561 гг.¹² Отражение этого варианта в ряде случаев можно отметить в иконах XVII–XVIII вв.¹³ Поскольку на иконе в Кижах Варлаама Хутынского изобразили вместе с Александром Свирским, логично предположить, что ее происхождение могло быть связано с Обонежской пятиной Новгорода, в которой на реке Свирь основан преподобным Александром Свято-Троицкий монастырь, может быть, даже по заказу лица, тесно связанного с монастырем, в котором иконописание прослеживается с XVI в.¹⁴ Если становление иконографии Варлаама Хутынского проходило постепенно¹⁵, то облик Александра Свирского был запечатлен в иконописи уже вскоре после его кончины, относящейся к 30 августа 1533 г.¹⁶ Ко времени написания рассматриваемой иконы даже успели появиться их идеальные иконописные образы.

При отсутствии оригинала, находящегося в основе иконографической схемы, трудно говорить о каких-либо отступлениях от него. Можно лишь утверждать, что он был явно более элитарного художественного уровня, и, следовательно, здесь подвергнут определенным упрощениям в рисунке и моделировке объемов, для передачи которых иконописец активно

---

¹² Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Каталог выставки / Текст Е. А. Моршаковой. М., 2001. С. 150–153. № 40.

¹³ Пуцко В. Соловецкая икона «Спаса Смоленского» // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; Москва, 2013. Вып. 12. С. 46–50.

¹⁴ Соловьева И. Д. Иконописание в Александро-Свирском монастыре в XVI–XVII вв. (по материалам архивов) // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1999. Вып. VII. С. 31–35.

¹⁵ Пуцко В. У истоков иконографии прп. Варлаама Хутынского // София (Новгород), 2004. № 2. С. 16–18; Маясова Н. А. Кремлевские «светлицы» при Ирине Годуновой // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1976. Вып. II. С. 40. Ил. 1.

¹⁶ Журавлева И. А. Образ Александра Свирского с житием и чудесами из Успенского собора Московского Кремля // Русская художественная культура XV–XVI вв. М., 1998. С. 118–144. Ил. 2.

вводит графический элемент. Особенно это заметно в трактовке складок хитона Христа. Более удачно он воспроизводит живописные складки гиматия, кажущегося тяжелым на почти прозрачной фигуре. Если более близка к утраченному оригиналу икона Благовещенского собора Московского Кремля, то соответственно увеличены по отношению к центральной фигуре изображения архангелов и преподобных. И, можно повторить, появился мотив процветшей пустыни: на каменных горках возникла растительность, оживившая удручающе-суровые скалы. Изменены и позы архангелов, вместо движения появился мотив предстояния, поскольку они держат зеркала с монограммами Христа. Иной текст помещен на страницах раскрытого Евангелия. Вместо цитированного евангельского текста от Марка (IX, 23) здесь приведен более распространенный в русской иконописи текст Евангелия от Иоанна (VII,24) и от Матфея (VII,1). В русской иконописи XVI в. он обычно сопровождает изображение Спаса в силах.

Прослеживая иконографию кижской иконы, следует также обратить внимание на миниатюрные приписные фигуры святых на полях: их всего четыре. В русской иконописи они известны уже на рубеже XII–XIII вв., но исключительно фронтальные¹⁷, как и на краснофонной иконе второй половины XIII – начала XIV в.¹⁸ Подражая византийскому ювелирному окладу эпохи Палеологов, в последние десятилетия XV в. в Москве появляются иконы, широкое обрамление которых заполнено полуфигурными и в рост изображениями святых. И только примерно с середины XVI в. становятся известными случаи помещения на узких полях икон изображений святых в рост, в трехчетвертном повороте, в моленной позе. Один из них связан с выносной двусторонней иконой из Успенского собора в Великом Устюге, с изображениями Богоматери Одигитрии и Богоявления, датируемой около 1558 г.¹⁹ (рис. 3), второй – с иконой Богоматери Владимирской из Спасо-Преображенского собора Спасского монастыря в Ярославле, 1564 г.²⁰ (рис. 4). Но, судя по иконе святителя Алексия, митрополита Московского, из церкви Воскресения села Остров Гаврило-Ямского района Ярославской области, датируемой

¹⁷ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. М., 1995. Т. 1: Древнерусское искусство X – начала XV в. С. 54–57, 60–63. № 9, 11.

¹⁸ Там же. С. 74–76. № 18.

¹⁹ Вздорнов Г. И. Об иконе Богоматери Одигитрии из Великого Устюга (легенда и действительность) // Средневековая Русь. М., 1976. С. 325–331; Художественное наследие Дионисия. Иконы, книжные миниатюры, шитье, мелкая пластика, первопечатные книги конца XV – середины XVI вв. Каталог выставки. М., 2002. С. 162–164. № 107.

²⁰ Там же. С. 161–162. № 106; Иконы Ярославля 13–16 вв. / Текст И. Г. Харламовой. М., 2002. С. 102–105; Иконы Ярославля XIII – середины XVII в. Шедевры древнерусской живописи в музеях Ярославля. М., 2009. Т. 1. С. 236–239. № 36.

последней третью XVI в.²¹, к указанному времени возвращается обычай прямолично представлять на полях икон святых. В пользу этого наблюдения свидетельствует датированная 1599 г. икона Богоматери Одигитрии из церкви Архангела Михаила села Михайловское Любимского района Ярославской области²². В XVII в. встречаются оба варианта приписных фигур. Если приведенный небольшой перечень икон может претендовать на роль хронологического ориентира, то анализируемую икону Спаса Всемилоственного, не выводя за пределы второй половины XVI в., скорее следует приблизить к 1560-м гг.

Рис. 3. Богоматерь Одигитрия. Около 1558 г. Выносная двусторонняя икона из Успенского собора в Великом Устюге. Великоустюжский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Не противоречит ли этому художественный стиль иконы? Принадлежность перечисленных икон к одной эпохе не вызывает сомнений, хотя есть отличия, обусловленные характером образцов и индивидуаль-

²¹ Там же. С. 412–413. № 74.

²² Костромская икона XIII–XIX вв. М., 2004. С. 490. Ил. 66. № 48.

ными манерами мастеров. Спокойная цветовая гамма кижского произведения, правда, несколько нарушается введением локальных пятен яркой киновари и плотного сине-оловянистого тона гиматия Христа. При всех очевидных особенностях, свойственных каждому памятнику, трудно не заметить черты общности, сближающие стиль иконы с живописными клеймами широко известных Царских врат из собора Богоявленского Авраамиева монастыря в Ростове, выполненных иноком Исайей в 1562 г.²³ Их мастера принадлежали к одному художественному течению, определившему характер русской иконографии третьей четверти XVI в. в целом. Искусство провинциальное, но при этом вполне профессиональное, не примитивное. Местные школы русской живописи XVI в., как известно, подчинены традициям московской живописи, особенно проявляются преимущественно в позах, движениях, поворотах, жестах фигур, а также в красочной гамме²⁴. Здесь, в сущности, нет проявлений подобных тенденций и лишь заметны некоторые трудности в воспроизведении изысканного образца, отличавшего творчество столичных мастеров.

Икона Спаса Всемилоственного Покровской церкви Кижского погоста, как и уже упомянутые иконы Богоматери в Великом Устюге и в Ярославле, изначально не предназначена для помещения в иконостасе, выполнена по частному заказу как моленная, что подтверждается включением в ее иконографическую программу приписных фигур святых на полях, скорее всего патрональных заказчика и членов его семьи. Отсюда особенность их состава, не ограниченная наиболее почитаемыми. Утрата левкаса и красочного слоя слева вверху привела к тому, что уцелела лишь нижняя часть фигуры святителя, облаченного в белую фелонь-полиставрий. На полях ярославской иконы, датированной 1564 г., подобным образом представлен святитель Афанасий Александрийский, соименный московскому митрополиту Афанасию (1564–1566). Ниже изображена в темном хитоне и красном мафории великомученица Параскева Пятница. Справа помещены фигуры Татианы (?) как императрицы и Марфы в киноварном хитоне и темно-зеленом мафории. Отождествить последнюю с одной из святых столь же затруднительно, как и объяснить причины изображения Татианы в императорской одежде. Впрочем, это в данном случае не имеет никакого значения, поскольку нет сведений для выявления семейства, представитель которого мог заказать икону. Так же трудно определить, он ли или кто-то из его потомков принес этот образ на остров Кижи.

²³ Вахрина В. И. Иконы Ростова Великого. 2003. С. 170–181. № 53.

²⁴ Мнева Н. Е. Монументальная и станковая живопись // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2. С. 335–339.

Рис. 4. Богоматерь Владимирская. 1564 г. Икона из Спасо-Преображенского собора Спасского монастыря в Ярославле. Ярославский художественный музей. Фрагменты: святитель Афанасий Александрийский; преподобный Сергий Радонежский

Празднование Спасу Всемиловитовому, приуроченное к 1 августа, установлено на Руси вскоре после 1164 г., в память о победе над волжскими болгарами²⁵. Но только вряд ли оно было отмечено отдельным иконографическим образом, до возникновения рассмотренной композиции московского происхождения. Икона, оказавшаяся на острове Кижи, в соответствии с изложенными наблюдениями, скорее всего, написана в 1560-е гг., возможно, в пределах Обонежской пятины Новгорода, под воздействием столичного образца. Дальнейшая ее судьба оказалась тесно связанной с Русским Севером, конкретно – с Кижским погостом.

²⁵ Воронин Н. Н. Сказание о победе над болгарами 1164 г. и празднике Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 88–92; Филипповский Г. Ю. «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа // Памятники истории и культуры. Ярославль, 1983. Вып. 2. С. 75–84; Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 108–109.

КИЖСКОЕ ДРЕВО¹

1. КОРНИ

Преображенская церковь в Кижях – явление *предельное*: деревянное зодчество здесь достигает высшей точки – приходит к своему апогею – кульминирует.

Это не риторика – это почти физиология: был *рост* – было *развитие* – была *интелехия*.

Потенциал раскрылся сполна.

Конечная причина – *causa finalis* – вложила в храм всю свою притягательную силу, подключив к нему проводящие сосуды из разных эпох и регионов.

Храм впитал в себя множество архетипов – соединил весьма несхожие традиции и школы – связал, скрестил, гибридизировал формотворческие линии, ранее не приходившие в столь тесный и результативный контакт.

Совершенство обретено.

Нам явлен храм-организм.

Мировым Древом проросла на заонежском острове прекрасная церковь.

Разовьём нашу метафору в аналогию.

Обычное дерево – и *Arbor Mundi*: морфология тут одинаковая – наличие трёхчленной структуры.

Вот корень – вот комель – вот крона.

У Преображенской церкви очень сложная корневая система.

А. Б. Бодэ пишет: «*Территории, на которых развивались наиболее значительные архитектурные традиции, обычно ограничиваются единичными водными системами*»².

---

¹ Статья печатается в авторской редакции.

² Бодэ А. Б. Архитектурное решение Преображенской церкви в Кижях. Соединение региональных традиций // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2009. № 9 (103). С. 7.

Посвирье – Обонежье – Поонежье – Подвинье – Помезенье: это не только территории, привязанные к определённым бассейнам, – это ареалы ярко выраженных направлений в деревянном зодчестве.

Гидрологическое тонко и точно коррелирует с архитектурным.

Это уникально – и во многом загадочно: водоразделы, часто не имеющие отчётливого – так сказать, наглядно-физического – выражения, одновременно выполняют функцию различных культурных – к примеру, лингвистических или фольклорных – границ.

Существует единый гений места – *Genius loci* – Русского Севера.

Но у него есть немало характеристически проявленных – сразу узнаваемых – подтипов, подвидов.

Местное очевидно в *Genius loci* Кижей.

Однако превалирует в нём общерусское.

Даже вселенское!

Вдумаемся в положение, которое Онего занимает внутри гидрографической сети России – без всяких натяжек: будто сама природа озаботилась тем, чтобы подвести к нему потоки – не только водные, но и информационные – с разных сторон света.

Тут они стягиваются в некий узел.

Подобного места на нашей карте больше нет.

Вспомним особенность нашего Севера: реки и озёра образуют на наших широтах единый комплекс.

Кизи отражаются в озёрном зеркале.

Но создано оно тщанием рек.

Разные воды стеклись в гранитную чашу!

Онего – собирает.

Онего – смешивает.

Реки издревле играют связующую роль в эволюции и экспансии человечества.

Первым на это обратил внимание Лев Ильич Мечников (1838–1888). Читаем в его монографии «Цивилизация и великие исторические реки»: «Под страхом неминуемой смерти река-кормилица заставляла население соединять свои усилия на общей работе, учила солидарности»³. Для Русского Севера с его общинным духом очень важна мысль учёного о наличии опосредованного – линейный географический детерминизм для нас неприемлем – благоприятствования со стороны речного ландшафта таким началам человеческого бытия, как сотрудничество, взаимопомощь, кооперация.

Многоглавия образно выражают суть этих начал.

³ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 358.

Пусть на их фоне ещё раз прозвучит Л. И. Мечников: *«нигде на всём свете не имел места факт развития вне речной среды, внушающей своим обитателям ясно выраженной и последовательной солидарности»*⁴.

Речные поселения Русского Севера отлично иллюстрируют эту мысль.

Многочисленные погосты, нанизанные на нить Онеги! В ретроспективе они видятся единой, растянутой на четыреста с лишним километров общиной.

Две достославных русских реки – Днепр и Волга – проходят через скифские степи.

Сколько культур оставило среди типчака и полыни свой след?

Это пространство было подобно хорошо продуваемому коридору, проложенному в широтном направлении, – через него проносило один народ за другим.

Не удержаться – не закрепиться!

Реки пересекали кочевнический путь в меридиональном направлении.

Вот мысль М. И. Ростовцева, дающая нам важные ориентиры: *«Завоевательное движение на севере конным степнякам было не под силу, а между тем реки открывали широкую дорогу северянам для движения на юг, к берегам южного моря»*⁵.

Понятно, что это было двустороннее движение – спуск вниз по течению и подъём вверх против него. В последнем случае реки работали наподобие капилляров: втягивали в себя накопления Юга – и переносили высоко на Север.

Это была воистину провиденциальная роль!

То, что на Юге и в Центре было сметено вихрями истории, осело – и в значительной своей части дошло до наших дней – на Севере.

Это своего рода ковчег мировой культуры.

Её надёжный тайник.

Её реликварий.

Обратимся вновь к М. И. Ростовцеву: *«Тесно связанная с морем южно-русская степь перерезана системой притоков: Днестр, Буг, Днепр, Дон, наконец Волга и Урал. Между Чёрным (с Азовским) и Каспийским морями степи подходят к Кавказскому горному хребту; на западе они тесно связываются с могучим Дунаем и его бассейном; на востоке сближаются с предгорьями Урала и сливаются с прикаспийскими, приаральскими и южно-сибирскими степями; на севере они оставляют одно неразрывное целое со всей центральной и северной Россией»*⁶.

⁴ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. С. 443–444.

⁵ Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. М., 2002. С. 11.

⁶ Там же. С. 11.

Без преувеличений: духовные накопления, веками откладывавшиеся на этой колоссальной территории, так или иначе отозвались в культуре Русского Севера.

Степь вобрала в себя традиции и Запада, и Востока.

Осуществлялась сложная – многовекторная и многоуровневая – эстафета.

В каком-то смысле Русский Север стал её конечным пунктом.

Изучая заонежские вышивки, мы видим образы, имеющие планетарный генезис: вот критские – вот шумерские – вот индийские – вот иранские – вот сарматские мотивы.

А скандинавский след в археологии?

А финно-угорские отзвуки?

Русский Север – космополит, универсал.

Эти качества он обрёл во многом благодаря рекам.

Днепр вплотную подходит к Валдаю.

Для Новгорода Великого эта река стала надёжной осью, пособившей ему в интеграции Руси – Северной и Южной.

Благодаря Днепру наши пращуры вышли на Царьград.

Ильмень – Шелонь – Ловать – Кунья: они помогут нам добраться к истокам Днепра.

Свирь – Ладога – Волхов – Ильмень: сейчас мы перебрасываем мост от кижских шхер к Босфору и Дарданеллам.

Ещё один западный путь: Средиземноморье – Атлантика – Балтика – Нева – Ладога – Свирь. Лоция у нас – культурологическая: намеченной дорогой – её в принципе могли использовать сюжеты, символы, орнаменты – из Александрии или Афин мы попадаем в Заонежье.

Переместимся к Востоку.

На самой северной излучине Волги лежат Кострома, Ярославль, Рыбинск.

Эти города напрямую выводят в Северную Фиваиду.

До Белозерья рукой подать!

Шексна и Унжа, Молога и Чагодоща, Свидь и Андома: умело используя связь этих рек с бассейнами Онего, Онеги, Волги, мы готовы взяться за доставку персидской экзотики непосредственно в Кизи.

Мысленно эти маршруты освоил Николай Клюев.

Гладь Онего у него отражает всю Ойкумену.

Главы Кижей: в поисках генезиса этой формы нельзя миновать иерусалимскую мечеть Куббат ас-Сахра.

Крещатый план храма: включается множество и архитектурных, и теологических ассоциаций, связанных с христианством.

Бочечные покрытия: невольно вспоминается абрис *солнечных окон* буддизма.

Ярусное построение: за ним брезжут египетские и мексиканские ступенчатые пирамиды, зиккураты Междуречья, индийские пагоды.

Восьмеричное основание: на память приходят различные октагоны – от афинской «Башни ветров» до итальянских баптистериев.

Наши сближения носят условный, причём чисто системный или формальный, но никак не генетический характер. Однако они вполне правомерны. Задавая Кижам широкий историко-культурный контекст, проведённые нами метафорические параллели работают на то, чтобы глубже понять и прочувствовать вселенскость удивительной церкви – оценить осуществлённый ею широкий синтез.

Множество нитей стягиваются к Кижам. Отождествляя их с реками, мы не хотим быть понятыми буквально – тем не менее это факт: остров смотрится как узел водных дорог.

Среди них две имеют особое значение – Свирь и Онега: в работах А. Б. Бодэ они маркируют соответственно *западное* (новгородское) и *восточное* (московское) влияния на зодчество Кижей.

Реки являются их проводниками.

Нелишне вспомнить, что они и для двух колонизаций – *новгородской* и *низовской* – создавали важнейшие направляющие русла.

Иногда может показаться, что эта ключевая для А. Б. Бодэ дихотомия устанавливается уж очень линейно и однозначно – ведь обе стороны изначально взаимодействовали друг с другом, образуя сложные сплавы, сплетения, смешения. Поэтому сепарация *новгородского* и *московского* не всегда получается чёткой.

Ждёшь контраста, а видишь диффузию!

Порой создаётся впечатление, что Запад и Восток рокируются друг с другом – уходят от жёсткого противостояния.

Тем не менее установка исследователя – при всех оговорках – обнаруживает поразительную эвристичность.

Результаты весомы!

По мысли А. Б. Бодэ, Преображенская церковь «является последним всплеском взаимодействия западных и восточных (новгородских и московских) традиций. Действительно, рубеж, когда отголоски древних новгородских традиций исчезают практически полностью, приходится на начало XVIII в.»⁷.

Фронтонные пояса: это посвирское.

Бочечные покрытия: это поонежское.

⁷ Бодэ А. Б. Архитектурное решение... С. 12.

Два формотворческих импульса встречаются в Преображенской церкви, образуя нечто новое – ожерелье из восьми бочек, венчающее первый восьмерик.

Фронтонный пояс в Согинцах – и это ожерелье в Кижях: неужели перед нами изоморфные структуры? Верится – чего скрывать – не сразу. Сколь нетривиален этот изоморфизм! Угластые ендывы кажутся чем-то абсолютно несовместимым и несопоставимым с бочечными пучинами.

Это и вправду разные художественные системы.

Разные принципы формообразования.

Разные плотницкие приёмы.

Тем не менее родство доказано.

Вот так и в живой природе нас ошеломляют некоторые гомологии. Ведь подчас и специалисты с трудом докапываются до них.

Потому обнаружение таких скрытых связей – всегда открытие, несущее заряд новизны.

Всегда парадокс!

Крылья гомологичны плавникам?

Чешуя – перьям?

Выявленное в анализе единство происхождения не подтверждается визуально. Потому поначалу мы не принимаем его.

Колючки боярышника («готические» заострения) – и усики винограда («барочные» спирали): это тоже гомология? Слишком разительна для внешнего восприятия противоположность двух структур.

Так и здесь.

Зубчатые ендывы мнятся чем-то очень далёким от округлых бочек. Но на поверку оказывается: они связаны метаморфозом. Мы видим: фронтонные и бочечные пояса занимают одинаковое место в структуре храмов – это наводит на мысль об их гомологии.

Деревянному зодчеству привычны превращения прямоскатного в криволинейное. Эта трансформация в данном случае осуществляется очень смело и неожиданно.

А. Б. Бодэ весомо заключает: *«Устройство покрытия восьмью перекрещивающимися бочками восьмигранного основания, несомненно, несёт влияние фронтонных поясов посвирских восьмериковых храмов. Не исключено, такое решение применительно к деревянным сооружениям здесь было использовано впервые»*⁸.

Начнём спуск по Свири в поисках первообраза фронтонных поясов.

Зайдя в Ладогу, направимся к устью Волхова – нашей целью будет Великий Новгород.

⁸ Бодэ А. Б. Архитектурное решение... С. 10.

В 1557 г. в стенах Свято-Духова монастыря была построена Троицкая церковь. Поверх её основания – и вокруг барабанов – идут выразительные ендовы. Непривычное для Новеграда решение! Мы далеки от мысли выводить отсюда посвирские фронтонные пояса. Но переключка интригует. Имело ли место влияние *каменного* дела на *деревянное*? Или мы вышли на интересный случай конвергенции? Вопрос остаётся открытым.

Между прочим, Троицкая церковь близка по стилистике к московской архитектуре – это частный момент, но в нём несколько релятивизируется различие *западного* и *восточного*, столь важное для нашей проблемы.

Теперь направимся на Восток – к реке Онега; там процвели бочечные покрытия – не только простые, но и ступенчатые, каскадные. Ярус на ярус! Этот опыт имеет для Кижей принципиальное значение.

Наш путь будет сложным, прихотливым.

Между озером Онего и рекой Онега – такие перегоны: реки Мышьи Черева, Волошова, Поча, Кена – озёра Волоцкое и Кено – Кенский волок.

Освоение этих земель совпало с периодом максимальной озёрности.

Волоки были короткими, хорошо проходимыми. Суда на них перетаскивали то по мелководью вручную, то на деревянных катках. Иногда из торцовой части толстых брёвен делали колёса. Использовали и гуж – лошадей, оленей.

Двустороннее движение по Обонежской пятине было весьма активным.

Ильмень – Ладога – Онего – Белое море: в ретроспективе они видятся как один оживлённый путь.

На Русский Север – благодаря водным путям – стекалась информация из разных истоков. Он стал своеобразным устьем! Стал хранилищем этой информации.

Продолжив движение на Запад, мы выйдем в Скандинавию: каскадные покрытия, столь характерные для церквей Посвирья и часовен Заонежья, иногда связывают с культовой архитектурой Норвегии. Конвергентное сходство? Вероятно, и влияние.

Направившись по рекам Беломорья – через пермяцкие земли – в сторону Оби, к хантам и манси, мы глубже поймём финно-угорское впечатление, столь существенное для Заонежья. Много здесь нам даст и Печора.

Терский берег – и реки, впадающие в него: с их помощью мы чётче выветим протосаамскую подпочву Карелии.

Прокладывая русла и в меридиональном, и в широтном направлении – связуя Север и Юг, Запад и Восток, – реки образуют сложную сеть, связанную к Онего.

Певец Кижей Николай Алексеевич Клоев жил с 1895 по 1915 г. в д. Желвачёво.

Это на левом берегу Андомы, впадающей в Онежское озеро.
О месте, где река берёт начало, в Википедии можем прочесть следующее:

В северо-восточной части Андомской возвышенности 61°30' с. ш. 37°44' в. д. была выявлена уникальная, единственная в Европе и России, точка, получившая название «Атлека» (по начальным буквам трёх составляющих бассейнов). В ней сочленяются бассейны Атлантического и Ледовитого океанов и крупнейшей в мире внутриконтинентальной системы Каспийского моря. Подобных точек на Земле известно две: одна находится на хребте Каргапазары в Турции 40°10' с. ш. 41°36' в. д., другая – на хребте Льюис в США 48°36' с. ш. 113°44' в. д.

Замечательную точку открыл в 1997 г. Вячеслав Степанович Куликов. Свою «Белую Индию» Н. А. Клюев написал под сенью Атлеки.

Поэт видит Преображенскую церковь на воде – среди воды: «*Вот пронеслись, как парус, Кижжи*».

Это было кругосветное плавание?

Всемирная отзывчивость нашей народной культуры нашла опору и поддержку в уникальной гидросистеме Русского Севера.

Она и есть питающие корни Кижей.

2. КОМЕЛЬ

Преображенская церковь прорастает из земли мощным восьмериком.

Между архитектурой и ботаникой – уйма унисонов: и там, и здесь имеют место *рост – морфогенез – эволюция*.

Отсюда системные параллели.

Восьмигранный *столп* может быть сопоставлен с восьмигранным *стеблем*.

У растения – на стыке частей – *междоузлия*; у храма – как связка между объёмами – различные переходные структуры: *фронтонные* и *бочечные пояса, кокошники*.

Цветок – слава растения; *глава* – апофеоз храма.

Преображенка насквозь *биоморфна* – *фитоморфна* – *дендроморфна*.

Впрочем, основания северных деревянных церквей допускают и другую линию аналогий – она уведёт к геометрии, кристаллографии.

Египетская колонна формировалась разными путями. Имела место своего рода полифилия – происхождение из независимых источников:

– сразу два прототипа восходят к живой природе: это ствол пальмы и пучок тростника, обмазанный глиной;

– колонне предшествовала квадратная в плане подпора, используемая в строительных работах.

Квадрат оптимален во многих отношениях. На его основе возникла простая в своей геометрии, механически надёжная колонна-четверик.

Эстетическое чувство требовало разнообразия. Равномерно обтёсанный по углам, четверик обернулся восьмиериком.

Октагональные в плане колонны украшают храм XI династии в Дейр-эль-Бахри.

Зодчие XII династии продолжили дифференциацию: теперь преобладают шестнадцатиугольные колонны.

Что отражает этот процесс?

Приближение к симметрии круга!

Это ведь самая совершенная фигура – искони она воплощала сакральные смыслы.

Подобная аппроксимация имела место и в истории русской архитектуры. Но вот что интересно: на Русском Севере восьмиерики предшествуют четверикам – арифмологическая последовательность кажется нарушенной. Как бы обращённой вспять!

В. П. Орфинский писал о *линейно-циклическом развитии* деревянного зодчества.

Тут нет прямой поступательности.

Мы наблюдаем нечто очень похожее на то, что в биологии определяется как *рекапитуляция* – возвращение к эволюционно пройденным этапам. Для сходного явления в деревянном зодчестве В. П. Орфинский нашёл свой образный термин: *откатная волна*⁹.

Восьмиерики Преображенской церкви: это *откат* – с удержанием всего исторического позитива – в Лявлю и Панилово?

Там были построены – соответственно в 1585 и 1600 гг. – Никольские храмы. Это *восьмиерики от пошвы!*

Самое что ни на есть древнее – *досюльное*.

Основополагающее.

Источное для нас.

Два прируба – восточный и западный – покрыты *бочками*.

Добавить ещё два прируба?

Ярусно нарастить бочки?

Перейти к многоглавию?

Храмы Русского Севера дают нам возможность воочию пронаблюдать этот *рост* – это *развитие*.

⁹ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология культового деревянного зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 157–158.

Но вот первичная схема, которую примут, обогатив её, кижские плотники. Архаические восьмерики Подвинья проступают внутри Преображенской церкви как её намётки – или зачатки.

Многое говорит за то, что *восьмерики от пошвы* имели в народном сознании особую ценность – всепамятливая *традиция* именно на них распространила свою власть.

В пользу этого тезиса свидетельствует легендарная история об Устюжском Успенском соборе XV в. Изображений этого храма не сохранилось. Тем не менее его сопоставление – на основе летописных данных – с Преображенской церковью кажется нам вполне оправданным. Успешно это делает В. А. Гущина, подводя читателя к тому вероятию, что «*кругла по старине о двадцати стенах*» церковь – данному типу соответствует и кижский храм – считалась канонической уже с X в.¹⁰ Действительно ли Ростовский Успенский собор, сгоревший после двухсотлетнего стояния в 1160 г., был покрыт шатром на восьмерике с четырьмя прирубам? Он мог стать прототипом для великоустюжского Успения – город находился на стрежне низовской колонизации.

При всём спекулятивном характере подобных гипотез им нельзя отказать в эвристичности.

Они углубляют проблему.

И что для нас особенно важно – расширяют кижский контекст. Устюжское предание закономерно входит в него, помогая понять, какие ценностные приоритеты заявили себя, предопределив план обонежских многоглавий.

Первое упоминание Успенского собора относится к 1290 г. Освящённый тогда храм мог быть повтором обветшавшего или сгоревшего предшественника. Если это рискованное предположение отвечает истине, то образ храма, ставший для устюжан идеалом, может восходить к ещё более ранним временам.

Собор был уничтожен пожаром в 1396 г.¹¹

Тут же отстроенный, он просуществовал ровно год – в его гибели виновато разорительное нашествие новгородцев.

Летопись фиксирует: «*чудотворная Одигитрия взята в полон*». Эту икону епископ Тарасий привёз в Великий Устюг в 1290 г. – она считалась главной святыней города.

Похитителей осудил не кто-нибудь, а их земляк – новгородский владыка Иоанн повелевает вернуть награбленное. Более того: он посылает

¹⁰ Гущина В. А. К вопросу об истоках формирования Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 193.

¹¹ Эта дата – и другие даты, связанные с историей храмов – варьирует в источниках со сдвигом на два года: так, данное событие иногда относится к 1398 г.

в Великий Устюг артель плотников – «...и поставиша церковь на Устюзе древяну велику единого лета Успение Пречистыя Богородицы».

Это была реплика старого?

Или нечто абсолютно новое горожан?

Вот проблема принципиальной важности.

Великий Устюг являлся зоной интерференции двух разноречивых влияний – новгородского и московского.

Успенский собор 1397 г.: это повторение уже не раз опробованной схемы?

Или новгородское новшество?

В последнем случае мы видим, как ростовско-московская линия резко прерывается – и Новгород на не подвластной ему территории утверждает свой архетип.

После очередного пожара Успенский собор приходится отстраивать заново.

На этот раз к работе призваны ростовские *рубленники*.

Идёт 1493 г.

Великий московский князь Иван III даёт указание: воздвигнуть в Устюге церковь «..такову же, какова была».

Москва за преемственность!

Но какую?

Чего и с чем?

Если Успение, построенное северными мастерами, было их смелым привнесением в привычное для устюжан архитектурное окружение, то надо признать: Иван III благородно поддерживает содеянное его недавними противниками – понимает ценность пропавшего в огне собора.

Всего пятнадцать лет назад закончилась московско-новгородская война (1477–1478).

Окончательно вымарать на реке Юг память сретников? Нет, на пепелище восстанавливается то, что было построено.

Решение Ивана III поначалу саботируется.

Это ли не знак того, что и тогда имела место борьба вкусов?

Вопреки столичным предписаниям, мастер Алексей Вологжанин, присланный ростовским архиепископом Тихоном, закладывает церковь «не по старине, крещату».

Подчеркнём: построенное *новгородцами* восстанавливают *ростовчане*.

Пусть спустя сто лет – заочно, неявно – тут мог случиться спор.

Это похоже на конкурс!

Голоса простых жителей имеют большой вес.

Читаем в летописи: «..устюжанам тот оклад стал нелюб».

Они хотят пожаловаться великому князю.

А ведь уже срублено шесть венцов!

И что же?

Новострой приказано разобрать – будет возведён двадцатистенок.

Почему для нас столь значим факт этой соизмерительности двух архитектурных парадигм?

Восьмерик взял верх над четвериком!

Традиция победила новацию.

Предание говорит о первичности восьмерика – ключевого элемента кижской Преображенки.

Оно интересно и в том отношении, что осложняет вопрос о соотношении новгородского и московского доминирования – граница соответствующих ареалов размывается. И смещается на Восток.

А. Б. Бодэ пишет: «Отсутствие выявленных отголосков древних новгородских традиций в деревянном зодчестве Поонежья, по всей вероятности, связано с распространением московских влияний»¹².

А как же тогда Подвинье, куда новгородцы продвинулись не только с оружием, но и с плотничьим инструментом? Понятно, что речь идёт о разных эпохах, с разрывом в 200–250 лет, но всё же нельзя не задуматься над тем, как Успение, поставленное на берегах Юга, считай предтечи Северной Двины, отозвалось в могучих восьмериках её бассейна.

Наше вопрошание резонно лишь в том случае, если храм 1397 г. – своеобразное покаяние Новгорода – строился так, чтобы не просто вернуть истреблённое в пылу столкновения, но и удивить, восхитить, расположить к себе устюжан.

Воссозданное – точь-в-точь – старое?

Или нечто усиленное в плане эстетического восприятия – призванное паразитировать воображение?

Это всего лишь гадательные раздумья.

От них не уйти.

Восходит ли великоустюжский октагон к ростово-суздальской архитектуре чуть ли не X в.?

Или его схему впервые здесь утвердили новгородцы в XV в.?

Вряд ли когда-нибудь удастся решить вопрос однозначно.

Обе линии мысленных реконструкций ведут к одинаково интересным, хотя и противоположным результатам. Одно несомненно: в Успенском соборе Великого Устюга мы вправе видеть аналог нашей Преображенки по важнейшему признаку – их основания инвариантны.

¹² Бодэ А. Б. Деревянное зодчество Русского Севера. Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005. С. 137.

О древности восьмериков на Северной Двине свидетельствует икона XIV в. «Введение во храм» (91×66. ГРМ. № 2724), происходящая из Троицкой церкви с. Кривое. Вероятно, раньше она была храмовым образом Введенской церкви, что на Княж-острове, находящемся неподалёку.

Зачем нам географические подробности?

Нелишне напомнить, что Княж-остров расположен близко к устью Северной Двины – это начало водного пути новгородцев на Восток. Икона благословляла ушкуйников на продвижение в глубь Евразии. На ней изображены три восьмериковых шатра.

Осваивать Заволочье начинает Новгород Великий.

Низовская колонизация создаёт напряжения в районе Белоозера (по легенде владычил там Синеус – брат Рюрика) и Великого Устюга (шесть раз новгородцы пытались выбить оттуда силы, пришедшие с Юга).

1398 г. означил недолгий триумф Новгорода: московские гарнизоны разбиты – изменники казнены.

Однако в 1478 г. Москва берёт окончательный реванш.

Московско-новгородская чересполосица в Заволочье!

Думается, там была создана благоприятная почва для скрещивания архитектурных традиций – завязывались формы, вобравшие в себя опыт разных традиций. При этом их различие не стирается вовсе – мы видим не эклектическое смешение, а органический симбиоз. Базисные элементы, указующие на привязку к тому или иному региону, остаются узнаваемыми.

Новгородские влияния на Русском Севере затухают неравномерно: вечевой дух самоуправления, обрядовая сторона жизни, фольклор – всё это удерживается очень долго, являя сильнейшую историческую инерцию. Тогда как архитектурные навыки забываются быстрее. Но полная амнезия наступает не скоро.

Своё, коренное замещается московским опытом?

Об этом процессе мы можем прочесть у А. Б. Бодэ следующее: *«Действительно, рубеж, когда отголоски древних новгородских традиций исчезают практически полностью, приходится на начало XVIII в. К этому времени в деревянном зодчестве Севера укореняются приёмы и формы, составляющие общерусские традиции»*¹³.

Казалось бы, в понятии *общерусское* снимается антитеза Новгорода и Москвы – осуществляется синтез.

Однако в другом месте А. Б. Бодэ фактически синонимизирует *московское* и *общерусское*: *«Характер распространения бочек и крещатых*

¹³ Бодэ А. Б. Архитектурное решение... С. 12.

бочек свидетельствует, что эта форма относится к московской (общерусской) традиции»¹⁴.

Подразумевается эпоха, когда Новгород потерял самостоятельность – Москва всё больше утверждалась в своём абсолютизме. Всё же ещё раз подчеркнём: падение метрополии далеко не сразу отразилось на северных провинциях – дух вольности там удерживался веками. Региональные различия – пусть ослабленные, нивелированные – сохранялись и в архитектуре.

Потом чаемая *общерусскость* выродилась в безликость типовых проектов. Глядя на храмы, нельзя понять, где ты находишься – на Юге или Севере, на Востоке или Западе. Столичный стандарт усреднил сельскую Россию.

Всё-таки хочется качество подлинной *общерусскости*, обретенное деревянным зодчеством Русского Севера на фоне петровых деяний, углубить во времени – опустить ниже планки, задаваемой царствованием Ивана III, Василия III, Ивана IV. Какие-то её элементы могли существовать до всех дроблений – в период их нарастания – вопреки им.

Нельзя ли к таковым отнести шатровые покрытия?

И октагоны?

Посвирье – Поонежье – Подвинье: область распространения восьмериков невероятно широка. За ними видится единая эстетика, игнорирующая княжеские междоусобия.

Храмы других типов – крещатые и восьмерики на четверике – идут вслед за ними. Со временем они начинают первенствовать. Но вот Анхимово, Кижи, Нёнокса: повторение старого – возвращение к нему по спирали. *Откатная волна* поражает своей красотой и силой.

Основание русских центральных храмов-башен иногда называют *столпом*.

Мощное слово!

Не всеу произнося его сейчас, вспомним *столпников* – подвижников раннего христианства. Устремление к Богу получает здесь предельно наглядное выражение: человек растёт вверх не физически, а орудийно – наращивает под собой вертикальную опору.

Памятуя об антропоморфности центрального храма, скажем так: он тоже *столпник* – норовит поднять главу на уровень занебесья.

Об архитектуре *столпов* мы можем судить только по иконам и фрескам – понятна условность их изображений.

Нередко мы видим грановитые *столпы*.

---

¹⁴ Бодэ А. Б. Северорусские деревянные церкви с кубоватыми покрытиями. Архитектура, ареалы, происхождение // Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. Известия КазГАСУ. Казань, 2011. № 2 (16). С. 13.

Отвечает ли эта деталь реальным прототипам?

Надёжную подсказку нам даёт монастырь преподобного Симеона-столпника, построенный в 476–490 гг. в Калат-Семане.

Это в 40 км к северу от сирийского города Алеппо – рядом с римской дорогой, ведущей в Антиохию.

Святой Симеон (ок. 390–459), подвизавшийся в этих местах, простоял на столпе 47 лет.

Желая увековечить память учителя, Даниил-столпник выступил с инициативой построить здесь мартирий, окружающий орудие великого подвига.

Мартирий получил форму *октагона*!

Отвечает ли он симметрии *столпа*?

В качестве такового мы видим невысокую глыбу с едва намеченной огранкой.

На иконах преобладают шестигранные *столпы*.

Однако вот металлический образ XI в. из Грузии: *столп* на ней – восьмигранник.

Как бы то ни было, но это исторический факт, имеющий принципиальное значение для предыстории Преображенской церкви: одно их выдающихся обретений раннехристианской архитектуры – *восьмерик*. Аналогии усиливают четыре базилики, сходящиеся к мартирию как к средокрестию.

Крещатая схема!

Восьмерик посередине!

Изоморфизм двух памятников становится всё полнее.

Наши параллели – чисто системные. Они помогают нам понять связь Преображенки с ключевыми матрицами православного зодчества.

Отправное, первичное!

Предание говорит: еще раньше Константин Великий построил в Антиохии так называемый Золотой октагон.

Древняя схема была задействована в ярусных построениях.

Ступенька к ступеньке – блок на блок: вкус к строительству лестниц и возведению пирамид человечество ощущает смолоду.

Если вместе с собой мы поднимем колокола, то увеличивается шанс: в небесах нас слышат всё лучше и лучше.

Звонницы – это автохтонное.

Колокольни – от Италии: первая восьмигранная кампанила – Иван Великий – дала русским зодчим вдохновляющий пример.

Благодарствуем Бону Фрязину!

Однако архетип лестницы-пирамиды способен к самореализации без всяких внешних побуждений. Хотя отрицать ускоряющую роль таковых нельзя.

XVIII в. использует разные формы ярусности, комбинируя четверик с восьмериком – для их обозначения будем использовать соответственно цифры 4 и 8.

Вот некоторые примеры:

- Тихвинская церковь (Торжок, 1717): 4+8+8+8
- Покровская церковь (с. Старые Ключищи, 1731): 4+8+8+8
- церковь Иоанна Богослова (с. Ишня, 1687): 4+8+8
- Ильинская церковь (г. Белозерск, к. XVII в.): 4+4+8

Ярусные церкви, состоящие исключительно из восьмериков, являются более редкими. Обонежские многоглавия нумерологически занимают среднее положение между Троицкой церковью в с. Нёнокса (1724; 8+8) и Ильинской церковью в с. Цыпино (1755; 8+8+8+8+8 – по одной из реконструкций).

Идея пирамидальной ярусности – на восьмеричной схеме – очень интересно воплощена в Трёхсвятительской церкви (с. Богословское, 1783): прямоугольное основание принимает на себя восьмерик, из которого вырастает гирлянда пропорционально уменьшающихся банек. Это одна из самых красивых прогрессий в деревянном зодчестве. Банек – три. Учитывая, что у каждой по 8 пучин, мы вправе вывести такую формулу – она не учитывает основание: 8+8+8.

У М. Б. Красовского можно найти потрясающее свидетельство: когда на это уникальное завершение был наложен шатёр – баньки оказались как бы внутри футляра. В подгонке не было необходимости: пучины идеально вписались в конус. Хочется представить удивление поновителей храма, обнаруживших под гранями шатра это чудо. Ведь они могли не знать о нём раньше. Со стороны это выглядело так: три баньки словно вылупились из шатра – нежданно-негаданно явились на свет. Этот сюрприз по-своему говорит об органической связи между всеми формами деревянного зодчества.

Баньку мы можем вписать в шатёр – и, наоборот, шатёр трансформировать в баньку.

Поразительная пластичность!

В построении пирамид находит своё выражение элементарная комбинаторика. Перед нами прошли разные варианты, из которых выстроился последовательный ряд: 8+8, 8+8+8, 8+8+8+8, 8+8+8+8+8.

Крайне интересный случай представляет Никольская церковь XVIII в. из с. Высокий Остров. Она построена кораблём. Под её тремя восьмериками – не четверик, а скорее подобие пятистенка: более широкая часть – кафоликон; суженная – трапезная, состыкованная с папертью.

Над папертью – колокольня: считая звоны, тоже три восьмерика. Но им задано совсем другое пропорциональное решение.

Два яруса восьмериков – друг против друга – в одной связке!

Для обонежских многоглавий мы здесь подобрали богатую двойную рифму.

Комли и анхимовского, и кижского древа оригинально украшены.

Поднимая свой взгляд по тем граням нижнего восьмерика, которые полностью открыты – свободны от прирубов, мы на уровне второго ряда бочечных покрытий увидим примечательную деталь: это как бы тонкие срезы бочки – её сквозные *профили*. Можно сказать и так: похоже на *прорись* бочки. Нечто почти графическое здесь вплетается в скульптурные объёмы.

Известны ли прецеденты?

Вот как об этой детали пишет А. Б. Бодэ: *«По диагоналям восьмерика размещены декоративные накладные элементы, повторяющие очертания бочек. Композиционно они не равноценны остальным бочкам и играют соподчинённую роль»*¹⁵.

Характерен термин: *«накладной элемент»*. Почему не кокошник?

Семантически употребление данного понятия было бы не совсем точным.

Вспомним – по принципу контраста – кокошники в Троицкой церкви в с. Шеговары (1668).

Они рубленые!

Под ними находятся массивные постаменты!

Тогда как заинтриговавшие нас формы, которые хочется назвать вырезными *аплике*, видятся рядом с ними скорее эфемерными. Да и занимают они позицию, необычную для кокошников: находятся не на верху грани, а чуть выше середины – именно наложены на неё, подвешены к ней. Под ними нет опоры.

Тем не менее от аналогии с кокошником всё равно не уйти.

Как определить место этих элементов в системе декора обонежских церквей? Думается, что в эволюции от конструктивного к декоративному они продвинулись ещё дальше, чем кокошники в обычном понимании этого термина. Их условность можно сравнить с *гризайлем*.

Интереснейшая художническая находка!

Накладные элементы дивно рифмуются с бочками, находящимися на одном уровне с ними – образуют общее ожерелье. Где ещё вы увидите столь впечатляющее чередование сочно-выпуклого со слабо-рельефным, осязательно-трёхмерного и норовящего ускользнуть в плоскость?

¹⁵ Бодэ А. Б. Деревянные храмы Русского Севера. Архитектура и местное своеобразие. М., 2011. С. 114.

Схема декора – как партитура: каждая нота в ней продумана.

Каждая вдохновенна!

В гармоническую – хочется сказать: музыкальную – связь накладные элементы вступают и с бочками восьмерика, расположенными точь-в-точь над ними – поэтому мы вправе выразиться так: рифмовка тут идёт и кольцом по горизонтали, и линейно по вертикали.

Формы отражаются друг в друге – перекликаются: отсюда эффект предметного – материализованного в объёмах и контурах – эха.

Вторенья – рефрены – созвучья!

Многоглавие превращается в многоголосие.

Думается, что накладные элементы ещё и добавляют храму качество, которые хочется назвать *невесомостью*.

На чём они держатся?

Создаётся ощущение, что мы застаём церковь в тот момент, когда она вот-вот преодолеет узы гравитации – и перенесёт нас в занебесье.

Мысленно уберите эти элементы – и вы почувствуете: храм как будто отяжелел – уменьшилась его порывность.

Да, деталь вроде как малая. Но найдена она гениально – и активно, хотя ненавязчиво участвует в создании целостного впечатления.

3. КРОНА

Крона у кижского древа сильно навесистая: начинается с бочек первых прирубов – осеняет землю широко и густо.

Крона пирамидальна.

Ключ к пониманию этой формы даёт принцип симметрии Пьера Кюри, который гласит: *симметрия причины отображается в симметрии следствия*.

Поле земного тяготения имеет симметрию конуса.

Сколь разнообразны конусовидные образования! Они солируют в ландшафте Земли: горы – холмы – деревья – соборы – антенны. Выразительные доминанты! При различии субстрата и масштаба – схожие, порой совпадающие контуры.

Всем знакома такая забава: выпускать из ладони струйку песка – наблюдать как растёт маленький конус.

Очень красиво это смотрится в песочных часах.

Игра с песком – по сути опыт: угол конуса даёт представление о силе тяжести на нашей планете.

Мы как бы замеряем эту силу.

Горки песка – своего рода приборы.

С них можно снять весьма существенные показания.

На Марсе эти горки будут крутыми и узкими.

На Юпитере они уплощаются.

Преображенская церковь оптимально вписана в поле земного тяготения. Пропорции её конуса, нацеленного на зенит, обеспечивают плавный и уверенный отрыв от земли – форсаж не нужен.

Проведём сравнения: конус Покровской церкви в Анхимове более приземистый – взлетаем не без усилий. Конусы мезенских завершений – наоборот – по-готическому экстаичны: не удерживай мы храмы на привязи – и они с лёгкостью вознеслись бы под облака.

Мы не зря сейчас впромельк сказали о готике. Заостряя углы своих конусов, она как бы эмансипирует нас от силы тяжести – переносит в миры с ослабленным гравитационным полем.

Кжи набирают высоту без экзальтации.

Но мощно и уверенно!

С притяжением спорят три восьмерика – четыре двуступенчатых прируба – двадцать две главы.

Единое побуждение – выброс, выплеск в небо – распределяется по всем частям целого.

Ежегновенно внутри храма создаётся чудо когерентности.

Энергия согласованно передаётся в остриё верхней маковки.

И далее – в крест, уже не принадлежащий посясторонней реальности.

Структурным стержнем кроны являются восьмерики. Диаметр их – по мере набора высоты – закономерно сокращается.

Вспомним закон всемирного тяготения, открытый Исааком Ньютоном:

Сила F гравитационного притяжения между двумя материальными точками массы m_1 и m_2 разделёнными расстоянием R , пропорциональна обеим массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними – то есть:

$$F = G \cdot \frac{m_1 \cdot m_2}{R^2}.$$

Какое отношение великое уравнение имеет к архитектуре?

Это элементарно – и это фундаментально: мы строим внутри гравитационного поля – адаптируемся к нему – вписываемся в него.

А порой явно или неявно – со времён Вавилонской башни – стремимся его одолеть! Если не физически, то символически.

Как и принцип П. Кюри, закон И. Ньютона неисповедимо регулирует процессы формообразования – и, прежде всего, те, которые связаны с высотностью. Только его власть проявляется более скрыто – осознаётся не сразу.

Прямоугольная коробка небоскрёба – параллелепипед, поставленный на попа: есть этажность – нет ярусности; здание скорее эксплуатирует гравитацию в своих интересах, чем противоборствует ей; от высоты захватывает дух – вот она, уже достигнутая и упроченная нами: мысли о дальнейшем подъёме не возникает.

Высотность высотности рознь.

Иные чувства пробуждает ярусный храм.

Он уходит от гравитации – не желает подчиниться ей.

В архитектуру заложена возможность потенциально бесконечного подъёма.

Как это достигается?

Благодаря прогрессии, заложенной в ярусности.

Как и в законе И.Ньютона, имеет место пропорциональное изменение – в обоих случаях оно связано с уменьшением, убавлением.

Нашу аналогию никак нельзя понимать буквально.

Ньютонова пропорция – и пропорции ярусного сооружения: не будем искать здесь взаимно-однозначного соответствия – зависимость есть, но она уходит от формализации. Мы её схватываем бессознательно – на уровне наитий. Никак не с помощью *ratio*! При этом нам вовсе не нужно знать ни И. Ньютона, ни теории архитектуры.

Это не рефлексится.

Ибо лежит в недрах восприятия.

Взгляд пробегает по кижским ярусам – и мы чувствуем: узы тяжести сходят на нет.

Субъективное?

Потому не верифицируемое?

Но ради такой субъективности и существует культура. В ней – в несказуемости личных переживаний – заключается самое ценное.

Чем выше – тем свободнее.

И тем меньше затрата энергии, массы.

Если вдуматься, то станет понятно: эта корреляция имманентна принципу ярусности – выражает его суть.

Восходящая тяга в ярусных храмах создаётся прогрессией. Будучи верно найденной, она свидетельствует о владении искусством пропорционирования.

Вот где проявляется даровитость!

Смотрите: этот храм словно пробуксовывает в нарастании ярусов – а этот зримо проявляет нетерпение, теряя меру в своём разгоне.

Восьмерики в Кижях – опять-таки *optimum*: пропорции создают ощущение спокойного и уверенного – но вместе и вдохновенного – удаления от центра тяжести.

m Земли – и *m* верхней главы Преображенки: расстояние между ними отнюдь не космическое, но формула И. Ньютона – уже в субъективном пространстве – работает так, что может показаться: храм вот-вот выйдет на метафизические орбиты.

Как удаётся сообщить формам эту способность?

Приёмам северных плотников присуща системность.

Два процесса, о которых первым сказал Герберт Спенсер, взаимодействуют в эволюции деревянного зодчества: *дифференциация* проявляет себя в расчленении монолитной структуры (пример – удвоение восьмериков в церквах западного Обонежья), а *интеграция* – в соединении разнородных элементов (пример – сочетание шатра и крещатой бочки).

С этими процессами тесно сопряжена *пролиферация* – дублирование, умножение форм. Самовоспроизводясь, они налаживают эффективные связи – создают впечатляющие, всегда нетривиальные композиции. Многоглавия тут будут наилучшим примером.

Простое оборачивается затейливым – сдержанное становится избыточным.

При этом не теряется мера!

Никакой дробности – торжествует целостность.

Храмы наводят сильнейшее *холистическое поле*.

Они работают против энтропии – этот их потенциал воистину неизбыточен.

В формировании кижской кроны важная роль принадлежит прирубам.

Попробуем виртуально представить процесс возведения храма.

Вот они, только что поставленные восьмерики!

Троекратие их – как эхо: ослабевая с высотой, оно наверняка достигнет своей сверхцели.

Но как добиться еще большего устремления?

Как сконцентрировать порыв?

Для достижения искомого результата возьмёмся за прирубы.

Первый – второй – третий – четвёртый!

Плотно прилегая к грановитому стволу храма – приживляясь к нему, врастая в него, привитые прирубы не отстают от подвоя в активности, внося свою весомую лепту в создание цельного образа. Совместно формируется и объём здания, и его силуэт. Равномерное уширение, изначально заданное иерархией восьмериковых ярусов, теперь получает новые убедительные акценты – взлётная сила храма возрастает на несколько порядков.

Прирубы ступенчаты.

На них соответственно поставлены по две бочки – одна над другой.

Это начало лестничного марша – его продолжают бочки первого и второго восьмериков, выводя нас к центральному барабану.

Огромное наслаждение для взгляда: взойти поочерёдно по всем четырём лестницам – реально ощутить близость неба.

Повторим нашу виртуальную игру в обратном порядке.

Мысленно отыдем от храма прирубь.

Всё равно хорошо смотрится!

Но как-то неполно, куце.

Гениальное решение нашли народные мастера.

Горка восьмериков – и прирубь: в принципе это вполне самостоятельные элементы. Каждый из них может быть развит в отдельный храм. Аналоги хорошо известны – это:

1) ярусные храмы (правда, большинство из них имеет четвериковое основание)

2) и клетские храмы с бочечным покрытием.

Вспомним церковь из Спасозёрской пустыни (XVIII /?/ в.).

Другой пример – церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Почозере: бочка над бочкой – как звучная парная рифма (1700).

В условном игровом пространстве из Преображенки можно выделить несколько независимых объектов.

Поэтому мы вправе сказать: перед нами кудеса архитектурного симбиоза – органическое соединение частей, способных существовать каждая своей жизнью.

Какое гармоничное сплочение!

Ещё раз проакцентируем: единство замысла в Кижях – впечатление одного мощного выдоха – во многом обусловлено непрерывностью бочечных покрытий.

Разнородность постаментов – это прирубь, а это восьмерики – не ощущается.

Нам явлен художественный континуум.

Главы закрепляют этот эффект.

Прообраз кижских прирубей А. Б. Бодэ видит в церкви Ризоположения из Бородавы.

Каскадность там намечена ещё в прямоугольных формах.

Уна первой привносит кривизну?

Возможные предшественники не сохранились.

Пяяла и Варзуга подхватывают удачно найденную схему. Каждый раз она получает неповторимое развитие.

Перед нами лейтмотив поморской, поонежской, обонежской архитектуры. Наиболее богатую оркестровку ему дали в Анхимове и Кижях.

Эстетические достоинства бочечных покрытий очевидны.

Певучие линии!

Похоже на изгибы струнных инструментов.

Усиливается ли импрессия численным умножением?

Никогда ещё бочки и главы не собирались в столь большом количестве.

И ведь надо же было им так организовано – явно без всякой муштры – построиться и сгруппироваться!

Нет и в помине никакого ранжира.

Выше – или ниже: не суть важно.

Исконно северное равенство – соборное, вечевое – находит в наших многоглавиях свой символ.

Слаженность покрытий в Анхимове и Кижях напоминает симметрию математической группы.

Плотник Нестор даёт фору математику Галуа.

Что-то надмирное – предвечное – идеальное чудится в этой лёгкой и свободной регулярности.

«Числа правят миром», – говорил Пифагор.

Здесь их правление лишено всякого диктата – оно осуществляется играючи, непринуждённо. Результат налицо: композиция несёт печать совершенства.

Первый восьмерик – и окружающие его прирубы: предположим, что строительство храма остановилось на этом этапе – и нам предложено продолжить его, исходя из внутренней логики уже построенного основания.

В нашей фантазии мы ничего не знаем о Кижях.

Какое решение напрашивается само собой?

Всё говорит за то, что надо ставить шатёр.

Однозначно: шатёр.

Однако вместо него мы видим нечто очень похожее по абрису, но в конструктивном отношении ошеломительно новое – новаторское – многоглавие.

А. Б. Бодэ констатирует, имея в виду Анхимово: «Традиционное для такого плана шатровое покрытие здесь уступило место ярусной структуре»¹⁶.

1 – 3 – 5 – 9: хорошо известны арифмологические попытки связать количество глав с библейской семантикой.

Мы их касаться не будем.

Трудно спорить с тем, что увеличение числа глав в покрытии могло направляться желанием закодировать какие-то значимые для верующих человека смыслы – их мы вправе накладывать и на многоглавия.

¹⁶ Бодэ А. Б. Деревянные храмы... С. 104.

Но это – производное.

И часто – субъективное: сосуществуют разные прочтения, интерпретации.

Первично – на наш взгляд – другое: сила биологического роста, перешедшая в деревянное зодчество от органической природы – от леса, дерева.

Это как бы генетически преформированное, изнутри направляемое развитие.

Это своего рода номогенез.

Многоглавие предзадано деревянной архитектуре. Хочется сказать так: оно изначально присутствует в ней – как аристотелевская *потенция*. Или как наследственная *программа*!

Витальность, жизненность: концентрируя в себе эти качества, обонезские многоглавия могут быть восприняты как *гимны плодородию*.

Было одно зерно – теперь их целая пригоршня.

В развитии деревянного зодчества мы видим схожую метаморфозу.

Полиплоидия в генетике – *поликефалия* в мифологии – *полифония* в музыке: на разных уровнях бытие накапливает множественность – уходит от скудного, унитарного.

Многоглавия – это *фертильное*!

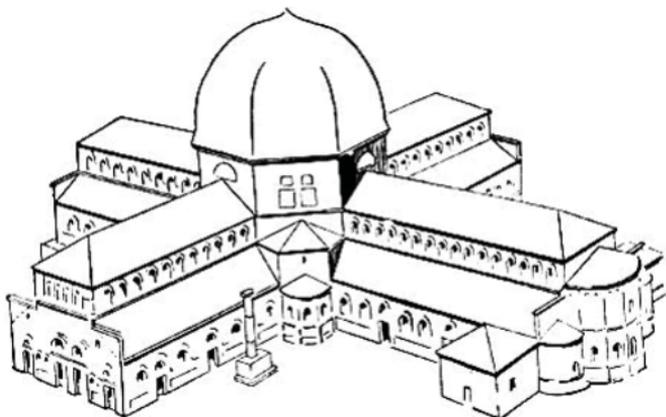
Это *изобильное*!

О них можно сказать словами Константина Леонтьева: *цветущая сложность*.

Генерируется разнообразие – углубляется единство.

Архитектура Преображенской церкви всем своим ладом являет полноту *единства в разнообразии*.

Это высший закон красоты.

Рис. 1. Топография, лежащая в основе Кижской Преображенской церкви, восходит к древнейшим архетипам христианской архитектуры. Монастырь Симеона Столпника в Калат-Семане (Сирия) был построен в конце V в. Структурный унисон с нашим храмом очевиден

Рис. 2. В литературе можно встретить утверждение, что храм Рождества Богородицы из с. Передки – это Новгородчина – был построен в 1531 г. Тогда он на год старше коломенского Вознесенья. Крещатое основание, восьмерик: эти ключевые элементы мы найдём и в Кижях

Рис. 3. Феодосий Михайлович Вахрушов (1870–1931) учился у И. Е. Репина. Был активным членом Вологодского общества изучения Северного края. Много доброго сделал для Тотьмы, своей родины. Изображённая им Успенская церковь из с. Нелазское (1694; недалеко от Череповца) традиционно ставится в эволюционный ряд, который завершает кижское Преображение

Рис. 4. Ф. М. Вахрушов. Церковь Покрова из с. Анхимово (1708)

Л. С. Харебова

НОВЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О КОСМОЗЕРСКИХ ИКОНОПИСЦАХ АБРАМОВЫХ

Среди документов фондового собрания музея-заповедника «Кижы» хранится рекрутский список Яндоми-Космозерского общества Кижской волости, составленный в 1869 г.¹ Документ является ценным историко-биографическим источником, содержащим информацию не только о лицах мужского пола, подлежащих рекрутской повинности. В списке зафиксирован состав 283 семейств, проживающих в 21 деревне волости, с указанием возраста членов семьи обоего пола, приводятся сведения о разделах семей, вероисповедании крестьян, их грамотности и владении ремеслом.

При изучении документа обнаружилось отсутствие среди перечисленных жителей деревни Космозерско-Погосской семьи с фамилией Абрамовы, которую носили представители известного рода иконописцев. Единственным мужчиной с именем Михей (старшего Абрамова) оказался Михей Иванов Колубов 38 лет, родившийся 9 августа 1830 г. и имевший шестимесячного сына Ивана. Указанные в списке данные о главе семейства и его сыне совпадали с биографическими сведениями об Абрамовых², не соответствовала только записанная в документе фамилия. Возникло предположение о том, что Михей Иванов Колубов мог впоследствии получить фамилию Абрамов, под которой он стал нам известен. Факты изменения родовых имен имелись в это время во множестве, поскольку процесс формирования и закрепления фамилий начался только во второй половине XIX в.³

---

¹ Кижы КП-1439.

² Заонежье в биографиях: краткий справочник / Сост. А. И. Мошин, Т. А. Мошина. Петрозаводск, 2010. С. 5.

³ Воробьева С. В. Родословия русских сказителей Заонежья XVIII–XIX вв. (Кижы – Сенная Губа) по материалам архивных документов. Петрозаводск, 2006. С. 19.

В примечании к записи, в которой учтена семья Михея Иванова Колубова, имеется отсылка к предыдущему пункту документа: «Семейство это состояло по прежнему списку под одним номером с Изотом Ивановым, записанным по сему списку под № 202, но ныне на основании... Высочайшего манифеста 1863 г. о наборе и по приговору сельского схода разделено». Под указанным номером в перечне жителей деревни записана семья Изота Иванова Колубова, родившегося 22 декабря 1815 г. Также в документе указан рекрут, призванный на службу от этого семейства в 1836 г. – Трофим, брат Изота Колубова.

Привлечение переписных документов (ревизских сказок), имеющихся в республиканском Национальном архиве, позволило установить, что Трофим, Изот и Михей Колубовы – единокровные братья, рожденные разными матерями от одного отца. В документах переписи 1850 г.⁴ среди крестьян деревни Денисова Гора (такое название имела в это время деревня Космозерско-Погосская⁵) записана семья их отца Ивана Панкратова Колубова 68 лет. У Изота к этому времени была своя семья, старший сын Трофим отбывал службу⁶. Двухлетний Михей, сын Ивана Панкратова от второй жены Агафьи Тимофеевой, еще не был женат. Женился он через четыре года на Матрене Евсегнеевой, дочери односельчанина Евсегнея Силина⁷. Подтверждение тому, что Михей Иванов Колубов и Михей Иванов Абрамов – одно лицо, обнаружилось в метрике за 1859 г.: 23 сентября у него родился сын Стефан, при его регистрации космозерский крестьянин Михей Иванов впервые записан под фамилией Абрамов⁸.

При последующем изучении архивных документов 1860-х гг. было установлено использование в отношении семей единокровных братьев Изота, Трофима и Михея обеих фамилий – и Колубовы, и Абрамовы. В 1861 г. родившегося у Михея сына Иоанна записали под фамилией Колубов⁹, а в метриках 1863 г. все братья имеют фамилию Абрамовы. В июне этого года каждый из них хоронит детей: 17 июня Михей – двухлетнего сына Иоанна; в один день – 27 июня – у Изота умирает семимесячная дочь Анна, у Трофима – пятилетняя дочь Наталья¹⁰. Судя по записи в нашем

⁴ НАРК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 20/165. Л. 68. (Ревизская сказка 1850 г. Национальный архив РК.)

⁵ Изменения в названии деревни отражены в переписных документах (ревизских сказках) и метрических книгах: до конца 1850-х гг. она именуется Денисовой горой, затем – Погостом, Космозерско-Погосской, Космозерским Погостом.

⁶ О старшем брате Трофиме известно, что он родился 4 апреля 1809 г. (Метрические книги... 1809 г. НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 32. Л. 380), был отдан в рекруты в 1836 г., его женой была Авдотья Емельянова.

⁷ НАРК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 172. Л. 748. (Метрические книги... 1854 г.)

⁸ Там же. Д. 207. Л. 992. (Метрические книги... 1859 г.)

⁹ Там же. Д. 218. Л. 1079. (Метрические книги... 1861 г.)

¹⁰ Там же. Д. 229. Л. 1098, 1120, 1121. (Метрические книги... 1863 г.)

рекрутском списке, раздел семейства Колубовых-Абрамовых произошел в конце 1860-х гг. С этого времени за семьей Михея закрепляется фамилия Абрамовы, его единокровные братья становятся Колубовыми.

Утвердившись в том, что все собранные факты имеют отношение к семье космозерского иконописца Михея Ивановича Абрамова, обратимся к поискам родоначальника его фамилии. Как уже отмечалось, его отец Иван Панкратов был женат дважды. Первая жена Татьяна Андреева, с которой он обвенчался в июне 1804 г.¹¹, умерла при рождении сына в марте 1817 г.¹² В апреле того же года Иван Панкратов женился на Агафье Тимофеевой из деревни Южный Двор Великогубского прихода¹³. Скорая женитьба объясняется тем, что на руках у вдовца осталось шестеро детей, старшему из которых не было и восьми лет, а младшему – один месяц¹⁴.

Сам Иван Панкратов тоже рано потерял родителей. Ему было шесть лет, когда в 1787 г. умер отец Панкрат Герасимов. Мать Ирина Андреева пережила мужа всего на четыре года¹⁵. Трое осиротевших детей остались на попечении бабушки Дарьи Созоновой (ок. 1729–1804)¹⁶, которая после смерти мужа Герасима Аврамова в 1769 г.¹⁷ проживала вместе со своим деверем – братом мужа Устином Аврамовым, в то время тоже вдовцом с двумя детьми. Можно предположить, что родоначальником фамилии Абрамовых мог быть отец Герасима и Устина – Аврам, прапрадед Михея Ивановича Абрамова.

Иван Панкратов Колубов, отец Михея Ивановича, согласно данным десятой ревизии податного населения, умер 5 марта 1853 г., дожив до 70-летнего возраста. Мать Агафья Тимофеева Колубова ушла из жизни 25 марта 1870 г.¹⁸ По данным призывного списка из фондов музея «Кижы», составленного в 1869 г., до своей кончины она проживала в семье сына Михея.

Из метрических книг были получены сведения о судьбе детей Михея Ивановича Абрамова. Его старший сын Василий женился 2 февраля 1875 г. в возрасте 19 лет, а через четыре месяца, 5 июня, умер от простуды¹⁹. Через

¹¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 19. Л. 18. (Метрические книги... 1801–1804 гг.)

¹² Там же. Д. 44. Л. 237. (Метрические книги... 1817 г.)

¹³ Там же. Д. 44. Л. 234. (Метрические книги Петрозаводского уезда. 1817 г.)

¹⁴ В ревизской сказке 1816 г. записаны дети Ивана Панкратова от первого брака: Трофим (6 л.), Изот (1/2 м-ца), Анна (4 г.), Ирина (3 г.), Ховронья (2 г.) (НАРК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 10/93. Л. 74). Младший Алексей, при рождении которого умерла первая жена Ивана Панкратова, проживет один год и два месяца. (Метрические книги Петрозаводского уезда. 1818 г. НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 44. Л. 229; д. 46. Л. 228)

¹⁵ НАРК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 11/93. Л. 47. (Копии со сказок 5 ревизии государственных крестьян Петрозаводского уезда Яндомозерской и Космозерской волостей. 1795 г.)

¹⁶ НАРК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 19. Л. 23. (Метрические книги Петрозаводского уезда. 1801–1804 гг.)

¹⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2/8. Л. 129 об. (Ревизская сказка 1782 г.)

¹⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 27. Д. 246. Л. 16. (Метрические книги Повенецкого уезда. 1869–1875 гг.)

¹⁹ Там же. Оп. 22. Д. 298. Л. 1091–1092, 1103–1104. (Метрические книги Петрозаводского уезда. 1875 г.)

неделю, 13 июня, в семье родилась дочь Анна²⁰ (в 1898 г. в возрасте 22 лет она вышла замуж за Ефима Осипова Андреева, крестьянина деревни Тереховская²¹). Дважды родители называли сыновей именем Иоанн, но первый прожил два года, второй – три месяца. И только 18 февраля 1869 г. появился на свет будущий наследник космозерского иконописца – Иван Михеевич Абрамов²². Запись о его рождении была сделана не в документах космозерской церкви, а в метрической книге паяницкой единоверческой церкви. Объясняется это тем, что годом ранее Михей Абрамов стал прихожанином Паяницкого прихода, присоединившись из раскола «к Православной Христовой церкви на правилах единоверия чрез исповедь и святое причащение»²³. Приверженность единоверию он сохранил до конца своей жизни: 4 января 1912 г. отпевать Абрамова-старшего будет священник Паяницкого прихода Федор Маклюинов²⁴.

Абрамов-младший, видимо, не разделявший религиозные взгляды отца, сразу же после его смерти подал прошение в Олонецкую духовную консисторию о разрешении присоединиться вместе с женой и детьми к православию. Через месяц им был получен ответ, в котором предлагалось только поменять приход: «Никакого присоединения не полагается! Единоверие = православие. Нужно только перечислить из прихода в приход, если желают»²⁵.

Иван Михеевич Абрамов был женат дважды. Первый раз он женился 11 января 1888 г., когда ему еще не исполнилось и 18 лет²⁶. Невеста – Наталья Петрова, дочь крестьянина Петра Иванова Сперова из деревни Белохинская Толвуйского прихода – была старше жениха на два года. После ее смерти в 1899 г.²⁷ второй женой Ивана Михеевича стала 25-летняя дочь односельчанина Анастасия Александровна Куницына²⁸.

Род Абрамовых по мужской линии продолжил сын от первого брака Петр Иванович Абрамов, родившийся 11 января 1893 г.²⁹ Из его братьев и сестер осталась в живых только сестра Акилина, вышедшая замуж в 1907 г. в возрасте 17 лет за крестьянина деревни Тереховская Дмитрия Ивановича Клепикова³⁰.

²⁰ Там же. Оп. 27. Д. 246. Л. 139. (Метрические книги Повенецкого уезда. 1869–1875 гг.)

²¹ Там же. Оп. 22. Д. 473. Л. 349. (Метрические книги Петрозаводского уезда. 1898 г.)

²² Там же. Оп. 25. Д. 83. Л. 1016. (Метрические книги Повенецкого уезда. 1869 г.)

²³ Там же. Оп. 27. Д. 246. 1869–1875 г. Л. 184. (Метрические книги Повенецкого уезда)

²⁴ Умер М. И Абрамов 2 января 1912 г. (НАРК. Ф. 25. Оп. 27. Д. 811. Л. 84.)

²⁵ НАРК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 2, 7. (Указы Олонецкой духовной консистории. 1913 г.)

²⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 25. Д. 113. Л. 259. (Метрические книги Повенецкого уезда. 1888 г.)

²⁷ Там же. Д. 141. Л. 324. (Метрические книги Повенецкого уезда. 1899 г.)

²⁸ Там же. Л. 184. (Метрические книги Повенецкого уезда. 1899 г.)

²⁹ Там же. Д. 126. Л. 397. (Метрические книги Повенецкого уезда. 1893 г.)

³⁰ Там же. Оп. 22. Д. 545. Л. 341. (Метрические книги Петрозаводского уезда. 1907 г.)

Петр Иванович Абрамов был женат на Марии Яковлевне Ларионовой из Великой Губы (1898–1977). Двое сыновей Петра Ивановича умерли детьми: Алексей – не дожив и до года, Михаил – 11-летним. Младший сын Василий (1925–2007) жил с семьей в доме, построенном его знаменитым прадедом Михеем Ивановичем Абрамовым. В 1961 г. дом был разобран и перевезен из села Космозеро в Великую Губу. Часть сохранившихся в доме предметов Василий Петрович передал в фонды Карельского краеведческого музея, в 1966 г. эта мемориальная коллекция поступила в музей-заповедник «Кижы».

В числе принадлежавших художникам-иконописцам предметов сохранилась часть домашней библиотеки. В семье Абрамовых по традиции не только читали, но и почитали книги, бережно сохраняя рукописи и печатное слово, вплоть до отдельных листков. Судя по записям, обнаруженным в книгах, две из них ранее принадлежали церковным приходам. Минея служебная, изданная в 1666 г. на Московском печатном дворе³¹, происходит из церкви Рождества Богородицы Паданского погоста. На листах Пролога, изданного в Московской синодальной типографии в 1735 г.³², имеется полистная запись о его принадлежности космозерской церкви Успения Богородицы³³. Большую часть сохранившихся книг из библиотеки Абрамовых составляют издания старообрядческих типографий. Это две Псалтыри, три Часовника, Святцы, Часослов, брошюра «О прелюбодеянии», фрагменты других изданий³⁴. В Часослове имеется запись о смерти Абрамова-старшего, сделанная рукой его сына Ивана: «В сей день преставился раб Божий Михей Иванович Абрамов отроду 83 года 2 часа ночи».

В 2004 г. единственная дочь Петра Ивановича Абрамова Надежда Петровна Кутузова (1922 г. р.) передала нашему музею еще две сохранившиеся книги из семейной библиотеки: «Помянник», изданный в типографии Почаевской лавры в 1905 г.³⁵, и московское издание 1897 г. «Первой учебной книги церковно-славянского языка»³⁶. В «Помяннике» Иван Михеевич Абрамов оставил владельческую запись, там же читаются записи поминального характера и «во здравие», которые несут дополнительную биографическую информацию о членах знаменитого семейства.

³¹ Кижы КП-3/6 ПИ-394.

³² Там же. КП-3/5 ПИ-393.

³³ Храм сгорел в 1942 г.

³⁴ См. описания экземпляров изданий: Книги кириллической печати в хранилищах Республики Карелия (1569–1830 гг.). Каталог / Сост. Л. С. Харебова. Науч. ред. А. В. Вознесенский. Петрозаводск, 2013. № 222, 228, 247, 255, 269, 273, 303.

³⁵ Кижы КП-5521 ПИ-886.

³⁶ Там же. КП-5438 ПИ-884.

Во время Великой Отечественной войны в селе Косозеро побывал финский архитектор, исследователь деревянного зодчества Ларс Петтерссон. Он выполнил чертежи не только косозерских церквей, но и дома Абрамовых, общался с Иваном Михеевичем и его женой. Им же в 1944 г. был издан каталог икон, вывезенных с оккупированной территории Карелии в Финляндию, в числе которых – четыре иконы, написанные Иваном Михеевичем Абрамовым. Копии этих материалов хранятся сегодня в фондах музея-заповедника «Кижы»³⁷.

Собирательская работа сотрудников нашего музея по комплектованию мемориальной коллекции косозерских иконописцев продолжается. В 2009–2010 гг. в фонды музея поступили еще 70 предметов от Натальи Васильевны Подгорной, правнучки И. М. Абрамова. Ей же мы благодарны за копии фотографий из семейного архива, некоторые из них использованы в данной статье.

**Рис. 1. Дом Абрамовых в д. Косозеро. 23 мая 1944 г.
(Кижы, НВФ-13867-96)**

³⁷ В данной публикации приводятся только письменные и печатные источники, хранящиеся в фондах музея «Кижы» и имеющие отношение к иконописцам Абрамовым, исключая их авторские произведения иконописи и декоративно-прикладного искусства.

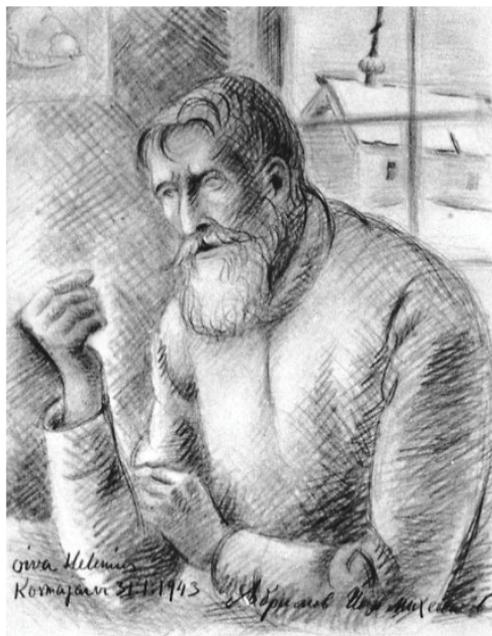
Рис. 2. Иван Михеевич Абрамов
(из архива Н. В. Подгорной, правнучки иконописца)

Рис. 3. И. М. Абрамов (репродукция фотографии Л. Петтерссона, 6 декабря 1942 г.; Кижи, НВФ-13867-21)

Рис. 4. И. М. Абрамов (рисунок Ойво Хелениуса, д. Космозеро, 15 декабря 1942 г.; Кижы, НВФ-13867-118)

Рис. 5. Портрет И. М. Абрамова работы Ойво Хелениуса (д. Космозеро, 31 января 1943 г.; Кижы, НВФ-13867-119)

Рис. 6. Надмогильный крест на месте захоронения И. М. Абрамова (Кизи, НВФ-14319)

Рис. 7. Члены семьи Абрамовых по мужской линии

ЗАОНЕЖАНЕ – УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ОБЗОР ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Более ста лет прошло с начала Первой мировой войны. Война перевернула все мироустройство, привела к развалу могущественных империй, отразилась на судьбах миллионов людей. Не обошла она и Заонежье. Сотни заонежан воевали на фронтах войны.

В семейных архивах сохранились фотографии участников этой войны, однако чаще всего сведений о них самих родственники имеют немного. Для поиска информации обращаются в архив. В Национальном архиве Республики Карелия отсутствуют документы воинских частей периода Первой мировой войны, но на основании документов различных фондов можно собрать некоторые сведения об участниках войны. Основными учреждениями, в которых образовались документы по указанной теме, являются следующие.

Петрозаводское уездное по воинской повинности присутствие составляло и проверяло призывные списки, проводило призыв и медицинское освидетельствование призывников, представляло губернскому присутствию отчет о выполнении призыва и т. д. Уездное присутствие подчинялось губернскому по воинской повинности присутствию. Олонецкое губернское по воинской повинности присутствие наблюдало за ходом призыва и приема лиц, подлежащих воинской повинности, переосвидетельствовало призывников, рассматривало отчеты уездных присутствий, жалобы на уездные присутствия и пр. Председателем Олонецкого губернского присутствия являлся губернатор, Петрозаводского уездного – председатель уездного съезда.

Петрозаводский уездный воинский начальник возглавлял орган местного военного управления в уезде, ведал местными войсками, приемом, распределением и отправкой в войска новобранцев, учетом военнообязанных и призывом на воинскую службу в ходе мобилизации и др. Подчинялся начальнику Вологодской местной бригады.

В 1918 г. были созданы военные комиссариаты, в задачи которых, в том числе, входило ведение учета военнообязанных, осуществление призыва и т. д. Петрозаводский уездный военный комиссариат подчинялся Олонецкому губернскому военному комиссариату.

Решением вопросов, связанных с оказанием помощи русским военнопленным, занималась Олонецкая губернская коллегия по делам пленных и беженцев.

За социальной поддержкой в годы Первой мировой войны военнослужащие и члены их семей обращались в благотворительные организации, уездные попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов, призванных на войну, земские учреждения, волостные правления.

Фонд 72 «Петрозаводское уездное по воинской повинности присутствие» содержит документы по составлению призывных списков (метрические выписи, приговоры о прочтении призывных списков, прошения, протоколы освидетельствования и пр.); списки лиц, призванных на военную службу; документы об уволенных от службы (свидетельства о болезни, послужные листы, свидетельства о явке к исполнению воинской повинности и пр.); документы на убитых и без вести пропавших (приемные формулярные списки, послужные списки и пр.) и другие.

Фонд 94 «Управление Петрозаводского уездного воинского начальника» содержит приказы по управлению; приемные формулярные списки; документы на убитых, раненых и без вести пропавших, награжденных; отпускные билеты; свидетельства о болезни; явочные карты и другие.

В приказах петрозаводского уездного воинского начальника имеются списки прибывших на сборный пункт (фамилия, имя, отчество, звание), списки запасных, ратников, новобранцев, отправленных в полки (название полка, фамилия и имя, звание).

Сведения о заонежанах-военнослужащих, в т.ч. о раненых, убитых и без вести пропавших, награжденных, содержатся в различных документах фондов № 14, 23, 72, 94, 123 – в свидетельствах о явке к исполнению воинской повинности, свидетельствах о болезни, послужных списках и других. Список заонежан, погибших в годы Первой мировой войны, составленный на основании документов архива, представлен в приложении 1 (он, безусловно, не является полным).

Сведения о военной службе также можно почерпнуть из прошений, заявлений, жалоб. Так, солдатская жена из д. Новая Сельга Кузарандского общества Толвуйской волости Пелагия Буракова в прошении земскому начальнику 3-го участка от 30 октября 1916 г. сообщала: «Мой муж, из уволенных в запас ефрейтор 3-го Финляндского стрелкового полка, из крестьян Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Толвуйской

волости Кузарандского общества дер. Новой Сельги Афанасий Матвиев Бураков, был взят в мобилизацию 20 июля 1914 г. на военную службу и год находился в боях. 18 июня 1915 г. в бою пропал без вести. Он за отличие в боях пожалован Георгиевским крестом 4 степени и медалью 4-й степени и таковые мне высланы командиром полка. Пособие получаю из уездного попечительства 3 пая.»¹

Крестьянка д. Тамбицы Типиницкой волости Прасковья Степановна Русакова в прошении в Особый Петроградский комитет ее императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну от 5 октября 1916 г. писала: «Сыновья мои Дмитрий и Василий Русаковы, по мобилизации нижних чинов призванные на действительную военную службу 20 июля 1914 г., а третий сын Федор Русаков по мобилизации ратников ополчения I разряда, призванный на войну 2 января 191[5] г., а четвертый сын Николай Русаков, призванный на действительную военную службу 2 января 1915 г., а пятый сын Михаил Русаков, по мобилизации ратников ополчения взятый на войну 8 сентября 1915 г. Лишилась я кормилицев пяти сыновей, взятых на войну, которые содержали меня мать старуху Прасковью Русакову, имеющую от роду 67 лет.»²

В докладной записке ратника 2-й роты 577-й пешей Пермской дружины Григория Егоровича Середкина (крестьянина д. Слободская Толвуйской волости) командиру роты от 7 января 1916 г. указано: «В январе месяце 1915 г. Петрозаводским уездным воинским начальником я был призван на действительную военную службу и был зачислен в запасный баталион лейб-гвардии Петроградского полка, где и служил до апреля месяца 1915 г., в апреле месяце того же года был уволен по болезни в отпуск на 6 месяцев для поправления здоровья. По истечении срока отпуска, 18 октября вновь был призван в ряды войск вышесказанным уездным воинским начальником и в настоящее время состою на службе в 577-й пешей Пермской дружине.»³

Сведения о награжденных представлены в послужных листах военно-служащих; карточках о награжденных нижних чинах, представляемых в Главный штаб; заявлениях, прошениях, жалобах и т. д., содержащихся в фондах № 23, 72, 94, 123 и др. Среди награжденных Георгиевскими крестами и медалями были и заонежане, в числе которых:

Бураков Афанасий Матвеев, д. Новая Сельга Кузарандского общ., награжден Георгиевскими крестом 4 ст. и медалью 4 ст., пропал без вести 18 июня 1915 г. в бою;

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. 94. Оп. 1. Д. 76/835. Л. 3–3 об.

² Там же. Ф. 378. Оп. 4. Д. 3/16. Л. 46.

³ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 70/14. Л. 122.

Гришин Федор Иванович, д. Клинова Кижской вол. Младший унтер-офицер 148-го пехотного Каспийского полка. Награжден Георгиевскими крестами 4 ст. (№ 795572), 4 ст. (№ 172690), 2 ст. (№ 3443);

Жарников Василий Иванович, д. Жарниково Кижской вол. Бомбардир 1-й батареи 55-й артиллерийской бригады. Награжден Георгиевской медалью 4 ст. 25 июня 1916 г. (№ 605679);

Замятин Петр Васильевич, д. Заречье Толвуйской вол. Рядовой 202-го пехотного Горийского полка. Награжден Георгиевской медалью 4 ст. 12 августа 1915 г. (№ 464838);

Кузьмин Федор Алексеевич, д. Шунгская Губа Великогубской вол. Рядовой 146-го Царицинского полка. Награжден Георгиевской медалью 4 ст. 30 октября 1914 г. (№ 48520)⁴ и другие.

В архиве имеются фотографии заонежан-участников Первой мировой войны. В ходе работы над сборником документов ведущим специалистом

архива Л. И. Макаревич была обнаружена фотография старшего унтер-офицера команды разведчиков 335-го пехотного Анапского полка Ивана Федоровича Миронова, награжденного Георгиевским крестом 4 ст. за отличия в бою 16 февраля 1915 г. в районе г. Гродно (рис. 1). Эта фотография была выслана в назидательно-педагогических целях в Толвуйское волостное правление и сохранилась в фонде правления⁵. Также в фотоколлекции архива имеются две репродукции, на которых сняты георгиевский кавалер Пахомов Павел Петрович в [Кузаранде] в 1918 г. и Касьянов Александр Антонович в германском плену (рис. 2,3).

В фондах Р-575 «Петрозаводский уездный военный комиссариат» и Р-573 «Олонецкий губернский военный комиссариат» имеются анкетные листы, учетные карточки, включающие сведения о военной службе в годы Первой мировой войны.

Рис. 1. Иван Федорович Миронов, старший унтер-офицер команды разведчиков 335-го пехотного Анапского полка. 1915 г.

⁴ НА РК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 76/835. Л. 3, 7, 25 об., 83 об.; Д. 79/867. Л. 17, 18, 22, 28.

⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 69/1546. Л. 6.

Рис. 2. Павел Петрович Пахомов. 1918 г.

Рис. 3. В германском концлагере, первый справа – военнопленный Александр Антонович Касьянов [1914–1916 гг.]

В фонде 123 «Толвуйское волостное правление» имеются документы, касающиеся военной службы уроженцев Толвуйской волости и оказания помощи семьям призванных на войну. Фондов других заонежских волостных правлений в архиве нет, однако документы правлений отложились в фондах уездных и губернских учреждений.

Если известно, что военнослужащий находился в плену, то можно начинать работу с документов фонда Р-797 «Коллегия по делам пленных и беженцев при Олонецком губисполкоме». Фонд содержит списки военнослужащих Русской императорской армии, находившихся в плену в Германии и Австро-Венгрии (указаны фамилия, имя, отчество военнослужащих, откуда родом, где служил, иногда название лагеря), список без вести пропавших (указаны фамилия, имя, отчество, иногда откуда родом и в каком полку служил⁶; списки возвратившихся из плена (с указанием места жительства); опросные листы; письма военнопленных.

Так, в списке воинов, возвратившихся из плена, зарегистрированных в Олонецкой губернской коллегии по делам пленных и беженцев в период с 16 сентября по 20 ноября 1918 г. указаны заонежане:

Нестеров Михаил Антонович, д. Сибово Великогубской вол.,
Ткаченко Илья Андреевич, д. Тарасы Великогубской вол.,
Ерошкин Николай Яковлевич, д. Андреевка Толвуйской вол.,
Иванов Николай Михайлович, д. Тамбицы Типиницкой вол.,
Серов Григорий Титович, д. Дудникова Кижской вол.,
Трухавый Василий Петрович, д. Липовец Кижской вол.,
Манилин Дмитрий Михайлович, с. Великая Губа Великогубской вол.,
Бусаров Николай Иванович, д. Леликово, Сенногубская вол.,
Клепиков Сергей Михайлович, д. Тереховская Великогубской вол.,
Назаров Яков Федорович, д. Вичины Толвуйской вол.⁷

В деле также имеются опросные листы (составлялись по формуляру) на указанных в списке лиц. В качестве примера ниже приведен текст опросного листа вернувшегося на родину военнопленного В. П. Трухавого от [30 октября 1918 г.]:

«Фамилия, имя и отчество: *Трухавый Василий Петрович, унтер-офицер 331 Орского полка, 11-й роты, 1-го взвода.*

Место жительства: *Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Кижской волости деревни Липовец.*

Где и сколько времени находился в плену: *В Австрии с 20-го октября 1914 г. до 29 сентября 1918 г.*

Заполнял ли опросный лист на головном пункте: *Не заполнял.*

⁶ См.: НАРК. Ф. 123. Оп. 4. Д. 1/6.

⁷ Там же. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/7. Л. 1-1 об.

Через какой головной пункт следовал: *Через Петроград.*

Вернулся ли на прежнее местожительство или избрал новое: *Вернулся на прежнее местожительство.*

Имеет ли намерение остаться на месте или переехать в другое: *Остается на прежнем месте.*

Имеются ли на месте родственники: *Имеются.*

Имеется ли на месте движимое или недвижимое имущество: *Имеется.*

Профессия до пленения: *Хлебопашец.*

Чем решил заняться: *Хлебопашеством.*

Претензия: *О получении жалования за время плена.*

Трухавый Василий Петрович»⁸.

Прошения членов семей военнослужащих в Петрозаводское уездное попечительство, земскому начальнику, в волостное правление, в благотворительные организации о выдаче пособия, жалобы губернатору на Петрозаводское уездное попечительство о неправильной выдаче пособий, докладные записки военнослужащих о назначении казенного пайка родным отложились в фондах 14, 123, 378.

Раздаточные ведомости для получения продовольственного пособия семействам запасных нижних воинских чинов, ратников, добровольцев содержатся в фондах № 14 (Петрозаводская уездная земская управа), 378 (Петрозаводское уездное попечительство по призрению семейств ниж. воин. чинов, призванных на войну), 72 и 123. В ведомостях указывались фамилия, имя, отчество военнослужащего, состав семьи, с какого числа начислено пособие, его размер. Например, в раздаточной ведомости для получения продовольственного пособия семействам нижних воинских чинов (запасные) по Кижской волости за март–май 1916 г. значится 51 семья, среди них семьи В. Д. Исакова, Н. П. Гагарина, Ф. Л. Баянникова, Н. Е. Прохорова, А. С. Горина, А. Ф. Титова, С. Ф. Филина, М. И. Ефремова, И. Ф. Малькова, Н. Ф. Гришина, В. И. Жарникова, П. В. Башкирова, В. П. Трухавого, О. И. Костина, Ф. Н. Шевелева, В. Ф. Мухина, М. Е. Клинова и других⁹.

В фондах архива выявлено несколько личных писем заонежан периода Первой мировой войны (см. прил. 2) (рис. 4). Письма, изначально адресованные родственникам, отложились в фондах архива, в большинстве случаев как приложения к рапортам и прошениям. В письмах содержатся переживания за родных, выражается проявление интереса к хозяйству, оставшемуся на родине. Письма военнопленных из различных лагерей Германии, Австро-Венгрии написаны на специальных почтовых карточках, издававшихся обществами Красного Креста.

⁸ Там же. Л. 33. (Опросные листы заонежан также содержатся в оп. 3, д. 3/30, 32, оп. 4, д. 2/11).

⁹ Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 99/57. Л. 16–26.

Рис. 4. Письмо военнослужащего Михаила Васильевича Дегтярева родителям в д. Кургиницы Великобужской вол. от 1 октября 1914 г.

Федор Иванович Коросов писал родителям в д. Леликово Сенногубской волости 13 февраля 1915 г. следующее: «Дорогие папа и мама. Шлю привет из Вильны еду благополучно. Прошу Вас обо мне не скучайте. Едем настроение веселое. Помолитесь только об одном прошу Ваш сын Федя»¹⁰ (рис. 5).

В письме военнопленного германского лагеря Ebersdorf (Bz. Chemnitz) Степана Могучева жене, жительнице д. Новинка Сенногубской вол., Марии Яковлевне Могучевой от 9 июля 1917 г. написано: «Здравствуй дорогая супруга Марья и дорогой сын Юша и все родные и знакомые, всем кланяюсь и желаю всего хорошего. Письма ваши получаю, но не так часто. Два письма в конверте получил, которые в феврале месяце писаны. Деньги еще не получил, но они мне не нужны. Шли посылки. Остаюсь жив, здоров. Степан Могучев»¹¹ (рис. 6).

Перечисленные выше фонды являются основными для поиска сведений о заонежанах – участниках Первой мировой войны, но не стоит ограничиваться только ими, следует продолжить работу по другим фондам архива, как досоветского, так и советского периода.

¹⁰ НАРК. Ф. 378. Оп. 1. Д. 2/12. Л. 184–184 об.

¹¹ Там же. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 65–65 об.

ВИЛЬНА,—Завальная ул.

WILNO,—ul. Zawalna.

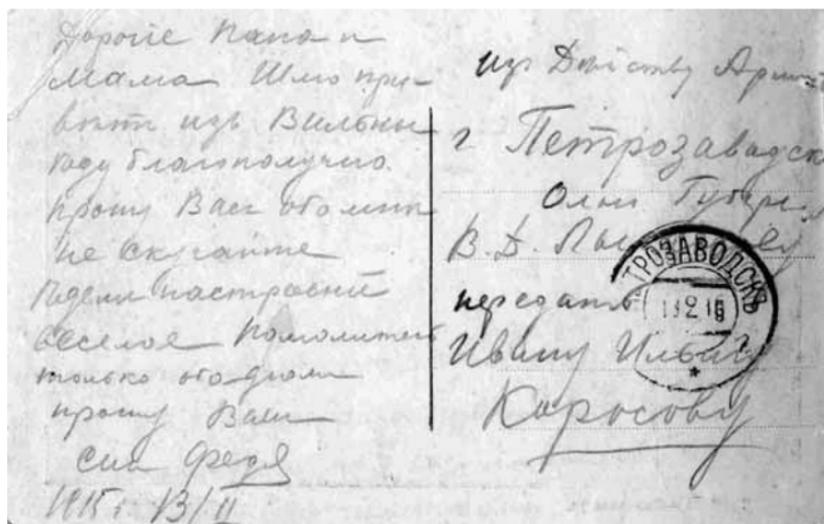

Рис. 5. Письмо Федора Ивановича Коросова из действующей армии родителям в д. Леликово Сенногубской вол. от 13 февраля 1915 г.

Перед началом поиска информации об участниках Первой мировой войны желательно собрать основные установочные данные: фамилию, имя, отчество, год и место рождения, а также дополнительные: место жительства до и после войны, место работы после войны, состав семьи, находился ли военнотружущий в плену, был ли ранен. Чем полнее изначальные сведения, тем проще будет поиск.

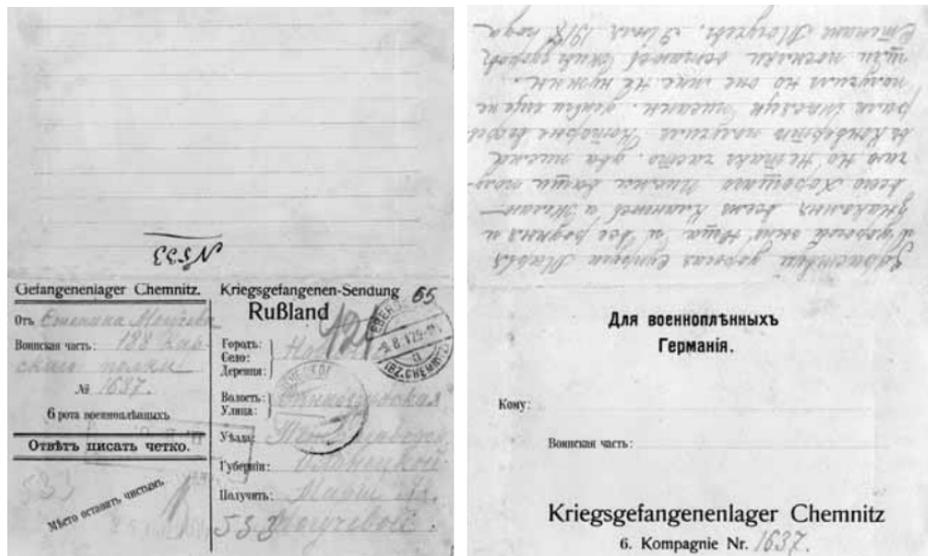

Рис. 6. Письмо военнопленного германского лагеря Ebersdorf (Bz. Chemnitz) Степана Могучева жене, жительнице д. Новинка Сенногубской вол. Марии Яковлевне от 9 июля 1917 г.

Год важен для установления категории военнослужащего. При необходимости его можно установить на основании метрических книг, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия, состав которых представлен в информационной системе на сайте архива.

В годы войны призывы были неоднократно. В первую очередь в июле 1914 г. призвали запасных нижних чинов армии и флота, офицеров, врачей, средний медперсонал, военных чиновников. Затем в августе – ратников ополчения запаса 1-го разряда в возрасте 40–43 лет, отслуживших действительную службу, и в возрасте 22–26 лет, не служивших в армии. Осенью 1914 г. были призваны ратники ополчения запаса 1-го разряда, не служившие в армии, в возрасте 22–32 лет и новобранцы в возрасте 21 г. С 1915 г., помимо ратников ополчения 1-го разряда и новобранцев, стали призывать ратников ополчения 2-го разряда, а возраст новобранцев снизился до 19 лет. С 1916 г. также призывали белобилетников. Добровольцами на военную службу поступали в течение всей войны.

При поиске следует учитывать, что при написании фамилий, имен, отчеств могли быть ошибки. Если на момент призыва заонежанин проживал в другом городе, например, в Петрограде, то он мог быть призван там.

Знание места работы после войны дает возможность поиска анкет, автобиографий, отложившихся в фондах соответствующих организаций.

Информация о составе семьи поможет при поиске сведений о выделении пособия семьям военнослужащих, прошений и т. п.

В целом, документы периода Первой мировой войны, находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Карелия, представляют собой интересный комплекс источников, позволяющий осуществлять поиск биографических сведений об участниках войны из Заонежья, проследить воинский путь «маленького человека» в одном из самых широко-масштабных вооруженных конфликтов в истории человечества.

Приложение 1

Список заонежан, погибших в годы Первой мировой войны¹²

Абросимов Кузьма Андреевич, д. Онежаны Толвуйской вол. Убит при атаке неприятеля 23 февраля 1915 г.

Алферов Николай Ильич, д. Вегорукса Великогубской вол. Младший унтер-офицер. Убит в бою с германцами 28 августа 1915 г.

Артамонов Петр Петрович, д. Слободская Толвуйской вол. Лейб-гренадер 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского имп. Александра II полка. Ранен 20 декабря 1915 г. при обстреле неприятельской артиллерией фольварка Меляховичи Новгородского уезда, умер от ран в военном санитарном отряде с.и.в. вел. кн. Марии Павловны 22 декабря 1915 г., похоронен на ст. Погорельцы Александровской железной дороги.

Балагурин Степан Иванович, д. Сычева Великогубской вол. Младший унтер-офицер пехотного Ширванского его величества полка. Награжден Георгиевской медалью 4 ст. 17 ноября 1915 г. Убит в бою с немцами 24 июня 1915 г.

Баляров Дмитрий Максимович, д. Загубье Толвуйской вол. Убит в бою 12 сентября 1915 г. под мест. Старгон.

Белюсов Петр Семенович, д. Падмозеро Толвуйской вол. Убит в бою 27 января 1915 г.

Бульдьяков Тимофей Иванович, д. Тарасовская Великогубской вол. Ефрейтор 220-го пехотного Скопинского полка. Убит в бою 3 января 1915 г.

Бульдьяков Федор Васильевич, д. Тарасовская Великогубской вол. Рядовой 481-го пехотного Мещовского полка. Убит в бою 5 августа 1916 г.

Вавилин Иван Ефимович, Толвуйская вол. Убит в бою под г. Равой 19 декабря 1914 г.

Венютин Дмитрий Михайлович, Толвуйская вол. Рядовой 147-го пехотного Самарского полка. Убит в бою с австрийцами с 4 на 5 сентября 1914 г.

Власов Илья Алексеевич, Толвуйская вол. Умер от ран в 289-м полевом запасном госпитале в г. Мениске 15 марта 1915 г.

Гришин Федор Иванович, д. Клинова Великогубской вол. Младший унтер-офицер. Убит в бою неприятелем.

¹² Список составлен на основании следующих дел: НА РК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 92/7, 102/5, 106/24, 107/7; Ф. 94. Оп. 1. Д. 63/693; 65/731; 73/815.

Дмитриев Григорий Васильевич, Великогубская вол. Ефрейтор. Умер от ран в 217-м пехотном Ковровском полку 27 марта 1915 г.

Дорохов Федор Васильевич, д. Шильта Толвуйской вол. Убит 13 февраля 1915 г.

Евмалин Михаил Петрович, Толвуйская вол. Убит 6 марта 1915 г.

Егоров Алексей Егорович, 1895 г. р., д. Пустой Берег Великогубской вол. Младший унтер-офицер 439-го пехотного Илецкого полка. В бою 10–12 [апреля] 1916 г. ранен у Рижской дороги, умер в Гатчинском дворцовом лазарете от ран, исключен из списков полка 28 февраля 1917 г.

Ерохов Матвей Семенович, д. Терехово Великогубской вол. 311-й пехотный Кременецкий полк. Убит в бою с австрийцами 17 января 1917 г.

Жарников Василий Иванович, д. Жарникова Великогубской вол. Убит неприятельской шрапнельной пулей у фольварка Проектковичи 16 июля 1916 г.

Ильин Петр Павлович, д. Погостская Великогубской вол. Ранен в бою 28 ноября 1916 г., умер 1 декабря 1916 г. во 2-м лазарете 78-й пехотной дивизии, похоронен на местном кладбище в м. Старый Кимполунг в Буковине.

Иудин Петр Николаевич, д. Ганьковская Толвуйской вол. Лейб-гренадер 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского имп. Александра II полка. Ранен 20 декабря 1915 г. при обстреле неприятельской артиллерией фольварка Меляховичи Новогрудского уезда, умер от ран в военном санитарном отряде е.и.в. вел. кн. Марии Павловны 21 декабря 1915 г., похоронен на ст. Погорельцы Александровской железной дороги.

Июдин Федот Леонтьевич, д. Корба Великогубской вол. Убит в сражении 17 июня 1915 г.

Карманов Петр Александрович, д. Онежаны Толвуйской вол. Убит в бою 25 октября 1915 г.

Катаев Алексей Павлович, 1895 г. р., д. Северное Леликово Сенногубской вол. Рядовой 3-го пехотного Нарвского полка. Ранен в бою с немцами 8 декабря, умер от ран 17 декабря 1916 г. в 337-м полевом подвижном госпитале.

Кирилин Василий Васильевич, Толвуйская вол. Ефрейтор 15-го Финляндского стрелкового полка. Убит в бою с неприятелем у д. Гаврих-руда 19 сентября 1914 г.

Козин Василий Афанасьевич, д. Лебещины Толвуйской вол. Ефрейтор. Убит в бою под г. Мариамполем 28 марта 1915 г.

Колганов (Колчанов) Петр Владимирович, д. Середка Великогубской вол. Лейб-гвардии Литовский полк. Умер от ран в военно-санитарном поезде имени е.и.в. наследника цесаревича 23 сентября 1915 г.

Колтырин Степан Дмитриевич, 1893 г. р. д. Педасельга Типиницкой вол. Рядовой 202-го пехотного Горийского полка. Убит в бою у д. Киевице Праснышского уезда Полоцкой губ. 3 марта 1915 г.

Комляков Михаил Петрович, 1894 г. р., д. Погостская Кузарандского общ. Толвуйской вол. Рядовой лейб-гвардии Литовского полка. Убит в бою при д. Перевоз 22 сентября 1915 г.

Кондин Василий Андреевич, д. Петрова Толвуйской вол. 481-й пехотный Мещовский полк. Награжден Георгиевской медалью 4 ст., убит в бою 17 декабря 1916 г.

Конушков Иван Корнилович, Великогубская вол. Ефрейтор. Убит в бою с германцами под г. Ловичем 12 декабря 1914 г.

Коробочкин Петр Лукич, д. Загубье Толвуйской вол. 171-й пехотный запасной батальон. Убит 5 августа 1916 г. в бою.

Котов Андрей Егорович, Толвуйская вол. Рядовой 329-го пехотного Бузулукского полка. Убит в бою с неприятелем с 1 по 10 мая 1915 г.

Крупин Илья Иванович, д. Загубье Толвуйской вол. Умер от контузии в 1-м лазарете 121-й дивизии 2 августа 1916 г.

Ларин Ефим, д. Леликово Сенногубской вол. Умер от ран 7 сентября 1916 г.

Минкин Иван Андреевич, д. Шитики Толвуйской вол. Убит в бою 22 мая 1915 г.

Михайлин Александр Васильевич, Великогубской вол. и деревни. Убит 23 августа 1915 г.

Моисеев Михаил Иванович, 1899 г. р., д. Тухино Сенногубской вол. Рядовой 56-го запасного батальона 267-го пехотного Духовщинского полка. Убит в бою 10 июля 1915 г.

Мухин Степан Фокич, р. д. Пустой Берег Великогубской вол. 481-й пехотный Мещовский полк. Убит в бою 21 декабря 1916 г.

Назарьев Григорий Кузьмич, Великогубская вол. Убит в бою при д. Рыщице 28 февраля 1915 г.

Натарьев Федор Андреевич, д. Ямка Великогубской вол. 435-й пехотный Ямбургский полк. Ранен на Рижском фронте на позиции у д. Тренч 26 марта 1916 г., вечером того же числа умер от ран.

Никифоров Федор Алексеевич, д. Воронинская Толвуйской вол. Умер от ран в бою 18 июля 1916 г.

Огарков Иван Яковлевич, д. Есинская Великогубской вол. 171-й пехотный запасной батальон. Убит 10 августа 1916 г. в бою.

Олухов Петр Васильевич, д. Еловская Толвуйской вол. Убит в бою с германцами под Боржимовом 16 января 1915 г.

Пашков Дмитрий Павлович, д. Пустошь Толвуйской вол. Убит в бою в Галиции 17 мая 1915 г.

Ри[г]ин Петр Алексеевич, Толвуйская вол. Убит в бою с германцами 1 ноября 1914 г. при д. Прилин Петрово.

Розгин Михаил Васильевич, д. Лебещина Толвуйской вол. 312-й пехотный Васильковский полк. Умер от ран 17 июля 1916 г.

Рубцов Степан Дмитриевич, д. Шитики Толвуйской вол. 18-й Сибирский стрелковый полк. Убит при набеге на неприятельскую позицию в ночь с 18 на 19 декабря 1916 г.

Ряхло Захар Александрович, Толвуйская вол. Ефрейтор. Убит в бою 15 октября 1914 г. под мест. Бакаларжево Сувальской губ.

Сазонов (Созонов) Павел Иванович, 1893 г. р., д. Есинская Великогубской вол. Рядовой 406-го пехотного Щигровского полка. Ранен в бою 19 июля 1916 г., умер в лазарете № 2 при 102-й пехотной дивизии 22 июля 1916 г.

Сазонов Дмитрий Алексеевич, д. Космозеро Великогубской вол. Убит в бою с неприятелем 10 марта 1916 г.

Семкин Андрей Антонович, 1894 г. р., д. Заречье Толвуйской вол. Рядовой 56-го запасного батальона 267-го пехотного Духовщинского полка. Убит в бою 10 июля 1915 г.

Скорняков Василий Иванович, Толвуйская вол. Запасной батальонный горнист лейб-гвардии Павловского полка. Убит в бою под г. Лодзью 26 ноября 1914 г.

Титов Дмитрий Борисович, д. Кургиницы Великогубской вол. Умер от ран 31 октября 1916 г.

Трифонов Василий Андреевич, д. Долгая Нива Толвуйской вол. Рядовой лейб-гвардии Финляндского полка. Убит под г. Ломжей 15 февраля 1915 г.

Фомин Николай Михайлович, Толвуйская вол. Запасной стрелок 199-го пехотного Кронштадтского полка. Убит в бою при д. Камион 22 января 1915 г.

Хахаев Василий Мефодиевич, Великогубская вол. Убит в бою с австрийцами 21 ноября 1914 г.

Чечулин Иван Егорович, Великогубская вол. Убит в бою с германцами 8 марта 1915 г.

Приложение 2

Письма заонежан-военнослужащих Русской императорской армии, выявленные в фондах Национального архива Республики Карелия

Письмо **Агапитова** Федора Алексеевича из действующей армии матери, жительнице д. Вой-наволок Сенногубской вол. Марфе Степановне от [17 сентября 1915 г.] (Ф. 378. Оп. 1. Д. 2/12. Л. 445–446 об.)

Письмо военнослужащего **Андреева** Афанасия Васильевича жене, жительнице д. Космозеро Великогубской вол. Екатерине Александровне от 30 июля 1914 г. (Ф. 378. Оп. 5. Д. 1/1. Л. 33–33 об.)

Письмо **Богданова** Василия Алексеевич из действующей армии родным в д. Трошевскую Толвуйской вол. от 22 октября 1916 г. (Ф. 72. Оп. 2. Д. 16/242. Л. 176–176 об.)

Письмо военнослужащего **Дегтярева** Дмитрия Васильевича родителям в д. Кургиницы Великогубской вол. от 23 сентября 1914 г. (Ф. 14. Оп. 1. Д. 64/39. Л. 84–85 об.)

Письмо военнослужащего **Дегтярева** Михаила Васильевича родителям в д. Кургиницы Великогубской вол. от 1 октября 1914 г. (Ф. 14. Оп. 1. Д. 64/39. Л. 87–88)

Письмо военнопленного германского лагеря Прейсиш-Голланд **Завьялова** Федора Константиновича матери, жительнице д. Гарницы Сенногубской вол. Анне Яковлевне от 28 сентября 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 62–62 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Vütow **Июдина** Ивана Ильича сестре, жительнице д. Раньково Великогубской вол. Марии Петровне от 25 октября 1915 г. (Ф. 94. Оп. 1. Д. 74/815. Л. 70–70 об.)

Письмо военнопленного австро-венгерского лагеря **Конева** Якова Степановича отцу, жителю д. Устьрека Великогубской вол. Степану Ивановичу от 6 сентября 1915 г. (Ф. 94. Оп. 1. Д. 74/815. Л. 79–79 об.)

Письмо **Коросова** Федора Ивановича из действующей армии родителям в д. Леликово Сенногубской вол. от 13 февраля 1915 г. (Ф. 378. Оп. 1. Д. 2/12. Л. 184–184 об.)

Письмо военнопленного австро-венгерского лагеря **Маньлина** Дмитрия Михайловича брату, жителю д. Великая Губа Великогубской вол. Якову Михайловичу от 16 августа 1915 г. (Ф. 72. Оп. 1. Д. 92/7. Л. 181–181 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Ebersdorf (Bz. Chemnitz) **Могучева** Степана жене, жительнице д. Новинка Сенногубской вол. Марии Яковлевне от 9 июля 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 65–65 об.)

Письма военнослужащего **Рогачева** И.Яковлевича родителям в д. Рогачево Великогубской вол. от 7 сентября 1914 г. и 15 октября 1915 г. (Ф. 14. Оп. 1. Д. 64/39. Л. 91–94)

Письмо военнопленного австро-венгерского лагеря **Семенова** Г. А., отцу, жителю д. Вегорукса Великогубской вол. Александру Васильевичу от 15 января 1916 г. (Ф. 14. Оп. 1. Д. 66/5. Л. 493-493 об.)

Письма **Созонова** Петра Алексеевича из действующей армии родным в с. Космозеро Великогубской вол. от 31 октября и 5 декабря 1914 г. (Ф. 72. Оп. 1. Д. 95/34. Л. 72-73 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Черск (Czersk) **Тулякова** Степана матери, жительнице д. Новинка Великогубской вол. Акулине Ивановне от 30 августа 1916 г. (Ф. Р-797. Оп. 4. Д. 2/10. Л. 107–107 об.)

Письмо **Шилова** (Кочанова) Петра Степановича из Первого передового отряда Красного Креста родителям в д. Кургеницы Великогубской вол. от 25 октября 1914 г. (Ф. 14. Оп. 1. Д. 64/39. Л. 124–125).

КИЖСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: К ВОПРОСУ О НАЛОГООБЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН (ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ КАРЕЛЬСКОГО СОБРАНИЯ ИРЛИ РАН (ПУШКИНСКИЙ ДОМ))¹

В составе Карельского собрания, хранящегося в Древлехранилище имени Владимира Ивановича Малышева ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), находится небольшой комплекс интересных документов конца XIX – начала XX в., связанных с Кижским сельским обществом Великогубской волости Олонецкой губернии. Это – часть архива Ивана Корнилова, крестьянина деревни Кургеницы, в течение двадцати лет исправно исполнявшего обязанности сельского писаря. Целый ряд бумаг из корниловского архива напрямую связан с налогообложением деревенских жителей. Среди материалов – черновики рапортов о сборе податей, окладные листы, страховые ведомости, списки недоимщиков, крестьянские прошения в земские учреждения о списании накопившихся недоимок².

По официальным статистическим сведениям за 1892 г.³, опубликованным в третьем выпуске «Олонецкого сборника», в состав Кижского сельского общества входили 42 деревни, располагавшиеся на Заонежском полуострове и островах Кижы, Большой Клименецкий, Волкостров, Еглов, Рогачев, Малый Леликовский в северной части Онежского озера: Кургеницы (26 домов), Лахта (14), Гивес-наволок (6), Ошевнева (3), Глебова (3), Маньшина (5), Воробьи (10), Потаневщина (8), Середка (19), Корба (12), Кузнецы (13), Сычева (13), Телятникова (10), Дудникова (1), Жарникова (11), Мальково (5), Клинова (3), Боярщина (18), Ерснева (3), Оятевщина (15), Пустой Берег (12), Зубово (4), Подъельники (7), Липовицы

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-14-10001 («Изучение и описание Карельского собрания рукописей Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН»).

² Карельское собр. № 601/7, 27, 49, 50, 65, 73, 75, 82, 95, 117 и др.

³ Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 427–428.

(11), Еглова (11), Рогачева (5), Щепина (2), Насоновщина (4), Посад (7), Шуина (7), Феньково (3), Сергачева (4), Шлямина (4), Бишева (2), Морозова (1), Кяжева (2), Бачурина (3), Босарево (1), Лукинщина (2), Ямка (12), Наволок (5), Кижский погост (6). Всего в Кижском сельском обществе в 1892 г. насчитывалось 313 домов, 1238 мужчин и 1320 женщин⁴.

Как известно, в ходе «великих» реформ, проводимых Александром II, приписные крестьяне, жившие в перечисленных деревнях, были полностью освобождены от обязательных работ, обременительной и тяжелой барщины⁵ на Александровском заводе⁶. В конце XIX – начале XX в. они имели множество повинностей и дважды в год, за первое и второе полугодие, платили различные подати: государственный поземельный налог, лесной налог, губернский земский сбор, уездный земский сбор, страховые и выкупные платежи и пр.

Среди прямых налогов важное место занимал поземельный налог, поступления которого играли существенную роль в государственном бюджете⁷. Его становление и четкое выделение в системе налогообложения происходило во время реформ 60-х гг. XIX в., а полное восстановление пришлось на 1875 г., после отмены введенной Петром I подушной подати⁸. Специалисты признают, что наибольшая фискальная нагрузка на поземельный налог фиксировалась в последней трети XIX в., чему способствовали рост числа крестьян–собственников земли, а также арендаторов; уравнивание в статусе удельных, государственных, помещичьих крестьян; раскладочный характер налога и увеличение оклада⁹. Манифестом от 14 мая 1896 г. государственный поземельный налог на десять лет был понижен в два раза¹⁰. В последующее время роль земли как объекта налогообложения постепенно снижалась.

Особое внимание власти уделяли проблеме раскладки поземельного налога и роли круговой поруки в сельских общинах. В Петрозаводском уезде, как и везде в России, этот налог взимался со всех земель, облагавшихся на основании Устава о земских повинностях (1851 г., изменен и дополнен в 1899 г.) местными сборами, кроме земель государственных. Он носил раскладочный характер. Его общая сумма ежегодно определялась умножением общего числа десятин земли, подлежавшей обложе-

⁴ Там же. С. 428.

⁵ См: Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962.

⁶ Гуцин Б. А. О крестьянской общине Заонежья в пореформенный период // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 171–187.

⁷ Иловайский С. И. Учебник финансового права. Одесса, 1904. С. 192.

⁸ Ялбулганов А. А. Развитие законодательства о налогообложении земли в дореволюционной России // Государство и право. 1999. № 12. С. 92.

⁹ Ялбулганов А. А. Развитие законодательства... С. 96.

¹⁰ Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1898. Т. 24. С. 227.

нию, на средний для Олонецкой губернии оклад с десятины удобной земли и леса. Затем губернское земское собрание распределяло общую сумму налога между уездами, соответственно доходности земель каждого из них, а уездные земские управы разделяли его между отдельными владельцами на тех же основаниях, как и остальные земские сборы¹¹.

Согласно Положению о порядке взимания окладных сборов (государственного поземельного налога, выкупных платежей и мирских сборов) от 23 июня 1899 г., при общинном владении землей круговая ответственность лежала не на сельском обществе, а на селениях, образовывавших поземельную общину¹². Тот же закон сохранял свободу сельского схода при раскладке податей, которая для всех домохозяев производилась уравнительно на основании размера, качества почвы и удобства расположения наделного участка. Ежегодно к 1 декабря крестьяне должны были полностью уплатить оклад государственных и земских сборов, иначе к неисправным плательщикам применялись различные меры вплоть до отбирания полевого надела, а в случае их «безуспешности» земские власти обращались к круговой поруке¹³.

Окладные листы, извещавшие Кижское сельское общество о суммах платежей за землю и лесные наделы, выдавались из Петрозаводской уездной земской управы. Они составлялись податными инспекторами, подчинявшимися Олонецкой казенной палате. Для примера рассмотрим хранящиеся в Карельском собрании ИРЛИ РАН черновики окладных листов за 1898 г.¹⁴ Согласно листам, земля Петрозаводского уезда распределялась на четыре разряда. Деревни Кижского общества имели земельные участки двух категорий, первой и последней. Их доходность определялась с десятины по 1 р. 20 к. и по 5 к. соответственно. Отдельно от земельных угодий в окладных листах оценивались общественные лесные наделы каждого поселения: «лесная» десятина оценивалась в 5 к.¹⁵

В начале XX в. в «Вестнике Олонецкого губернского земства» печатались десятки материалов образованного заонежского крестьянина Петра Коренного из Космозера, хорошо знавшего деревенскую жизнь и правдиво о ней писавшего. Прочитируем его слова, в которых ярко отражены особенности общинного землевладения в крае: «В силу малонаселенности нашей губернии крестьянские общества владеют большею частью ог-

¹¹ Поземельный государственный налог // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1898. Т. 24. С. 227.

¹² Сельское общество // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1900. Т. 29. С. 380.

¹³ Там же. С. 381.

¹⁴ Карельское собр. Д. 601/75.

¹⁵ Там же.

ромными земельными наделами. Не только целые сельские общества, но даже несколько таких обществ наделены одной земельной территорией. Каждое селение на такой территории имеет свой особый, так называемый трехгодичный, надел, а все остальное пространство остается в общем пользовании всех причастных к наделу обществ. На трехгодичных наделах селение имеет свои пахоты, сенокосные луга, скотские выгоны, а также и лес. В наделе общем крестьяне могут пользоваться только лесом. Каждое селение имеет свой округленный пахотный участок. Сенокосные угодья в некоторых случаях не имеют своей ограниченной округленности, но во всяком случае каждое селение владеет лугами, находящимися по возможности ближе к нему»¹⁶.

Приведем данные о количестве десятин земли и леса всех деревень Кижского сельского общества, указанные в окладных листах за 1898 г. (см. табл. 1).

Как видим, практически все поселения Кижского сельского общества на первый взгляд имели достаточное количество земли. Наибольшим наделом владели крестьяне из деревни Кургеницы – одной из самых многолюдных и богатых в округе. Именно здесь родился и трудился хранитель сельского архива кижский писарь Иван Корнилов. Минимальный надел был у однодворной деревни Босарево, располагавшейся на острове Кижы. Вместе с единственным домохозяином Тимофеем Босаревым в ней жили одиннадцать человек¹⁷.

Несмотря на значительные размеры деревенских наделов, пахотных угодий крестьянам не хватало¹⁸. «Земли в Заонежье не всегда пригодны для земледелия, – писал Петр Коренной. – Значительная часть земельной площади совершенно не доступна обработке, ибо она покрыта скалами, горами, бесчисленными камнями и лесом. Чтобы расчистить полосу, нужно было приложить очень много упорного труда»¹⁹. Следствием этого стали особенности крестьянского землевладения, сложившиеся в Заонежье. «Отвоеванным долгим и упорным трудом пахотные и сенокосные участки, хотя и числились общинными, но, в сущности, были фактически достоянием крестьянина, их разделавшего. Переделывать такие земли крестьяне не могли, ибо это было бы жестокой несправедливостью. Эти нормы, установившиеся с незапамятных времен, неизбежно существовали до сих пор. Земля переходила по наследству от отца к сыну. В Заонежье переделов не было с незапамятных времен»²⁰.

¹⁶ Коренной П. К. Общинное и подворное землепользование в Заонежье // Вестник Олонецкого губернского земства (далее – ВОГЗ). 1907. № 7. С. 5.

¹⁷ Карельское собр. № 601/117.

¹⁸ Коренной П. К. Сельское хозяйство в Заонежье // ВОГЗ. 1907. № 18. С. 15.

¹⁹ Коренной П. Общинное и подворное землепользование в Заонежье... С. 5.

²⁰ Там же.

Таблица 1. Земельные и лесные наделы деревень Кижского сельского общества в 1898 г.

Название деревни	Земля в десятинах		Лес в десятинах	Доходность
	1 разряда	4 разряда		
Кургеницы	357,92	355,24	210,43	459 р. 78 к.
Лакха	203,61	259,31	153,31	264 р. 96 к.
Гивеснаволок	68,64	73,16	45,09	88 р. 27 к.
Ошевнева	49,27	60,12	39,08	64 р. 8 к.
Глебова	25,73	36,25	27,06	34 р. 4 к.
Маньшина	64,91	79,56	51,10	84 р. 42 к.
Воробьево	161,57	171,21	111,22	208 р.
Потаневщина	132,48	121,83	78,16	168 р. 98 к.
Середка	201,90	216,95	138,28	260 р. 3 к.
Корба	156,85	121,91	81,17	198 р. 48 к.
Кузнецы	206,87	188,34	111,23	263 р. 22 к.
Липовицы	182–60	291–38	116,09	239 р. 49 к.
Подъельники	96,31	172,54	68,46	127 р. 62 к.
Зубово	60,56	112,44	44,65	80 р. 52 к.
Пустой Берег	157,38	285,86	116,09	208 р. 96 к.
Оятевщина	143,52	330,11	125,01	194 р. 98 к.
Ерснова	46,65	142,43	56,55	65 р. 93 к.
Боярщина	241,02	457,48	184,54	321 р. 32 к.
Клинова	49,79	67,70	26,79	64 р. 47 к.
Мальково	87,50	120,85	47,62	113 р. 42 к.
Жарникова	154,05	286,39	107,16	204 р. 53 к.
Дудникова	29,84	44,97	17,86	38 р. 94 к.
Телятникова	169,30	240,03	95,25	219 р. 92 к.
Сычевская	184,18	273,15	101,20	239 р. 74 к.
Рогачева	60,44	106,44	41,67	79 р. 94 к.
Ямовая	90,54	199,52	62,51	121 р. 75 к.
Щепина	16,16	60,72	23,81	23 р. 62 к.
Насоновская	53,56	129,94	50,60	73 р. 30 к.
Шуина	77,96	186,96	71,44	106 р. 47 к.
Посад	89,27	226,93	86,32	122 р. 78 к.
Феньковская	96,79	148,48	59,53	126 р. 55 к.
Сергачева	63,21	85,82	32,74	81 р. 78 к.
Шлямина	69,66	101,24	38,69	90 р. 58 к.
Кяжева	18,78	30,09	11,91	24 р. 64 к.
Морозова	26,67	29,99	11,91	34 р. 10 к.
Бачурина	19,17	98,78	38,69	29 р. 86 к.
Бишева	46,76	87,85	32,74	62 р. 14 к.
Босарево	13,90	22,49	8,93	18 р. 24 к.
Лукинщина	39,59	58,97	20,84	51 р. 50 к.
Ямки (Ольхинская)	123,60	245,57	95,25	165 р. 35 к.

Кижане делили пашню на два разряда: «поля» – самые лучшие земли, вблизи деревни, и «поляны» – в трех и более верстах от поселения. «Во всем Заонежье земли крестьян подвержены ужасной чересполосице»²¹. Это хорошо видно на хранящихся в Карельском собрании немасштабных схематических планах деревень с крестьянскими участками, «длинными, прихотливо изгибающимися узкими полосами»²². Несмотря на многовековую обработку, большая часть этих полос так и оставалась каменистой²³. Наиболее плодородная пашня была в наделах деревень, находившихся на островах Еглово, Рогачев, Волкостров и Кижы. Однако для выгона скота их жители пользовались отдаленными участками на материке²⁴.

Вопрос об оценке доходности земли для дальнейшего ее обложения денежным сбором горячо обсуждался местной общественностью на рубеже XIX и XX в. На страницах земской печати публиковались различные статьи с критикой существовавших оценочных приемов²⁵. Олонецкая земская губернская управа постоянно продолжала собирать сведения для выяснения количества земель и их доходности, обращалась за справками в архив Губернской чертежной к его заведующему помощнику губернского землемера. Перед управой стояла трудная задача установить единые образные программы и способы оценки недвижимых имуществ²⁶. Этим непосредственно занимались Олонецкая губернская оценочная комиссия и оценочно-статистическое бюро.

Петр Коренной – защитник заонежских крестьян – не раз говорил о крайней необходимости заново проверить качество местной пашни и сенокосов, которые в XIX в. считались лучшими по сравнению с угодьями других районов Петрозаводского уезда²⁷. Доходность земли оценивалась на основе данных, полученных землемерами в разное время. По прошествии лет «кто рачищал и прибавлял, а кто запускал и запустошал пахотную землю; у одних она прибывала, а у других убывала, а платеж был один и тот же»²⁸.

«Крестьяне одной местности, даже одного селения, платят за одинакового качества землю несравненно больше податей, чем крестьяне другого селения. Размер казенных, земских и мирских повинностей колеблется от 3 р. 60 к. до 6 р. за каждую ревизскую или наличную душу. Такая

²¹ Коренной П. Сельское хозяйство в Заонежье // ВОГЗ. 1907. № 15–16. С. 45.

²² Маркелов Г. В. Кижские документы в Древлехранилище Пушкинского Дома // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1999. Т. 51. С. 448–449.

²³ Коренной П. Сельское хозяйство в Заонежье... С. 45.

²⁴ Гуцин Б. А. О крестьянской общине Заонежья... С. 181.

²⁵ НА РК. Ф. 24. Оп. 9. Д. 4/47. Л. 85 об. – 86.

²⁶ Сборник постановлений Олонецких губернских земских собраний за 1898–1900 гг. Петрозаводск, 1901. С. 286.

²⁷ Петров К. М. Краткое описание Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1881.

²⁸ Коренной П. О земле и податях // ВОГЗ. 1907. № 10. С. 9.

неравномерная налоговая система появилась благодаря следующим обстоятельствам. После освобождения крестьян от крепостной зависимости казною были командированы землемеры для отведения крестьянским обществам земельных наделов из земель казенных. Впоследствии были командированы межевые, которые, кроме межевания, определяли и качество земли. По их выводам и данным налагались подати на пахотную землю. На землю, которую они считали лучшей, налагались подати больше, а на землю худшую – меньше. Конечно, это должно было быть справедливым. Но действительность показывает, что земли были определены совершенно неправильно. У таких проверителей не было особенной охоты определять землю самим, а если они иногда исследовали ее, то не ходили далеко на полосы, а брали опытную землю прямо в огороде...

Для более правильного определения качества земли выбирались уполномоченные от селений. В доброе старое время крестьяне были не те, что теперь. Тогда появление какого-то бы ни было начальника приводило их в трепет и вызывало робкое послушание. Только более смелые могли отстоять свои кровные интересы, а более находчивые имели и больший успех. Да не будет сказано в осуждение доброй памяти старинных землемеров и межевых, они нередко были людьми недостаточно добросовестными. Какой-нибудь иногда незначительный подарок со стороны крестьян смирял их и делал более сговорчивыми. Таким образом отводились и лесные наделы обширнее, да и хорошие пахотные земли переводились в разряд земель последнего качества. Так передают наши старики»²⁹.

При разделении государственного поземельного налога, как и других податей, по конкретным крестьянским хозяйствам Кижского общества учитывались не только размеры земельных наделов, но и степень зажиточности домохозяев, признаками которой служили, например, количество высеваемого хлеба на десятину или убираемого сена³⁰. Так, на сходе домохозяев деревни Лахта после рассмотрения окладных листов было принято решение «произвести платеж казенных податей и прочих сборов с посевов наших участков согласно нашего списка у кого сколько значится четвериков и возов сена»³¹. При этом малоземельным крестьянам Петру и Ивану Герасимовым отводились дополнительные по-

²⁹ *Коренной П.* О земле и податях... С. 8–9.

³⁰ Раскладка // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1899. Т. 26. С. 284. В Заонежье на десятину пашни высевалось около 10 пудов ржи, от 15 до 21 пуда овса. Урожайность была выше, чем в целом по Олонецкой губернии: рожь – сам 4–10; овес – сам 2–6; ячмень – сам 4–10. См.: *Коренной П.* Сельское хозяйство в Заонежье // ВОГЗ. 1907. № 20. С. 28.

³¹ Карельское собр. № 601/27.

лосы с обязательным условием, «чтоб по принятии наделов участки незапустительно всегда имели в разработке... казенные подати уплачивали бы всегда своевременно и бездоимочно, не привлекая нас ни до какой ответственности и волоките»³².

Судя по документам, недоимки кижских деревень росли каждый год, крестьяне были вечными должниками государства³³. К примеру, согласно «ведомости о сборах, назначенных по раскладке на 1898 г. и недоимках прежних лет» по одному Петрозаводскому уезду значились недоимки: с земель крестьян по раскладкам – 14 777 р. 6 к., оклада по раскладке – 22 141 р. 97 к.; в тот год в казну поступили: недоимки – 538 р. 81 к., оклада – 22019 р. 45 к.; к концу года оставались: недоимки – 14 193 р. 13 к., оклада – 122 р. 37 к.³⁴ Из общей суммы по Петрозаводскому уезду задолженность крестьян Великогубской волости составляла: Кижского общества – 974 р. 62 к. губернских недоимок и 970 р. 46 к. ссудных; Леликовского – 1186 р. 48 к. и 664 р. 98 к.; Сенногубского – 458 р. 90 к. и 261 р. 82 к.³⁵

В земской управе все недоимки распределялись на «благонадежные к ближайшему поступлению», «подлежащие отсрочке или рассрочке» и «совсем безнадежные» соответственно задолженности и экономическому положению поселений Кижского сельского общества³⁶.

За скопившиеся недоимки, как уже говорилось выше, население деревень отвечало круговой порукой. У тех, кто совершенно не мог платить налоги, пахотная земля попросту отбиралась. Так, в 1893 г. крестьянин заонежской деревни Западный Берег Макар Русинов по решению сельского схода лишился «лучших земель» за неуплату податей³⁷.

Как видно из таблицы 2, в 1904 г. недоимки не числились только за одной кижской деревней Шляминой, в которой в начале XX в. жили четыре домохозяина – Егор Семионов, Нефед Егоров, Семен Семионов, Петр Тарасов³⁸. В наиболее тяжелом положении находились жители деревни Пустой Берег, сумма их недоимок практически равнялась размеру окладных сборов за вторую половину 1904 г.

³² Карельское собр. № 601/27.

³³ Например, см. ведомость «о поступлении мирских сборов, страховых платежей, продовольственного сбора и недоимок за июль месяц 1904 г. по Кижскому обществу». Карельское собр. № 601/95.

³⁴ Отчет Олонцевой губернской земской управы за 1898 год. Петрозаводск, 1899. С. 38–39.

³⁵ Карельское собр. № 601/75.

³⁶ Сборник постановлений Олонцевских губернских земских собраний за 1898–1900 гг. Петрозаводск, 1901. С. 294–295.

³⁷ НА РК. Ф. 24. Оп. 2. Д. 9/312.

³⁸ Карельское собр. № 601/117.

Таблица 2. Поступление окладных сборов по Кижскому сельскому обществу за 1904 г.

Название деревни	Недоборы к 1 июля 1904 г. от прежних сроков	Следовало собрать оклада второго срока 1904 г.	Всего подлежало собрать
Липовицы	31 руб. 11 коп.	91 руб. 7 коп.	122 руб. 18 коп.
Подъельники	33 руб. 77 ½ коп.	49 руб. 1 ½ коп.	82 руб. 79 коп.
Зубово	16 руб. 30 коп.	31 руб. 9 коп.	47 руб. 39 коп.
Пустой Берег	76 руб. 73 коп.	80 руб. 64 коп.	157 руб. 37 коп.
Оятевщина	49 руб. 76 ½ коп.	79 руб. 38 ½ коп.	129 руб. 15 коп.
Ерснева	14 руб. 32 коп.	27 руб. 94 коп.	42 руб. 26 коп.
Боярщина	64 руб. 48 коп.	124 руб. 70 коп.	189 руб. 18 коп.
Клинова	4 руб. 41 коп.	23 руб. 82 коп.	28 руб. 23 коп.
Мальково	28 руб. 51 ½ коп.	42 руб. 3 ½ коп.	70 руб. 55 коп.
Жареникова	41 руб. 38 ½ коп.	81 руб. 16 ½ коп.	122 руб. 55 коп.
Дудникова	4 руб. 27 ½ коп.	14 руб. 57 ½ коп.	18 руб. 85 коп.
Телятникова	5 руб. 95 коп.	81 руб. 64 коп.	87 руб. 59 коп.
Сычева	60 руб. 1 коп.	91 руб. 6 коп.	151 руб. 21 коп.
Рогачева	16 руб. 30 коп.	30 руб. 74 коп.	47 руб. 4 коп.
Еглова	26 руб. 28 ½ коп.	49 руб. 32 ½ коп.	75 руб. 61 коп.
Щепино	4 руб. 19 коп.	10 руб. 55 коп.	14 руб. 74 коп.
Насоновщина	25 руб. 45 ½ коп.	29 руб. 86 ½ коп.	55 руб. 33 коп.
Шуина	23 руб. 69 коп.	43 руб. 57 коп.	67 руб. 26 коп.
Посад	35 руб. 89 коп.	50 руб. 93 коп.	86 руб. 82 коп.
Феньково	26 руб. 20 ½ коп.	48 руб. 22 ½ коп.	74 руб. 43 коп.
Сергачева	10 руб. 13 коп.	30 руб. 46 коп.	40 руб. 59 коп.
Шлямина	нет	33 руб. 87 коп.	33 руб. 87 коп.

Источник: Карельское собр. № 601/95.

В Карельском собрании Древлехранилища ИРЛИ РАН также хранятся документы о дополнительных повинностях, лежавших на заонежских крестьянах. Так, в начале ноября 1889 г. на общем сходе Кижского сельского общества решался вопрос о выделении «17 лошадей для отвоза членов воинских начальников из Великогубья опосля приема рекрут и о представлении назначенных лошадей в Великую губу к 20 числу настоящего ноября к 8 часам утра»³⁹. Приговор гласил: «для отвоза означенных начальников назначили с лошадьми крестьян, а именно деревень Боярщины – Степана Стафеева, Жаренковой – Евдокима Фомичева, Телятниковой – Федота Дмитриева, Кузнецовой – Михайлу Кузьмина, Корбы – Петра Алексева, Середки – Григория Петухова, Маньшиной – Ефима Гаврилова, Гивеснаволока – Степана Чиморева, Кургеницы – Степана Привелихина, Петра Иванова Корни-

³⁹ Карельское собр. Д. 601/46.

лова, Наволока – Василия Кругова, Ольхинской – Григория Иванова Анихина, Посада – Василия Петухова, Якова Биханина, Егловской – Карпа Федорова, Зубовской – Гаврилу Дмитриева и Ерсневой – Григория Тютева. Избранные нами лица есть полномочные и лошадей имеют благонадежных, в чем и подписуемся...»⁴⁰.

Как видим, документы сельского делопроизводства из архива сельского писаря Ивана Корнилова содержат интересные сведения о разных сторонах жизни конкретной поземельной общины в Заонежье и позволяют нам значительно дополнить наши знания о положении кижского крестьянства в пореформенный период.

---

⁴⁰ Там же.

ОСТРОВ КИЖИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ЗАОНЕЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ НАУЧНОГО АРХИВА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»)

Исследовательская работа сотрудников музея-заповедника «Кижь», направленная на изучение и сохранение крестьянской культуры, несомненно, способствует воссозданию исторической памяти. Пока живы люди старшего поколения – носители традиций, очень важно не допустить забвения исторических корней. В музее-заповеднике Кижь хранится архив аудиозаписей, начало создания которого положено в 1990-х гг. сотрудниками музея Р. Б. Калашниковой и Е. И. Яскеляйнен. В настоящее время комплектование архива продолжается материалами устных воспоминаний, которые собирают сотрудники музея во время экспедиций в районы Карелии, и бесед с выходцами из деревень, ныне живущими в городе Петрозаводске. Рассказы заонежан из фольклорного архива музея «Кижь» публиковались Р. Б. Калашниковой¹.

О специфике крестьянских воспоминаний и их значении для изучения народной культуры ещё в 1879 г. писал журнал «Русская старина»: *«подобные воспоминания – живое доказательство той несомненной и отрадной истины. Носитель традиционной культуры, крестьянин может представить гору сведений о местной топонимике, этнографии, быте, нравах. Но опять же: кому интересен быт одной из бесчисленных деревень Руси? Вот моя деревня, Вот мой дом родной. Вот качусь я в санках по горе крутой. Это поэтическое “воспоминание” ярославского крестьянина Ивана Сурикова сделалось общеизвестным не только потому, что в свое время попало во все буквари и книги для начального чтения, но и потому, что было в определенном смысле “самодостаточным”. Его могли “применить” к собственному детству девять из десяти жителей*

---

¹ Калашникова Р. Б. Крестьянские мемуары (из фольклорного архива музея-заповедника «Кижь») // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 150.

Руси, считавшие к тому же, что какая-либо дополнительная конкретизация этой “картинки” попросту не нужна: всё в ней и так ясно»².

Материалы научного архива музея «Кижы» содержат сведения о людях, которые когда-то жили в кижской округе и других районах Карелии. Они, несомненно, интересны в первую очередь исследователям традиционной культуры. Ценность представляют записи бесед с потомками людей, которые были свидетелями происходивших в стране исторических событий.

Изучая «память крестьянства», исследователи опираются, прежде всего, на памятники фольклора и этнографические описания. В них находят отражение основные компоненты традиционной культуры: как духовной (песни, предания, сказания, обычаи, обряды и т. д.), так и материальной (хозяйственные занятия, архитектура, быт). Письменных источников, исходящих из самой крестьянской среды, чрезвычайно мало. Вместе с тем с середины XIX в. городская культура со всеми своими атрибутами начинает активное проникновение в деревню, а само деревенское население столь же активно устремляется в города. Все это оказало влияние на память и ее источники. В крестьянской среде появляются документы личного происхождения – дневники, письма, воспоминания³. И все же в основе своей крестьянство, даже обладая известным уровнем грамотности, не стремится выразить себя на бумаге (если это только не крик души в адрес власти). Это в определенной степени ограничивает источниковую базу и затрудняет ход исследовательского процесса. Данное обстоятельство определяет актуальность обращения к устным рассказам о прошлом – «свидетельствам исторической памяти»⁴.

Общеизвестно, что аудиодокумент, как и архивный документ, является историческим свидетельством. Главное, что мы находим в «звуковых» документах – возрождение исторической памяти, которая «умирает» с естественным уходом людей, являющихся ее непосредственными носителями. Чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям. Возможно, при этом мы не сразу поймем смысл события, для этого должно пройти некоторое время. Главное, чтобы тот момент, когда приходит понимание, наступил доста-

---

² Цит. по: Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX в. / Сост. В. А. Кошелев. М., 2006. С. 3.

³ Примерами такого рода источников являются опубликованные на страницах «Кижского вестника» воспоминания заонежан: Богданов Д. С. Олены острова (из воспоминаний «Лазурное Заонежье») // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 24–32; Пигонин А. М. Воспоминания заонежанина (публикация подготовлена С. В. и Е. А. Воробьевыми) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 27–60, а также дневник крестьянина П. Т. Ананьина: Текст дневника П. Т. Ананьина (подготовка публикации В. П. Ершов, И. В. Мельников) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 17–149.

⁴ Кознова И. Е. XX в. в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. 207 с.

точно быстро, когда воспоминание еще живо. Тогда данное воспоминание приобретает историческое звучание⁵. Поэтому важнейший способ «взаимодействия» с прошлым – это собирание воспоминаний, их хранение и интерпретация. При знакомстве с такими документами нам кажется, что мы вновь видим ушедших из жизни родственников и знакомых, воспринимаем присущие им определённые жесты и выражения, слышим их голоса, обнаруживаем специфические слова, которыми они пользовались.

В данной статье собраны воспоминания об острове Кижы и кижских храмах от людей, родившихся в 1914–1939-х гг. Это письма-воспоминания местных жителей, относящиеся, в основном, к их детским и юношеским годам, когда они жили в кижской округе или приезжали в гости к родственникам. Также приводятся современные рассказы заонежан, в том числе экспедиционные материалы сотрудников музея-заповедника «Кижы». Воспоминания жителей Заонежья были собраны в рамках реализации музейной литературной программы «Народные мемуары»⁶ и являются продолжением работы Р. Б. Калашниковой по теме «Крестьянские мемуары». Программа имеет целью осуществление сбора фольклорно-этнографических сведений в письменной форме от уроженцев Кижской волости, Заонежья и жителей Карелии. Текст устных рассказов отредактирован, из них убраны выражения, свойственные устной речи. В некоторых воспоминаниях сохранены диалектизмы.

Письма-воспоминания жителей Заонежья:

Титова Анастасия Петровна (1931–2013), в девичестве Андреева – Рябинина. Родилась в деревне Гарницы Сенногубского сельсовета Заонежского района⁷ в семейном доме, построенном в 1894 г. прадедом Иваном Трофимовичем Рябининым на деньги, вырученные им от публичных выступлений с исполнением былин. А. П. Титова является прямым потомком в пятом поколении знаменитого былинного сказителя Трофима Рябинина.

«В моей памяти слово “Кижы” вспоминается, когда я ещё не ходила в школу. Мы с бабушкой (папина мама) плавали на лодке из деревни Гарницы в Кижы на церковные службы. До войны это был красивый храм: голубые купола, красивый иконостас. Со всех окружающих деревень приезжали на лодках»⁸.

⁵ О механизме функционирования «исторической памяти» см.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41; Соколова М. В. Что такое историческая память? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pish.ru/blog/articles/articles2008/142>

⁶ Руководитель программы «Народные мемуары» И. И. Набокова, зав. сектором научно-экспозиционной работы музея-заповедника «Кижы».

⁷ В настоящее время территория Заонежского района является частью Медвежьегорского района Республики Карелия.

⁸ НАМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 75. (Письмо-воспоминание А. П. Титовой.)

Вавилина Галина Михайловна (1936 г. р.), *родилась в дер. Сычи Заонежского района. Является участницей и одной из основательниц фольклорной группы заонежан «Куделюшка».*

«Для местных жителей Кижы – это была, прежде всего, деревня, погост с магазином, с пекарней, с сельским советом, с пристанью в летнее время, с кладбищем, с закрытыми церквями. Правда, старушки всегда крестились на Спаса. Ныне знаменитая церковь была для нас ориентиром, как еловая роща, такой же естественной, как сама природа, как часовни в деревнях, как пустые огромные крестьянские дома. С появлением реставраторов произошли большие перемены на острове и в сознании людей. Стал значим сам остров и музей с жемчужиной деревянного зодчества»⁹.

Синявина Вера Филипповна (1937 г. р.), *в девичестве Балагурова, родилась в селе Великая Губа. Участница фольклорной группы заонежан «Куделюшка». В настоящее время живёт в городе Петрозаводске, является дальним потомком знаменитого сказителя Трофима Рябинина. В годы оккупации В. Ф. Синявина, будучи еще девочкой, была выселена финнами в город Петрозаводск и попала в концентрационный лагерь. Ее мать погибла, и после освобождения Карелии маленькая Вера воспитывалась в пяти разных семьях, пока с войны не вернулся отец.*

В 1937 г., когда я родилась, закрыли Преображенскую церковь. Что это за годы были коварные 1937–1938 – все знают... В 1994 г. – первая литургия (в Покровской церкви, после восстановления Кижского прихода. – Ж. Г.). Что в душе, как говорят, самому Богу известно! ... Брат Виктор вспоминал, как его в 10 лет крестили, и всё блестело, как он говорит, было в золоте (об интерьере Преображенской церкви. – Ж. Г.). В 1953 г. со студентами съездили в Кижы, были в пустом храме. Но что-то так взбудоражило меня, мои мысли, моя малая родина, захотелось узнать о предках. Память остаётся всегда... На лодках съезжались со всех островов на Кижский погост, гулянья в праздники были очень весёлые: служба, а потом веселье на природе, хороводные игры, беседы. Мой брат Балагурин Виктор Филиппович, 1929 г. р., говорил, что смотрел в бинокль, проезжая мимо острова, накатывались слёзы¹⁰.

Егорова Тамара Германовна. *В девичестве Русанова, родилась в деревне Погост (остров Кижы). Внучка священника Кижского прихода Михаила Александровича Русанова, чья династия служила в приходе около 200 лет.*

⁹ Там же. Д. 36. (Письмо-воспоминание Г. М. Вавилиной.)

¹⁰ Там же. Д. 73. (Письмо-воспоминание В. Ф. Синявиной.)

Главным летним праздником был престольный праздник Преображения Господня. В доме моего деда протоиерея Михаила Александровича Русанова, настоятеля Кижского прихода, в этот день собиралось до 100 человек гостей. Гости приезжали из Москвы, Петербурга, Петрозаводска, Пудож, Сенной Губы и других окрестных деревень. Чтобы принять таких многочисленных гостей, к празднику готовились заранее. Накануне вся семья ездила на Попов остров на целый день с самоваром. Там собирали ягоды: малину, чернику. Спасов день – праздник постный, поэтому к столу готовили винегрет, грибы, рыбу, пироги с ягодами, капустой и, конечно, рыбники, которые бабушка пекла до 40 штук. Начинался праздник с торжественного богослужения. Над озером «плыл» колокольный звон. И под звон колоколов к острову со всех окрестных деревень спешили лодки с празднично одетыми людьми. Служба в этот день была праздничной, светлой. После литургии начинался крестный ход, заканчивалась служба освящением плодов, приготовленных к празднику. Потом начинались гулянья с песнями, плясками, в разных концах острова раздавались шутки и смех. Кижане, народ открытый, гостеприимный, темпераментный, они умели работать до седьмого пота, а уж праздновали так, что душа пела¹¹.

Экспедиционные записи собирателей:

Русанова Мария Михайловна, 1911 г. р., дочь кижского священника М. А. Русанова из деревни Погост (остров Кижы). (Запись Калашниковой Р. Б., 1988 г.)

До 1929 г. служил Михаил Александрович Русанов. Церковь работала, потому что крестьяне ездили к Калинину Михаилу Ивановичу с просьбой, чтобы церковь не закрывали. Калинин дал указание, что служба может продолжаться¹². В церкви было много ценностей: серебряные, позолоченные чаши, кресты позолоченные, серебряные, небольшие чашечки для причастия, паникадило серебряное, много было икон. Пока церковь работала, по праздникам ходило много народу. В Крещение люди купались, особенно женщины...

Во время Гражданской войны однажды обстреляли погост. Военный корабль стоял около деревни Кузнецы и стрелял прямо по погосту. Корабль был наш, Красной армии, потому что накануне были белые на погосте, которые уже удрали восвояси. Около сорока снарядов было выпущено по погосту. И вот один из снарядов попал в купол Преображенской церкви. С левой стороны купол был разбит. Но отец сразу позаботился, чтобы отремонтировать купол. Ремонтировал его крестьянин из деревни Мальково¹³.

¹¹ НАМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44. (Письмо-воспоминание Т. Г. Егоровой.)

¹² Факт обращения кижских крестьян к М.И. Калинину документально не зафиксирован.

¹³ НАМЗ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2.

Багаева Анастасия Марковна, в девичестве Кузнецова, 1911 г. р., из деревни Воробьи. (Запись Трифоновой Л.В., 1991 и 1993 г.)

Там, где церковь стоит, было всё управление района: сельсовет, медпункт, магазин, сторожка. Сам остров был выше. Рига была недалеко от Преображенской церкви. Когда приезжали в церковь, лошадей оставляли у ограды.

Жили мы на Наволоке, там стояло три дома, мы жили в 2-этажном большом. После войны в нашем доме был маслозавод. После войны мы переехали на Боярщину.

В алтаре Преображенской церкви были шкафы с облачением из парчи и шёлка, золотая и серебряная утварь. В алтаре направо находился крест с надписью кто и когда строил церковь¹⁴. Венчалась в Преображенской церкви¹⁵.

Куделина Ольга Григорьевна, в девичестве Серова, 1913 г. р. (Запись Трифоновой Л.В., 1998 г.)

Отец пел с братом на клиросе в Преображенской церкви. Все стояли со свечами, всё в иконах золотых, «небо» большое, голубое, всё звёздочками золотыми. В церкви в левом углу широкие лавки. В Покровской церкви у стенок две печи. Никита Маньшин из Серёдки – сторож Преображенской церкви. Архиерей приезжал из Петрозаводска с посохом и мантией, сидел посреди церкви. Лодки у церкви ставили на любое свободное место на берегу. В доме священника в Кижях на погосте были мелочные лавки, держал их некто Сазонов. Мать иногда говорила: «Я тебе начерпаю ржи, снеси Сазонову, он тебе даст материи»¹⁶.

Костина Евдокия Степановна, 1914 г. р., из деревни Zubovo. (Запись Калашиковой Р. Б., 1988 г. и Гуцшиной В. А., 1998 г.)

Кижский остров весь был выпахан. Сейчас широкие дороги, а тогда – тропиночки. Сеяли рожь, овёс, жито (ячмень), лён, выращивали картошку.

На Крещение делали *Ердан* квадратный, у погоста вырубали лёд. Кто лицо умоет, кто купается. Кушак красный поп опояшет, опустит в воду до пояса. Народу соберётся много, все смотрят, Богу молятся. Воду берут бидонами, кто бутылкой, кто чем. Поп Русанов служил и в той, и в другой (в Преображенской и Покровской церквях. – Ж. Г.). Спасовская – летняя¹⁷.

Один из домов на Кижском острове принадлежал Ягодину Василию Алексеичу, примерно 1884 г. рождения, тогда ему было к 60 гг. Его жена Анна Степановна была акушеркой¹⁸. В другом доме жили Васильевы, Михаила Васильевича задушило ветряной колхозной мельницей, зятяну-

¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2246.

¹⁵ Там же. Д. 2247.

¹⁶ Там же. Д. 2246.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 114.

¹⁸ Е. С. Костина с 11 лет была у Ягодиных в прислугах (с 1925 по 1932 г.) и одновременно работала санитаркой.

ло пальто и к валу притянуло тело, спохватились поздно. Третий дом был Русановых (попов дом). Матушка Русанова учила меня хлеб, булки печь. На Кижском погосте в сторожке жил сторож Ярыгин из Оятевщины. Магазин был на погосте рядом с домом Русановых. Продавцами были Клинов Пётр Иванович из Мальково, Воронин Фёдор с Волкострова, Иванушков Егор Герасимович с Пустого берега. Пароход приставал к пристани с амбарами. На острове был создан колхоз «Северная искра». Сельсовет был расположен на погосте за домом Лыжиной Марии из деревни Мальково, рядом с домом Русановых. В одном из домов на погосте жили Рябинины Михаил Кирикович с женой Ольгой Ивановной, в их доме была почта. Они работали в колхозе. Колхоз был большой, молодёжи было очень много, дети любили играть в лапту. Колокола очень хорошо звонили. Звонил Никита Маньшин. После войны Никита Григорьевич Маньшин вёл в церквах Кижского погоста службы.

В начале войны с погоста было видно зарево над Петрозаводском, когда город горел. Было светло, как будто свет зажгли. А перед началом войны ёлочка – комнатное растение – цвело мелкими цветочками: к плохому это!

Партизаны жили в 1941 г. в доме Ягодина. В одной половине был сельсовет, в другой – партизаны. Костин Алексей Андреевич работал председателем сельсовета. Тогда же в 1941 г. колокола спустили с колокольни. Спускал большой колокол Биканин Николай с Волкострова. Как колокол спустили, так вся земля затряслась. Большой колокол до половины в землю ушёл. Спускали колокола на досках: сначала колокол опустили на доски, перекинутые на опоры звонницы, а затем, подвинув на край, бросили на землю. Позже дети в этой глубокой яме прятались, когда в прятки играли. Колокола сняли, чтобы они финнам не достались, и увезли на большом судне неизвестно куда. Вокруг дома Костиных финны расставили пулемёты, весь дом истыкали штыками: искали председателя сельсовета, но он уехал раньше.

Деревня Наволок состояла из трех домов с окнами, обращёнными в сторону погоста. Крайний дом, ближе к горе использовался под молокозавод, который появился после войны. Молоко привозили из колхозов. На месте молокозавода до сих пор видна широкая и глубокая яма.

Когда начали заповедник на острове устраивать, стали всех выселять. Костиных выселили в Подъельники. Выселяли по телеграмме зимой. В сельсовете дали лошадь и оценили их дом, но Моталёв Борис Васильевич (зам. директора музея) не стал трогать дом. Костины уехали в Ленинград, а потом выезжали в Кижы и дом не согласились передать музею, приезжали на лето. Позднее дочь Костиных Галина Алексеевна работала в музее и хорошо вспоминает о директоре Ниemi Вилхо Арвидовиче¹⁹.

¹⁹ НАМЗ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2004.

Колганова Е. К., 1915 г. р. из деревни Середка. (Запись Калашиковой Р. Б., 1996–1997 гг.)

Мой отец рассказывал легенду о мастере Несторе, о строительстве церквей, что орудием были только топор и долото. В детстве мама водила меня в церковь в Благовещение, в Вербное воскресенье, получали ветки вербы. В Спасов день посещали могилы родных на погосте. Многие женщины плакали – причитали. На второй день Пасхи было большое гулянье на Кижском острове. Молодёжь собиралась со всех деревень Великогубского, Типиницкого, Яндомозерского, Сенногубского и Кижского сельских советов. Мы с ребятами поднимались на колокольню, чтобы ударить в большой колокол, звон которого слышен за 20 километров. Всю пасхальную неделю был слышен колокольный звон во всех часовнях в деревнях Кургеницы, Воробы, Корба, Телятниково, Волкостров, Подъельники. Воспоминания о Кижях – колыбели моей – мне доставляют большую радость²⁰.

Елизарова Анна Константиновна (1918–2001) из дер. Серёдка. (Запись Трифоновой Л. В., 1987 г., Куликова С. В., 1990 г., Кузнецовой В. П. и Калашиковой Р. Б., в 1990 г.)

В Кижях магазин в 40-е гг. был у церкви. Тут же была и пекарня, хлеб пекла Дуся Ларионова с Вертилова...²¹ В магазине торговала Татьяна Петровна. У нее и керосин, и смола, и соль, и мука, и посуда и всё-всё было. Изредка и мануфактура. Муку-то мало брали, тут пекарня была. С пароходов команды мешками хлеб брали белый. Пекарня была, где сейчас *байна* у дома Ошевнева²².

Венчались в Преображенской церкви зимой, венчал поп *бела борода*. Я не знаю, как его звали, я ведь тогда ещё небольшая была, но поп старей-престарей, *бела борода* была²³.

Жарникова Екатерина Ивановна, 1920 г. р., из деревни Жарниково. (Запись Трифоновой Л. В., 1994 г.)

У кижских церквей было много домов с юга: поповский дом Русанова Михаила Александровича, Рябининский дом, сторожка у церкви²⁴.

Новгородцева Анна Михайловна, 1925 г. р., с острова Кижы, дочь Михаила Кириковича Рябинина-Андреева из династии сказителей Рябининных. (Запись Калашиковой Р. Б.)

В Кижях жили в маленьком доме. Рядом с нами жили Русановы. В Преображенской церкви нас всех детей крестили. Кижский погост – любимое место в моей жизни. Красота природы, чистый, необыкновен-

²⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37.

²¹ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2247.

²² Там же. Оп. 4. Д. 133.

²³ Там же. Д. 208.

²⁴ Там же. Оп. 3. Д. 2246.

ный воздух, окружение водой. В детстве бегали на болото, где теперь пристань, собирать ягоды. А поля с рожью какие были! В 1950 г. председатель колхоза Максимов предложил продать дом (получила мать 800 рублей). И наш дом из деревни Середка перевезли в Кижы в деревню Ямка. На Кижском погосте до войны были магазин, пекарня, медпункт, мельница²⁵.

Клинова Елизавета Ивановна, 1927 г. р., из деревни Ямка (остров Кижы). (Запись Трифионовой Л. В., 1994 г.)

В доме богачей Горбачёвых в Серёдке организовали больницу. Я работала в Сенной Губе патронажной сестрой. Стали ездить на танцы в Кижы в доме Соловьёва, там клуб был, познакомилась с Константином Петровичем Клиновым из деревни Клиново. Со мной ездили Валя Широкова, Виктор Широков, Клавдия Елизарова. Три музыканта были²⁶.

Павлова Светлана Александровна, 1939 г. р., из деревни Тязвия Фоймогубского с/с Заонежского района. (Запись Гвоздевой Ж. В., 2014 г.)

Бабушка рассказывала, что деды были плотниками и регулярно ездили в Кижы ремонтировать церкви. Любое деревянное строение требует постоянного ухода. Ездили после зимы, по очереди. Бабушка эта по маме – Дементьева. А леликовские – это по отцу, Коржавины, они и на праздники ездили в Кижы.

Дед родился в 1876 г. Для них Кижы совсем рядом были. Мой папа уехал учиться в 17 лет, потом они с мамой в Леликово всё время приезжали. Я в Леликово ни разу не была, конечно, хотелось бы там побывать.

Очень часто мы ездили в Великую Губу, ездили в Тязвию. Ездили на теплоходе. Тогда ещё ходили колёсные пароходы «Володарский», «Урицкий», теплоходы «Днепробуг» и «Лермонтов». Ездили на них до Великой Губы, а там на автобусе, и дальше добирались 8 километров до деревни Тязвия. Дядя Митя приезжал встречать нас на лошади, потому что далеко было идти. Проезжали на теплоходе мимо Кижей. В 1957 г., когда я закончила 10-й класс, для всех выпускников города была организована поездка в Кижы. Церковь тогда не была отремонтирована. В нее мы не ходили, ходили только вокруг. Ехал с нами молодёжный оркестр, мальчишки в белых рубашках, в белых брючках. На поляне был праздник. А мы ходили гулять по тропинке, трава по пояс, конец июня разнотравье, запахи, это такой праздник, волшебство!

²⁵ НАМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7.

²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2246.

В 1974–1975 г. на теплоходе «Циолковский» мы ездили на Валаам и в Кижы. По пути на Валаам застряли в Ладоге из-за шторма. Ладога коварное озеро, там застряли надолго, мало что успели посмотреть. А потом у нас была остановка в Кижях. Ехала с нами женщина, в столовой работала, заонежская женщина, она напекла 700 калиток! На всех были напечены калитки при посещении Кижей. Конечно, остров был уже совсем другой. Это было вытопанное поле, потому что постоянно по три теплохода (*с туристами.* – Ж. Г.). От того острова, от той сказки мало чего осталось. И очень обидно, что наши ребята сейчас не могут туда попасть, потому что это не по карману, очень дорого²⁷.

Значимость таких документов очень велика. Общение с каждым человеком является исключительно ценным, так как через воспоминания носителей традиционной культуры современники могут прикоснуться к истории.

Рис. 1. Кижский погост 1903–1904 гг. Вид с южной стороны. Дом Васильевых. Фото И. Билибина. ИИМК, рукописный отдел. НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Л. 11

²⁷ Там же. Б/н.

Рис. 2. Кижский погост 1914 г. Вид с западной стороны. ИИМК, рукописный отдел. НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Л. 12

Рис. 3. Кижский погост с колокольней и домом сторожа. Фото до 1917 г. ИИМК, рукописный отдел. НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Л. 13

Рис. 4. Кижский погост, 1926 г. Фото Ф. И. Морозова. ИИМК, рукописный отдел. НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Л. 10.

Рис. 5. Кижский погост 1926. Фото Ф. И. Морозова. ИИМК, рукописный отдел. НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Л. 14.

Рис. 6–9. Фотоматериалы до, во время и после реставрации Кижского ансамбля. 1949–1968 гг. Автор А. В. Ополовников. НАМК, Ф. 1. Оп. 3. Д. 4088. Л. 20, 24, 25, 53

Рис. 10. Преображенская церковь и колокольня. Вид с юго-запада. 1920.
Фото Ф. А. Каликина. НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4086. Л. 12

Рис. 11. Рябинин Михаил Кирикович, сказитель. 1938 г. Фото Ильина.
Место съемки неизвестно. Фотофонд НАРК. I-1901

Л. В. Трифонова

ТРАДИЦИОННЫЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ КОСТЮМ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Статья написана на материалах дореволюционных и советских исследований с привлечением архивных источников (полевые записи, экспедиционные дневники, фотографии). Среди дореволюционных материалов особый интерес представляет статья Павла Минорского о карелах Ильинского прихода Олонецкого уезда, опубликованная в 1886 г.¹ Автор дает подробное описание олонецкого девичьего праздничного костюма, жемчужного головного убора, ювелирных украшений карелок. Представление о различии праздничной и повседневной, зимней и летней, мужской и женской одежды южных карел можно почерпнуть из статей Павла Покровского (1873)², М. Д. Георгиевского (1908)³ и того же П. Минорского. Несомненный интерес представляют путевые заметки Н. Березина «Пешком к карельским водопадам (1903)⁴ и путевой очерк М. Круковского «Олонецкий край» (1904)⁵. Оба автора стремятся подчеркнуть финно-угорскую основу одежды южных карел, но невольно обращают внимание на севернорусское влияние, описывая жемчужные головные уборы карельских девушек. Материалы большинства исследователей посвящены традиционному костюму олонецких карел и только два автора – М. Георгиевский и Н. Березин – пишут об одежде пражинских и кондопожских карел.

Из материалов советского периода первостепенная роль принадлежит монографии Р. Ф. Тароевой «Материальная культура карел»

¹ Минорский П. Олонецкие карелы и Ильинский приход // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1866. Вып. 2.

² Покровский П. Карел, его быт и занятия // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 6.

³ Георгиевский М. Д. Карелы // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 4; Он же. Святозеро // ОГВ. 1888. № 17.

⁴ Березин Н. Пешком к карельским водопадам. СПб., 1903.

⁵ Круковский М. Олонецкий край. СПб., 1904.

(1965)⁶. Позднее, в 1983 г., Тароева (Никольская) пишет главу, посвященную традиционно-бытовой культуре карел в сборнике «Карелы Карельской АССР»⁷. В 2003 г. выходит монография «Прибалтийско-финские народы России», где глава «Одежда» в разделе «Карелы» была подготовлена Е. И. Клементьевым⁸. В 2006 г. К. К. Логинов пишет очерк «Традиционная одежда народов Карелии» для книги «Костюм и праздник», изданной в Петрозаводске⁹. Специфику украшения одежды южных карел затрагивает в своих научных трудах по карельскому декоративно-прикладному искусству А. П. Косменко¹⁰.

Южнокарельскому костюму посвящена статья Л. В. Трифионовой «Традиционный костюм южной Карелии конца XIX в., по материалам «Этнографической экскурсии М. А. Круковского»¹¹.

Большой интерес для автора имели полевые материалы 1950–1960-х гг. из архива КарНЦ РАН. Это полевые записи экспедиции 1957 г., которой руководила Р. Ф. Тароева¹². Информанты, с которыми работали участники экспедиции, родились в 80–90-х гг. XIX в. Сведения, сообщенные ими, относятся еще к дореволюционному периоду и потому приобретают особый вес и ценность. Круг обследованных деревень весьма обширен. Это деревни Пряжинского района: Пелдожи, Святозеро, Ведлозеро, Варлов Лес, Сеппяваара, Гонгалицы и деревни Олонецкого района: Большие Горы, Иммалицы, Щоккойла, Коткозеро, Чарнаволоок, Гошкила. Отдельно следует упомянуть обследованные деревни Михайловского сельсовета Олонецкого района, где проживают карелы людики: Кирга, Гижино, Ньюхово, Палнаволоок, Устье, Яковлевская.

⁶ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк. М., 1965.

⁷ Никольская Р. Ф. Традиционно-бытовая культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.

⁸ Клементьев Е. И. Карелы. Одежда и обувь // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 241–249.

⁹ Логинов К. К. Традиционная одежда народов Карелии // Костюм и праздник. Петрозаводск, 2006.

¹⁰ Косменко А. П. Народное изобразительное искусство карел КАССР конца XIX – начала XX в. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1975; А. П. Косменко. Карельское народное искусство. Альбом. Петрозаводск, 1977; А. П. Косменко. Северные узоры. Народная вышивка Карелии. Петрозаводск, 1989.

¹¹ Трифионова Л. В. Традиционный костюм южной Карелии конца XIX в., по материалам «Этнографической экскурсии М. А. Круковского» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6.

¹² Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 46 (Полевая тетрадь Р. Ф. Тароевой. Олоонец, 1957); Там же. Ед. хр. 47. (Полевые записи студентки Ф. А. Тихоновой. Олоонецкий район. 1957); Там же. Ед. хр. 48. (Полевые записи студентки Титовой (Пелдожи, Святозеро, Ведлозеро; Варлов Лес, Сеппяваара). 1957); Там же. Ед. хр. 51. (Полевые записи студентки Л. Н. Титовой. Олоонецкий район. 1957); Там же. Ед. хр. 396. (Альбом. Одежда. Покрой, раскрой одежды. Интерьеры домов. 1962).

Еще одним источником информации явились дневники автора, выезжавшего в 1981 и 1984 г. в Кондопожский район (Ватчала, Фомин Наволок, Титнаволок, Линдозеро, Декнаволок, Наволок, Западное Кончезеро, Кедрозеро, Святнаволок, Уссун, Юркостров, Юостозеро, Тереки, Вороново, Эльмус, Гирвас, Гомсельга, Большое Вороново, Малое Вороново)¹³ и в Пряжинский район (Ведлозеро, Сыссойла, Кинерма, Акимово, Юргелицы)¹⁴.

Важным источником информации явились фотографии из фотоархива М. А. Круковского «Виды и типы Олонецкой губернии», датируемые 1899 г.¹⁵ Фотоархив хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге и представляет собой отчет о поездке исследователя по Олонецкой губернии, результатом которой стала публикация его книги «Олонецкий край». За время экспедиции Круковский побывал на территории Петрозаводского, Олонецкого и Повенецкого уездов. В сфере его интересов находились и районы проживания карел: окрестности Олонца и Кондопоги. Традиционный костюм Кондопожской волости представлен в экскурсии восемнадцатью фотографиями, на которых запечатлены крестьяне из деревень Сопоха, Кяпсесельга, Тивдия, Вороново, Косалма, Усть-Суна.

Повседневная крестьянская одежда

Традиционный женский повседневный костюм южной Карелии (по сведениям 1873 г.) состоял «из сорочки с длинными рукавами, чухонской юбки, редко сверху крашенинного или серенького ситцевого сарафана...»¹⁶ и головного убора. Молодые девушки в будни носили платки, завязанные узлом под подбородком, или ходили с непокрытой головой. Замужние женщины убирали волосы под повойник (люд. *povoiniek*, лив. *povoiniekk*) – небольшую шапочку из мягкой ткани, имеющую круглое донце с пришитым к нему по краю околышем. К раздвоенным сзади крылышкам околыша пришивалась тесьма, фиксирующая повойник на голове¹⁷ (рис. 1). Иногда у пожилых женщин повойник заменялся платком¹⁸ (рис. 2). Повседневный костюм дополнялся передником из домотканой или покупной ткани. Под него во время работы подбирали подол сарафана.

¹³ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. (Экспедиционный дневник поездки в Кондопожский район Трифоновой Л. В. с 19 по 23 ноября 1984 г. Экспедиционный дневник поездки в Кондопожский район Трифоновой Л. В. с 20 по 31 июля 1981 г.).

¹⁴ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. (Экспедиционный дневник поездки в Пряжинский район в район Ведлозера в июле 1991 г. Трифоновой Л. В.).

¹⁵ Дубль-негативы отдельных фотографий хранятся в фототеке музея-заповедника «Кижь». Покровский П. Указ. соч. С. 11.

¹⁷ Трифонова Л. В. Традиционный костюм южной Карелии... С. 62.

¹⁸ Фототека музея Кижь. НВФ 13623. (Дубль-негатив «Крестьянка из деревни Видлица». (Оригинал хранится в отделе эстампов РНБ в Петербурге).

Рис. 1. Повойник. Конец XIX – начало XX столетия. Сатин. Шитье на руках. 8,5x17x17. Из Пряжинского района. Собрание музея «Кижь». КП – 120/14

Рис. 2. Крестьянка Ильинского погоста. М. Круковский. 1899. Фототека музея «Кижь». НВФ – 13581/29. Отпечаток с дубль-негатива. Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

Рис. 3. Рубаха женская. Начало XX в. Холст льняной. Полотно льняное. Вышивка крестом. 108x72x36. Улялега Пряжинский район. Собрание музея «Кижы». КП – 231/16

Повседневная одежда, в основном, была домотканой: холщовые станушки, сарафаны, юбки, кафтанушки, передники, паловые рубахи, в которых работали на пале – на подсеке. Рубаха (лив., люд. gäšš'in) состояла из двух частей – верхней (лив. hiemuat, люд. hiem) и нижней (лив. emustu, люд. emust)¹⁹. Верхняя часть женской рубахи в конце XIX – начале XX в. шилась из покупной материи, низ выполнялся из домашней выработки холста, что подтверждается свидетельством информанта: «Домотканые рубашки носили, верх ситцевый, низ полотняный»²⁰. Край рубахи вышивался красным по белому, чаще крестом или по выдергу²¹ (рис. 3). Встречался и двусторонний шов. «Длина рукава различалась в зависимости от возраста»²². У тех, кто постарше, рукава у рубах были длинными до запя-

¹⁹ Такой тип рубахи с отрезным верхом представляет собой новгородский вариант. См.: Клементьев Е. И. Указ. соч. С. 244.

²⁰ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 26. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Информант Медникова М.М. (1908 г. р.) Большие Горы.)

²¹ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 7. (Экспедиционный дневник поездки в Кондопожский р-н Трифоновой Л. В. 1981. Информант Богданова О. А. (1911 г. р.), д. Наволок.)

²² Там же. Л. 9. Информант Кононова Е. И. (1907 г. р.), д. Юстозеро.

стья, у молодых женщин и девушек – до локтя²³. Таким образом, к началу XX в. в карельском женском костюме возникла новая модная тенденция, получившая повсеместное распространение на Севере России – носить рукав до локтя. Изменился образ и крой рукава – он стал пышным и приобрел манжет. Одежду молодые девицы шили себе сами, а качество сшитой одежды зависело исключительно от их портновского умения²⁴. На одной из фотографий коллекции Круковского²⁵ пышные рукава рубахи, сшитой из любимого карелами материала в мелкую полоску, выкроены по-разному: на одном полоски идут в продольном направлении, на другом – в поперечном (рис. 4).

Рис. 4. Крестьянка из д. Видлица.

М. Круковский. 1899. Фототека музея «Кижы». НВФ – 13581/30.

Отпечаток с дубль-негатива. Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

²³ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 2. Информант Соловьева Л. И. (1906 г. р.), д. Ватчела.

²⁴ Трифонова Л. В. Традиционный костюм южной Карелии... С. 62.

²⁵ Фототека музея «Кижы». НВФ 13581. (Дубль негатив. «Крестьянка из деревни Усть-Суна» (оригинал хранится в отделе эстампов РНБ г. Санкт-Петербурга).

С рубахой карелки носили ситцевый или домотканый сарафан (люд., лив. *saraffana*) с передником. По свидетельству Р. Ф. Тароевой, прямой сарафан у карел, как и у русских, получил распространение со второй половины XIX в. и был связан с появлением в крестьянском быту доступных по цене покупных тканей. Глухие косоклинные сарафаны с широкой проймой (*ferezi*) и косоклинники с узкой проймой (*kosto*) носили в конце XIX в. только пожилые женщины²⁶. У молодых такие сарафаны считались вышедшими из моды. Повседневная рубаха в отличие от заонежской имела более глубокий вырез ворота, а сарафан – более широкую и низкую грудь и соответственно более широко поставленные ляжки²⁷. Традиционной повседневной одеждой южных карелок была полосатая полушерстяная или холщовая юбка (*jujku*)²⁸. В таких юбках летом и весной отправлялись на рыбалку²⁹, сеяли репу³⁰, возили навоз³¹ или дрова³². Осенью молотили зерно в риге³³. Фасон юбок традиционный: верхняя часть из продольно-полосатого куска ткани, заложеного спереди складками у пояса по 5–7 штук в обе стороны от центра. Снизу пришивалась широкая оборка, сшитая из отдельных кусков, выкроенных по косой, причем место стыка оборки и верхней части юбки декорировалось полосой темной или цветной хлопчатобумажной ткани. Пояс обычно был холщовый с завязками. По свидетельству информантов, застежка или завязки на юбках всегда располагались сзади³⁴. Такого типа юбки шились из полушерстяной ткани яркой полосатой расцветки, полученной благодаря окраске нитей анилиновыми красителями, и были распространены у пряжинских ливвиков и святозерских людиков³⁵ (рис. 5). У олонекских ливвиков юбки чаще всего шились из однотонного крашеного холста, оборка выкраивалась по прямой и декорировалась снизу горизонтальными цветными полосами³⁶. Юбки кондопожских людиков тоже были полосатыми, но

²⁶ Клементьев Е. И. Указ. соч. С. 245. Автор упоминает еще одну разновидность старинного сарафана – костыч – косоклинный сарафан с узкими проймами (*kosto*).

²⁷ Фототека музея «Кижи». НВФ 13581/20. (Дубль-негатив из коллекции М. А. Круковского «Мать с сыном из Тивдии». (Оригинал хранится в отделе эстампов РНБ г. Санкт-Петербурга).

²⁸ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 159.

²⁹ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 8. (Экспедиционный дневник поездки в Кондопожский р-н Трифоновой Л. В. 1981. Информант Егорова М.М. (1905 г. р.), д. Наволок)

³⁰ Там же. Информант Кононова Е. И. (1907 г. р.), д. Юостозеро. Л. 9.

³¹ Там же. Л. 9 (Тот же информант); Л. 8. (Информант Ванькина Е. Е. (1903 г. р.), д. Наволок.)

³² Там же. Л. 8. (Информант Ванькина Е. Е. (1903 г. р.), д. Наволок.)

³³ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 14. (Экспедиционный дневник поездки Трифоновой Л. В. в Кондопожский район с 19 по 23 ноября 1984 г. Информант Машиева И. Е. (1903 г. р.), д. Тереки.)

³⁴ Там же. Л. 5, 14. (Тот же информант; Экспедиция Трифоновой в Кондопожский р-н. 1981. Информант Захарова А. Е. (1907 г. р.), д. Декнаволок.)

³⁵ Данный тип юбок также встречался у олонекских ливвиков, но значительно реже.

³⁶ Данный тип юбок также встречался у пряжинских ливвиков.

крой их, к сожалению, не зафиксирован. Полосатая расцветка юбок традиционна для прибалтийско-финской культуры. Это тонко подметил в своем путевом очерке 1903 г. этнограф Н. Березин: «Что касается рисунка тканей, то карелы, подобно финнам, отличаются любовью к прямому рисунку, т. е. клеткам, тогда как русские решительно предпочитают “цветочки”, “пукеты” или знаменитые “огурчики”. “Клетки” – это своя старина, когда холстина ткалась и красилась дома; “пукеты”, “цветочки” и “огурчики”, несомненно, восточного происхождения и указывают, что русские издавна успели полюбить ткани, получавшиеся с Востока»³⁷. Известный этнограф Р. Ф. Тароева отмечала распространение у южных карел холщовой ткани в синюю и белую клетку и вышеупомянутых полушерстяных женских юбок поперечно- и продольно-полосатой расцветки³⁸. Полосатую расцветку имели и так называемые тряпичные юбки (*riibujuukat*)³⁹, которые надевали для работы в огороде⁴⁰. Для огородных работ предназначались также прямые удлиненные кофты с длинным рукавом, вытканые той же техникой⁴¹ (льняная основа и уток из текстильных полос).

Рис. 5. Юбка. КП 131/4. Конец XIX – начало XX в. Ткань полушерстяная. Ручное ткачество. 67x112. Кинерма. Пряжинский район. Собрание музея «Кижь». КП – 131/4

³⁷ Березин Н. Указ. соч. С. 167.

³⁸ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел... С. 145, 162.

³⁹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 59. (Полевые записи студентки Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Информант Чулукова Н. А. (1874 г. р.), д. Коткозеро.)

⁴⁰ Там же. Л. 71. (Информант Сорокина А. Н. (1907 г. р.), д. Святозеро.)

⁴¹ Там же.

Когда в шерстяной полосатой юбке женщины шли на работы в лес или ехали на рыбалку, они надевали белые кальсоны (kuadad) из домотканого холста, лапти с портянками, иногда сапоги. Кальсоны спасали в лесу от укусов комаров⁴². Отправляясь на подсеку вместе с мужчинами, женщины надевали длинную холщовую рубаху (paltinsoba), белые кальсоны и лапти с портянками⁴³. Информант из Лижмы сообщила, что вместо кальсон для работы на пале женщины иногда надевали «домотканые чулки (каржу) из полотна», которые завязывались «на коленях и внизу»⁴⁴.

Летом поверх одежды надевали домотканые балахоны из отбеленного холста⁴⁵. Летней повседневной обувью карелок служили сапоги.

Верхней весенне-осенней одеждой женщин были кафтаны (понитку) из шерстяного сукна⁴⁶. Верхнюю одежду часто красили натуральными красителями. По свидетельству Матрены Пальшиной из Пал-Наволока, «краску делали сами из коры ольхи, парили, получалась красная вода»⁴⁷.

Осенью и весной карелки носили сапоги из желтой кожи с начерненными голенищами и чулки, связанные из льняных ниток. Нитки для чулок пряли насухо, то есть не смачивая слюной⁴⁸. Зимой носили валенки⁴⁹, хотя значительное число информантов утверждало, что олонецкие карелы валенки зимой носили реже, чем сапоги⁵⁰. В сапоги обязательно надевались шерстяные чулки или носки. Кроме упомянутых изделий из

---

⁴² НАМК. Ф. 1. Оп. 3. № 3250. (Экспедиционный дневник Трифоновой Л. В. Кондопожский р-н. 1981. Информант Кононова Е. И. (1907 г. р.), д. Юстозеро. Л. 9.); Там же. Л. 5. (Информант Захарова А. Е. (1907 г. р.), д. Декнаволок.)

⁴³ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 48. Л. 4. (Полевые записи Титовой Л. Н. Пряжинский р-н 1957. Информант Федорова А. П. (1880 г. р.), д. Пелдожи.); Там же. Ед. хр. 47. Л. 47, 71. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. Кипрушова Т.А. (1895 г. р.), д. Гижино; Карпова И. Ф. (1901 г. р.), д. Коткозеро; Сорокина А. Н. (1906 г. р.), д. Святозеро Пряжинский р-н); НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3250. Л. 5. (Экспедиционный дневник Трифоновой Л. В. Кондопожский р-н. 1981, Захарова А. Е. (1907 г. р.), д. Декнаволок.)

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед.хр. 47. Л. 42. (Полевые записи Титовой Л. Н. Олонецкий р-н. 1957. Заводова А. Ф. (1879 г. р.), д. Нюхово.)

⁴⁶ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 2. (Экспедиционный дневник поездки в Кондопожский р-н. 1981. Соловьева Л. И. (1906 г. р.), д. Ватчела.)

⁴⁷ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед.хр. 51. Л. 49. (Полевые записи Титовой Л. Н. Олонецкий р-н. 1957. Пальшина М. (1895 г. р.), д. Пал-Наволок.)

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 47. Л. 74. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Информант Сорокина А. Н. (1906 г. р.), д. Святозеро.)

⁴⁹ Там же. Л. 3. (Веледеева К. И. (1867 г. р.), д. Иммалица). Там же. Л. 54. (Копполова О. П. (1877 г. р.), д. Коткозеро.)

⁵⁰ Там же. Л. 60. (Медникова М. М. (1908 г. р.), д. Коткозеро); Там же. Л. 10. (Галешкин И. М. (1889), д. Щоккойла); Там же. Л. 32. (Мельников Я. А. (1893 г. р.), д. Кирга.)

овечьей шерсти, на пяти спицах вязали чулки, рукавицы, шарфы и рубашки⁵¹. Древней техникой вязания одной спицей изготавливали носки и рукавицы⁵².

Разновидностью рабочей обуви в южной Карелии были лапти. Лапти носили при работах на подсеке (на пале). Кроме того, их носили пастухи⁵³. Южнокарельские лапти (лив. *virsu*, люд. *virz*) имели десять ушек, через которые пропускались веревочки. Их обводили вокруг голени и завязывали чуть ниже колена. Служили лапти около недели⁵⁴, но во время разработки подсеки за один день могли износить две пары лаптей⁵⁵.

Верхней зимней рабочей одеждой карелок были овчинные полушубки. Головным убором в зимнее время были платки. Под платком замужние женщины носили чепчик (лив. *серсу*, *rovoiniekku*, люд. *серсу*, *rovoiniekk*)⁵⁶. Замужние носили чепчики и в летнее время. Зимой закутывались в большие шерстяные платки, покупные или связанные домашним способом⁵⁷. Зимой для тепла под сарафан надевали юбку: бумазейную⁵⁸, льняную или домотканую шерстяную полосатую⁵⁹. По свидетельству информантов, в конце XIX в. южные карелки носили для тепла под сарафаном и ватные юбки⁶⁰.

Особое место среди одежды южных карелок занимала одежда обрядовая, например, смертная. По свидетельству информанта из Коткозера, «женщине одевали все белое: сорочку, платье, платок, чулки, башмаки»⁶¹. То же самое подтвердила Е. Я. Шматтуева (1887 г. р.) из д. Большие Горы.

⁵¹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 51. Л. 5. (Полевые записи студентки Титовой Л. Н. Олонецкий р-н. 1957. Информант Ульянова А. В. (1902 г. р.)

⁵² НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 9. (Экспедиционный дневник поездки в Кондопожский район Трифоновой Л. В. 1981. Информант Кононова Е. И. (1907 г. р.) Юостозеро.)

⁵³ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 47. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. Информант Карпова И. Ф. (1901 г. р.), д. Коткозеро.)

⁵⁴ Покровский П. Указ. соч. С. 11.

⁵⁵ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 48. Л. 19. (Полевые записи Титовой Л. Н. Пряжинский р-н. Лижма.)

⁵⁶ Там же. Ед. хр. 47. Л. 11. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Информант Галешкин И. М. (1889 г. р.), д. Щоккойла.)

⁵⁷ Там же. Л. 60–61. (Информант Чупукова Н. А. (1873 г. р.), д. Коткозеро.)

⁵⁸ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 2. (Экспедиционный дневник поездки в Кондопожский район. Трифонова Л. В. 1981. Информант Соловьева Л. И. (1906 г. р.) д. Ватчела.)

⁵⁹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 26. (Полевые записки Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н 1957. Информант Медникова М. М. (1908 г. р.), д. Большие Горы.)

⁶⁰ Там же. Л. 26. (Тот же информант.)

⁶¹ Там же. Л. 53. (Информант Кополова О. Л. (1887 г. р.), д. Коткозеро.)

Традиционная повседневная мужская крестьянская одежда южной Карелии конца XIX – начала XX в. состояла из портов (люд. kuaddad, лив. kuadiet), рубахи (люд. paid, лив. paidu), пояса, сапог (рис. 6) и верхнего платья. Головным убором служил картуз или валяная шляпа в форме усеченного конуса. Неотъемлемой деталью костюма южнокарельского крестьянина был шарф или шейный платок (люд. kaglräikk, лив. kaglräikku)⁶². Одежда носила сезонный характер и шилась из тканей домашнего производства: холста, сукна и тканей, выполненных «рибушной» техникой.

Рис. 6. На косьбу. М. Круковский. 1899. Фототека музея «Киж». НВФ – 13623/33. Отпечаток с дубль-негатива. Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

Домашнее сукно, которое шло на пошив верхней одежды, изготавливалось следующим образом: на ткацком стане ткали полушерстяную ткань (основа из льняных ниток, уток-шерстяной). Ткань эту укладывали в большое деревянное корыто, заливали теплой водой, мяли ногами и катали каталками. После этого завернутое в тряпку сукно клали в теплую

⁶² Трифонова Л. В. Традиционный костюм южной Карелии... С. 58.

русскую печь, чтобы оно подсохло. Процесс этот повторяли несколько раз, в результате чего сукно получалось прочным, толстым, ровным, без бугров⁶³. Это сукно олонекские карелы называли «шушпой», ширина его достигала 43 см⁶⁴. Сукно не пропускало воду и снег, и это было очень ценным качеством ткани, из которой шили одежду люди, проживавшие в северном климате, изобилующем осадками. Изготовлением сукна занимались женщины. Распространено это занятие было в регионах с развитым овцеводством, в частности в Олонецком уезде.

Из домашней выработки сукна шили зимние порты, кафтаны, армяки. Кафтан (люд., лив. *kauhtan*) – разновидность демисезонной верхней одежды. Кафтаны шились двубортными с застежкой справа налево на крючках или пуговицах; с длинным рукавом и шалевым, отложным или стоячим воротником (рис. 7). Этнограф В. Дашков в 1842 г. упоминает южнокарельский кафтан из серого сукна с шалевым воротником синего цвета⁶⁵. Зимой на шубу сверху надевался армяк – «кафтан длинный», как назвала его жительница д. Святозеро А. Н. Сорокина⁶⁶. Армяк надевался поверх шубы, полушубка или кафтана в дорогу. Он напоминал собой длинный широкий однобортный халат с запахом справа налево, с широкими рукавами и большим воротником. Подпоясывался широким кушаком или подпояской длиной до 3 метров⁶⁷.

Значительную часть повседневной одежды южные карелы изготавливали из домашнего холста: отбеленного, серого или окрашенного. Это холщовые рубахи (рис. 8), порты, балахоны – разновидность верхней мужской одежды в летнюю пору. В балахонах крестьяне работали в лесу и ездили на рыбную ловлю (рис. 9). По сведениям 1873 г., в Олонецком уезде «во время сенокоса и жаров ходят в пестрядинных или крашенинных рубахах, такого же цвета шароварах»⁶⁸. В 1908 г. прятинский краевед М. Георгиевский сообщал: «Летом поголовно все бродят в белых подштанниках»⁶⁹. Белые мужские домотканые порты (кальсоны) как повседневная летняя одежда карельских мужчин неоднократно упоминалась в сообщениях информантов⁷⁰.

⁶³ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 71–73. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Информант Сорокина А. Н. (1906 г. р.), д. Святозеро.)

⁶⁴ Там же. Л. 29. (Информант Клементьева М. М. (1888 г. р.), д. Большие Горы.)

⁶⁵ Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842. С. 68.

⁶⁶ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 73. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Сорокина А. Н. (1906 г. р.), д. Святозеро.)

⁶⁷ Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия / Авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 1998. С. 21.

⁶⁸ Покровский П. Указ. соч... С. 11.

⁶⁹ Георгиевский М. Д. Карелы... С. 4.

⁷⁰ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 8. (Экспедиционный дневник поездки Трифионовой Л. в Кондопожский р-н. 1981. Егорова М. М. (1905 г. р.), д. Наволок; Орехова Е. С. (1913 г. р.), д. Юстозеро.)

Рис. 7. Кафтан. Конец XIX – начало XX в. Сукно полушерстяное. Ткачество ручное. 110x51. Ламбинаволок. Пряжинский район. Собрание музея «Кижь». КП – 216/6

Рис. 8. Рубаха мужская. Начало XX в. Холст льняной серый. Ткачество ручное. 10,5 x 67,5 x 143. Афанасьева Нора, Олонецкий район. Собрание музея «Кижь». КП – 161/1

Рис. 9. Ночлег рыбаков на реке Суна. М. Круковский. 1899.
Фототека музея «Кижы». НВФ – 13623/31. Отпечаток с дубль-негатива.
Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

Холщовая одежда шилась для работы в риге, на подсеке (пале). Паловые рубахи (*paltinsoba*) были очень длинными. Это подтвердил М. Георгиевский в своем очерке «Святозеро», опубликованном в 1888 г.: «Подойдя ближе к месту, откуда поднимается дым, увидишь такую картину: в длинных грубого холста рубахах копошатся неузнаваемые под слоем сажи и грязи крестьяне с семьями, ворочая обгоревшие берёзки – сосны...»⁷¹. Паловые рубахи носили с домоткаными портами (*kuaddad*). В таких же рубахах работали в ригах при обработке зерновых. В этом случае ее называли *gihisoba*⁷². Еще одной разновидностью рабочей одежды была рубаха, сотканная из текстильных полос на льняной основе. «Очень толстые, как теперь дорожки ткут»⁷³.

Зимой в качестве верхней одежды крестьяне носили полушубки, сшитые из овчин. «На работу носили шубу не длинную (*turku*). В шубе едут до места работы, а работают в понитке [кафтанае. – Л. Т.]»⁷⁴. Тулупы (*pitkä turku*), сшитые из 7–8 овчин, носили богатые крестьяне. Бедные носили короткие полушубки из 5 овчин⁷⁵. Полушубок как зимняя одежда упоминается в периодике и краеведческой литературе XIX в.: у Покровского (1873 г.), Петрова (1881 г.), Георгиевского (1908 г.)⁷⁶.

⁷¹ Георгиевский М. Д. Святозеро... С. 155.

⁷² Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 47,71. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Карпова И. Ф. (1901 г. р.); Сорокина А. Н. (1906 г. р.), д. Святозеро.)

⁷³ Там же. Л. 71.

⁷⁴ Там же. Л. 8. Галешкин И.М. (1899 г. р.), д. Щоккойла.

⁷⁵ Там же. Л. 47. Карпова И. Ф. (1901 г. р.), д. Коткозеро.

⁷⁶ Покровский П. Указ. соч. С. 11; Петров К. Краткое описание Олонецкой губернии. Родиноведение. Петрозаводск. 1881. С. 27; Георгиевский М. Карелы ... С. 4.

Полное описание зимнего костюма олонецкого крестьянина относится к 1873 г. «Зимняя одежда состо[яла] из домашнего овчинного, своей выделки полушубка и наверх суконного серого армяка домашней работы, бараньей шапки (у иных с ушами), рукавиц с русскими варежками, сапогов из белой кожи (высмоленных) с русскими носками и суконными онучами или высоких шерстяных валенок»⁷⁷. Под «русскими» варежками и носками понимались изделия, связанные древней техникой вязания одной иглой. Носки вязались без пятки, а рукавицы имели в верхней части завершение в виде трапеции. Носки носили зимой с сапогами на работы в лес, для большей сохранности на шерстяные рукавицы сверху надевали кожаные. О древности техники вязки одной иглой свидетельствует тот факт, что «носки без пятки у южных карел входили в состав смертной одежды»⁷⁸.

На спицах южные карелки вязали для своих мужчин шарфы. Чаще всего они были одноцветными или украшались скромными полосками по краю. «С шарфом или платком на шее карел не расстается... За двадцать лет моего пребывания в Кореле я знал только трех крестьян, которые не носили шарфа, платка»⁷⁹, – писал М. Георгиевский. Для холостых парней вязали нарядные шерстяные чулки, «верхняя часть которых должна быть видна из голенища пальца на два, на три, а потому у многих они вя[зались] из разноцветной шерсти»⁸⁰. В качестве образца вязаного изделия конца XIX в. можно привести фуфайку, зафиксированную в 1899 г. на крестьянине из деревни Кяппесельга⁸¹. Фуфайка связана на спицах: рукава в резинку, перёд декорирован узором «коса». Ворот вывязан изнаночными петлями. Край передней полочки обшит темной тесьмой⁸². Повсеместное распространение вязания у олонецких и пряжинских карел объяснялось относительно высоким уровнем развития овцеводства в этом регионе. Не случайно еще в 1842 г. краевед В. Дашков писал, правда, имея в виду ткачество: «Разумеется, этим ремеслом занимаются там, где есть значительное количество овец, как например, в Олонецком уезде»⁸³.

Повседневной обувью южнокарельских мужчин круглый год были сапоги с голенищами до колен из белой коровьей кожи с начерненным верхом. Такие сапоги в Олонецкой губернии были распространены по-

⁷⁷ Покровский П. Указ. соч. С. 11.

⁷⁸ Тарова Р. Ф. Материальная культура карел... С. 165.

⁷⁹ Георгиевский М.Л. Карелы... С. 5.

⁸⁰ Покровский П. Указ. соч. С. 65.

⁸¹ Фототека музея «Киж». НВФ 13581.

⁸² Трифонова Л. В. Традиционный костюм южной Карелии... С. 58.

⁸³ Там же. С. 68.

всеместно на протяжении всей второй половины XIX и начала XX столетий. Подтверждением тому служит свидетельство 1842 г.: «Сапоги из белой кожи, вымазанной дегтем или жиром, служат зимой обувью по всей губернии»⁸⁴. По сведениям информантов опроса 1957 г., валенки у южных карел в начале XX в. не имели широкого распространения: «Даже зимой мало носили валенки, большею частью ходили в сапогах»⁸⁵, «Валенки носили только в лес»⁸⁶, «Зимой некоторые носили валенки»⁸⁷, «Мужчины носили сапоги, лапти и очень редко валенки»⁸⁸. Для информантов, опрошенных в Кондопожском районе в 1981 г., валенки уже являлись привычной зимней обувью⁸⁹. Таким образом, широкое распространение валенок в южной Карелии началось с 1930-х гг.

Из головных уборов следует отметить летнюю суконную фуражку – картуз и зимнюю шапку. Чаще всего в конце XIX – начале XX в. зимние шапки не имели ушей⁹⁰, но иногда встречались и шапки с ушами. Шапки без ушей упоминает в 1886 г. П. Минорский: это «ермолка» с меховым околышем и «череповка», плотно облегающая голову⁹¹.

Особое место среди мужской одежды занимала одежда ритуальная, в частности смертная. На смертном одре мужчинам надевали белые кальсоны, белую рубашку, костюм, башмаки⁹².

Праздничная крестьянская одежда

Наиболее полное описание *традиционного праздничного костюма состоятельной олончанки* приводится у П. Минорского в 1886 г.: «Девушка, желающая показать себя и свое богатство, одевает поверх рубашки с белыми как снег, рукавами, сарафан золотой или серебряной парчи или дорогого штофу и затягивается на талии золотом с кистями. На голову полагается широкая лента, концы которой подвязываются у затылка. Лента бывает унизана жемчугом, дорогими камнями и зо-

⁸⁴ Трифонова А. В. Традиционный костюм южной Карелии...

⁸⁵ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 25. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Информант Медникова М. М. (1908 г. р.), д. Большие Горы.)

⁸⁶ Там же. Л. 47. (Информант Карпова И. Ф. (1901 г. р.), д. Коткозеро.)

⁸⁷ Там же. Л. 60. (Информант Чулукова Н. А. (1873 г. р.), д. Коткозеро.)

⁸⁸ Там же. Л. 32. (Информант Мельников Я. А. (1893 г. р.), д. Кирга Михайловского с/с.)

⁸⁹ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 12-14. (Экспедиционный дневник поездки в Кондопожский р-н Трифоновой Л. В. 1981. Информанты Орехова (1913 г. р.), Кононова Е. И. (1907 г. р.), Федорова А. К. (1895 г. р.), д. Юстозеро.)

⁹⁰ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 10. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Информант Галешкин И. М. (1899 г. р.), д. Щоккойла.)

⁹¹ Минорский П. Указ. соч. С. ...

⁹² Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 53. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. Информант Коппалова О. П. (1873 г. р.)

лотыми и серебряными блестками, из которых искусно выведены цветы. Под, с лицевой ее стороны, выведены концы огромной жемчужной поднизи со множеством борков, которые ниспадают на глаза... В уши наряженной таким образом девушки вдевают большие жемчужные серьги с золотыми или серебряными станками, а на шею, которая остается обнаженной до груди, полагают несколько рядов жемчужного ожерелья из мелких уже жемчужин. Пальцы на руках положительно унижаются кольцами из золота всевозможных форм. Запястья и браслет не держат и руки остаются голыми до рукавов рубашки, поднятых очень высоко. На ноги надеваются белые чулки, а на них – козловые башмаки»⁹³.

Сарафаны женщин из менее состоятельных семей шились из материй попроще: из ситца или шерсти. Источник 1873 г. зафиксировал следующую картину праздничного или воскресного дня в Олонецком уезде: «Женщины одевают разноцветные сарафаны (шерстяные или ситцевые), чулки, башмаки или сапоги (последние в большом употреблении)»⁹⁴. Гулянье девушек из д. Рыпушкалица на Иванов день в 1899 г. подтверждает все разнообразие праздничного девичьего костюма у карел (рис. 10).

Рис. 10. Гулянье в д. Рыпушкалица Олонецкого уезда на Иванов день. М. Круковский. 1899. Фототека музея «Кижы». НВФ – 13581/20. Отпечаток с дубль-негатива. Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

⁹³ Минорский П. Указ соч. С. 199.

⁹⁴ Покровский П. Указ. соч. С. 65.

Полный костюм (с душегреей, поднизью, белыми чулками и сафьяновыми башмаками) в начале XX в. имели только очень состоятельные девушки. Это подчеркивают информанты 1980-х гг., чья молодость пришлась на 1910–1920-е гг.: «Богатые девушки одевали жемчуг»⁹⁵. Об этом же писал и краевед Н. Березин в 1903 г.: «Не малую роль в женских головных уборах игра[л] в богатых семьях жемчуг, который, как известно, до сих пор не перевелся в наших северных реках. Бабы нос[или] его в виде сеток, а девушки в виде повязок, т. е. лент пальца в два шириной, усыпанных жемчугом. Такие повязки переход[или] из рода в род и оценива[лись] иногда, смотря по качеству жемчуга, в сотни рублей»⁹⁶. Описание старинного девичьего головного убора с сеткой-поднизью приведено у М. Круковского (1904), который также подчеркнул принадлежность подобного головного убора состоятельному крестьянскому сословию: девушки «украшают головы так называемой короной, которая состоит из двух разных частей: верхней – подзора и нижней – поднизи или сетки. Это своего рода кокошник, тонкой ажурной работы, весь усыпанный жемчугом. В особенности красива сетка, спускающаяся надо лбом, бросающая тень на лицо и придающая всякому лицу, даже не совсем красивому, миловидный и нарядный вид. Замужние женщины, кроме кокошника, надевают на затылок повойник, тоже усыпанный жемчугом, в таком уборе голова замужней корелки кажется как бы закрытой шлемом; открытым остается одно лицо»⁹⁷. Повязки и сетки-поднизи являлись предметом гордости крестьянского семейства, они «переходили из рода в род и оценивались иногда по качеству жемчуга в сотни рублей»⁹⁸. Об этом же писал в 1881 г. П. Минорский: «Ценность таких поднизей огромна, потому что жемчуг на них очень крупен, чистой воды и есть настоящие произведения Индийского океана. Таковые вещи, как поднизи, переходят из рода в род на много поколений и составляют родовую гордость семьи»⁹⁹. Выражение «жемчуг Индийского океана», скорее всего, представляет собой метафору, к которой прибегнул автор. По сведениям, приведенным краеведом В. Дашковым, «ловлею жемчуга [в Олонецкой губернии. – Л. Т.] занимались женщины, которые (надобно отдать им справедливость, исправляют все работы и трудятся более мужчин)... Добываемый жемчуг большею частью расходуется между самими жителями Олонецкой губернии, которые делают из него, кроме головных уборов, и серьги»¹⁰⁰.

⁹⁵ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп 29. Ед.хр. 47. Л. 3, 10. (Полевые тетради Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957; Ульянова К. А., Веледеева К. И. (1873 г. р.), д. Иммалица; Галешкин И. М. (1889 г. р.), д. Щоккойла.)

⁹⁶ Березин Н. Указ соч. С. 167.

⁹⁷ Круковский М. Указ соч. С. 34.

⁹⁸ Березин Н. Указ соч. С. 167.

⁹⁹ Минорский П. Указ соч. С. 199.

¹⁰⁰ Дашков В. Указ соч. С. 171.

Сетка-поднизь и корона – излюбленные головные уборы девушек из русских районов Карелии – Заонежья и Пудожья. Форма поднизии олонцев карелок значительно отличалась от заонежской и пудожской. Центральный волан ее возвышался над остальными, придавая головному убору своеобразную, запоминающуюся форму¹⁰¹ (рис. 11). У кондопожских карелок поднизь имела форму, одинаковую с заонежской, так как культура пограничного с Заонежьем Кондопожья испытывала на себе значительное влияние культуры русской.

Рис. 11. Праздничные костюмы девушек из Олонца. М. Круковский. 1899. Фототека музея «Кижы». НВФ – 13581/27. Отпечаток с дубль-негатива. Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

О праздничном костюме кондопожской крестьянки мы можем судить по фотографии 1899 г. из фонда Круковского, на которой изображена девушка из д. Суна¹⁰² (рис. 12). На ней рубаха с пышным до локтя рукавом с кружевной оборкой. Рукава перевязаны широкими лентами с бантами. Воротник стойка украшен собранным в сборку кружевом. Сарафан из тяжелой шелковой ткани с обшитой широким позументом грудиной. На талии – ремень с пряжкой и двойными пистонами. На голове поднизь и широкая повязка, по нижнему краю которой нашит позумент

¹⁰¹ Фотография М. Круковского. См.: Трифонова Л. В. Традиционный костюм южной Карелии... С. 70–71.

¹⁰² Фототека музея «Кижы». НРФ 13581/13.

с золотным шитьем. В ушах – серьги-бабочки. На шее – бусы из стекла-руса в четыре нитки. Бусы плотно охватывают шею выше стойки. По верхнему краю повязки пришит веночек их искусственных цветов и листьев. Сзади к венку крепится широкая лента из штофа (?), декорированная нашитыми сверху искусственными листьями и цветами. Во время своего путешествия по Олонецкой губернии Круковский еще раз зафиксировал аналогичный девичий головной убор в Спасской Губе Кондопожской волости Петрозаводского уезда. Такую разновидность головного девичьего убора карельский этнограф К. К. Логинов причисляет к разновидности «обруча». «Обруч, – пишет он, – кольцо, реже полукольцо из луба, бересты или картона шириной 8–10 см..., обшитый кумачом или парчой... Карелы-людики иногда дополнительно украшали обруч искусственными цветами. Если материя венца украшалась шитьем из бисера или жемчуга, то превращалась по сути в праздничную корону. Сзади убор имел разрез до середины обруча и две завязки, прикрытые сверху куском парчи»¹⁰³. Очень похожий головной убор мы видим на девушке из д. Суна.

Рис. 12. Девушка из д. Суна. М. Круковский. 1899. Фототека музея «Кижы». НВФ – 13581/13. Отпечаток с дубль-негатива. Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

¹⁰³ Логинов К. К. Указ. соч. С. 32.

В начале XX в. полный комплекс праздничного костюма в общей массе уступил место более скромному варианту. Вместо парчевого или штофного сарафана – ситцевый или шерстяной, вместо короны с поднизью или повязки с жемчугом – шелковый головной платок, вместо сафьяновых (козловых) башмаков – ботинки со шнурками, штиблеты с резинкой, полусапожки¹⁰⁴, а то и просто сапоги. Краевед М. Георгиевский в 1908 г. писал: «На гуляньях в праздничные дни встретишь всевозможных цветов шелковые платки; платья (карелы любят яркие цвета) ситцевые, шерстяные...»¹⁰⁵, «иногда девушку в шелковом платье и в сапогах из белой кожи, смазанных дегтем...»¹⁰⁶.

В очерке П. Минорского упоминались золотые украшения богатых олончанок. Девушки из менее состоятельных семей носили серебряные кольца и браслеты, медальоны на цепочках, серьги-бабочки. Девушки из бедных семей надевали стеклянные бусы. В косу девушки вплетали по 4–5 лент¹⁰⁷. Дочери состоятельных родителей вплетали в них жемчужные нити¹⁰⁸.

Упоминание информантами большого количества украшений из серебра не случайно. Дело в том, что еще в начале XIX столетия в д. Онкулицы Неккульской волости Олонецкого уезда процветало ювелирное дело: изготавливались кресты, кольца, сережки, пуговицы и др. мелкие украшения. Работали целыми семьями, зарабатывали до трехсот рублей в год. Были и свои известные мастера: Яковлев, Звездин, Фотеев. К 1905 г. остались два старика ювелира, работавших с «польским серебром». Самым популярным изделием были серебряные с позолотой серьги со вставкой жемчуга местного происхождения. Изготавливались они с использованием редкой технологии огневого золочения¹⁰⁹. Возможно, именно такие серебряные изделия были упомянуты информантами, ведь, без сомнения, они расходились из Олонецкого уезда по всей округе.

Праздничный наряд женщины старшего возраста состоял из сарафана, рубахи с длинными рукавами и шелкового платка, надетого на чепчик¹¹⁰. Чепчик в праздник могли носить и без платка¹¹¹. Иногда на

---

¹⁰⁴ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 3, 10, 73. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Ульянова К. А., Веледеева К. И. (1873 г. р.), д. Иммалица; Сорокина А. И. (1906 г. р.), д. Святозеро; Галешкин И. М. (1899), д. Щоккойла.)

¹⁰⁵ Георгиевский М. Карелы ... С. 5.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 10, 14. (Экспедиционный дневник поездки в Кондопожский р-н Трифоновой Л. В. 1981, 1984 гг. Федорова А.К. (1895 г. р.), д. Юостозеро; Машиева И. Е. (1903 г. р.), д. Тереки.)

¹⁰⁸ Минорский П. Указ. соч. С. 199.

¹⁰⁹ Благовещенский И. И., Гарязин Д. Л. Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. С. 155.

¹¹⁰ Петров К. Указ. соч. С. 27.

¹¹¹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Ед.хр.47. Л. 59. (Полевые тетради Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957.Чупукова Н.А. (1873 г. р.), д. Коткозеро.)

чепчик надевали «колпачок», или «моду», т. е. шелковую косынку, имеющую форму колпака или сложенной в несколько раз ленты.

Детали старинного традиционного костюма, такие как душегреи, огромные шелковые («ветхозаветные», как называет их автор статьи о пряжинских карелах, Георгиевский) платки и парчовые шугаи в конце XIX в. отходят в прошлое. Уже в 1881 г. краевед Петров делает вывод о том, что у жителей Олонецкой губернии как мужской, так и женский наряд повсеместно уступает место немецкому платью¹¹². Все чаще бросаются в глаза на гуляньях платья-парочки, сшитые по городской моде из двух частей: туго обхватывающего фигуру казачка и широкой юбки (рис. 13).

Рис. 13. Танцы в Олонецком уезде. М. Круковский. 1899.
Фототека музея «Кижы». НВФ – 13581/45. Отпечаток с дубль-негатива.
Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

Влияние западной и городской моды ощущается и в женской верхней одежде. Зимней одеждой южных карелок были визитки – короткие пальто из покупного сукна на ватном подкладе¹¹³. Носили также шубки двух видов – в сборку по талии (taljat) и прямые (шуш)¹¹⁴. В ис-

¹¹² Петров К. Указ соч. С. 27.

¹¹³ НАМК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 3250. Л. 2. (Информант Соловьева Л. И. (1906 г. р.), д. Ватчела.)

¹¹⁴ Архив КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 29. Ед.хр. 47. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н, 1957. Информант Галешкин И.М. (1889 г. р.), д. Щоккойла.)

точнике 1873 г. упомянуты зимние полушубки и ситцевые полукапоты на вате¹¹⁵. Полукапот – распашная верхняя женская одежда для весны, лета, осени с туго обтягивающим фигуру лифом, отрезная по талии¹¹⁶. Этнограф Минорский в 1886 г. упоминает так называемые польские шубы со сборами сзади, подбитые беличьим, заячьим, лисьим или бараньим мехом¹¹⁷.

Несмотря на общие процессы европеизации, затронувшие традиционный крестьянский костюм, женский костюм южной Карелии сумел сохранить отдельные этнографические особенности, позволяющие причислить его к культуре прибалтийско-финских народов. Отличия, прежде всего, связаны с традиционной расцветкой и излюбленным орнаментом одежды. «Если смотреть на толпу олонцевских карелок, одетых по-праздничному, – писал в 1904 г. М. Круковский, – то очень легко можно заметить сочетание красок: черное с бордо, с коричневой, даже с желтой. Это, несомненно, говорит о стойкости и живучести финского племени»¹¹⁸. Березин в 1903 г. подметил у кондопожских карел нечто иное – специфику орнамента (любовь к клетчатым тканям)¹¹⁹. Р. Тароева отмечала у южных карелок традицию надевать на праздник белые чулки, преобладание юбочного комплекса¹²⁰ и тягу к полосатой расцветке. Сюда же можно добавить праздничный комплекс из юбки и жилета, надетого поверх рубахи.

Под *традиционной праздничной мужской одеждой* южных карел понималась одежда из покупных тканей, стабильная по составу и значительно сильнее, чем женская, испытывавшая на себе влияние городской моды.

Источник 1873 г. причисляет к праздничной одежде южнокарельских мужчин красную рубаху, шаровары¹²¹, поддевку из синего или черного сукна, сапоги из черной хорошей выделки кожи и фуражку¹²². Поддевка – распашная верхняя одежда длиной ниже колена или до колен, с длинными рукавами, отрезная по талии, со сборками на спине,

¹¹⁵ Покровский П. Указ. соч. С. 65.

¹¹⁶ Русский традиционный костюм... С. 239.

¹¹⁷ Минорский П. Указ. соч. С. 199.

¹¹⁸ Круковский М. Указ. соч. С. 34.

¹¹⁹ Березин Н. Указ. соч. С. 167.

¹²⁰ Никольская (Тароева) Р. Ф. Материальная культура карел как один из источников решения вопросов об этногенезе // Происхождение Карелии: доклады семинара. Йёнсуу, 1976.

¹²¹ Плисовые шаровары и красные рубахи были в большой моде в средней полосе и на Севере России во второй половине 19 столетия.

¹²² Покровский П. Указ. соч. С. 11.

со стоячим или отложным воротником¹²³. Суконные поддевки в качестве праздничной одежды жителей Олонецкой губернии вспоминает в 1881 г. К. Петров¹²⁴. В конце 1880-х гг. поддевки окончательно выходят из моды. Минорский в 1886 г. пишет: «Праздничное же платье ...имеет мало разнообразия: все постоянно носят пиджаки из сукна или чертовой кожи (Манчестер) с такими же брюками или штанами. Разве у именитых личностей можно встретить сюртук с длиною юбкою и широкими фалдами, что составляет остаток старинной моды и времени. Это же можно сказать о сибирках и поддевках, мода на которые в Олонце окончательно прекратилась»¹²⁵.

Таким образом, к 1908 г.¹²⁶ основной принадлежностью праздничной мужской одежды в южной Карелии становится пиджак, представлявший собой распашную двубортную одежду с застежкой на два или один ряд пуговиц, с длинными рукавами и отложным воротником. Он мог быть приталенным или прямым, длину имел до середины бедра или чуть ниже¹²⁷. В последней трети XIX в. пиджаки считались модной городской одеждой. Их носили молодые мужчины из богатых семей. В начале XX столетия они превратились в необходимую составную часть праздничного мужского костюма русского населения европейской части страны¹²⁸. Не обошла эта мода и южную Карелию. Скорей всего, она пришла сюда из Заонежья, имевшего через отходничество тесные контакты с Санкт-Петербургом. «Молодежь старается форсить. Хороший пиджак, пальто, сапоги, хотя “со скромными наборами, с бураками”, мечта холостяка»¹²⁹. Пиджак надевали поверх косоворотки. Если пиджак и брюки шились из одного материала, они обретали статус костюма. По свидетельству информантов из Олонецкого района опроса 1957 г., в начале XX в.: «В праздники мужчины надевали костюм из купленного материала», «Жених надевал костюм»¹³⁰. Неизменной деталью праздничного мужского костюма в конце XIX – начале XX в. продолжает оставаться косоворотка, которая шьется из ситца разных расцветок (рис. 4,14,15) и носится поверх портов, сшитых «по-брючному».

¹²³ Русский традиционный костюм... С. 227.

¹²⁴ Петров К. Указ. соч. С. 27.

¹²⁵ Минорский П. Указ. соч. С. 199.

¹²⁶ Свидетельство М. Георгиевского. См.: Георгиевский М. Карелы... С. 4.

¹²⁷ Русский традиционный костюм... С. 213.

¹²⁸ Там же. С. 123.

¹²⁹ Георгиевский М. Карелы ... С. 4.

¹³⁰ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп.29. Ед.хр. 47. Л. 28, 51. (Полевые записи Тихоновой Ф. А. Олонецкий р-н. 1957. Медникова М.М. (1908 г. р.), д. Большие Горы; Нестерова Т. П. (1896 г. р.), д. Гошкила.)

Рис. 14. Крестьянин из д. Большая Гора. М. Круковский. 1899.
Фототека музея «Кижы». НВФ – 13581/23. Отпечаток с дубль-негатива.
Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

Рис. 15. Крестьянин из д. Видлица. М. Круковский. 1899.
Фототека музея «Кижы». НВФ – 13581/24. Отпечаток с дубль-негатива.
Оригинал хранится в РГБ Санкт-Петербурга

Праздничная мужская обувь – сапоги. Зимой «у каждого холостяка чулки должны быть видны из голенища пальца на два, на три, и потому у многих они вяжутся из разноцветной шерсти; в дополнение украшения выпускается из кармана конец платка, красный цвет – весьма любимый»¹³¹.

Верхняя одежда мужчин в праздники была традиционной и зависела от социального положения владельца. У людей несостоятельных «серый кафтан замен[ялся] кафтаном синего или черного сукна, иногда с нанковой или казинетовой покрывкой, а иногда и полушубком, крытым тою же материей»¹³².

Краевед П. Минорский не случайно упомянул как принадлежность праздничного костюма несостоятельного человека покрытие из нанки¹³³, ведь это одна из самых дешевых тканей, выпускавшихся русскими фабриками в XIX в. Казинет тоже был не слишком дорог, и в деревне традиционно использовался для шитья верхней праздничной одежды¹³⁴.

Зимой богатые люди носили в праздники «шубы на белищем, лисьем, енотовом меху с большими воротниками»¹³⁵; тулупы, крытые черным хорошим сукном, поверх которых опоясываются шелковым яркого цвета кушаком»¹³⁶. Молодые носили «полушубок до колен, со сборами на талии и не длинным стоячим воротником»¹³⁷. На головах мужчин можно было увидеть бараньи, кошачьи или котиковые шапки¹³⁸.

Обобщая материал по традиционной одежде южных карел конца XIX – начала XX в., следует отметить широкое бытование в этом регионе одежды, сшитой из тканей домашнего изготовления: белого и серого льняного холста, пестряди, сукна и полусукна (уток шерстяной, основа – льняная или конопляная). Объясняется это высоким уровнем развития в этом регионе льноводства и овцеводства. Необходимо подчеркнуть тесную связь повседневной и праздничной мужской и женской одежды южной Карелии с традиционным крестьянским севернорусским костюмом. Это сказывается в бытовании у карел кафтана из серого домашнего сукна, широко распространенного по всему Русскому Северу, рубахи-косоворотки, мужской

¹³¹ Покровский П. Указ. соч. С. 11.

¹³² Минорский П. Указ. соч. С. 199.

¹³³ Русский традиционный костюм... С. 396. Нанка – гладкоокрашенная хлопчатобумажная ткань.

¹³⁴ Там же. С. 393.

¹³⁵ Шубы в старину шились мехом внутрь.

¹³⁶ Минорский П. Указ соч. С. 199.

¹³⁷ Там же. С. 199.

¹³⁸ Покровский П. Указ. соч. С. 11.

валяной шляпы в форме усеченного конуса, отдельных элементов праздничного женского костюма: таких как штофный сарафан, душегрея, белая рубаша из тонкой материи. Соседство с русским районом Карелии Заонежьем обусловило бытование в южной Карелии своеобразного праздничного головного девичьего убора – сетки поднизи с короной и атласных лент, предназначенных для подвязки рукавов праздничных рубаш. Причем в Кондопожской волости, граничившей с Заонежьем, форма поднизи была близка к заонежской: пять воланов, сплетенных из белого конского волоса, из которых центральный слегка отличался по высоте от остальных. В Олонецкой волости, более отдаленной от Заонежья, форма поднизи имела специфическую региональную особенность: средний волан был в два раза выше остальных.

Существует целый ряд национальных особенностей, роднящих одежду южных карел с одеждой других прибалтийско-финских народов: сильно развитый юбочный комплекс, бытование праздничных женских жилетов, мужских шарфов и шейных платков, тяготение к клетчатой и полосатой расцветке тканей. Интересными деталями являются специфический крой южнокарельского сарафана с более низкой, чем в Заонежье, грудной и более широко поставленными лямками и вышеупомянутая своеобразная форма олонецкой поднизи.

Приложение
**Обзор коллекции южнокарельской одежды
в фондах музея-заповедника «Кижь»**

Коллекция южнокарельской одежды в музее-заповеднике «Кижь» датируется концом XIX – началом XX столетий. Она включает в себя одежду из трех регионов южной Карелии – Олонецкого, Пряжинского и Кондопожского районов, насчитывает около 70 единиц хранения.

К сожалению, в ней отсутствует главный элемент крестьянской женской одежды XIX – начала XX в. – сарафан. Вторая важная часть комплекса женской одежды – рубаша – представлена тремя экземплярами. Рубаша из д. Улялега Пряжинского района¹³⁹ состоит из двух частей: верхней – рукавов и нижней – станушки. Рукава широкие, пышные, на обшлаге, с ластовицами. Ворот – стойка. По подолу идет вышивка крестом. Две другие, происходящие из деревень Клешейла и Акимово Савиновского сельсовета Пряжинского района, имеют верх прямого покроя с воротом каре (одна – без рукавов¹⁴⁰, другая – с рукавами¹⁴¹). Верхняя часть рубаш сшита из ситца, нижняя – из холста. Фрагментарно карельские женские рубашки представлены вышитыми по подолу станушками.

¹³⁹ Кижь КП-231/16.

¹⁴⁰ Кижь КП 56/4.

¹⁴¹ Кижь КП 29/5.

Наиболее полно повседневная женская одежда представлена юбками: 33 единицы хранения. Это специфическая деталь южнокарельского женского рабочего костюма. Юбки шьются из домашней полушерстяной ткани, вытканной на конопляной основе. Они имеют яркую полосатую расцветку, полученную благодаря окраске анилиновыми красителями. Фасон юбок традиционен: верхняя часть выполнена из продольнополосатого куска полусукна, заложенного складками (по 5–7) в обе стороны от центра. Снизу пришита косая широкая оборка, составленная из нескольких фрагментов. Место стыка оборки и верхней части декорировано полосой темной хлопчатобумажной тесьмы или лентой. К концам холщового пояса сзади пришиваются длинные завязки в виде косичек, сплетенных из льняной нити. Изредка застежка выполнена на пуговицах или на крючках. В одноцветных юбках (6 из 32) по низу идет декор из нескольких тканых горизонтальных полос другой расцветки. Длина юбок колеблется от 73 до 108 сантиметров. Расцветка полосатая. Встречаются сочетания синего, желтого, красного, розового, фиолетового, голубого, серого, коричневого, зеленого, бордового, чёрного, лилового, лилового, оранжевого, сиреневого цветов.

К будничной женской верхней сезонной одежде относятся кафтанушки: 5 единиц хранения. Кафтанушка – короткая, слегка расклешённая книзу одежда без воротника или с небольшим воротником, однобортная, на пуговицах, со вшивными рукавами. Выполнены кафтанушки из серого, коричневого или белого полусукна на конопляной основе. Спинка обычно цельнокроенная¹⁴². Если кафтанушка приталена, то спинка ее составлена из нескольких подкройных кусков со швом посередине¹⁴³. В двух случаях покрой кафтанушки напоминает мужской однобортный пиджак с прорезными и прямыми карманами¹⁴⁴.

Зимняя женская верхняя одежда представлена одним единственным полущубком: однобортным, с застежкой на трех пуговицах, с воротом – стойкой и вшивными рукавами¹⁴⁵. Спинка со швом по центру выкроена из четырех подкройных деталей. Вместо карманов имеются ложные накладные клапаны.

Хранятся в собрании музея «Кижы» и элементы праздничного женского костюма. Это казачки и праздничные головные уборы.

Казачок – род короткой кофты с длинными рукавами, сшитой по фигуре. Носили казачок в паре с юбкой или сарафаном. В коллекции хранятся четыре южнокарельских казачка. Три происходят из Пряжинского района Карелии, один – из Олонецкого¹⁴⁶. Два из них сшиты из тонкой шерсти бордового цвета¹⁴⁷, один – из ярко-розовой¹⁴⁸. Казачок из с. Святозеро выполнен из голубого сатина¹⁴⁹. Три казачка имеют идентичный покрой: сильно приталенные, с воротником стойкой, длинными зауженными к запястью рукавами и пыш-

¹⁴² Кижы КП-399/74; 399/73.

¹⁴³ Кижы КП -258/21.

¹⁴⁴ Кижы КП-216/7; 1892.

¹⁴⁵ Кижы КП-399/80.

¹⁴⁶ Кижы КП-331/59.

¹⁴⁷ Кижы-231/14; 331/59.

¹⁴⁸ Кижы-120/11.

¹⁴⁹ Кижы КП-1015.

ными буфами у плеча. У трех – застежка на крючках, у одного – на пуговицах. Два казачка имеют мягкий внутренний корсет, застегивающийся спереди на 8–9 пуговиц. Спинка каждого из трех казачков имеет центральный шов и состоит из шести подкройных деталей, сшитых между собой. Впереди с каждой стороны на талии заложено по две вытачки. Передние вставки декорированы горизонтально заложенными защипами или драпировкой из мягких складок. Один из казачков¹⁵⁰ имеет вид свободной кофты с воротником-стойкой, зауженными к запястью рукавами-буфами, с отделкой хлопчатобумажным кружевом белого цвета.

Очень интересно представлены в собрании одежды южной Карелии женские праздничные головные уборы – повойники, происходящие из Пряжинского района.

Один из них сшит из тафты ярко-зеленого цвета¹⁵¹, другой – из черной саржи¹⁵², третий – из розового поплина¹⁵³, четвертый – из красного сатина¹⁵⁴. Нижний край повойников обшит полосой ткани или хлопчатобумажной тесьмой. Сзади пришиты тесемки или ленточки, при помощи которых повойник фиксировался на голове. Будничный повойник представлен одной единицей хранения. Он связан крючком из шерстяных ниток темно-зеленого цвета. Происходит из Березовой Сельги Олонецкого района¹⁵⁵.

К женским праздничным головным уборам относятся также шерстяные и шелковые платки и шали фабричного производства (7 единиц хранения). Кашемировый платок с цветочным узором, черный шерстяной с вышивкой черным шелком на одном из углов, шелковый коричневый с вышитым мелким цветочным узором. Среди шалей имеются две драдедамовые (черного и песочного цвета с белой полосой по краю), две шелковые и одна шерстяная с набивным узором огурцами.

Мужская одежда карел представлена в кижском собрании менее полно, чем женская. Мужских рубах имеется только две. Обе – повседневные, происходят из Пряжинского района. Одна – из пестряди (белой в мелкую синюю клетку)¹⁵⁶, другая – из серого некрашеного холста¹⁵⁷. Покрой – традиционный, из прямых кусков ткани. Пестрядинная рубаха – с косым воротом, ластовицами, без швов в плечах, на подоплеке. Разрез для головы – слева, застежка – на одну костяную пуговицу. Вторая рубаха – с разрезом по центру груди, застежка – на двух пуговицах, с ластовицами.

Мужские порты тоже традиционного покроя. Четыре единицы хранения происходят из Пряжинского района¹⁵⁸, две – из Олонецкого района¹⁵⁹. Три пары портов сшиты из шерстяного полусукна, три пары – из серого неотбелен-

¹⁵⁰ Кижы КП-1015.

¹⁵¹ Кижы КП-120/13.

¹⁵² Кижы КП-120/12.

¹⁵³ Кижы-60/2.

¹⁵⁴ Кижы КП-120/14.

¹⁵⁵ Кижы КП-399/85.

¹⁵⁶ Кижы КП-3883.

¹⁵⁷ Кижы КП -161/1.

¹⁵⁸ Кижы КП – 1889,1890,1891,35/115.

¹⁵⁹ Кижы КП – 399/78, 399/79.

ного холста. Крой всех портов традиционен. Передние части обеих штанин шьются из прямых отрезков ткани с косыми клиньями с внутренней стороны. Между штанинами спереди вшивается ластовица. Задняя часть портов шьется из нескольких подкройных частей. Все порты имеют пояс с застежкой на пуговицу. С правой стороны в верхней части бокового шва делается прореха для внутреннего кармана. Снаружи местоположение кармана отмечено манжетом шириной 1,5–2 см.

Мужские кафтаны составляют в южнокарельской коллекции 4 единицы хранения. Два из них происходят из Пряжинского района¹⁶⁰, два – из Олонецкого¹⁶¹. Они, как и женские кафтанушки, шьются из серого или коричневого полусукна. Покрой их идентичен: длинные, слегка расклешенные книзу, со вшитыми рукавами, прорезными карманами и отложным воротником, однобортные, на трех пуговицах.

Верхняя зимняя мужская одежда представлена шубой из Олонецкого района. Шуба крыта серым домашнего изготовления сукном. Силуэт слегка приталенный, с отложным круглым суконным воротником, с прорезными карманами и вшивными рукавами. Спинка – из двух частей. На поясице – хлястик с одной пуговицей.

Из традиционных вязаных шерстяных карельских вещей в музее хранятся три рукавицы, связанные одной спицей из серой овечьей шерсти¹⁶² и одна пара связанных одной спицей носков без пятки¹⁶³. Одна пара носков и одна пара рукавиц – новodelы, выполненные на заказ музея¹⁶⁴.

---

¹⁶⁰ Кижы КП – 216/6; 35/116.

¹⁶¹ Кижы КП – 319/156; 319/155.

¹⁶² Кижы КП – 5052; 5051.

¹⁶³ Кижы КП – 5050.

¹⁶⁴ Кп-2004/1,2; Кп-2005/1,2.

ПЛАНИРОВКА И ПОСТРОЙКИ УСАДЬБЫ ЕЛИЗАРОВЫХ В ДЕРЕВНЕ ПОТАНЕВЩИНА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ в.

Дом братьев Константина и Григория Алексеевичей Елизаровых, без сомнения, является одной из «архитектурных жемчужин» основной экспозиции музея-заповедника «Кижь» (рис. 1). Перевезённый в 1961 г. на о. Кижь из д. Потаневщина на Большом Клименецком острове (в 2 км южнее о. Кижь), дом Елизаровых в настоящее время окружён воссоздаваемой усадьбой, включающей баню и огород за хозяйственной частью дома («на задворках»).

Рис. 1. Дом Елизарова. Современный вид

Восстановление подлинного облика усадьбы братьев Елизаровых в музее-заповеднике «Кижы», по нашему мнению, представляет большой научно-экспозиционный интерес, прежде всего, в плане воплощения в реальность разработок по планировке крестьянских усадеб Заонежья, к традиционному хозяйству и малым архитектурным формам. Кроме того, в результате реконструкции усадьбы Елизаровых, восстановления всех её хозяйственных построек, сети тропинок между ними, самого микроландшафта усадьбы значительная часть музейной экспозиции приобрела бы вид обжитой деревни, привлекательной для посетителей добротного крестьянского хозяйства заонежанина.

Рис. 2. К. К. Семёнова (Елизарова), Петрозаводск, 2005 г.

Подробным устройством бывлой усадьбы Елизаровых в д. Потаневщина (которую иногда ошибочно называют Серёдкой) мы заинтересовались в 2005 г. В 2005–2008 гг. были записаны пять бесед с единственной ныне здравствующей дочерью К. А. Елизарова Клавдией Константиновной Семёновой (Елизаровой) (1926 г. р.) (рис. 2), в ходе которых прояснены многие вопросы, касающиеся планировки и внешнего вида строений усадьбы,

их внутреннего устройства, взаимного расположения, изгородей, тропинок и пр.¹ Для выяснения этих подробностей мы воспользовались разработанным нами методом «совместного рисунка», когда исследователь выполняет рисунок интересующего его объекта по описанию и в присутствии информанта, следуя его поправкам к получающемуся изображению. Эти рисунки приводятся в данной статье. Также были использованы записи бесед с Анной Константиновной Елизаровой (1918–2001) (рис. 3) и К. К. Семёновой, хранящиеся в научном архиве музея «Кижь»².

Рис. 3. А. К. Елизарова (1918–2001) показывает прядение шерсти на старинной прялке, 1980-е гг.

Кроме того, в июне 2005 г., для того чтобы составить подробную схему расположения построек, были выполнены натурные обмеры следов прежней усадьбы Елизаровых в самой д. Потаневщина (рис. 4). Приводимые схемы усадьбы Елизаровых в д. Потаневщина дают представление о её планировке, но, конечно, являются приблизительными.

¹ Материалы хранятся в личном архиве автора.

² НАМЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1613. Л. 20об, 21; Д. 1616. Л. 26, 26об., 27. (Экспедиционные дневники С. В. Воробьевой); Ф. 1. Оп. 4. Д. 98. Л. 2–5, 16. (Экспедиционные записи С. В. Воробьевой, Ж. В. Гвоздевой.)

Схема обнаруженных следов усадьбы
Елизаровых, дер. Потаневщина,
М 1 : 500

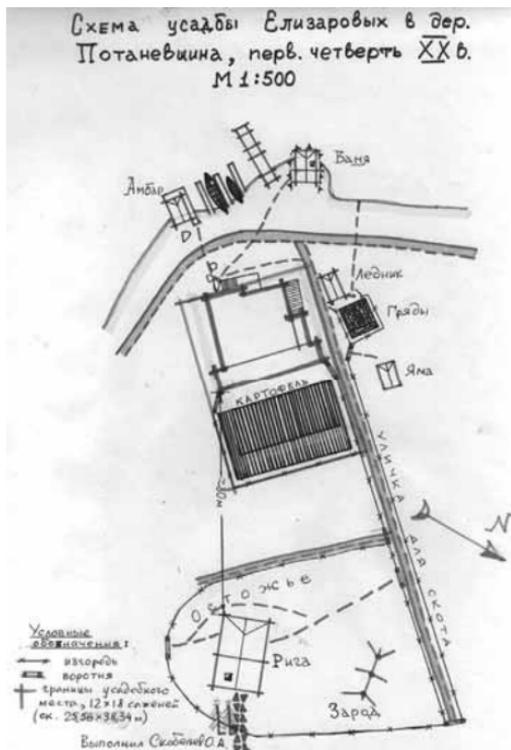

Рис. 4. Схема следов усадьбы Елизаровых в д. Потаневщина, ситуация на июнь 2005 г. Надо учесть, что до строительства ГЭС на Свири уровень Онежского озера был примерно на 1 м ниже современного. Прежняя линия берега была удалена от современной примерно на 5 м

Краткое описание усадьбы Елизаровых (рис. 5). Дом Елизаровых стоял на берегу пролива, недалеко от воды, так, что в год с высоким уровнем воды привязывали лодки к крыльцу. Фасад, выходящий на озеро, был обращён на юго-запад.

За хлебами, «на задворках», в 4–5 м от стены, начинался картофельный огород, видимо, до коллективизации укладывающийся в средние стандартные размеры отводимых усадеб – 12 x 18 сажень³, то есть 25,56 x 38,34 м. Таким образом, примерные размеры огорода равнялись 14 x 23 м (322 кв.м). С северо-западной стороны огорода находился огороженный с двух сторон косой изгородью проход («уличка») для выгона скота шириной три метра. Сам картофельный огород с остальных трёх сторон был огорожен, скорее всего, прямой изгородью в шесть жердей. Вход на огород был в виде столбовой воротни – двух столбов с отверстиями и жердями «раздергушами». Пахали огород вверх по склону, от озера.

³ Сажень – 2,13 м.

Рис. 5. План-схема усадьбы Елизаровых первой четверти XX в.

Точная длина «улички» для скота и расстояние от дома до риги неизвестны. Примерно от восточной стены дома до западной стены риги было расстояние 80 м. Размеры остоя и зародов, взаимное расположение их и риги также приблизительно

На берегу, против южного угла дома, находился двухэтажный «двухширный» (с двумя дверями, на двух хозяев) амбар размерами, судя по остаткам каменного «ржяка», на котором он стоял, около 3,5 x 5 м по осям. Этот амбар, по имеющимся сведениям, в своё время планировали установить в усадьбе Елизаровых, и он был обмерян, сведениями о месте нахождения обмерных чертежей мы не располагаем. Половина амбара стояла «на воде», половина – «на горе» (на берегу). К северо-западу и юго-западу к стенам амбара примыкала пристань в форме буквы «Г».

Севернее амбара на берегу находилась небольшая пристань «в четыре досочки», использовавшаяся для хозяйственных нужд. За нею, дальше к северу, ещё две «скодни» («небольшенькие пристанюшечки»), у которых ставили лодки. Лодок было две: двухпарусная длиной 7–8 м и однопарусная длиной 5–6 м.

Далее к северу находилась большая пристань, имевшая настил около 1,5 м в ширину и 12 м в длину. Севернее этой пристани располагалась баня, западная стена которой была «на воде», а остальная часть – на берегу, на основании, выложенном из камня.

С северо-западной стороны дома находился ледник, за ледником, с северо-восточной его стороны, располагался огород («гряды»). Выше гряд – картофельная яма. Между ямой и огородом проходила «уличка» для скота. Огород был огорожен прямой изгородью, выход был в сторону озера, задёргивался жердями.

«Уличка» для выгона скота шла от дома на северо-восток и заканчивалась, по одним сведениям, «западницей», то есть одностворчатые ворота на двух столбах, верхнюю петлю которых заменяло кольцо из толстой берёзовой ветки, а роль нижней выполнял чурбан с круглым отверстием в середине; по другим сведениям – столбовой воротней с раздергушами. С юго-восточной стороны к улочке примыкало «остожье» – рига («ригача») со стоящими невдалеке зародами (вешалами) для сушки снопов, огороженная вместе с ними изгородью. Изгородь эта была местами прямая, а где и косая. Проезд сквозь остожье был сквозной, через две столбовых воротни, заволакивающих жердями. Вдоль стороны остожья, обращённой к дому, проходила дорога. Общая длина «улички» была около 100 м. Между остожьем и огородом усадьбы были хлебные поля.

Дом Елизаровых (рис. 6) был самым крайним к северу домом в д. Потаневщина. Вероятно, не стоит останавливаться на его архитектурных характеристиках, по поводу которых имеется специальная литература⁴, но, думается, будет небезынтересно рассказать о выявленных особенностях его истории, обстановки, обустройства и жизни обитателей.

По семейному преданию, рассказанному бабушкой дочерей Елизаровых, Татьяной, ещё примерно в 1870 г. дом этот уже «был старым». Также бабушка Татьяна рассказывала, что дом в старину горел и его достраивали заново.

Крыша на доме была тесовая; несмотря на большой вес, примерно в 1935–1936 гг. сильным западным ветром её сорвало с дома и унесло на восток, примерно на 80 м.

---

⁴ См., например: Ополонников А. В. Русское деревянное зодчество: гражданское зодчество. М., 1983. С. 81–87; Яскеляйнен А. Т. Памятники архитектуры музея «Кижь» в контексте народной культуры Заонежья (дом Ошевнева и дом Елизарова) // Кижский вестник. Петрозаводск, 1994. Вып. 4. С. 124–133; Вахрамеева Т. И. Дом Елизарова в экспозиции музея-заповедника «Кижь» – облик исторический и музеефицированный // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 211–224.

Рис. 6. Дом Елизаровых в д. Потаневщина, 1950-е гг. «Езд» (взвоз) на сарай дома утрачен и дорога к нему перекрыта прямой изгородью

До 1927–1928 гг. в жилой избе дома («в фатере») была печь, топившаяся по-чёрному, то есть изба была курной. Сама печь была большая, на ней могли спать шесть человек. Позже на чёрную печь сделали «колпак» и выложили трубу, и печь стала топиться по-белому.

Интересно также, что в избе были устроены полаты, на которые можно было забраться с печи. Потолок, как и обычно в курных избах, был очень высоким; весьма вероятно, что при переборке дома был потерян, по крайней мере, один венец над окнами. Вследствие этого потолок в настоящее время в доме ниже, чем был прежде, и полки-воронцы расположены ниже прежнего. Сами же окна были прорублены очень невысоко относительно пола.

У печи, в заднем углу, находился большой стол-курятник, в котором в холодное зимнее время держали до восьми кур и петуха. Летом куры на ночь устраивались на насесте («седале»), устроенном для них во дворе; неслись же в гнёзда, которые вили себе сами.

Подполье также было высоким, там ходили в полный рост. В подполье был установлен жёрнов, каменная ручная мельница для помола муки, что является интересной чертой быта.

К. А. Елизаров много рыбачил, как говорили о нём дочери – «в основном у нас отец рыбак был. Хозяиственный и рыбак». Высокий потолок избы позволял сушить в ней керегоды (большие неводы) и сети. На сарае стояли бочки с солёной рыбой.

Обращает на себя внимание то, что общепринятые термины «гульбище» – применительно к узкой открытой галерее вокруг жилой части дома – и «балкон» (на фасаде под крышей) К. К. Семёновой не употребляются; и гульбище и балкон она называет «выходами» – «выходы такие были сделаны». Горницу, расположенную на сарае дома, она на-

зывает «дворовой горницей» и вспоминает, что первоначально в ней была сделана печь-лежанка; когда же братья Константин и Григорий разделились, печь эту переделали на русскую, чтобы можно было в ней готовить.

Баня у Елизаровых «была хорошая, большая» (рис. 7, 8). Стояла на основании, выложенном из камня, на небольшом мыске. Юго-западная стена бани была «на воды», основная часть сруба – на берегу. Размеры бани примерно 4 x 6 м по осям. Имела предбанник («привылеток») и мыльное помещение. Крышу имела тесовую двускатную симметричную, вероятно, по курицам и потокам, на рубленном «щепце» (фронтоне). На «вышке» (чердаке) были маленькие окошечки с двух сторон, в мыльное окно «нормальных» размеров на южную сторону.

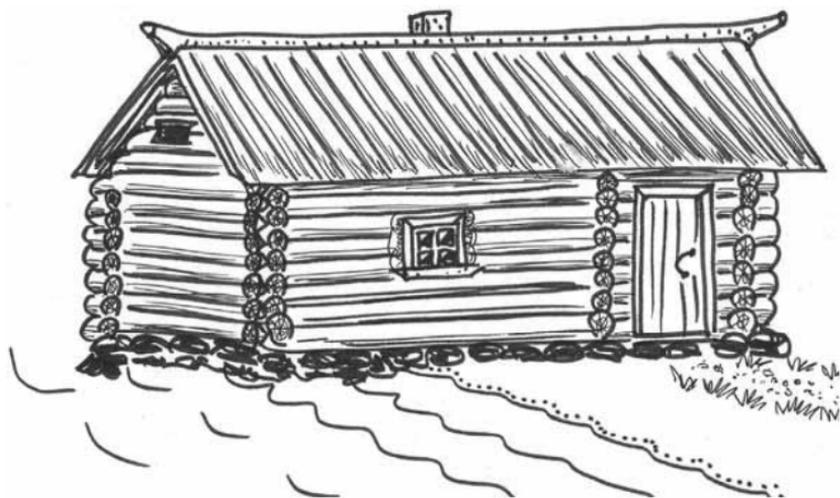

Рис. 7. Вид бани Елизаровых с юга

Мостков у бани не было, вход был «прямо так», входная дверь по середине короткой юго-восточной стены предбанника. Дверь из предбанника в мыльню смещена к юго-восточной стене, печь-каменка в северном углу мыльни, на некотором удалении от стен, в каменку вделан котёл. Полок шёл вдоль северо-западной стены мыльни и занимал западный угол, вдоль юго-восточной и юго-западной стен, «углом» стояли лавки. Также в бане находились ковши, ушаты под холодную воду и, вероятно, деревянные шайки (до начала использования металлических тазов). Судя по всему, котёл, на памяти информантов, был уже довольно большой, так как о нагревании воды в ушатах камнями они не упоминают.

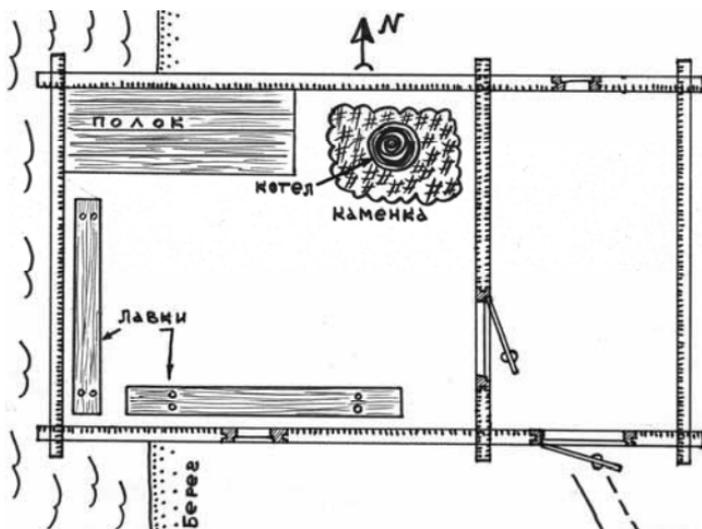

Рис. 8. План бани Елизаровых

Амбар (рис. 9, 10). По вышеприведённым сведениям, существовали обмеры этого амбара, сделанные, вероятно, А. В. Ополовниковым, по проекту которого был отреставрирован дом Елизаровых. Неизвестно, почему амбар в своё время не был установлен возле дома, но представляется очевидным, что для восстановления облика усадьбы было бы полезным найти эти чертежи.

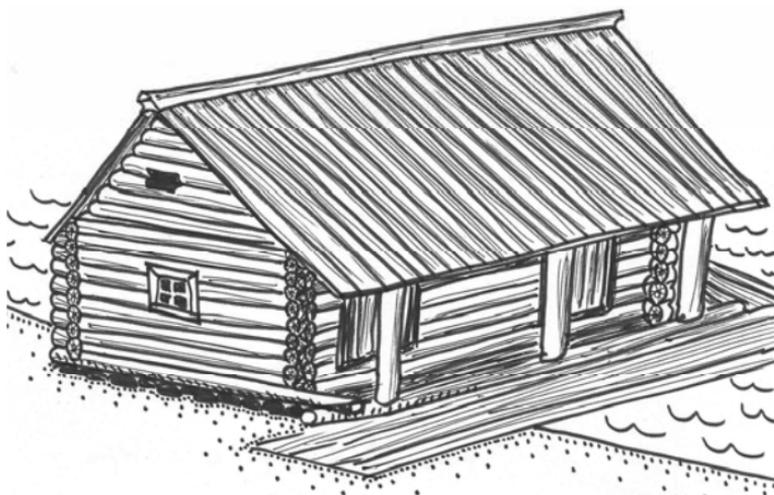

Рис. 9. Амбар Елизаровых, вид с севера

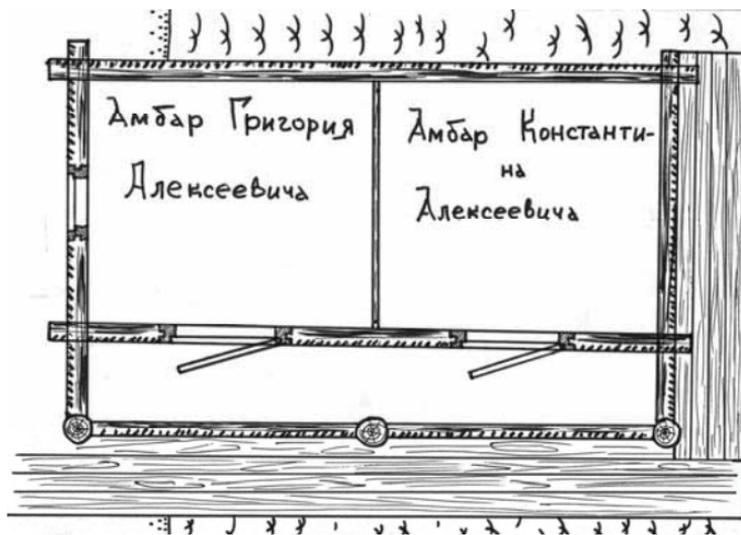

Рис. 10. Виды амбара Елизаровых и его план.
Вверху слева – рисунок К. К. Семёновой

По описаниям информантов можно заключить следующее. Амбар представлял собой четырёхугольный сруб с асимметричной тесовой крышей. Размеры сруба не менее 3,5 x 5 м по осям. На южную сторону была собственно клеть, на северную сторону – навес, опирающийся на три столба. Вверху, под крышей, столбы соединялись бревном, лежащим, вероятно, на выпусках рубленого «щепца» (фронтона). Внутри клеть амбара была разделена надвое дощатой перегородкой. Половина, которая ближе к берегу, была за Григорием Алексеевичем, а та, которая в озеро, – за Константином Алексеевичем. Внутри имелись лесенки на второй этаж, «на подволоку». Под навесом, на северную сторону, были две двери, каждая вела в одну из половин амбара.

Сруб был довольно высоким, так как внутри амбар был двухэтажным и, по воспоминаниям дочерей, их отец, К. А. Елизаров, будучи мужчиной среднего роста, свободно, не пригибаясь, в нём везде ходил.

И вверху, и внизу стояли лари, муку держали на нижнем этаже, зерно – на верхнем («на подволоке»).

Под навесом, с северо-западной стороны, с берега шла пристань, выходившая в озеро дальше сруба амбара и шедшая ещё и вдоль юго-западной стены.

Ледник (рис. 11–13). Судя по оставшейся на месте ледника яме, его размеры были примерно 3 x 5 м по осям. По описаниям, это был сруб в 4–5 венцов, с рублеными фронтонами («щепцами») высотой от

земли до конька крыши в рост человека (около 1,7 м). Крыша была тесовая двускатная. С юго-западной стороны, на озеро, были довольно широкие двойные двери на петлях. И крыша и двери были плотные, добротно сделанные.

Под срубом была вырыта яма, стенки ямы обшиты досками. Весной, чаще всего в апреле, яму забивали практически доверху пластами озёрного льда, скатывая их в двери по доскам. Лёд укрывали сверху болотиной (осокой) или соломой. Лесенки вниз не было, льда было столько, что становились прямо на лёд, на него же ставили продукты. Тепловой тамбур между двумя дверями забивали также болотиной или соломой; кроме того, закрывали соломой двери снаружи – от солнца. Льду хватало до поздней осени.

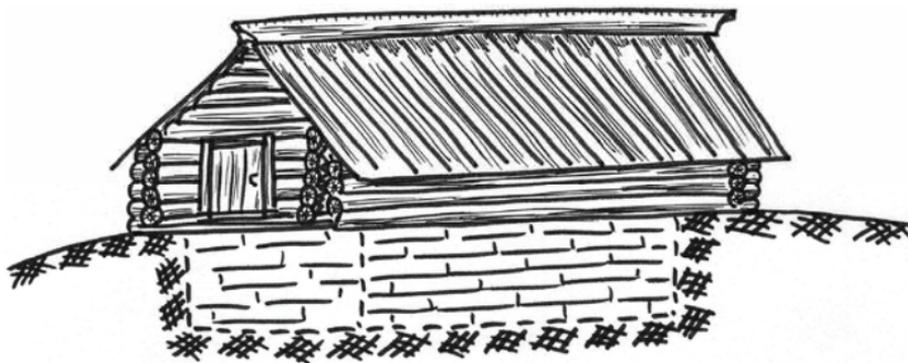

Рис. 11. Ледник Елизаровых, вид с юга

Рис. 12. Колхозный ледник в Воробьях, 2008 г.

Рис. 13. Яма для льда внутри колхозного ледника. По своему устройству ледник в соседней д. Воробыи аналогичен леднику Елизаровых в Потаневщине

Картофельная яма (рис. 14–16) располагалась на склоне повыше гряд, люк выходил на озеро, на юго-запад. Яма была большая, в неё помещалось 5 тонн картошки (более 150 мешков). Яма имела двускатную симметричную тесовую крышу, опирающуюся на бревенчатый засыпной потолок. На потолок стелили утеплитель (болотину, сено, солому) и засыпали его сверху землёй. С боков яма присыпалась землёй, могли для утепления на яму сыпать льняную костницу – она стойкая к гниению.

Рис. 14. Картофельная яма братьев Исаковых близ д. Зубово, 2004 г.

Рис. 15. «Тепловой тамбур» ямы, в который между двумя люками забивается утеплитель (сено)

Рис. 16. Внутреннее холодное помещение ямы, обшитое досками

Фронтоны, скорее всего, были дощатыми. Вход закрывался приставным люком, который от солнечного излучения, вероятно, также

прикрывали снаружи болотиной или худым сеном. За внешним люком, скорее всего, следовал тепловой тамбур с обшитыми стенками, заглублённый в землю, который заканчивался вторым, внутренним, люком. За вторым люком находилась собственно холодная яма. Изнутри яма не была обшита досками, но для хранения картошки были сделаны специальные отсеки («засеки»). Было четыре «засеки»: мелкая картошка, для скотины – поближе к выходу, потом средняя, а дальше всего от выхода крупная; в отдельную «засеку» засыпали семенную картошку.

Лаз между двумя люками, где ходили, забивали болотиной или соломой.

Рига («ригача») у Елизаровых была своя, довольно просторная, состояла из двух частей: собственно риги (или овина, или сушилки) и гумна, где проводился обмолот (рис. 17а, б). Интересно, что овином К. К. Семёнова называет помещение для сушки снопов, а гумном – помещение для обмолота; всё строение при этом называет ригой или ригой с гумном. Рига представляла собой большой сруб размером 9 x 14 м, разделённый перерубом на две неравные части: гумно было значительно больше (примерно 8 x 9 м), а рига-сушильная – меньше (примерно 6 x 9 м). Сушилка была обращена на северо-восток, имела три глухие наружные стены и одну дверь во внутренней стене, выходящую в гумно. Она имела дощатый потолок высотой 3–3,5 м (позволявший ставить на просушку стоймя два ряда ржаных снопов), передвижные жерди-колосники и печь-каменку. Каменка находилась ближе к восточному углу. Над каменкой в потолке было сделано волоковое отверстие с деревянной задвижкой и над ним, сквозь крышу, выведена дощатая труба-дымник. Обращает на себя внимание то, что в сушилке не было ни двери на улицу, ни каких-либо оконцев.

Гумно имело три двери – по одной во всех стенах, кроме юго-западной стены. Вход был в северо-западной стене, напротив него, в юго-восточной стене, была такая же дверь для выбрасывания наружу обмолоченной соломы. Третья дверь, в северо-восточной стене, вела в сушилку; в неё подавали сырые снопы для сушки и из неё – высушенные снопы для обмолота. Гумно не имело потолка. Цепы («пригузы»), совки, лопаты, мётлы, грабли, грёбла и пр. хранились тут же в гумне – на крюках на стенах или ставились по углам.

Крыша у ригачи была тесовая, двускатная симметричная, скорее всего, по курицам и потокам.

Недалеко от риги, примерно в 20 м к северу, стояли зароды, состоявшие из трёх столбов высотой более 5 м.

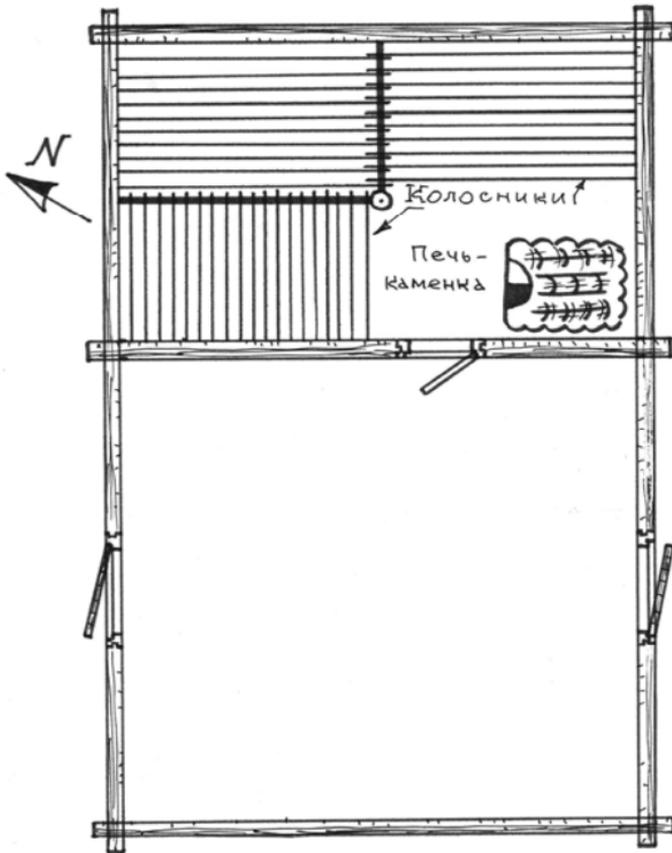
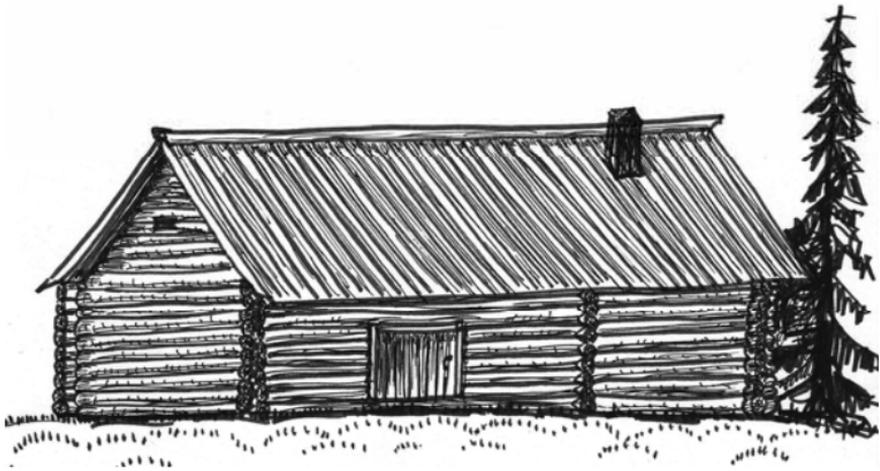

Рис. 17. Рига Елизаровых. Вверху – вид с юга

Таковы сведения об усадьбе братьев Елизаровых. Конечно, облик усадьбы к 1930-м гг. в сравнении с началом XX в. изменился, но, вероятно, не так уж сильно – по крайней мере, все постройки оставались на своих местах и если некоторые из них и заменили новыми, то по образцу старых (рис. 18). Скорее всего, поновления могли коснуться построек, заглублённых в землю, – ямы и ледника, зародов, а также бани – как менее долговечных. В бане, безусловно, была изменена печь-каменка и появился большой котёл для воды; были забыты бучильные камни, которыми прежде согревали воду для мытья. Амбар и рига, скорее всего, сохранились неизменными.

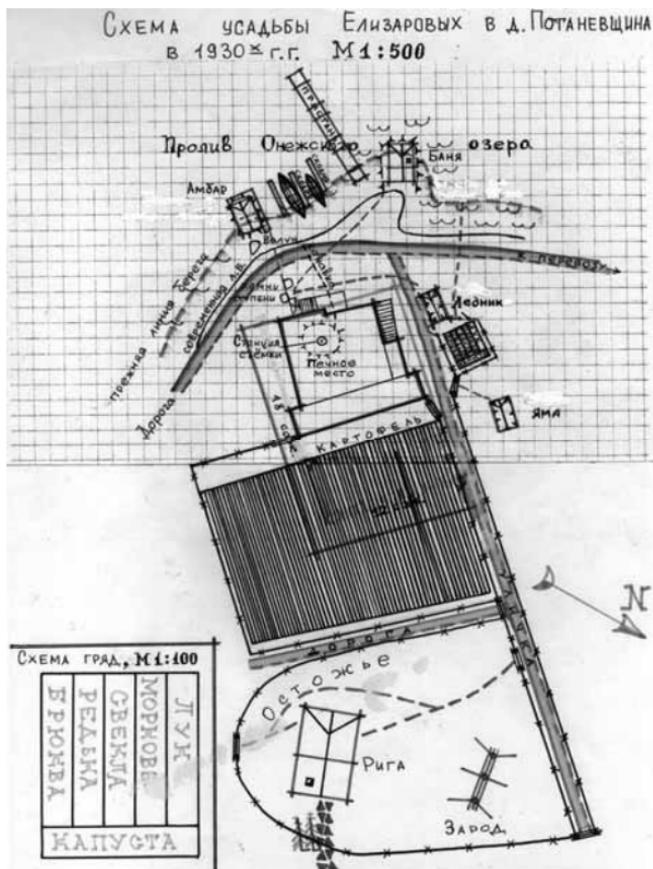
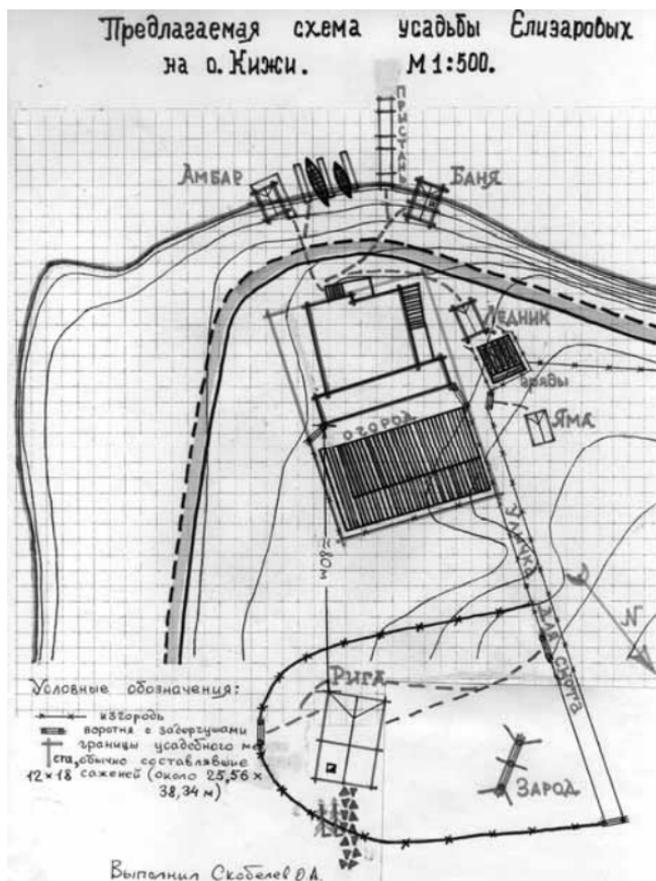

Рис. 18. План-схема усадьбы Елизаровых в 1930-х гг.

Изменения, связанные с коллективизацией, коснулись размеров усадебного огорода и пристани: резко увеличилась площадь картофельного поля и пристани (для выгрузки колхозных тракторов)

Со значительной степенью уверенности можно утверждать, что большая пристань усадьбы, «на которую выгружали трактора», была удлинена и расширена во времена существования колхоза «Вторая пятилетка»; до колхозного времени, скорее всего, пристань была короче и уже. По словам К. К. Семёновой, её отец был сначала бригадиром, а позже председателем этого колхоза и пристань была увеличена в это время.

Рис. 19. Предлагаемая схема реконструкции усадьбы Елизаровых в музее-заповеднике «Кизи»

Также можно утверждать, что картофельный огород усадьбы в начале XX в. был значительно меньше, чем стал при колхозе, так как прежде обычные размеры усадебного места 12 x 18 саженей, то есть 25,56 x 38,34 м, что равнялось почти 980 кв. м. Огород при доме не дол-

жен был выходить за эти границы. При колхозах же каждому колхознику отводили земельный участок в размере 2500 кв.м (25 соток). При этом своих хлебных полей у колхозников не стало и при скудной оплате зерном за трудодни кормиться они были вынуждены в основном с огородов, как можно более расширяя посадку картофеля, в то время как в доколхозную пору «землю под огороды мужики жалели» и старались побольше посеять хлеба.

Экспозиция склона, рельеф усадебного места и расположение дороги на о. Кизи, где сейчас находится дом Елизаровых, сходны с ситуацией усадебного места в д. Потаневщина. Предлагается произвести реконструкцию усадебного комплекса, включающего постройку амбара «на воде» с Г-образным причалом, устройство на береговой линии мостков для причаливания лодок и большой пристани (рис. 19). Также предлагается устройство ледника и картофельной ямы со стороны северо-западного фасада дома. Там же целесообразно разбить экспозиционный огород («гряды») для выращивания овощей. Вдоль северо-западного фасада предлагается оградить изгородью «уличку» для прогона скота, а к северу от дома возвести комплекс «остожье», включающий огражденные изгородью ригу и зарод.

Выполнение данных работ позволит создать достоверную этнографическую экспозицию, раскрывающую хозяйственный уклад заонежской семьи первой четверти XX в.

ЖИТЕЛИ ЗАОНЕЖСКОЙ ДЕРЕВНИ КРАСНАЯ СЕЛЬГА НА ФОТОГРАФИЯХ 1930–1980-х гг.

Данная публикация является продолжением напечатанного в «Кижском вестнике» (2014. № 14) дневника заонежского бондаря П. Т. Ананьина из д. Красная Сельга (Заонежье)¹. Введение в научный оборот этого документа, несомненно, имеет большое значение, прежде всего, для изучения хозяйственно-бытового уклада северной деревни. Дальнейшая исследовательская работа по «Дневнику» позволила собрать важный в этнографическом отношении фотографический материал: это жители данной деревни, люди, окружавшие нашего «бытописателя», с которыми он соседствовал, общался, некоторые из них упоминаются в его «Дневнике». Я поставил себе задачу найти фотографии всех обитателей Красной Сельги, хотя и понимал, что она едва ли выполнима – репрессии, война, оккупация, послевоенная разруха, нищета, миграционные процессы, разрушение родственных связей – все это, на мой взгляд, не должно было способствовать успеху. Не было уже и следа самой деревни, но оставались потомки ее насельников – внуки и правнуки, родственники, судьба которых разбросала по белу свету...²

Все-таки патриотизм – понятие не отвлеченное. Память о своей малой Родине сохраняется едва ли не на «генетическом уровне», «любовь к отеческим гробам» живет и стучит в сердце. Совершенно бескорыстно на помощь мне пришли люди исчезнувшей в пучине истории Красной Сельги – Вален-

---

¹ Ершов В. П. О дневнике заонежского бондаря // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 3–16.

² Актуальность данной статьи, помимо указанной автором, определяется тем обстоятельством, что из д. Красная Сельга (другой вариант названия – Грязная Сельга) происходят два памятника архитектуры, входящие в состав архитектурно-этнографической экспозиции д. Ямка на острове Кижы – дома Ананьина (Ананьева) и Березкиной. В статье приводится информация о составе семей владельцев домов, а также фотографии членов семей (прим. ред.).

позволяющий проникнуть в жизнь деревни, увидеть лицо времени, «образы времени»: одежды, прически, в каких домах жили, отношения людей, связь поколений, количество детей в семье, благополучие или бедность, трудовые будни людей, по выражению Е. Ю. Дубровской, «семейный культурный опыт»⁶, это «достоверная зрительная информация»⁷. И не только – это еще и социальная психология: с фотографий на нас смотрят простые гостеприимные люди – открытые и добрые, улыбчивые, веселые, смущенные, удивленные, влюбленные, иногда хмурые, напряженные...

Сложилась определенная канона любительских фотографий (см. об этом «Историческое краеведение в Карелии»⁸). Эти визуальные артефакты способствуют сохранению памяти о своей «ушедшей в историю» малой Родине, являются своего рода меморатами для нового поколения. Они, безусловно, несут воспитательную функцию. И как обидно видеть выброшенные на помойку семейные альбомы! Но это уже примета нашего безвременья. Между тем фотографии позволяют «реконструировать жизнь локального сообщества», это, по выражению О. Р. Николаева, «наивная герменевтика», позволяющая «восстановить систему деревенских репутаций», «жизненные траектории» местных жителей», «услышать» деревенские предания»⁹. К сожалению, в нашей коллекции мало фотографий домов, этих «родовых гнезд» Федосковых, Корзиных, Сафоновых, Губиных. Они, видимо, утрачены навсегда, хотя два дома – Березкиной и Ананьева – продолжают жизнь на о. Кижы, в экспозиционной деревне Ямка, что характеризует деревню как неординарный населенный пункт Заонежья.

Деревня Красная Сельга, как и многие другие в Заонежье, обозначена на современных топографических картах как «развалины». В настоящее время нет уже и развалин, ничто не говорит, что здесь когда-то жили люди, сеяли хлеб, ремонтировали дороги, ездили на лошадях, ловили рыбу, кипела умственная и культурная жизнь... Благодаря фотографиям жителей этой деревни – Федосковых, Березкиной, Балахоновых, Ларюшкиной, Губиной и, конечно, Ананьиной (Голицыной) – мы можем в какой-то мере увидеть, восстановить «жизнь деревни», почувствовать общность судеб этих людей, «переживших время», это «встреча со временем», своего

⁶ Дубровская Е. Ю. «Общее время» и «общность судеб» водлозеров – односельчан и родственников: традиции формирования памяти семьи // Особо охраняемые природные территории в XXI в.: современное состояние и перспективы развития. Петрозаводск, 2011. С. 360.

⁷ Тарасова Т. Г. Указ. соч. С. 146.

⁸ Историческое краеведение в Карелии: Учеб. пособие / Под ред. Л. Н. Юсуповой. Петрозаводск, 2012. С. 69–72.

⁹ Николаев О. Р. Школьная фотография как историко-этнографический источник (на материале семейных фотоархивов Кондопожского района Республики Карелия) // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Петрозаводск, 2011. С. 121.

рода мост между прошлым и будущим, «бумажная машина времени», способная перенести современное поколение в жизнь их совсем недавних предков. Интересно, что сами люди понимали, фотография – лишь иллюзия жизни, ее тень: «Хотя нея (не я. – В. Е.) но тень моя», – пишет даритель на обороте своей фотографии.

Смотреть эти фотографии – одно удовольствие. Любительская фотосъемка имеет свои неоспоримые преимущества: она как бы выхватывает из жизни момент бытия и запечатлевает его навсегда. Эти фотографии значительно отличались от стендовых, постановочных, которые делались профессионалами в фотопавильонах, профессиональной техникой, со сказочными интерьерами, тисненными паспарту. Таких фотографий в фотоархиве кижского музея довольно много. К посещению городских фотоателье специально готовились, надевали лучшие одежды, принимали надуманные позы и соответствующие выражения лица. К любительским съемкам не готовились, не одевались специально: как сидели на скамейке у дома или только-только отошли от печи, так их и сфотографировал деревенский «специалист» или заезжий гость с фотоаппаратом. В крайнем случае, повесит зачем-то простыню или одеяло, чтобы создать фон. Это наивная попытка как-то изменить обыденность, создать видимость фотоателье, хотя простыня висит криво, со складками... Неважно! Фотограф следует известному образцу, канону. Так делают все фотографы, чтобы создать видимость какой-то новой реальности. И люди перед камерой старались выйти из обыденности: надевали новые сапоги или накидывали платок на голову, оставаясь в домашнем платье, кофте или сарафане, картинно клали руки на плечи друг друга, демонстрируя определенные отношения... Вообще эстетика деревенской фотографии еще не изученное явление.

Поводы для фотографии были разные: свадьбы, праздники, приезд из города детей или отъезд на учебу, и просто – приехал «фотограф» и грех не воспользоваться моментом, чтобы сфотографироваться с друзьями, соседями или всей семьей, сохранить визуальную память о своих пожилых родителях. Мне это знакомо по детству: в 1950-х гг. я с фотоаппаратом «Фотокор» ходил по мордовским деревням и фотографировал крестьян. Так я зарабатывал себе на ботинки или новую рубашку. Возможно, где-то еще живы мои любительские фотографии в альбомах уже внуков или правнуков моих мордовских клиентов.

Домашние фотографии интересны еще и потому, что на обороте иногда встречаются традиционные для определенного времени дарственные записи: в них мы видим проявление любви: «Буду помнить вечно и любить тебя, но и ты, конечно, не забудь меня», теплых родственных отношений, конкретный материал для диалектолога. Т. Г. Тарасова

права: «Надписи на фотографиях, нанесенные рукой их владельца, являются одним из источников по изучению истории крестьянских родов... позволяют более полно и точно выполнить атрибуцию... определить, кто изображен, когда, где, установить некоторые биографические сведения и т. д.»¹⁰.

Тяжело смотреть на фотографии, на обороте которых короткие записи – «репрессирован». А с фотографии смотрит на вас молодой мужчина, в расцвете сил, который мог бы еще много пользы принести Родине, вырастить детей... Остались вдовы с детьми «врагов народа». И может быть, не было бы тогда такого запустения деревень! Например, Александра Дмитриевна Сафонова (Губина), жена репрессированного Федора Степановича Сафонова, осталась с четырьмя детьми на руках, младшей из которых не было еще и года. На руках Анны Дмитриевны Корзиной – 6 детей.

На обороте фотографии Василия Дмитриевича и Пелагеи Дмитриевны Сафоновых запись фотографа: «Мужчина, сделать галстук» и номер заказа. Это должно обозначать, что фотографу был сделан заказ на изготовление парадного портрета Василия Дмитриевича. На обороте другой фотографии: «35 (номер заказа. – В. Е.), бюст, отнять руку, белый ворот». Тоже все понятно – на любительской фотографии 1956г., 6х6 пожилая женщина за столом, облокотилась на руку. Фотограф должен сделать погрудной портрет, для чего надо убрать все лишнее (руку – в данном случае) и пририсовать белый воротник. Фотограф должен быть еще и художником, он рисует пиджак, воротник, галстук, все это переснимает и портрет готов! Такие портреты родителей нередко можно было увидеть в деревенских избах. Такова была эстетика быта довоенных и послевоенных годов.

В объектив любительских камер нередко попадали некоторые элементы интерьеров изб: фотографии на стене, мебель, вышивки, занавески, цветы, литографии с картин. Вот девочка лет десяти прилежно пишет в тетради ученической ручкой, рядом чернильница-непроливашка (учебные реалии вплоть до 1960-х гг.!), раскрытый учебник, ваза с цветами (фотография начала 1950-х гг.). Деревенские фотографии не предназначались для «чужих глаз», для публикации. У них была совсем иная функция – сохранить память о своих близких, родных, друзьях или выразить свои чувства и отношения через текст на обороте. Это сейчас, по происшествии многих лет мы смотрим на эти фотографии как на исторические документы и публикуем их. Для нас важны все «мелочи» того времени – средства передвижения, тип лодки, машины, дома, детали одежды, производственные процессы и т. д.

¹⁰ Тарасова Т. Г. Указ. соч. С. 164.

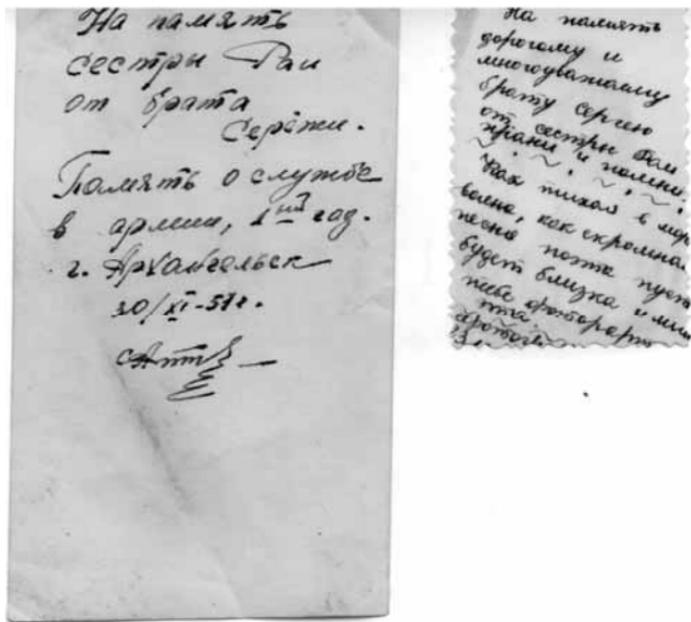

Рис. 2, 3. Дарственные надписи Ананьиных: сестры Раисы брату Сергею и Сергею Раисе. 1951 г. (Фото из личного архива Р. Д. Ананьиной (Голицыной))

Нередко на обороте встречаются забавные дарственные надписи, это чаще всего какие-то простенькие стишки, отражающие чувства дарителя. Таких меморатов в нашем приложении достаточно: «На память дорогому, многоуважаемому брату Сергею от сестры Раи, храни и помни: “Как тихая в море волна, как скромная песня поэта, пусть будет близка и мила тебе фотография эта” (дарственная надпись на фотографии Раи (Раисы Дмитриевны Ананьиной (Голицыной) Сергею, 1951г.) (рис. 2, 3). На обороте фотографии Ивана Васильевича Сафонова жене Наташе из армии: «На память Наташе фото от Вани. Буду помнить вечно и любить тебя, но и ты, конечно, не забудь меня. Хотя не я, но тень моя. Сафонов Иван Васильевич, 23 г.»¹¹. Еще одна его фотография с дарственной надписью на обороте жене: «На память жене Наташе от мужа Вани. Дарю... помни меня... Если любишь, то храни, а не любишь, то порви. Высылаю фото из армии...». Ответ – надпись на обороте фотографии мужу Ивану от жены Наташи: «Буду помнить вечно и любить тебя, но и ты конечно не забудь меня. На память дорогому мужу Ванечке от жены Наташи. Ежели любишь, то храни, а ни любишь, то сразу порви. 27 июля, 1955 г.». Дарственная надпись Сафонова Евгения Васильевича

¹¹ Здесь и далее орфография и пунктуация исправлены.

брату Ивану 26 июня 1958 г.: «Помни Иван брата Женю, не забывай о нем, я тебя не забываю ни вечером, ни днем». Еще одна армейская фотография его (Евгения Васильевича) брату Ивану 30 июля 1959 г.: «На память дарю тебе фото мое. Вспомнишь – спасибо, забудешь – не диво. На свете бывает не то».

Приложение

Сведения о составе семей и фотографии жителей д. Красная Сельга

Дом В. Ф. Корзина

Находился рядом с часовней между двух дорог. Хозяин – Василий Федорович Корзин (1889–1938 гг.), репрессирован в 1938 г. Его жена – Анна Дмитриевна. Дети: Лидия, Вера, Любовь, Таисия, Анатолий, Валентина (1933 г. р.).

Дом Ф. С. Сафонова

Находился через дорогу. Хозяин – Федор Степанович Сафонов (1900–1938 гг.), бондарь, репрессирован в 1938 г. Его жена – Александра Дмитриевна (Губина) (1896 г. р.) – старшая дочь жителя д. Красная Сельга Дмитрия Губина. Их дети:

1. Вера Федоровна (Красильникова) (1930 г. р.), была замужем за Павлом Федоровичем Красильниковым (1928 г. р.) из д. Костино. Их дети: Евгений (1949 г. р.), Александр 1951 (г. р.), Людмила 1953 (г. р.), Николай (1955 г. р.), Тамара (1957 г. р.), Иван (1958 г. р.), Ольга (1960 г. р.)

Рис. 4. Жители д. Красная Сельга Павел Федорович Красильников, его жена Вера Федоровна (Сафонова) и сын Евгений. Фото 1949 г. (Из архива семьи Сафоновых)

2. Иван Федорович (1936 г. р.). Его жена – Маргарита Дмитриевна (1938 г. р.). Дети: Сергей (1958 г. р.), Михаил (1963 г. р.).

3. Ольга Федоровна (Чеблукова) (1938 г. р.), доярка. Муж – Владимир Павлович Чеблуков (1939 г. р.) (д. Вехручей), шофер. Дети: Татьяна (1961 г. р.) Павел (1963 г. р.), Александр (1967 г. р.).

4. Анастасия Федоровна (Сафонова). Муж – Николай Сафонов. Имели двух сыновей: Петр Николаевич (1927 г. р.) был женат на Антонине Степановне (1928 г. р.), Федор Николаевич (1931 г. р.) женат на Анне Александровне (1926 г. р.)

Дом И. А. Федоскова (в настоящее время находится в экспозиции музея-заповедника «Кижы» под названием «дом Березкиной», по имени последней владелицы).

Хозяин – Александр Иванович Федосков (1874–1946 гг.). Жена – Прасковья Васильевна (1882 г. р.). С ними проживала сестра А. И. Федоскова – Ульяна Ивановна. Дети Федосковых:

1. Федор (1905 г. р.), погиб на фронте в феврале 1945 г.

2. Александра.

3. Владимир.

4. Клавдия (Березкина) (1925–2000 гг.), колхозница, затем пекарь, банщица, санитарка на фельдшерском пункте. Последняя владелица дома. Муж – Александр Васильевич Березкин (1924 г. р., д. Есино). Дети: Людмила (1951 г. р.), Любовь (1953 г. р.).

Рис. 5. Прасковья Васильевна Федоскова с внучкой Людой.

Фото 1951 г. (Из личного архива К. А. Березкиной)

Рис. 6. Клавдия Александровна Федоскова (Березкина) с мужем Александром Васильевичем Березкиным. Фото 1950 г. (Из личного архива Л. А. Спицкой)

Рис. 7. К. А. Березкина на сенокосе. Фото 1985 г. (Из личного архива Л. А. Спицкой)

Рис. 8. К. А. Березкина на кладбище с внуками, слева направо: Юлия Спицына, Саша Жуков, К. А. Березкина, Ольга Спицына (О. Е. Кордова, в настоящее время работает в музее-заповеднике «Кизи»), Алексей Спицын. Фото 1998 г. (Из личного архива Л. А. Спицкиной)

Рис. 9. К. А. Березкина с мужем А. В. Березкиным и детьми – Людой и Любой. Фото 1954 г. (Из личного архива Л. А. Спицкиной)

Рис. 10. Дети К. А. Березкиной – Люда (слева) и Люба (справа). В центре Толя Губин, сын П. Д. Губина. Фото 1954 г. (Из личного архива Л. А. Спицыной).

Рис. 11. К. А. Березкина на сенокосе в урочище Пески с дочерью Людмилой и внуками. Красная Сельга. Фото 1985 г. (Из личного архива Л. А. Спицыной).

*Рис. 12. Дом К. А. Березкиной в д. Красная Сельга.
Фото 1960-х гг. (Из личного архива Л. А. Спицной)*

*Рис. 13. Дом Березкиной (Федоскова) после перевозки в музей «Кижь».
Современное фото*

Рис. 14. Людмила Березкина (справа) с подругой (слева). Д. Красная Сельга.
Фото 1963 г. (Из личного архив Л. А. Спицыной)

Дом Н. М. Федоскова

Хозяин – Николай Максимович Федосков. Жена – Дарья Дмитриевна. Сын Иван Николаевич (1890 г. р.), бондарь, репрессирован в 1938 г. Жена сына – Иринья Кирилловна (1888–1959 гг.).

Дети И. Н. и И. К. Федосковых:

1. Дмитрий Иванович (1911 г. р.), бондарь, погиб на войне. Его жена – Александра Петровна (Петрова) (1918–1987 гг.), д. Узкие Салмы. После его гибели она вышла замуж за Сафонова Петра Дмитриевича. Ее дети от первого брака (Федосковы): Леонид (1930 г. р.), Клавдия, Людмила; от второго брака (Сафоновы): Василий (1949 г. р.), Михаил (1952 г. р.), Анатолий (1956 г. р.), Валя (1954 г. р.), Александр (1958 г. р.).

2. Григорий Иванович (1913 г. р.), бондарь. Его жена – Анна Федоровна (Июдина, из д. Куричкино). Детей не было.

3. Елена Ивановна (1916 г. р.), колхозница. Муж – Иван Михайлович Туюсов (д. Толвуя). Дети: Виктор, Тамара.

4. Анна Ивановна (1919 г. р.), колхозница. Муж – Иван Степанович Лобанов (д. Мелойгуба). Дети: Зоя, Люба, Вера, Надя.

5. Василий Иванович (1923 г. р.), бондарь. Жена – Надежда Анисимова (Пяницы-Батово). Дочь – Галина.

6. Иван Иванович (1926 г. р.). Жена – Клавдия Васильевна Политова (Ригасельга). Дети: Людмила, Галина, Валерий.

7. Александр Иванович (1930 г. р.) работал на пилораме, пилостав. Жена – Старицина Майя Владимировна (из Ленинграда). Дети: Анатолий, Михаил, Марина, Алевтина, Валерий, Ирина.

8. Валентина Ивановна (Ларюшкина) (1932 г. р.), колхозница, проживает в п. Ламбасручей. Муж – Ларюшкин Александр Савельевич (г. Посад Ленинградской области). Дети: Людмила, Татьяна.

*Рис. 15. Дом Федосковых в д. Красная Сельга.
Фото нач. 1950-х гг. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)*

*Рис. 16. Ирина Кирилловна Федоскова, 1888–1959 гг.
Фото 1959 г. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)*

*Рис. 17. Клавдия Дмитриевна Федоскова с сыном Виталием. Фото 1963 г.
(Из личного архива В. П. Андриановой)*

*Рис. 18. Петр Дмитриевич Сафонов.
Фото 1975 г. (Из личного архива
В. П. Андриановой)*

*Рис. 19. Александра Петровна Сафонова
(Петрова). Фото 1978 г.
(Из личного архива. В. П. Андриановой)*

Рис. 20. Леонид Федосков с женой. Фото 1960 г. (Из личного архива К. А. Березкиной)

Рис. 21. Семья Сафоновых у своего дома в д. Красная Сельга: Александра Петровна, Петр Дмитриевич с детьми Клавой (от первого брака), Михаилом и Валентиной. Фото 1956 г. (Из личного архива В. П. Андриановой)

Рис. 22. Свадебная фотография Валентины Петровны Сафоновой (дочери П. Д. Сафонова) и Виктора Павловича Андрианова. Слева направо: Леонид Дмитриевич Федосков, Александра Петровна Федоскова-Сафонова, за ней Клавдия Дмитриевна Федоскова (дочь от первого брака), невеста – В. П. Сафонова, далее ее отец П. Д. Сафонов, сзади него – жених В. П. Андрианов, рядом с ним Василий Петрович Сафонов (сын от второго брака) и зять Арон Брониславович Ходоровский, муж дочери Людмилы. Фото 1974 г. (Из личного архива В. П. Андриановой)

Рис. 23. Михаил Сафонов, 15 лет. Фото 1967 г. (Из личного архива В. П. Андриановой)

Рис. 24. Василий Сафонов. Фото 1968 г. (Из личного архива В. П. Андриановой)

Рис. 25. Александр Сафонов с женой. Фото 1981 г. (Из личного архива В. П. Андриановой)

*Рис. 26. Валентина Сафонова с мужем и сыном Сергеем.
Фото 1987 г. (Из личного архива В. П. Андриановой)*

*Рис. 27. Михаил Петрович Сафонов с сыном Юрой.
Фото 1976 г. (Из личного архива В. П. Андриановой)*

*Рис. 28. Василий Сафонов (слева) с товарищем.
Фото 1965 г. (Из личного архива В. П. Андриановой)*

*Рис. 29. Григорий Иванович Федосков,
1913 г. р., бондарь.
Фото до 1941 г.
(Из личного архива В. И. Ларюшкиной)*

*Рис. 30. Елена Ивановна Федоскова
(Туюсова). Фото 1977 г. (Из личного
архива В. И. Ларюшкиной)*

*Рис. 31. Елена Ивановна Федоскова (Туюсова).
Фото 1950-х гг. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)*

Рис. 32. Анна Ивановна Федоскова (справа) с подругой. Фото до 1941 г. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)

Рис. 33. А. И. Федоскова. Фото 1950-х гг. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)

Рис. 34. Василий Иванович Федосков (слева). Фото до 1941 г. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)

Рис. 35. Иван Иванович Федосков. Фото 1986 г. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)

Рис. 36. Александр Иванович Федосков с женой Маей (справа) и сестрой Валентиной Ивановной Ларюшкиной (слева). Фото сделано в Кондопоге в 1950-е гг. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)

*Рис. 37. Валентина Ивановна Ларюшкина, 19 лет.
Фото 1951 г. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)*

*Рис. 38. На сенокосе дочери и зятя В. И. Ларюшкиной.
Фото 1960–1970-х гг. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)*

Рис. 39. Групповая фотография семьи Федосковых: в центре сидит Ирина́я Кирилловна с внуком Толей (сын Александра Ивановича), слева от нее сидит Анна Ивановна, слева стоит Виктор Туюсов, сын Елены Ивановны. Задний ряд: Елена Ивановна (стоит справа), рядом – Валентина Ивановна Ларюшкина. Красная Сельга. Фото нач. 1950-х гг. (Из личного архива В. И. Ларюшкиной)

Дом А. В. Сафонова

Хозяин – Алексей Васильевич Сафонов (1898–1938 гг.), колхозник, репрессирован в 1938 г. Его жена – Ольга Ильинична (?) (прозвище – Евсюгина), арестована за кражу колосков с поля. Дети: Александр, Николай, Елена, Нина, Сергей были определены в детский дом и матери, по существу, не знали. В деревне они больше не появились.

Дом П. Т. Ананьина (в настоящее время находится в экспозиции музея-заповедника «Киж») .

Хозяин – Павел Тимофеевича Ананьин (1864–1936 гг.) бондарь, автор дневника¹². Его жена Апполинария Ивановна (Баканина) (1884–1951 гг.) из д. Верховье, Великогубского прихода. Её родители: Иван Егорович Баканин, Елена Михайловна Баканина.

Дети П. Т. Ананьина:

1. Александра (Шаня) Павловна (Миронкова), дочь от первой жены, выдана замуж в д. Юлмаки.
2. Анастасия Павловна, выдана замуж в д. Барковицы.
3. Надежда Павловна (Багрова), выдана замуж в д. Черкассы.
4. Мария Павловна (Конева), выдана замуж в д. Устьреку за Ивана Конева.

¹² Ершов В. П. О дневнике заонежского бондаря...

5. Дмитрий Павлович (1915–1944 гг.). Погиб на фронте. Жена – Марья Дмитриевна (Губина), дочь Дмитрия Ивановича Губина. Сохранились письма Дмитрия из армии 1939 и 1940, 1941гг.¹³ Их дети: Раиса Дмитриевна (1941–2010 гг.), Сергей Дмитриевич (1937–2008 гг.).

Рис. 40. Дом П. Т. Ананьина в экспозиции музея-заповедника «Кижы». Д. Ямка. Фото В. Ершова, 2011 г.

Рис. 41. Александра Павловна Миронкова, дочь П. Т. Ананьина от первого брака, с сыном. Фото 1950-х гг. (Из личного архива Р. Д. Ананьиной (Голицыной)).

¹³ Письма 1939–1940 гг. хранятся в личном архиве семьи Голицыных (г. Петрозаводск), письма 1941 г. – в Медвежьегорском муниципальном музее.

Рис. 42. Дмитрий Павлович Ананьин.
 Фотография сделана в 1939–1940 гг.
 в д. Большие Горы Олонецкого района
 во время службы в армии.
 (Из личного архива Р. Д. Голицыной)

Рис. 43. Сергей Дмитриевич Ананьин
 (1937–2008 гг.), сын Дмитрия Павловича.
 Фотография из армии 1957 г.
 (Из личного архива
 Ананьиной – Р. Д. Голицыной)

Рис. 44. Раиса Дмитриевна Голицына (1941–2010) – внучка П. Т. Ананьина.
 В 1960–1970-е гг. работала учителем математики в Падунской школе
 Медвежьегорского района. (Из личного архива Р. Д. Голицыной)

Дом Д. И. Губина

Хозяин – Дмитрий Иванович Губин, его жена – Мария Федоровна. Дети:

1. Петр Дмитриевич (1926 г. р.), его жена – Александра Николаевна (Сафонова) (1925 г. р.). Их дети: Анатолий (1951 г. р.), Татьяна (1955 г. р.), Любовь (1957 г. р.).

2. Василий Дмитриевич (1914 г. р.), участник финской войны, на которой был ранен, лишился ноги. Его жена – Татьяна Федоровна (1916–1958 гг.). Их дети: Евгений (1937 г. р.), Тамара (1943 г. р.), Алевтина (1948 г. р.), Александр (1951 г. р.), Валерий (1954 г. р.).

3. Николай Дмитриевич (1917 – 1997 гг.). Его жена – Анна Ефимовна (1919–1996 гг.). Их дети: Иван (1941 г. р.), Галина (1946 г. р.), Вера (1948 г. р.), Леонид (1951 г. р.), Зоя (1953 г. р.), Любовь (1954 г. р.).

4. Иван Дмитриевич, его жена – Елена Дмитриевна. Дети: Валентина (Концева), Анатолий.

5. Мария Дмитриевна (Ананьина), жена – П. Т. Ананьина.

6. Александра Дмитриевна (Сафонова) (1896 г. р.), жена Федора Степановича Сафонова.

7. Пелагея Дмитриевна (Сафонова) (1900 г. р.). Муж – Василий Дмитриевич Сафонов, репрессирован в 1938 г. Их дети: Павел (1930 г. р.), Иван (1932 г. р.), Евгений, Таисия. Сын Павел Васильевич, рабочий лесхоза, был женат на Екатерине Ивановне (Каблуковой) из д. Каблуково (1932 г. р.), их дети: Галина (1953 г. р.), Василий (1955 г. р.), Нина (1957 г. р.), Тамара (1959 г. р.). Второй сын Иван Васильевич, вальщик леса, был женат на Наталье Егоровне Климановой из д. Селецкое (1928 г. р.), имел сына Василия (1959 г. р.). Третий сын Евгений Васильевич работал в леспромхозе в Черкассах, его жена – Зоя, сыновья – Александр и Василий. Дочь Таисия Васильевна была замужем за Яковом Рояло и имела троих детей.

Рис. 45. Александра Николаевна Сафонова с сыном Толей.

Фото 1951 г. (Из личного архива А. П. Губиной)

*Рис. 46. Татьяна Федоровна Губина в ламбасручейском магазине.
Фото 1950-х гг. (Из личного архива Т. Ф. Губиной)*

*Рис. 47. Василий Дмитриевич Губин с сестрой Пелагеей Дмитриевной.
Фото 1950-х гг. (Из личного архива Т. Ф. Губиной)*

*Рис. 48. Вся родня Губиных. Фото 1950-х гг. (Из личного архива Т. Ф. Губиной).
В. Д. Губин выделен из групповой фотографии для портрета (второй ряд, справа)*

*Рис. 49. Николай Дмитриевич и Анна Ефимовна Губины с сыном Иваном в центре.
Фото 1958–1959 гг. (Из личного архива Л. Н. Канинг)*

Рис. 50. Н. Д. и А. Е. Губины собрались в какую-то поездку, дети на крыльце: Галя, Вера, Зоя, Люба. Д. Красная Сельга, у своего дома. Фото 1956–1958 гг. (Из личного архива Л. Н. Канинг)

Рис. 51. Семья Губиных: Николай Дмитриевич, Анна Ефимовна. Дети: Ваня, Галя, Вера. Фото 1950–1951 гг. (Из личного архива Л. Н. Канинг)

*Рис. 52. Дети Губиных: Вера, Галя, Зоя, Люба. Фото 1957–1958 гг.
(Из личного архива Л. Н. Канинг)*

Рис. 53. Анна Ефимовна и сын Иван. Фото 1961 г. (Из личного архива Л. Н. Канинг)

Рис. 54. Мария Дмитриевна Ананьина (1911–1996 гг.).

Фото 1960-х гг. г. Петрозаводск. (Из личного архива Р. Д. Ананьиной (Голицыной))

Рис. 55. Пелагея Дмитриевна Сафонова.

Фото 1978 г. Петрозаводск.

(Из личного архива В. И. Сафонова)

Рис. 56. Иван Васильевич Сафов.

Фото из армии с дарственной надписью жене Наталье, 29 марта 1936 г.».

(Из личного архива В. И. Сафонова)

Рис. 57. И. В. Сафов, 23 года.

Фото из армии, 1955 г.

(Из личного архива В. И. Сафонова)

Рис. 58. И. В. Сафонов с женой Натальей. Фото 1958 г. (Из личного архива В. И. Сафонова)

Рис. 59. Пелагея Дмитриевна Губина (Сафонова). Фото 1978 г. Шуньга (Из личного архива В. И. Сафонова)

*Рис. 60. П. Д. Губина с невесткой Натальей Егоровной. Фото 1955 г.
(Из личного архива В. И. Сафонова)*

*Рис. 61. Евгений Васильевич Сафонов. Фото из армии с дарственной надписью брату
Ивану, 30 июля 1959 г. (Из личного архива В. И. Сафонова)*

Рис. 62. Сын Натальи Егоровны и Ивана Васильевича Сафоновых Василий на огороде своего дома. Фото 1974 г. Петрозаводск. (Из личного архива В. И. Сафонова)

Рис. 63. Евгений Васильевич Сафонов. Фото 26 июля 1958. (Из личного архива В. И. Сафонова)

Рис. 64. Павел Васильевич и Екатерина Ивановна Сафоновы с детьми Тamarой и Василием. Фото 1961 г. (Из личного архива Е. И. Сафонова)

*Рис. 65. Екатерина Ивановна Сафонова, жена Павла Васильевича (слева).
Фото 1985 г. (Из личного архива Е. И. Сафонова)*

*Рис. 66. Галина, дочь Павла Васильевича и Екатерины Ивановны, студентка 3 курса.
Фото 1971 г., г. Сортавала. (Из личного архива Е. И. Сафонова)*

Рис. 67. Семейная фотография Сафоновых: первый ряд – братья Сафоновы Евгений и Иван, на коленях у Евгения Васильевича сын Вася, рядом справа – жена Евгения Зоя. Второй ряд – сын Евгения Васильевича – Саша (слева). Д. Черкассы. Фото 1977 г. (Из личного архива В. И. Сафонова)

Рис. 68. Таисия Васильевна с мужем Яковом Рояло с детьми. Фото 1958 г. (Из личного архива Е. И. Сафонова)

Дом А. Е. Балахонова

Хозяин – Афанасий Евстигнеевич Балахонов (1882 г. р.), десятник, репрессирован. Его жена – Марфа Михайловна (Козина). Дети:

1. Мария Афанасьевна (Прохорова) (1898 или 1903 г. р.), муж – Василий Евстигнеевич Прохоров (1896 г. р.) из д. Пегремы. Дети: Александра (Спицына) (1927 г. р.), Николай (1934 г. р.), Юрий (1938 г. р.), Клавдия (1941 г. р.).

2. Антонина Афанасьевна (1923 г. р.), муж – Парцы Константин Августович (1911 г. р.), плотник. Дети: Валя (1941 г. р.), Владимир (1944 г. р.), Виктор (1948 г. р.), Николай (1950 г. р.).

3. Анастасия Афанасьевна (1909 г. р.), муж – Алексей Хрылев (из д. Уницы). Дети: Анатолий (1943 г. р.), Мария (1930 г. р.), Тамара (1935 г. р.), Людмила (1941 г. р.), Владимир (1948 г. р.), Павел (1951 г. р.).

4. Александра Афанасьевна.

5. Николай Афанасьевич (утонул в озере молодым).

6. Константин Афанасьевич (1927 г. р.), мастер леса. Жена – Тамара Петровна (1927 г. р.). Дети: Виктор (1950 г. р.), Николай (1954 г. р.), Алла (1956 г. р.), Юрий и Юля (1959 г. р.), Владимир (1962 г. р.).

Рис. 69. Афанасий Евстигнеевич Балахонов с женой Марфой (Марией?) Михайловной и сыном Костей. Фото 1930 г. (Из личного архива В. К. Васьковской)

*Рис. 70. Николай Васильевич Прохоров с женой. Фото 1947 г.
(Из личного архива Г. П. Орликовой)*

*Рис. 71. Александра Васильевна (слева) с подругами. Фото 1945 г.
(Из личного архива Г. П. Орликовой)*

Рис. 72. Мария Афанасьевна Прохорова с внуками Женей и Толей, детьми А. В. Спицыной. Фото 1950-х гг. (Из личного архива Г. П. Орликовой)

Рис. 73. Балахонова (Прохорова) Мария Афанасьевна с дочерью Клавдией Васильевной и внуками Ольгой и Анатолием на крыльце своего дома в д. Красная Сельга. Фото 1960 г. (Из личного архива Г. П. Орликовой)

*Рис. 74. Антонина Афанасьевна Балахонова (сидит) с подругой.
Фото второй половины 1940-х гг. (Из личного архива В. К. Вашковской)*

*Рис. 75. Семья Парцы: в центре – Константин Августович, справа жена – Антонина Афанасьевна Балахонова, во втором ряду слева – сын Виктор (1948 г. р.). Слева от К. А. Парцы – зять Александр Вашковский – муж дочери Валентины, справа – Галина Алексеевна Прохорова – невестка Марии Афанасьевны.
Фото 1960-х гг. (Из личного архива В. К. Вашковской)*

Рис. 76. Костя Балахонов, Петрозаводск, 1930 г. (Из личного архива В. К. Вашковской)

Рис. 77. Сержант Константин Балахонов. Фото второй половины 1940-х гг. (Из личного архива В. К. Вашковской)

Рис. 78. Константин Балахонов. Фото 1940-е гг. (Из личного архива В. К. Вашковской)

Рис. 79. Константин Балахонов (слева) на фронте. Фото 1944 г.
(Из личного архива В. К. Вашковской)

Дом А. И. Романова

Хозяин – Александр Иванович Романов, его жена – Афимья Кузьминична. Дети Афимьи от первого брака: Василий, Федор, Виктор. Общие: Александра, Анна, Мария (1931 г. р.), Алексей (1928 г. р.), Сергей.

Дом Е. А. Сафонова (так называемый дом Ёлкина)

Хозяин – Ефим Ануфриевич Сафонов. Имел сына – Николая Ефимовича Сафонова (1882 г. р.), женатого на Наталье Васильевне. Их дети: 1. Дочь Александра (1925 г. р.), была замужем за Петром Дмитриевичем Губиным. 2. Сын Иван, председатель колхоза, был женат на Елене Алексеевна, с которой имел троих детей: Наталью, Василия и Марию.

В деревне жила побасенка, что похаживал Ефимушка к одной вдовушке, дом которой стоял под ёлкой, так и прозвали – Ёлкиным.

Рис. 80. Николай Ефимович Сафонов с семьей. Первый ряд: справа – Н. Е. Сафонов, слева – Дарья Ефимовна Губина, его сестра. Мальчик между ними – Анатолий, внук Н. Е. Сафонова, сын Петра Дмитриевича Губина (второй ряд слева) и Александры Николаевны Губиной – дочери Н. Е. Сафонова (второй ряд в центре). Мужчина справа во втором ряду – Василий Дмитриевич Губин (?).

Фото 1954 г. (Из личного архива А. П. Губиной)

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ» ПО ИЗУЧЕНИЮ, МУЗЕЕФИКАЦИИ И СОХРАНЕНИЮ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОГО СУДОСТРОЕНИЯ И СУДОХОДСТВА

С конца 1950-х гг. остров Кижы приобрел широкую известность благодаря созданному здесь историко-архитектурному и этнографическому музею-заповеднику. Главная особенность музея-заповедника «Кижы» состоит в том, что он расположен на острове в центре архипелага Кижские шхеры, почти в центре Онежского озера, одного из крупнейших в мире, площадь зеркала которого составляет около 10 тыс. кв. км. Благодаря каналам, соединяющим Онежское озеро с Белым и Балтийским морями, а также с бассейном реки Волги, музей-заповедник «Кижы» ежегодно посещают на туристических судах 150–200 тыс. туристов. На Онежском озере проводятся парусные регаты и водные фестивали с участием судов из многих регионов России.

На острове Кижы и в ближайшей округе издревле располагались деревни с церквами и часовнями известного с XV в. Спасо-Кижского погоста. Построенный на острове в XVIII–XIX вв. ансамбль из двух деревянных церквей и колокольни считается вершиной народного деревянного зодчества Русского Севера и одним из первых в России, в 1990 г. включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В середине – второй половине XIX в. фольклористами здесь были записаны выдающиеся произведения русского народного эпоса.

С конца I тысячелетия новой эры сформировалась самобытная островная культура, важными компонентами которой являлись судоходство и судостроение. Уже в XIX в. здесь был один из главных центров строительства лодок, а со второй половины XX в. он остался единственным на Онежском озере. С 1970-х гг. во всех районах Республики Карелия начинает звучать название лодки – «кижанка», потому что

строились они только в окрестностях острова Киж. Лодки-«кижанки» сохранились здесь до XXI в. и являются таким же высоким достижением и символом острова Киж, как ансамбль Кижского погоста и записанные здесь былины.

В течение более пятнадцати лет в музее-заповеднике «Киж» проводятся работы, связанные с сохранением, изучением и популяризацией традиций народного судостроения и судоходства. За время исследований были опубликованы исторический очерк и ряд научных и научно-популярных статей в сборниках различных музеев, материалах конференций по морскому наследию России и в специальных журналах¹. Однако немаловажным является социокультурный аспект данной работы, связанный с развитием этого интереснейшего компонента народной культуры. Результатам работ в этом направлении посвящена настоящая статья.

В 1999 г. музей-заповедник «Киж» первым из музеев-заповедников России начал систематическую работу по изучению и музеефикации народного судостроения и судоходства. Исследовались прибрежные деревни Кижских шхер, где было зафиксировано более 50 традиционных лодок-«кижанок» (рис. 1). Тогда же были сделаны первые попытки их сохранения и представления в музее.

---

¹ Наумов Ю. М. «Кижанка» – лодка Онежского озера. Петрозаводск, 2011. 184 с.; Наумов Ю. М., Орфинский В. П., Скворцов А. П. Традиционные лодки Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008, С. 461–496; Он же. История и современное состояние традиционного судостроения и судоходства Кижской волости // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 71–88; Он же. О мастерах плотниках и судостроителях Заонежья и карельского Поморья // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 386–392; Он же. Традиционное судостроение Кижской волости – изучение и музеефикация // Актуальные проблемы развития музеев-заповедников. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2006. С. 130–134; Он же. О центре традиционного судостроения в Кижской волости // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 90–92; Он же. Карельские народные лодки // Катера и яхты. 2007. № 5 (209). С. 111–120; Он же. Результаты экспедиций 2000–2009 гг. по изучению истории и современного состояния традиционного народного судостроения бывшей Олонецкой губернии // Полевые этнографические исследования: Материалы восьмых Санкт-Петербургских этнограф. чтений. СПб., 2009. С. 97–102; Он же. История и современное состояние традиционного судостроения и судоходства Кижской волости // Изучение памятников морской археологии. СПб., 2009. Вып. 6. С. 130–152; Он же. Лодка-кижанка // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 66–83; Он же. Домашние верфи Сегозерья // Катера и яхты. 2010. № 5 (227). С. 130–133; Он же. О результатах работы музея «Киж» по изучению истории и современного состояния традиционного народного судостроения в 1999–2012 гг. // Сохранение морского наследия в музеях России. Калининград, 2012. С. 94–103; Он же. Results work of museum-reserve «Kizi» in studi, musealisation and preservation of national shipbuilding and navigation // Yearbook Open Air Museums. Kumrovec, 2013. С. 236–273.

Рис. 1. Традиционная лодка-«кижанка». Фото начала XX в.

В 1999–2000 гг. были организованы первые экспедиции музея в Заонежье – район с русским населением и на озеро Сямозеро – в район проживания карел. В обоих районах были зафиксированы местные лодки и работающие мастера, отмечено, что в деревнях сохраняется историческая память об особенностях традиционной технологии и терминологии судостроения.

Собранные за первые два года полевые материалы позволили сделать вывод о том, что в деревнях остались носители традиционной технологии судостроения. Также стало ясно, что в настоящий период уходят из жизни последние информанты и исчезают следы деревянного судостроения, как компонента традиционной материальной культуры.

В 2000 г. в музее-заповеднике «Кижы» была разработана программа работ по развитию этнографических исследований и актуализации исчезающего наследия народной судостроительной культуры. Её целями и задачами стали комплексное изучение истории и современного состояния традиционного судостроения в Карелии, проведение экспедиционной работы, выявление и сравнительный анализ центров народного судостроения. Была разработана методика изучения, сформулированы принципы сохранения в музее традиционного судостроения и судоходства, выработаны предложения по его музеефикации и развитию экспозиции музея-заповедника «Кижы» в этом направлении.

В ходе экспедиционных работ собиралась информация об особенностях судоходства, типах и размерах местных лодок, материалах и технологии строительства, оснастке, видах использования и ходовых качествах местных лодок. Также фиксировалась местная терминология и собирались сведения о занимавшихся судостроением мастерах. Всего были проведены 23 экспедиции, из них 13 экспедиций состоялись в районы Карелии, 5 – в сопредельные районы Архангельской и Ленинградской областей и 5 рекогносцировочных поездок – в Вологодскую, Тверскую, Новгородскую и Псковскую области. Всего было обследовано 135 населённых пунктов, опрошено более 170 информантов, в основном лодочников или рыбаков, удалось зафиксировать более 500 мастеров, из них около 100 работающих на момент опроса. Зафиксировано более 2000 лодок, обмерена 31 лодка и выполнены обмерные чертежи 7 лодок. Была произведена фото- и видеofиксация процессов строительства лодок и бесед с мастерами, сделан этнографический фильм о строительстве карельской лодки. Собранные аудио-, фото- и видеоматериалы поступили в архив музея «Кижь».

За 15 лет работы автору удалось собрать объём информации, достаточный для формулирования выводов о развитии и современном состоянии местных традиций судостроения и судоходства Карелии как части материальной культуры населения и экономики региона. Экспедиционная работа позволила выявить остатки культуры народного судостроения там, где судоходство являлось одним из основных видов деятельности коренного населения. В этих местах до сих пор сохраняются традиции, строятся и используются различные типы старых судов, живы мастера и хранители исторической памяти о местных особенностях судоходства и судостроения.

В ходе работы удалось также познакомиться с музейными коллекциями традиционного судостроения и судоходства Национального музея Республики Карелия, Российского этнографического музея, музеев Новгородской, Псковской и Архангельской областей, а также ряда районных краеведческих музеев. В ходе исследований автором был предложен термин «народное судостроение и судоходство», подразумевающий строительство и использование различными этносами разнообразных средств передвижения по воде для ведения традиционного хозяйства в местах их постоянного проживания².

Наиболее интересные результаты были получены по району Кижских шхер Онежского озера. Исследования показали, что здесь исторически сложился крупный центр с развитыми традициями судостроения и судоходства. Формирование и развитие судостроительных традиций были обусловлены географическими особенностями района, его расположени-

² Наумов Ю. М. «Кижанка» – лодка Онежского озера... С. 9.

ем на важных водных путях, хозяйственными потребностями жителей прибрежных деревень и стали результатом адаптации местного населения к природным и социально-экономическим условиям.

Сложение центра, видимо, было связано с процессом первоначального заселения района прибалтийско-финским населением и последующего освоения его территории новгородскими славянами, которые привнесли в местную среду свои традиции судостроения. Дальнейшее развитие происходило без внешнего этнокультурного влияния и было обусловлено, особенно в Новое и Новейшее время, социально-экономическими обстоятельствами. В конце XIX в. в Кижских шхерах насчитывалось около 1000 хозяйств, крестьянский флот состоял не менее чем из 500–700 лодок³ (рис. 2).

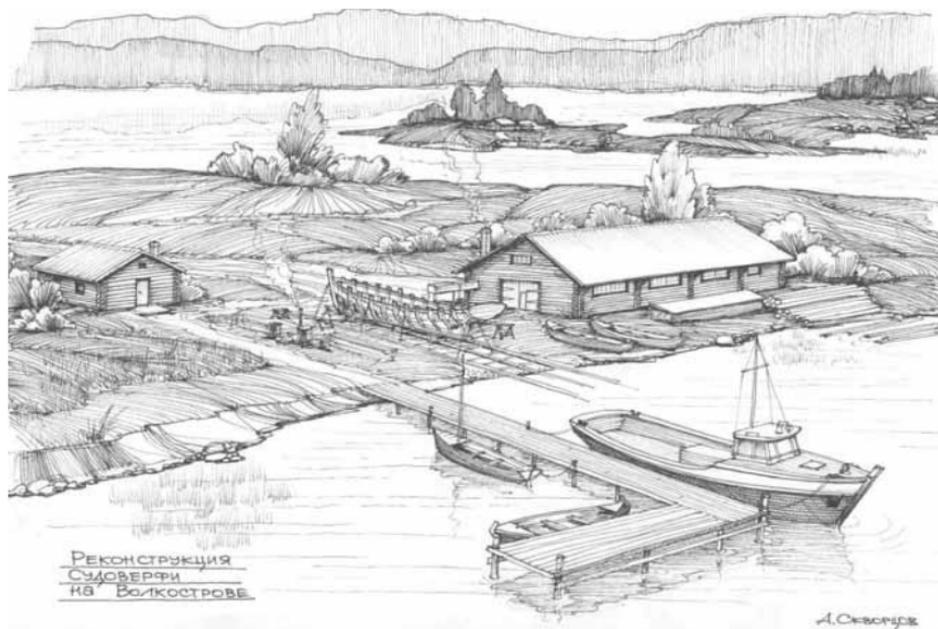

Рис. 2. Ансамбль Кижского погоста. Фото 1920-е гг. из НА РК

Потребности местного населения в лодках обеспечивали мастера-индивидуалы, работающие по заказам. Многие крестьяне плотничали и могли построить лодки для себя, но большинство заказывали лодки известным мастерам, что приносило доход в хозяйство лодочника. В конце XIX–XX в. центр судостроения Кижской волости находился

³ Подробно о лодках-«кижанках» см.: Наумов Ю.М. «Кижанка» – лодка Онежского озера...

на острове Волкостров, сложившийся здесь потенциал судостроения в 1930–1960-е г. использовался на верфи колхоза, где местные мастера-лодочники выполняли заказы рыбаков, ведущих промысловый лов рыбы на Онежском озере⁴. Важно, что промышленное судостроение Новейшего времени на Волкостровской верфи основывалось на применении мастерами местных судостроительных традиций и продолжало их развитие в новых хозяйственно-экономических условиях. Мастера Волкостровской верфи – носители многовековой культуры судостроения – смогли передать свой опыт следующим поколениям и сохранить традиционную онежскую лодку с новым названием – «кижанка». На основе местных традиций судостроения мастера смогли освоить строительство по чертежам мотоботов и новых современных лодок (рис. 3).

Рис. 3. Волкостровская верфь.
Архитектурная реконструкция А. П. Скворцова. 2004 г.

Не менее важны социокультурные результаты работы по изучению традиционного судостроения. Реализация программы позволила ввести в научный и культурный оборот на региональном и всероссийском уровнях уникальное наследие Российской Федерации – исчезающее

⁴ Там же. С. 111–129.

народное судостроение и судоходство и придать ему социальную значимость. История судостроения и судоходства Кижских шхер показывает роль локальных центров в освоении и развитии Русского Севера и помогает дополнить новой информацией работу по изучению материальной культуры народов России. Реализация программы позволила актуализировать результаты исследований через выставочные, интерактивные и партнерские проекты музея, в том числе осуществленные с местным сообществом. Большое значение имела возможность, которая была предоставлена всем интересующимся народным судостроением, ознакомиться с музейными коллекциями на различных выставочных площадках и в ходе проведения массовых мероприятий.

Реализация программы способствовала передаче накопленного опыта, развитию партнерской сети музея-заповедника и эффективному взаимодействию музеев, НИИ, вузов и местного сообщества. Основными партнерами по организации выставочно-презентационной и интерактивной деятельности стали ассоциация «Морское наследие России», Музей Мирового океана (Калининград – Санкт-Петербург), Карельский «Морской историко-культурный центр», музей «Полярный Одиссей», Карельская педагогическая академия, Петрозаводский государственный университет, Республиканский детско-молодёжный центр, клубы «Люди моря» (Петрозаводск) и «Корабелы Прионежья» (Вологодская обл.). Результаты работы широко представлялись в средствах массовой информации. Всего было сделано более двухсот публикаций в российских газетах и программах ТВ. С 2005 г. российские читатели журнала «Катера и яхты» ежегодно имеют возможность ознакомиться с фестивалем «Кижская регата», историей и технологией народного судостроения, результатами работы музея по его сохранению и использованию⁵.

В 1950–1960 гг. в музее-заповеднике «Кижы» был получен первый в СССР опыт музеефикации народной архитектуры и быта, который широко использовался при создании других государственных музеев под открытым небом. Итоги работы музея-заповедника «Кижы» в 1999–2014 гг. в области изучения и музеефикации народного судостроения также позволяют распространять этот инновационный опыт в других российских музеях и национальных парках.

Результаты работы по программе позволили реализовать целый комплекс музейных мероприятий и развить их в важном инновационном музейном проекте «“Кижанка” – лодка острова Кижы. Возрождение», главной задачей которого является работа по популяризации и сохране-

⁵ См., например: Данияев А. Кижы – хранилище традиций // Катера и яхты. 2005. № 6. С. 126–129; Он же. «Водный мир» Кижской регаты // Там же. 2007. № 6. С. 152–155; Он же. Кижы встречают мастеров // Там же. 2008. № 6. С. 144–146 и др.

нию легендарной лодки-«кижанки» в экспозиции музея на острове Кижь и в г. Петрозаводске. В 1999–2012 г. были опробованы новые методики и технологии оформления музейных экспозиций, временных выставок, проведения интерактивных программ в презентации музеем лодки-«кижанки» с целью формирования нового отношения к её исторической ценности, включения в современный культурный оборот и сохранения для будущих поколений (рис. 4).

Рис. 4. Предложения по развитию главной экспозиции.
Архитектурная графика А. П. Скворцова. 2000 г.

История традиционного судостроения и судоходства является частью истории народной культуры, но, в отличие от деревянной архитектуры, народное судостроение в нашей стране мало изучено и почти не представлено в музеях. Уже в начале работы стало ясно, что количество рабочих лодок традиционной постройки ежегодно уменьшается, в том числе и в деревнях охранной зоны музея-заповедника «Кижь». До конца 1990-х гг. в музее-заповеднике «Кижь» практиковалось исключительно витринное и стендовое экспонирование традиционных лодок. Только одна старая традиционная лодка-«кижанка» в течение нескольких лет выставлялась на берегу в экспозиции музея.

В 1999 г. в доме Елизарова в главной экспозиции на острове Кижь была организована выставка «Мастерская заонежского лодочника», в которой были представлены традиционная лодка в процессе строительства,

а также инструмент мастера, а на берегу у дома Ошевнева воссоздан выставочный комплекс крестьянина, занимающегося рыбацким промыслом, с лодкой-«кижанкой» и развешенными на просушку сетями на берегу. На сарае дома стоит ещё одна лодка-«кижанка» с полным комплектом снаряжения (вёсла, паруса, руль, «оплотина»-балансир) (рис. 5). В том же году для сохранения традиций местного судостроения и судоходства и привлечения к этому местных жителей была проведена первая «Кижская регата» – массовое музейное мероприятие – гонка на традиционных лодках. С начала работы по программе музей не только изучает, но и поддерживает исчезающее традиционное судостроение.

Рис. 5. Лодка-«кижанка» с полным комплектом снаряжения на сарае дома Ошевнева. Фото автора. 2005 г.

С 2010 г. музейная коллекция пополнилась 7 лодками-«кижанками» (рис. 6). На основе исследований были разработаны предложения по дальнейшей музеефикации традиционного судостроения и судоходства и развитию экспозиции музея на острове Киж и прилегающей к музею территории Кижских шхер, а также в г. Петрозаводске.

Автором был составлен список построек и приспособлений, обеспечивающих виды деятельности крестьян, связанные с водой и использованием водных транспортных средств, по которому можно реконструировать традиционное оборудование береговой линии у крестьянских домов в экспозиции музея «Киж».

*Рис. 6. Береговой выставочный комплекс у дома крестьянина Ошевнева.
Фото автора. 2007 г.*

1. Отдельно стоящие постройки: мастерские для строительства сойм и лодок, стапели для строительства судов на берегу водоёмов, сараи на воде для хранения лодок, амбары на воде и рыбные амбары для хранения орудий лова и рыбы, ледники и садки для рыбы, избушки на рыбных тонях, бани по-черному, которые использовались для сушки сетей, коптильные (для рыбы) сараи и ящики, смолокурные ямы, помещения и приспособления для витья веревок, канатов, для плетения и ремонта сетей.

2. Приспособления: причалы, «покати – салазки» для вытаскивания на берег и стоянки лодок, слипы – «склизы» для строительства судов, ворота для вытаскивания из воды лодок и бревен, приспособления для сборки и транспортировки плотов с лесом, «лавы» – мостки для набора воды, заколы для ставников (закреплённые на кольях стационарные сети в местах постоянного лова рыбы), вешала для сушки сетей, большие бочки – чаны для засолки рыбы.

К сожалению, за исключением лодок и оборудования для их вытаскивания и стоянки, в деревнях не сохранились вышеуказанные постройки и приспособления, поэтому реконструировать крестьянские усадьбы возможно только макетами и новоделами.

В 2007–2008 гг. на выставке «“Кижанка” – лодка острова Кижы» в городском зале музея автором были по изучению истории судостроения представлены лодка-«кижанка» 1950-х гг. постройки, мастерская и инструмент лодочника, фотографии лодок и мастеров, архи-

тектурная реконструкция Волкостровской верфи. Экспозиция была оснащена демонстрационными экранами движения воды и облаков, видеофильмами, компьютерной игрой «Построй лодку-«кижанку»». В декабре 2012 г. – апреле 2013 г. на выставке «Народное судостроение Карелии. Традиции и современность» отдельный раздел был посвящён работе музея-заповедника по изучению и сохранению традиций Кижского центра судостроения.

С 2010 г. в доме Сергеева действует новая музейная экспозиция «Народное судостроение и судоходство», где размещены мастерская кижского лодочника и выставка лодок из фондов музея – старая лодка-«кижанка» и заонежский долблённый чёлн-«ушкой». На первом этаже хозяйственной части дома располагается «ожившая экспозиция» – работает мастер, и на стапеле строятся лодки. Тогда же начали проводиться экскурсии по теме традиционного судостроения.

Подготовлены предложения по оборудованию выставки мультимедийными демонстрационными средствами и экспонированию лодок-«кижанок» на акватории новой площадки, с элементами интерактивной демонстрации посетителям народного судоходства. В секторе перед домом предполагается разместить комплекс различных построек и приспособлений, связанных с традиционным судоходством. В 2014 г. в небольшом заливе у дома Сергеева открылась экспозиция «Кижская гавань», где впервые выставлены «на плаву» две «кижанки» и малая онежская сойма, началась работа по развитию новых туристических маршрутов. поэтапная реализация уникального для России экспозиционно-выставочного комплекса «Кижская гавань» с традиционными судами, постройками, различными приспособлениями и сооружениями будет способствовать росту интереса посетителей музея «Кижжи», расширит туристические возможности и усилит инновационную привлекательность музея, послужит основой для создания Российского центра традиционного судостроения и судоходства.

В рамках проекта ««Кижанка» – лодка острова Кижжи» в музейных экспозициях были представлены десятки фондовых предметов – лодки, оборудование и инструмент кижских лодочников, а также фотографические и иллюстративные материалы. На всех мероприятиях музея с начала работы побывало более 500 тыс. человек, из них около половины – иностранные посетители.

Важным мероприятием для пропаганды традиционного судостроения и привлечения постоянного внимания к исчезающему культурному наследию является фестиваль «Кижская регата», который с 1999 г. ежегодно проводится на острове Кижжи и в 2014 г. приобрел международный статус.

Можно образно сказать, что благодаря «Кижской регате» лодка-«кижанка» из седой древности всплыла в XXI в. и получила всероссийскую известность (рис. 7).

*Рис. 7. Лодка-«кижанка» мастера Н. В. Судьбина из д. Насоновщина.
Фото автора. 2000 г.*

Основные участники «Кижской регаты» – местные жители и работники музея «Кижь». Ежегодно в гонках участвовали от 30 до 40 лодок. За эти годы определена дистанция, оборудованы места старта и финиша, расчищена и благоустроена береговая линия вдоль трассы гонки. В праздничных гонках участвовали более 1000 местных жителей, лодочников из районов Карелии, соседних и дальних областей – от Калининграда до Чукотки и из соседней Финляндии. Накопленный опыт позволил объединить вокруг музея местное сообщество, партнёров и спонсоров. Местными жителями была выделена земля для лагеря регаты, вместе с музеем подготовлено место для стоянки лодок и размещения палаток участников «Кижской регаты».

Главным событием и украшением гонок является участие лодок-«кижанок», которые разыгрывают главные призы, что стимулирует сохранение старых и строительство новых лодок. Кроме того, гости фестиваля смогли увидеть в гонках традиционные лодки иных районов Карелии и других

регионов, в том числе самые экзотические, например, различные долблёнки, каноэ, чукотскую байдару, берестяной и кожаный каюки, французскую гичку и древнюю русскую ладью (рис. 8).

Рис. 8. Лодки-«кижанки» на старте «Кижской регаты».

Фото О. А. Семененко. 2014 г.

Этот праздник народной гребли пользуется поддержкой местного сообщества, с большим интересом воспринимается участниками из районов Карелии и Северо-Запада России. С 2013 г. один из этапов гонок фестиваля проходит в селе Великая Губа.

«Кижская регата» способствовала сохранению и передаче будущим поколениям традиций народной культуры, что является одной из важнейших задач музея-заповедника «Кижь». Благодаря фестивалю сейчас только в Республике Карелия в 10 городах и деревнях ежегодно проходят местные праздники и гонки на лодках. Появились подобные фестивали и в некоторых областях России.

Ещё одно важное направление работы – это строительство новых «кижанок», а также организация и проведение в программе «Кижской регаты» конкурса мастеров «Народная лодка».

В 2008 г. в плотницком центре музея на острове Кижь местным мастером была построена первая лодка-«кижанка». В этом же году в программе «Кижская регата» был проведён первый конкурс мастеров «Народная

лодка», на котором были представлены 13 лодок, из них 5 новых лодок-«кижанок». За семь лет в конкурсе участвовало более 120 новых лодок из разных районов Республики Карелия, четырёх областей Северо-Западного региона и даже из Чукотского АО. Каждый год число «кижанок» увеличивается на одну-две лодки (рис. 9).

Рис. 9. «Кижанки» на конкурсе мастеров «Народная лодка». Фото автора. 2009 г.

Одна из новых лодок-«кижанок» представлена в Калининграде в экспозиции Музея мирового океана, который ежегодно посещают сотни тысяч туристов и жителей российского анклава в Европе. Поступают заказы на кижские лодки из других районов Карелии и даже из Подмосковья и Поволжья.

С 2010 г. в экспозиционной мастерской музея в доме Сергеева были построены и спущены на воду три новых лодки-«кижанки», которые участвовали в конкурсе «Народная лодка» и гонках «Кижская регата», а всего за эти годы мастерами было построено 15 новых лодок-«кижанок», что является важным результатом работы музея «Кижы» (рис. 10, 11).

Плодотворная работа по реализации проекта ««Кижанка» – лодка острова Кижы. Возрождение» может осуществляться только совместно с партнерами музея. В 2008 г. музей-заповедник «Кижы» провёл первый круглый стол по проблемам сохранения традиционного судостроения в России и стал одним из организаторов ассоциации «Морское наследие России». Участниками круглого стола было отмечено, что в России нет

музейных специалистов в области народного судостроения, описания и использования коллекций, отсутствует опыт сохранения традиционного народного судостроения, его популяризации и демонстрации посетителям. Участники проекта приняли решение объединить свои усилия в этом направлении работы.

Рис. 10. Экспозиционное строительство лодки в мастерской дома Сергеева. Фото автора. 2010 г.

Рис. 11. Лодки и сойма в «Кижской гавани». Фото автора. 2014 г.

В 2013–2014 гг. в рамках фестиваля «Кижская регата» прошли 2 и 3 круглые столы по вопросам сохранения, музеефикации народного судостроения и его использования в развитии водного туризма. В список мероприятий по сохранению Морского наследия России включён вопрос о развитии водного туризма и создании на базе музея «Кижь» Российского центра по музеефикации, реставрации и строительству народных лодок.

Дальнейшее развитие проекта в музее «Кижь» будет направлено на привлечение внимания общественности и поиск путей оптимизации работы по изучению и сохранению традиций народного судостроения и создание в музее «Кижь» нового турпродукта. В планах развития работы сектора народного судостроения музея предусматриваются следующие направления:

1. Создание новых площадок экспозиционного судостроения – лодочных мастерских на острове Кижь и в д. Еглово. Посетители музея смогут не только увидеть, но и получить навыки и попробовать свои силы в традиционном народном судостроении и судоходстве.

2. Организация сектора традиционного судостроения и судоходства в историческом квартале города Петрозаводска с лодочной мастерской и музейной гаванью.

3. Открытие во входной зоне на острове Кижь новой экспозиции по истории традиционного судостроения и судоходства в павильоне «Петровский галеас».

4. Создание условий для развития водного историко-культурного и экологического туризма в охранной зоне музея «Кижь».

5. Дальнейшее развитие фестиваля «Кижская регата», проведение новых конкурсов и гонок в Кижских шхерах.

6. Продолжение работы с Морским центром, Петрозаводским государственным университетом, Республиканским детско-молодёжным центром и вытегорским клубом «Корабелы Прионежья» по организации совместного строительства лодок-«кижанок» и обучению деревянному судостроению и традиционной технологии молодёжи и студентов.

7. Участие в различных российских и международных фестивалях, на которых будут представляться традиционные лодки Карелии и может быть организовано строительство новых народных лодок.

Все мероприятия по проекту ««Кижанка» – лодка острова Кижь. Возрождение» будут сопровождаться специально подготовленными выставками, пресс-конференциями, семинарами, лекциями, обучающими мастер-классами. Информация о проекте будет распространяться в СМИ и по сети Интернет.

Реализация данных мероприятий позволит, во-первых, сохранить исчезающие традиции деревянного судостроения и судоходства и продемонстрировать их посетителям музея. Во-вторых, расширить экспозиционный потенциал музея и сферу туристических услуг. В-третьих, создать базы для развития историко-экологического водного туризма и новые рабочие места, что послужит социально-экономическому развитию территории охранной зоны музея-заповедника «Кижы» и других сельских районов Карелии.

Важным аспектом при разработке предложений по музеефикации исторических поселений Кижского района является принцип объединения интересов местного сообщества и музея «Кижы». В перспективе включение исторических поселений в экспозиционный показ будет способствовать развитию хозяйственных и социальных структур данных поселений на базе сохранения и пропаганды историко-культурного потенциала района.

Одним из важнейших направлений в реализации выдвинутых предложений является привлечение финансовых средств, получение грантов от различных фондов и партнеров, включая инвесторов и местное сообщество.

Результаты изучения и сохранения в музее-заповеднике «Кижы» народного судостроения показывают, что данная работа может осуществляться музейными методами, в том числе в специально создаваемых центрах по изучению и музеефикации народного судостроения.

Очень важным в работе является сотрудничество с ассоциацией «Морское наследие России», развитие партнёрской сети с целью получения информации о новых формах работы и обмена существующим опытом с другими музеями-заповедниками не только России, но и стран СНГ и Евросоюза. В ежегодном сборнике «Музеи под открытым небом» появилась статья автора⁶. Возможно, уже необходимо проведение специальных конференций по вопросам изучения, сохранения и представления в музеях-заповедниках судостроения, в том числе и международных. В результате совместной работы накопленные исторические материалы и существующий в России и Европе опыт сохранения и музеефикации традиционного судостроения и судоходства будут использованы в работе музеев-заповедников.

---

⁶ Naumov Y. Results work of museum-reserve «Kizi» in studi, musealisation and preservation of national shipbuilding and navigation. С. 236–273.

И. В. Мельников

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ОСТРОВА КИЖИ

В 1996 г. в музее-заповеднике «Кижы» начала реализовываться научно-исследовательская программа по составлению археологической карты Кижского историко-культурного района. В настоящий момент работа по ней, в целом, завершена. Результаты опубликованы в виде двух монографий¹, одна из которых посвящена памятникам первобытной археологии, вторая – памятникам археологии эпохи Средневековья².

Тематика изданных монографий отражает два направления, по которым велись исследования. Первое из них связано с выявлением и изучением памятников первобытной археологии, включающих поселения и могильники археологических эпох мезолита, неолита и энеолита, второе направление – памятников археологии эпохи Средневековья. В ходе исследований удалось выявить объекты археологического наследия с момента первоначального заселения края, которое на территории Заонежья, согласно принятой в археологии Карелии хронологии, видимо, произошло в VI тыс. до н. э., до времени развитого Средневековья – XVI в. Следует заметить, что в окрестностях острова Кижы не найдены памятники археологии бронзового и железного веков. Это типично для Заонежья в целом, где памятники археологии этого времени пока не обнаружены³.

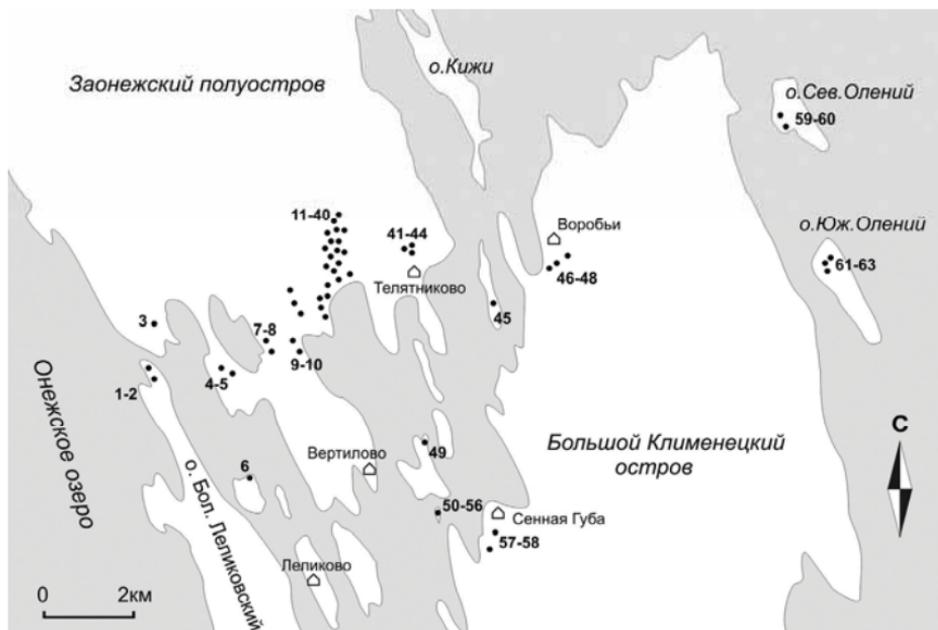
Исследование по первобытной археологии осуществлялось силами сотрудников музея-заповедника «Кижы», совместно – И. В. Мельникова с (с 2000 г.) К. Э. Германом. Руководителем работ по средневековому направ-

¹ Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск: РИО КарНЦ, 2013. 408 с.

² Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI вв. (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2012. 164 с.

³ Единственное исключение представляет поселение Радколье 7, где найдены фрагменты одного сосуда, предположительно относящегося к железному веку.

лению был сотрудник Петрозаводского госуниверситета А. М. Спиридонов. Для решения конкретных научно-исследовательских задач к работам подключались сотрудники других учреждений – Института геологии КарНЦ РАН, Института истории материальной культуры РАН, Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН и некоторых других. Исследования, в основном, осуществлялись за счет средств музея-заповедника «Киж», также удалось привлечь финансирование по грантам РГНФ и РФФИ⁴.

Рис. 1. Памятники археологии эпохи камня – раннего металла в окрестностях острова Киж

(1–2 – Леликово1,2; 3 – Вертилово 6; 4–5 – Вертилово 4–5; 6 – Калгов 1; 7–8 – Вертилово 3,7; 9–10 – Вертилово 1,2; 11–40 – Вожмариха 1–30; 41–44 – Жарниково 1–4; 45 – Керкостров 3; 46–48 – Воробьи 2,3,4; 49 – Букольников 1; 50–56 – Радколье 1–7; 57–58 – Сенная Губа 1,2; 59–60 – Северный Олений Остров 1,2; 61 – Оленеостровский могильник; 62 – Южный Олений Остров 1 (Оленеостровская стоянка); 63 – Южный Олений Остров 2)

Район работ включал южную часть Заонежского полуострова, а также примыкающие к нему острова архипелага Кижские шхеры (рис. 1). Были обследованы юго-западное, южное и юго-восточное побережья Заонежского полуострова (от урочища Пески, затем на юг до пролива Малая Солома и далее на восток и северо-восток до залива Великая губа). Также

⁴ Проект РГНФ № 03-01-00056а и проект РФФИ № 06-06-88017-к.

обследовались территории островов архипелага Кижские шхеры, прежде всего, наиболее крупных: Большой Клименецкий, Большой Леликовский, Шуневский, Волкостров, Кижы, Керкостров, Мальковец, Букольников, Калгов, Радколье, Северный и Южный Оленьи и ряда других.

Цель работ – сплошное обследование территории на предмет выявления памятников всех археологических эпох. В результате удалось зафиксировать более 80 памятников археологии мезолита, неолита, энеолита, а также эпохи Средневековья.

К эпохе мезолита – энеолита относятся 60 памятников, из которых раскопки площадью от 34 до 256 кв. м произведены на 20 (в том числе на 14 поселениях раскопанная площадь составила более 88 кв. м). Еще на 19 памятниках были заложены шурфы площадью от 10 до 20 кв.м. На 20 поселениях объем раскопочных работ был небольшой, вскрытая площадь составила от 1 до 8 кв. м, а на двух поселениях были произведены только сборы на пашне. В таблице 1 представлен список исследованных памятников первобытной археологии.

Таблица 1. Список памятников археологии мезолита – энеолита

№	Вид и название памятника	Периодизация	Площадь (кв. м)	Вскрытая площадь (кв. м)	Автор отчета и год проведения работ
1	Поселение Вертилово 1	?	500	1,5	Мельников, 1996
2	Поселение Вертилово 2	Энеолит	900–1500	1	Мельников, 1997
3	Поселение Вертилово 3	Неолит, энеолит	600	88	Мельников, 1997, Герман, 2001, 2002
4	Поселение Вертилово 4	Мезолит	600–1100	Зачистка (1 м)	Мельников, 1997
5	Поселение Вертилово 5	Мезолит	1000	Зачистка (1,7 м)	Мельников, 1997
6	Поселение Вертилово 6	Мезолит	900–1100	Зачистка (2,9 м)	Мельников, 1997
7	Поселение Вертилово 7	Неолит	2000	52	Герман, 2003, 2004
8	Поселение Вожмариха 1	Мезолит, неолит	2500–3000	256	Мельников, 1995, 2003, 2004
9	Поселение Вожмариха 2	Мезолит	4000	100	Мельников, 1995, 1999
10	Поселение Вожмариха 3	Мезолит	2000	96	Мельников, 1995, 2000
11	Поселение Вожмариха 4	Неолит	1500–2000	244	Мельников, 1996, 2001, 2002
12	Поселение Вожмариха 5	Мезолит	3500	96	Мельников, 1996, Герман, 2002
13	Поселение Вожмариха 6	Мезолит	1200	4	Мельников, 1996
14	Поселение Вожмариха 7	Неолит	3000	1,5	Мельников, 1996
15	Поселение Вожмариха 8	Мезолит	5700	68	Мельников, 1996, Герман, 2005

16	Поселение Вожмариха 9	Мезолит	2700–3200	12	Мельников, 1996
17	Поселение Вожмариха 10	Мезолит	1000–1100	116	Мельников, 1997, 2001
18	Поселение Вожмариха 11	Мезолит	1300–1400	56	Мельников, 1997 Герман, 2000
19	Поселение Вожмариха 12	Мезолит	1500	20	Мельников, 1997
20	Поселение Вожмариха 13	Мезолит	2500–3000	3	Мельников, 1997
21	Поселение Вожмариха 14	Мезолит	1500–1600	12	Мельников, 1997
22	Поселение Вожмариха 15	Неолит	2000	100	Мельников, 1997 Герман, 2001
23	Поселение Вожмариха 16	Мезолит	2000–2500	16	Мельников, 1998
24	Поселение Вожмариха 17	Мезолит	1000–1500	4	Мельников, 1998
25	Поселение Вожмариха 18	Энеолит	1500	1	Мельников, 1998
26	Поселение Вожмариха 19	Энеолит	1250	88	Мельников, 1999, 2007
27	Поселение Вожмариха 20	Неолит	2000	4	Мельников, 2000
28	Поселение Вожмариха 21	Неолит, энеолит	900	112	Мельников, 2000, 2006
29	Поселение Вожмариха 22	Мезолит	2000	156	Герман, 2000, 2004
30	Поселение Вожмариха 23	Мезолит	700	36	Герман, 2000, 2008
31	Поселение Вожмариха 24	Мезолит	1000–1500	48	Мельников, 2001, 2009
32	Поселение Вожмариха 25	Неолит	1300	8	Герман, 2002
33	Поселение Вожмариха 26	Неолит	?	108	Герман, 2002, 2003
34	Поселение Вожмариха 27	Неолит	2000	8	Герман, 2002
35	Поселение Вожмариха 28	Неолит	1000	16	Герман, 2011
36	Поселение Вожмариха 29	Мезолит	2000	10	Мельников, 2011
37	Поселение Вожмариха 30	Мезолит	1600–2400	8	Мельников, 2011
38	Поселение Жарниково 1	Мезолит	600	20	Герман, 2011
39	Поселение Жарниково 2	Мезолит	900–1000	20	Герман, 2011
40	Поселение Жарниково 3	Мезолит	150	20	Герман, 2011
41	Поселение Жарниково 4	Неолит	600	20	Герман, 2012
42	Поселение и могильник Букольников 1	Неолит	500	12	Мельников, 2009
43	Поселение Воробьи 2	Неолит	450	12	Мельников, 2008
44	Поселение Воробьи 3	Неолит	600	16	Мельников, 2009
45	Поселение Воробьи 4	Неолит	3000	12	Мельников, 2010
46	Поселение Калгов 1	Неолит	500	6	Мельников, 2008
47	Поселение Керкостров 3	Энеолит	1000	12	Мельников, 2007
48	Поселение Леликово 1	Неолит, энеолит	500	36	Мельников, 1997, 2005
49	Поселение Леликово 2	Неолит	1300	16	Мельников, 2005
50	Поселение Радколье 1	Неолит, энеолит	300–360	20	Мельников, 2007
51	Поселение Радколье 2	Неолит	1300–1400	8	Мельников, 2008
52	Поселение Радколье 3	Неолит	1500–1600	16	Мельников, 2009
53	Поселение Радколье 4	Неолит	400–500	4	Мельников, 2009
54	Поселение Радколье 5	Неолит, энеолит	800	12	Мельников, 2010
55	Поселение Радколье 6	Неолит	300	8	Мельников, 2010

Окончание табл. 1.

№	Вид и название памятника	Периодизация	Площадь (кв. м)	Вскрытая площадь (кв. м)	Автор отчета и год проведения работ
56	Поселение Радколье 7	Энеолит	300	8	Мельников, 2011
57	Поселение Северный Олений Остров 1	Неолит		12	Филатова, 1972, Лобанова, 1991
58	Поселение Северный Олений Остров 2	?	500	Зачистка (2,8 м)	Герман, 2001
59	Поселение Сенная Губа 1	Мезолит	4800	Сборы на пашне	Герман, 2005
60	Поселение Сенная Губа 2	Неолит	800	Сборы на пашне	Герман, 2006
61	Поселение Южный Олений Остров 1 (Оленеостровская стоянка)	Мезолит	5000	328	Гурина, 1953, Панкрушев, 1956, 1957 Филатова, 1972, Герман, 2000, 2007
62	Поселение Южный Олений Остров 2	Мезолит	?	34	Герман, 2005, 2006

Таким образом, нами использовалась методика сплошного разведочного обследования территории данного локального района с последующим выборочным изучением отдельных памятников, которые в совокупности представляют все известные здесь археологические культуры мезолита – энеолита. Такой подход позволил сформулировать ряд существенных положений, касающихся древнейшей истории рассматриваемого района. Во-первых, были установлены основные этапы развития культуры населения древнего Заонежья, выделены культурно-хронологические группировки памятников, которые, в целом, соответствуют существующим в археологической науке представлениям о характере развития древней культуры в обонежском регионе. Полученные комплексы эпохи камня – раннего металла относятся к Обонежской мезолитической культуре, культурам неолита с керамикой сперрингс, ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной, а также энеолитическим культурам с ромбо-ямочной и асбестовой керамикой.

Во-вторых, на основе статистического анализа исследованных древностей сделаны выводы о степени освоенности района в разные хронологические периоды. Отмечено наибольшее освоение района в период мезолита и позднего неолита. Памятники раннего неолита и энеолита имеются, но они не так многочисленны.

В-третьих, удалось произвести дифференциацию выявленных в районе древних поселений, а также отметить особенности их топографического положения. В частности, были выделены поселения длительного круглогодичного проживания, располагающиеся, в основном, на материковых участках

в районе древнего побережья залива Вожмариха и в ряде случаев содержащие чистые инвентарные комплексы. Также удалось исследовать кратковременные стоянки, как правило, приуроченные к возвышенным участкам небольших каменистых островов вблизи материкового побережья и имеющих следы многократного посещения древним населением.

В-четвертых, полученные инвентарные комплексы, а также анализ исследованных в ряде случаев остатков древних сооружений позволил сформулировать ряд заключений о характере хозяйственно-бытовой и промышленной деятельности древнего населения в рассматриваемом районе.

В целом, памятники археологии южного Заонежья следует рассматривать в общем контексте изучения археологических древностей бассейна Онежского озера. Развитие древних культур происходило здесь в рамках общих закономерностей и процессов, которые действовали как на территории Обонежья, так и всего региона Восточной Фенноскандии.

Отметим важный момент, характеризующий специфику рассматриваемой нами источниковой базы. Это преобладание среди поселений исследованного района смешанных инвентарных комплексов, содержащих находки разных археологических эпох, что обусловлено особенностями формирования береговой линии Онежского озера в районе южного Заонежья. На одних и тех же участках древнего берега, в непосредственной близости встречаются находки, различающиеся в культурно-хронологическом отношении. Учитывая особенности формирования культурного слоя поселений на материке, который сложен песчаными отложениями и, как правило, не превышает 0,6 м, стратиграфически проследить последовательность формирования культурных отложений и расчлнить состав инвентарного комплекса не представляется возможным. Такая же ситуация характерна и для кратковременных поселений, располагающихся на небольших скалистых островах (Радколье, Леликово) и часто имеющих маломощный (10–15 см) культурный слой, перекрывающий скальную поверхность.

В ходе раскопочных работ (вскрыто более 2000 кв.м) были получены коллекции, насчитывающие в общей сложности более 12 тыс. единиц хранения, а с учетом массового нешифрованного материала – более 30 тыс. предметов. Данные материалы хранятся в фондах музея-заповедника «Кижы». Часть из них представлена на выставке в экспозиции музея на острове Кижы, а также экспонировалась на временных выставках в выставочных залах музея-заповедника «Кижы» в г. Петрозаводске.

Следует заметить, что к началу наших исследований в Кижях было известно только три памятника первобытной археологии (могильник и стоянка на Южном Оленьем острове Онежского озера и стоянка на Северном Оленьем острове) и четыре средневековых селища (из них три на

острове Кижь). Вместе с тем окрестности острова Кижь до нас неоднократно оказывались в поле зрения археологов. В частности, из окрестных кижских деревень были известны отдельные находки каменных орудий⁵, исследования в окрестностях острова Кижь проводили археологи Н. Н. Гурина, Г. А. Панкрушев, В. Ф. Филатова, Н. В. Лобанова, А. П. Журавлев. Обзор предшествующих исследований и их результатов был сделан нами в упомянутой монографии⁶.

Наиболее интересные и значимые работы наших предшественников связаны с раскопками на Южном Оленьем острове, в частности, исследованиями знаменитого Оленеостровского могильника (1936–1938 гг.), который в настоящее время является эталонным памятником для изучения эпохи мезолита на Севере Европы. Подробная публикация материалов была сделана Н. Н. Гуриной в известной монографии⁷, которая предварялась статьей В. И. Равдоникаса, руководителя раскопок 1936–1937 гг. Заметим, что любопытные сведения об истории открытия могильника содержатся в воспоминаниях Д. С. Богданова, который в 30-х гг. XX в. был директором Оленеостровских известковых разработок и первый сообщил археологам о находках древних костей⁸. В дальнейшем об Оленеостровском могильнике писали разные археологи, можно упомянуть Г. А. Панкрушева, В. Ф. Филатовой. В ходе исследований последних лет также предпринимались попытки обратиться к этому памятнику. В частности, в рамках упомянутого проекта РФФИ была организована экспедиция с участием специалистов разных учреждений⁹, одной из задач которой было попытаться найти на Южном Оленьем острове новые погребения. Однако это сделать не удалось, зато были проведены дополнительные исследования на Оленеостровской стоянке и открыто новое мезолитическое поселение Южный Олений остров 2. Причем и с первой, и со второй стоянки в ходе новых работ были получены весьма представительные коллекции, переданные на хранение в фонды музея-заповедника «Кижь».

Со второй половины 1990-х гг. археологические исследования на территории южного Заонежья связаны с деятельностью археологической экспедиции музея-заповедника «Кижь».

⁵ Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. С. 213, 223, 236, 237.

⁶ Мельников И. В. Герман К. Э. Древние поселения... С. 4–5.

⁷ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956.

⁸ Богданов Д. С. Олень острова (из воспоминаний «Лазурное Заонежье») // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 27–28.

⁹ Проект № 06-06-88017-к «Происхождение и процессы формирования населения Севера Европы (антропологический состав, экология человека, историко-культурное развитие)». В исследованиях принимали участие специалисты Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (руководитель В. И. Хартанович), Института истории материальной культуры РАН, Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН и др.

В 1995–1999 гг. автором настоящей статьи в южной части Заонежского полуострова были открыты поселения Вожмариха 1–21, которые относятся к эпохам мезолита, неолита и энеолита. Памятники находятся в районе залива Вожмариха Онежского озера и располагаются компактной группой на протяжении 2 километров вдоль древней ныне заболоченной береговой линии залива. Еще шесть поселений мезолита и неолита (Вертилово 1–6) были выявлены западнее залива Вожмариха в районе лесного озера Копанец. Наконец еще одно поселение – Леликово 1, содержащее смешанный комплекс инвентаря, было открыто на северной оконечности Большого Леликовского острова.

С 2000 г., после прихода в музей-заповедник «Кижы» К. Э. Германа, исследования в южном Заонежье проводились И. В. Мельниковым и К. Э. Германом совместно. В результате были открыты еще девять памятников мезолита и неолита в районе залива Вожмариха (поселения Вожмариха 22–30), неолитические поселения Вертилово 7 и Леликово 2. К. Э. Германом в южной части Заонежского полуострова были открыты четыре поселения мезолита в районе деревни Жарниково (Жарниково 1–4).

В 2007–2011 гг. была проведена разведка на островах архипелага Кижские шхеры. На Большом Клименецком острове были открыты три неолитических поселения в районе деревни Воробьи. Поселение энеолита с асбестовой керамикой открыто на Керкострове. Неолитическое поселение с ямочно-гребенчатой керамикой зафиксировано на острове Калгов. Важным открытием стало выявление на острове Букольников позднеэнеолитического могильника, а также поселения, содержащего керамические комплексы эпохи неолита и энеолита.

Весьма интересные результаты дали исследования на острове Радколье. О связанной с ним и имеющимися на острове каменными объектами оригинальной фольклорно-этнографической традиции писалось неоднократно, высказывалось предположение, что на Радколье в древности могло существовать святилище¹⁰. Археологам остров Радколье также был известен, в частности, в каталоге памятников археологии Карелии А. Я. Брюсова сообщается, что на вершине острова имеется «часть скалы, производящая впечатление высеченной человеческой головы огромных размеров. Определенных следов искусственной обработки этой скалы в настоящее время заметить нельзя. ...Обследование острова производил

¹⁰ См., например: Агапитов В. А., Мельников И. В. О древнем культовом комплексе в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 151–159; Логинов К. К. Заонежский праздник Радкольское воскресенье // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 37–46.

в 1933 г. А. Брюсов»¹¹. В 2007–2010 гг. авторами на острове Радколье была проведена разведка, показавшая наличие там довольно насыщенного находками культурного слоя. Всего было открыто семь поселений, содержащих смешанный комплекс инвентаря неолита и энеолита.

Параллельно с разведочными работами проводились раскопки отдельных памятников, имевшие целью уточнение их культурно-хронологической атрибуции. По результатам раскопок подготавливались предварительные публикации, которые, в основном, издавались в научных сборниках музея-заповедника «Кижы», а также материалах конференций¹². В 1999–2002 гг. были проведены раскопки мезолитических поселений Вожмариха 2, 3, 5, 10, 11. В 2001–2004 гг. раскопками исследовались поселения неолита Вожмариха 1, 4, 15, 26, а также Вертилово 3 и 7. В 2004 и 2005 г. – мезолитические поселения Вожмариха 8 и 22. В том же 2005 г. были проведены раскопки поселения Леликово 1, в результате которых был получен смешанный комплекс инвентаря неолита и энеолита. В 2006 г. исследовалось поздненеолитическое поселение Вожмариха 21, а в 2007 г. – поселение позднего энеолита с асбестовой керамикой Вожмариха 19. В 2008–2009 гг. раскопки были проведены на поселениях мезолита Вожмариха 23 и 24.

К древнейшей в Карелии археологической эпохе мезолита в окрестностях острова Кижы относятся 27 поселений. Они принадлежат к трем функциональным типам памятников, которые были выделены В. Ф. Филатовой для Обонежской мезолитической культуры¹³: 1. Долговременные поселения без заглубленных жилищ (поселения Вожмариха 11, 22, 24, а также, возможно, Вожмариха 5, 8). 2. Долговременные поселения с зимними углубленными жилищами (Вожмариха 1, 2, 3). 3. Сезонные (летние) поселения без жилищ (Вожмариха 10). Большое количество открытых памятников археологии эпохи мезолита, найденный в ходе их раскопок многочисленный и разнообразный инвентарь, наличие в районе такого выдающегося памятника, как Оленеостровский могильник, определенно свидетельствуют о том, что в эпоху мезолита южное Заонежье было хорошо освоено древним населением. В целом, мезолитические памятники района острова Кижы являются частью Обонежской мезолитической культуры и датируются VI – серединой V тыс. до н. э.¹⁴

Найденные в окрестностях острова Кижы поселения эпохи неолита – раннего энеолита относятся к четырем известным в Обонежье археологическим культурам: сперрингс, ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики.

¹¹ Брюсов А. Я. История... С. 234.

¹² Библиографию см.: Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения... С. 148–150.

¹³ Филатова В. Ф. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004. С. 120.

¹⁴ Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения... С. 15–25.

К культуре сперрингс в южном Заонежье относится 11 поселений, причем на трех памятниках (Вожмариха 25, 26, 28) она представлена чистыми комплексами. Они делятся на два функциональных типа: круглогодичные поселения или места многократного использования (Вожмариха 26, Вертилово 3 и 7) и кратковременные поселения на островах, где керамика сперрингс представлена в составе смешанных комплексов. В целом, поселения с керамикой сперрингс района острова Кижы являются частью культуры сперрингс и датируются V – серединой IV тыс. до н. э.¹⁵

В южном Заонежье культура ямочно-гребенчатой керамики представлена на 17 поселениях, как правило, в составе смешанных комплексов. Наибольший интерес представляют поселения Вожмариха 1, 4 (раскоп 1), 15, Леликово 1, Букольников 1 и Воробьи 4, где ямочно-гребенчатая керамика доминирует и составляет около 2/3 или более от числа найденных сосудов. Особо следует обратить внимание на поселение с относительно чистым комплексом ямочно-гребенчатой керамики Воробьи 4, где из шурфа 12 м² получена коллекция, включавшая 789 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики от 75 сосудов, и только 1 фрагмент относится к керамике сперрингс и 2 фрагмента к асбестовой керамике. По числу найденных сосудов это самая представительная коллекция ямочно-гребенчатой керамики среди памятников южного Заонежья.

Значительная часть памятников с ямочно-гребенчатой керамикой находится на островах. Данные поселения, видимо, использовались для непродолжительных остановок. В ряде случаев они располагаются в скалистых местах, неудобных для постоянного проживания (Леликово 1, 2, Калгов 1, Радколье 2, 3). В то же время эти места до сих пор используются для кратковременных остановок рыбаков в силу того, что они располагаются в местах, удобных для промысла. На поселении Радколье 3 в разведочных шурфах были найдены два фрагмента рыболовных крючков, сделанных из сланца. Подобные изделия на других поселениях южного Заонежья нигде найдены не были.

Кроме того, указанные стоянки находятся вблизи проливов, имеющих большое значение для плавания как в районе южного Заонежья, так и всего Онежского озера. Например, поселения на Большом Леликовском острове находятся на берегу пролива Малая Солома, отделяющего остров от Заонежского полуострова. Через этот пролив ведет кратчайший путь, связывающий Уницкий и Лижемский заливы, а также западное побережье Онежского озера с южным и восточным Заонежьем и с восточным побережьем Онежского озера, в частности Пудожским берегом. Непосредственно на данном маршруте находятся также острова Калгов и Радколье. Вполне возможно, что они использовались для остановок путешественников, совершавших водные поездки по Онежскому озеру.

¹⁵ Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения... С. 26–33.

Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой южного Заонежья являются составной частью культуры ямочно-гребенчатой керамики и датируются IV тыс. до н. э.¹⁶

С гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой в окрестностях острова Кижы связаны 15 поселений, а также могильник на острове Букольников. На четырех поселениях проводились раскопки большой площадью: Вожмариха 1, 4 (раскоп 2), 21 и Леликово 1. Среди данной группы поселений южного Заонежья можно выделить три функциональных типа: 1. Круглогодичного проживания с жилищами-полуземлянками (Вожмариха 1). 2. Сезонные, с наземными постройками или без таковых, которые функционировали в течение теплого сезона (Вожмариха 4, 21). 3. Кратковременного посещения, которые находились на островах. В целом, памятники с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой района острова Кижы являются составной частью одноименных культур и датируются IV–III тыс. до н. э.¹⁷

Большое значение для изучения памятников позднего неолита имеет открытие на острове Букольников, в 6 километрах от острова Кижы грунтового могильника. При раскопках в шурфе были выявлены два погребения, одно из которых было частично разрушено имеющимся в этой части острова старым песчаным карьером. В расчищенных ямах сохранились костные останки людей. Оба погребения были посыпаны красной охрой. Сохранившееся погребение (№ 1) имело вытянутую подовальную форму и размер около 2,4x0,6 м, глубину около 0,2 м. В обеих могилах, судя по сохранившимся фрагментам черепа, умершие были ориентированы головой на северо-запад. В погребении № 1 был прослежен слой бересты, которым был покрыт умерший. Также в погребениях был найден сопровождавший инвентарь. Среди найденных предметов в погребении № 1 были представлены янтарная пуговица, сланцевая подвеска, обломок кремневого наконечника копья, лидитовый скребок; в погребении № 2: янтарное кольцо, сланцевая подвеска, кремневый наконечник стрелы. По бересте, которой был покрыт умерший в погребении 1, была получена радиоуглеродная дата 4740±60 лет назад (ЛЕ 9391), которая отражает время совершения захоронения. Открытие могильника Букольников 1 является первой находкой такого рода на территории Карелии, где поздненеолитические могильники до настоящего времени не были известны¹⁸.

¹⁶ Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения... С. 34–39.

¹⁷ Там же. С. 40–47.

¹⁸ Антропологические определения выполнены в МАЭ РАН, определение бересты – в Институте биологии КарНЦ РАН.

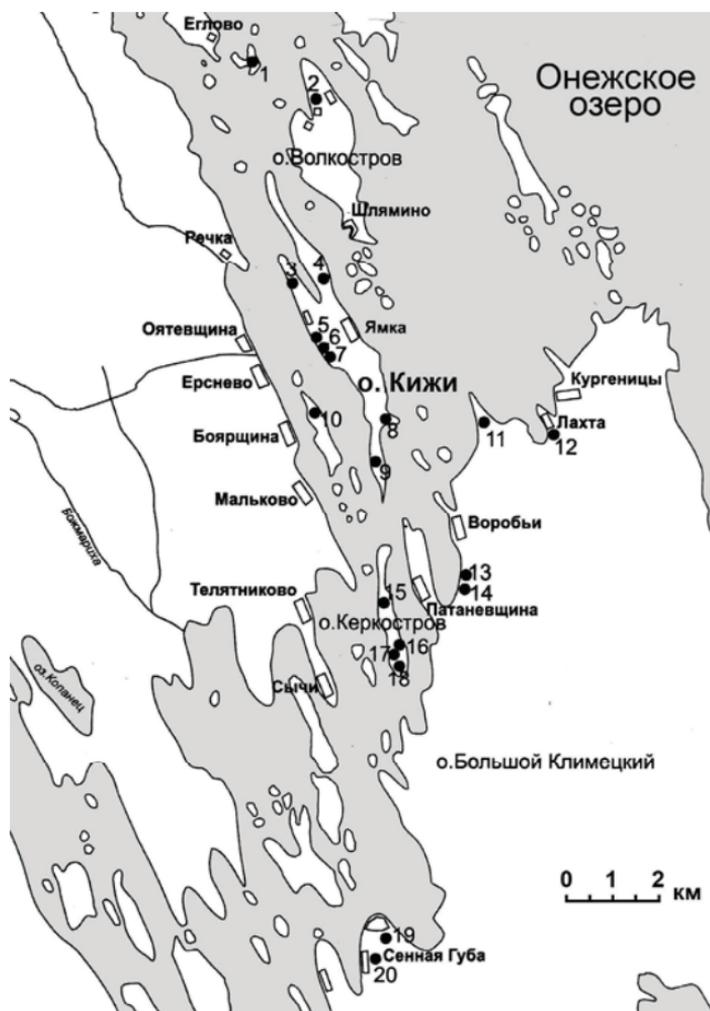
На территории южного Заонежья керамика с примесью толченого асбеста в глиняном тесте найдена на 13 поселениях. Почти везде она содержится в составе смешанных комплексов, причем в шести случаях в виде незначительной примеси. В функциональном отношении они относятся к двум типам поселений: «зимние» поселения с жилищами-полуземлянками (Вожмариха 18) и «летние» – без таковых (Вожмариха 19). Так же, как и об отдельном типе, можно говорить об островных поселениях, которые, по особенностям топографического расположения существенно отличаются от материковых стоянок и, как отмечалось выше, использовались древним населением для кратковременных остановок. Хронология стоянок лежит в пределах второй половины III – середины II тыс. до н. э.¹⁹

Таким образом, южное Заонежье в эпоху камня – раннего металла – представляло собой район, хорошо освоенный древним населением. Благоприятные условия, существовавшие в районе залива Вожмариха, способствовали тому, что древнее население селилось там на протяжении длительного периода времени, включающего эпохи мезолита, неолита и энеолита. Это привело к формированию здесь комплекса разновременных поселений, залегающих на песчаных береговых террасах, фиксирующих колебание уровня Онежского озера на протяжении эпохи голоцена. Памятники располагаются в непосредственной близости друг от друга и вычлняются на основе особенностей топографического расположения, удаленности от современного берега и высоты над урезом воды.

Со второй половины 2 тыс. до н. э. в расселении древних жителей Заонежья происходят существенные изменения. Памятники бронзового и железного веков на территории Заонежья неизвестны, что особенно удивительно на фоне большого числа позднеэнеолитических поселений с асбестовой керамикой. Видимо, древнее население – это были непосредственные предки исторических саамов – предпочитало селиться на территории к западу и востоку от Онежского озера, где памятники этого времени известны в значительном количестве. Возможно, это отражает переориентацию хозяйственной деятельности древнего населения на занятие пушным промыслом, который давал важную товарную продукцию. Население вело более подвижный образ жизни, эксплуатируя промысловые угодья в районе прохождения основных водных торговых путей, связанных с крупными речными системами – Свирь, Шуя, Суна, Водла. Посещения территории Заонежья были эпизодическими и археологически трудноуловимыми. Например, на острове Радколье на семи поселениях найдены сотни фрагментов от десятков древних сосудов и только один небольшой фрагмент венчиковой части может быть связан с кругом культур железного века.

¹⁹ Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения... С. 48–51.

Ситуация начинает меняться с эпохи раннего Средневековья, когда на Север устремляются новые переселенцы – прибалтийские финны и славяне из псковских и новгородских земель, основу хозяйственной деятельности которых составляло земледелие и животноводство. Их деревни возникли в новых ландшафтных условиях и сформировали ту систему расселения, которая известна нам по первым историческим свидетельствам.

Рис. 2. Средневековые поселения окрестностей острова Киж

(1 – Рогачево; 2 – Волкоостров; 3 – Бачурин Наволок; 4 – Бишево; 5 – Васильево 2; 6 – Васильево 3; 7 – Васильево 1; 8 – Наволок; 9 – Кижский Погост; 10 – Мальковец; 11 – Гивес-Наволок; 12 – Лахта; 13, 14 – Воробьи 1, 3; 15–18 – Керкостров 1, 2, 4, 5; 19, 20 – Сенная Губа 1, 2).

Актуальность археологии Кижей эпохи Средневековья определяется тем обстоятельством, что остров Киж и его ближайшая округа представляли собой центр Спасо-Преображенского Кижского погоста, а данные территории, как показал в своих исследованиях М. В. Витов, прежде всего подвергались освоению и в дальнейшем характеризовались высокой степенью заселенности²⁰. Кроме того, к моменту начала исследований какие-либо существенные археологические материалы по данному периоду времени в районе острова Киж отсутствовали, а интерес к району в немалой степени стимулировали имеющиеся историко-географические и лингвистические материалы²¹. Всего в ходе исследований на острове Киж и в его окрестностях было обнаружено и в разной степени исследовано 20 селищ (рис. 2, перечень см. в табл. 2), опубликованных в каталоге²², большинство из которых уверенно соотносятся с историческими поселениями, известными по писцовым и переписным книгам XVI–XVII вв.²³. Наиболее интересные материалы были получены в ходе раскопок поселений Наволок, Васильево 2 и Керкостров 2, где в раскопах были встречены индивидуальные датирующие вещи раннесредневекового времени. Наибольшие раскопки были проведены на селище Васильево 2 (440 кв. м). Интересно, что это поселение до конца XV в. являлось владельческим поселением новгородского боярина Луки Федоровича.

Динамика освоения территории в Средневековье, по мнению А. М. Спиридонова, представляется следующим образом. Первое население, имевшее комплексное хозяйство (земледелие, промысел, торговля), появилось в Кижках около 1000 г., однако примерно через сто лет – около 1100 г. – территория, видимо, запустевает. По крайней мере, в археологических материалах (в частности, наиболее изученного селища Васильево 2) не наблюдается непрерывности в развитии в течение XI–XIII вв. Около 1250 г. начинается следующий этап в освоении района, возможно, не связанный с предыдущим. Окончательно же система расселения в районе сложилась лишь на протяжении XV – первой половины XVI в. А. М. Спиридонов считает, «... что полученные в Кижках археологические датировки хорошо соотносятся с гипотезой М. В. Витова и И. В. Власовой, основанной на наблюдениях за семантическими типами топонимов писцовых книг Заонежской половины Обонежской пятины: массовая колонизация этого района Новгородской земли проходила в относительно сжатые сроки – на протяжении XIV–XV вв.»²⁴.

²⁰ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья. К истории сельских поселений. М., 1962.

²¹ Обзор литературы см.: Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье... С. 7.

²² Там же. С. 8–44.

²³ Там же. С. 82.

²⁴ Там же. С. 84.

Таблица 2. Памятники археологии эпохи Средневековья

№	Наименование селища	Площадь (кв. м)	Исследованная площадь (кв.м)	Датировка (века)	Автора отчета и год проведения работ
1	Кижский погост	3000	Сборы	XIV(?)–XVIII	Спиридонов, 1991
2	Наволоок	2000	136, сборы	X–XI, XIV(?)–XVIII	Спиридонов, 2000–2002
3	Васильево 1	2500	4	XV–XVIII	Спиридонов, 1991
4	Васильево 2	3000	440	X–XI, XIII–XV	Герман, 2003, 2009, Спиридонов, 2004–2006
5	Васильево 3	7000	8	XIII–XIV (?)–XVIII	Герман, 2004
6	Бишево	3000	8	XVI–XVIII	Герман, 2003
7	Бачурин Наволок	300	100	XVI–XVII	Герман, 2002, Спиридонов, 2003
8	Мальковец	700	40	XVI–XVII	Герман, 2003, Спиридонов, 2004
9	Рогачево	1500	16	XIV(?)–XVI	Герман, 2006
10	Волкостров	1500	Сборы	XIV(?)–XVIII	Герман, 2009
11	Гивес Наволок	1800	4	XV–XVIII	Спиридонов, 1991
12	Лахта	800	Сборы	XV–XVIII	Герман, 2004
13	Воробьи 1	300	16	XVII	Мельников, 2007
14	Воробьи 3	800	24	XV–XVIII	Мельников, 2007
15	Керкостров 1	1200	86	XV–XVII	Герман, 2002, Спиридонов, 2003
16	Керкостров 2	3000	48	X–XI, XV–XVII	Спиридонов, 2007
17	Керкостров 4	1500	60	X–XI, XIV(?)–XVII	Герман, 2008, Спиридонов, 2009
18	Керкостров 5	800 (?)	20	XV–XVII	Спиридонов, 2008
19	Сенная Губа 1	2000	Сборы	X–XI, XIV(?)–XVIII	Дмитриева, Кочкуркина, 1996 Герман, 2004
20	Сенная Губа 2	3000	Сборы	XIV(?)–XVII	Дмитриева, Кочкуркина, 1996, Герман, 2004

Хозяйственно-культурная принадлежность населения Кижей раннесредневекового времени имела двоякую направленность: с одной стороны, прослеживаются следы занятия промыслом и торговлей (об этом свидетельствуют находки на селищах Наволок, Керкостров 2), с другой – следы производящего хозяйства, включавшего занятие земледелием и животноводством (Васильево 2). Археологические материалы хорошо соотносятся с данными геолого-палинологических исследований, в результате которых были получены данные о начале земледелия в Кижях: на острове Кижы пыльца культурных растений встречается в слоях торфа, датированных временем 1140±50 л.н. (ЛЕ-6531), на Волкострове – 950±110 л.н. (ЛЕ-6796). В период разви-

того и позднего Средневековья хозяйство в окрестностях Кижей археологически определяется как комплексное – наряду с земледелием и животноводством население занималось промыслом – охотой и рыболовством.

В целом, результаты археологических исследований позволяют достаточно полно представить основные этапы освоения территории Кижского историко-культурного района в период первобытного и средневекового времени. Преемственности в развитии первобытной и средневековой культур в южном Заонежье не прослеживается. Вместе с тем и то и другое население, несомненно, оставило после себя весьма интересные материальные свидетельства своей деятельности, которые достойны быть учтены и исследованы в общем контексте изучения древней и средневековой истории Северной Европы.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ» НА ОЗЕРЕ ЛИЖМОЗЕРО

Озеро Лижмозеро располагается на территории Кондопожского района Республики Карелия. Площадь водной поверхности 84,8 км². Общая площадь озера 104 км². Наибольшая длина 18,6 км, наибольшая ширина 9,4 км. На озере находится около 30 островов общей площадью 19,2 км². Длина береговой линии по матерiku 56 км, с островами 100,8 км. Высота над уровнем моря 67 м. Форма озера трехлопастная. Направление оси озера с юго-востока на северо-запад. Имеются три больших залива: губы Кяппесельгская, Викшезерская и Южная. Острова достигают значительных размеров (о. Большой длиной до 7 км, о. Сенег – до 4 км).

Общий характер окружающей местности равнинно-низменный близ озера и холмистый в окрестностях. Высокие и крутые берега имеются лишь в немногих местах. Большая часть берега покрыта лесом; кустарниковые заросли, пашни и луга подходят к озеру только в отдельных участках.

Преобладает каменистое побережье, но есть и песчаные отмели, во многих местах имеются торфяники и заболоченные участки. С северо-восточной стороны в озеро впадает р. Ялгамка, берущая начало из лесного безымянного озера. В 0,3–4 км от устья этой реки с ней соединяется р. Шайдомка, вытекающая из Шайдомского озера. С севера в Лижмозеро впадают две небольших реки: Сордия и Паласельгская, а с северо-запада – р. Верхняя Лижма. С юго-западной стороны в Пороштгубу впадает р. Порошт, вытекающая из Пороштозера. Из Кяппесельгской губы Лижмозера вытекает р. Средняя Лижма, которая, проходя через Кедрозеро, впадает в губу Чоргу (Лижемскую) Онежского озера.

Озеро мелководное. Около 60% площади занимают глубины до 5 м, на глубины свыше 10 м приходится только 0,4%. Средняя глубина 4 м, максимальная 12 м. Каменистые гряды представлены характерными продолжениями узких мысов, от которых они отходят в глубь озера.

Несмотря на близость к населенным пунктам, дорогам и перспективность в археологическом отношении, озеро Лижмозеро долгое время не вызвало интереса со стороны исследователей. Только в 1977 г. на западном берегу водоема Ю.А. Савватеевым была открыта стоянка Лижмозеро I¹, которая представляла собой местонахождение кварцевых отщепов. Однако дальнейшего продолжения работ не последовало. Вполне возможно, причиной стала значительная каменистость и заболоченность берегов водоема, а также размыв береговой линии в результате подъема уровня воды в ходе строительства каскада Сунских ГЭС на реке Суне в районе г. Кондопоги, что привело к уничтожению древних поселений.

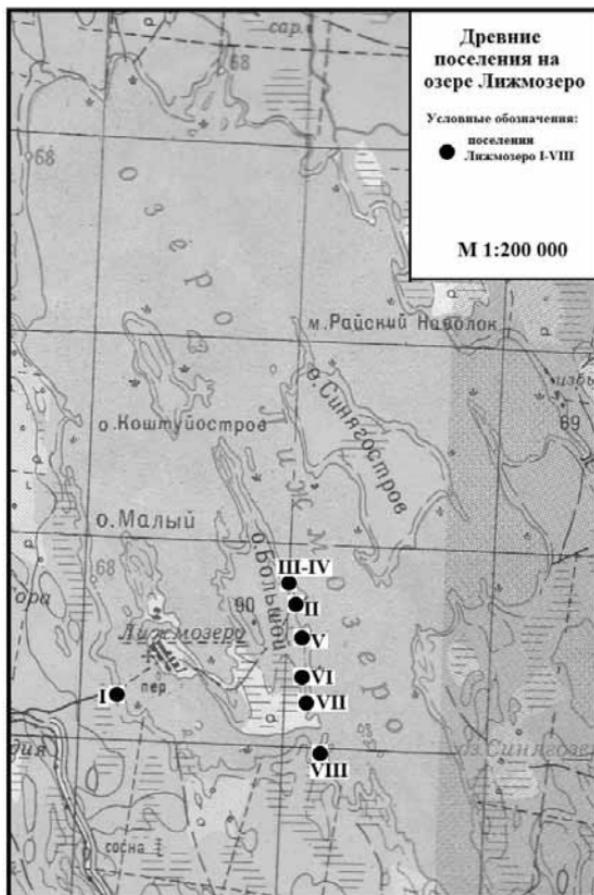

Рис. 1. Расположение древних поселений на озере Лижмозеро

¹ Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск, 2007. С. 74.

В начале 2011 г. в музей-заповедник «Киж» поступили сборы фрагментов ямочно-гребенчатой керамики из района д. Лижмозеро. В июне 2011 г. был совершен выезд в район местонахождения на восточное побережье о. Большой и открыто новое поселение эпохи неолита – энеолита Лижмозеро II. В 2012 г. разведочные работы были продолжены и выявлено еще семь памятников: три – мезолита, один – неолита, два – неолита-энеолита и один – неолита, энеолита и раннего железного века (рис. 1). Шесть памятников располагаются на восточном берегу о. Большой и один – на южном берегу озера Лижмозеро.

Поселение Лижмозеро II находится на восточном берегу о. Большой, в 3,5 км северо-восточнее д. Лижмозеро, на ровной площадке высотой 1,5 м над уровнем озера. Территория покрыта сосновым лесом, по ней проходит тропа и располагаются две современные легкие конструкции. В юго-западной части памятника имеется впадина размерами 4 x 3 x 0,3 м, которая может являться остатками полуземляночного жилища. Прибрежная часть памятника разрушена водами озера.

Размеры памятника составляют около 45 x 20 м (900 кв.м). В северо-западной части поселения была сделана зачистка слоя размерами 1,5 м, в которой выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн, подзол – 2–3 см. 2. Красно-оранжевый песок (культурный слой) – 20–22 см. 3. Желтый песок (материк).

Находки в зачистке: тесло из сланца (рис. 2:10), точильный брусок из кварцита (рис. 2:11), нуклеус (рис. 2:9) и скребок из кварца (рис. 2:7), три фрагмента ямочно-гребенчатой (рис. 2:1,3,5), три – гребенчато-ямочной (рис. 2:2,6,8) и один – асбестовой керамики (рис. 2:4). Сборы на пляже: девять фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, отщепы кремня – 1, лидита – 1, сланца – 10 и кварца – 7.

На основании фрагментов ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и асбестовой керамики можно датировать время существования данного поселения периодами неолита – энеолита (IV–III тыс. до н. э.).

Поселение Лижмозеро III располагается на восточном берегу о. Большой, в 3 км северо-восточнее д. Лижмозеро, в 35 м от озера Лижмозеро, на ровной площадке древней береговой террасы высотой 2 м над уровнем озера. Отделено от современного берега водоема болотистой низиной. Территория покрыта сосновым лесом.

Размеры памятника составляют около 40 x 10 м (400 кв.м). В южной части поселения был заложен шурф размерами 1 x 1 м, в котором выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн, подзол – 2–8 см. 2. Темно-желтый песок (культурный слой) – 12–16 см. 3. Светло-желтый песок с мелкой галькой (материк).

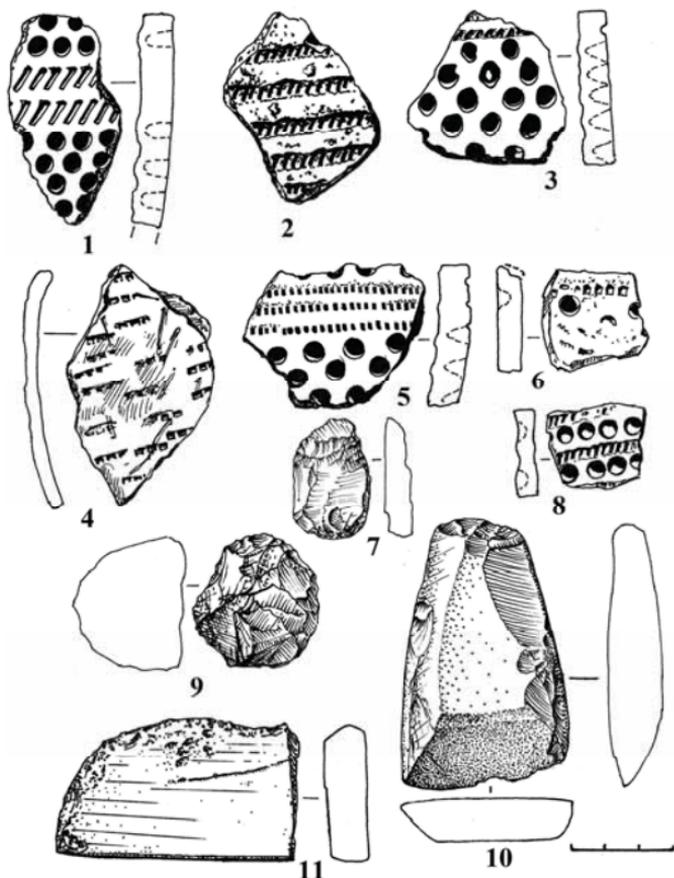

Рис. 2. Находки из поселения Лижмозеро II

Находки в шурфе: нуклеидный осколок (рис. 3:2), нуклеус (рис. 3:1), четыре скребка из кварца (рис. 3:3–6), отщепы сланца – 1 и кварца – 7.

На основании топографического расположения и отсутствия керамики можно датировать время существования данного поселения периодом мезолита (VII–VI тыс. до н. э.).

Поселение Лижмозеро IV располагается на восточном берегу о. Большой, в 3 км северо-восточнее д. Лижмозеро, в 55 м от озера Лижмозеро и в 15 м западнее поселения Лижмозеро III, на ровной площадке древней береговой террасы высотой 5 м над уровнем озера. Территория покрыта сосновым лесом. На территории памятника на краю береговой террасы имеются две ямы округлой формы размерами 2,5 x 2 x 0,6 м и 1,7 x 1,7 x 0,5 м, возможно, углежогные.

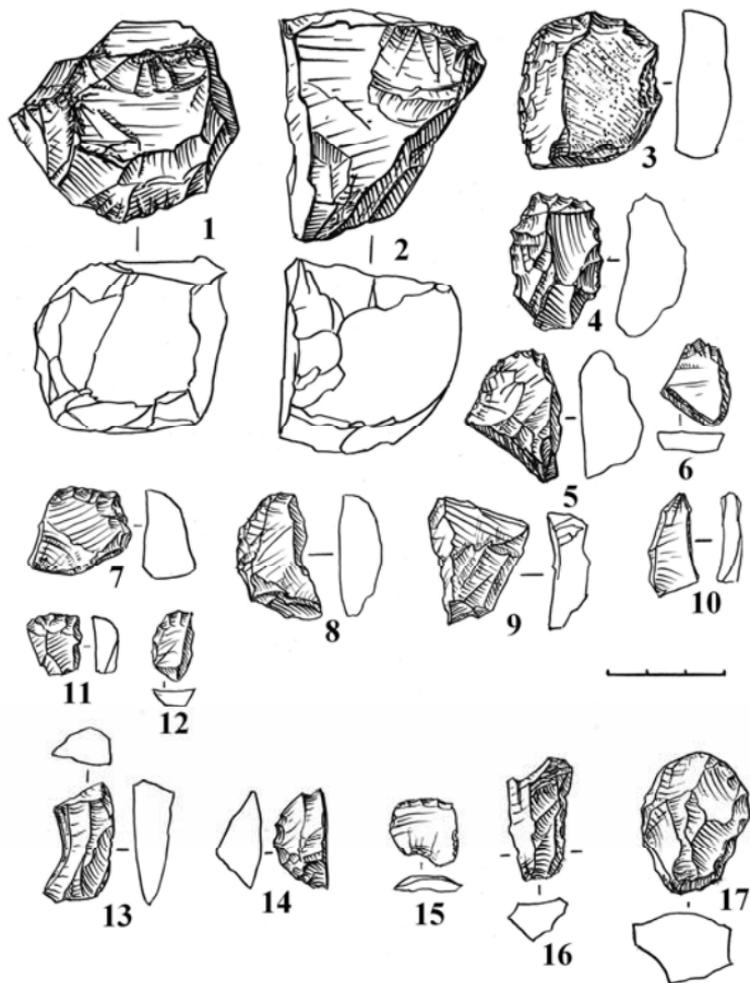

Рис. 3. Находки из поселений Лижмозеро III (1–6), Лижмозеро IV (7–12) и Лижмозеро V (13–17)

Размеры памятника составляют около 27 x 10 м (270 кв.м). В юго-восточной части поселения был заложен шурф размерами 1 x 1 м, в котором выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн, подзол – 2–7 см. 2. Темно-желтый песок (культурный слой) – 15–25 см. 3. Светло-желтый песок с галькой и валунами (материк).

Находки в шурфе: отщеп со следами обработки (рис. 3:9), резец (рис. 3:10), четыре скребка из кварца (рис. 3:7, 8, 11, 12), отщепы сланца – 5, кварца – 17, кварцита – 4 и две кальцинированные косточки.

На основании топографического расположения и отсутствия керамики можно датировать время существования данного поселения периодом мезолита (VII–VI тыс. до н. э.).

Поселение Лижмозеро V располагается на восточном берегу о. Большой, в 3 км северо-восточнее д. Лижмозеро, в 0,7 км юго-западнее поселения Лижмозеро II на ровной площадке древней береговой террасы высотой 1,5–2,5 м над уровнем озера. Территория покрыта сосновым лесом.

Размеры памятника составляют около 15 x 20 м (300 кв.м). В центральной части поселения был заложен шурф размерами 1 x 1 м, в котором выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн, подзол – 3–15 см. 2. Красно-желтый песок (культурный слой) – 8–10 см. 3. Темно-желтый песок с галькой (материк).

Находки в шурфе: нуклеидный осколок (рис. 3:17) и четыре скребка из кварца (рис. 3:13–16), отщепы сланца – 4, кварца – 7.

На основании отсутствия керамики можно датировать время существования данного поселения периодом мезолита (VII–VI тыс. до н. э.).

Поселение Лижмозеро VI располагается на восточном берегу о. Большой, в 3 км восточнее д. Лижмозеро, в 0,9 км южнее поселения Лижмозеро V, на ровной площадке небольшого мысовидного выступа высотой 0,5–1,5 м над уровнем озера. Территория покрыта сосновым лесом.

Размеры памятника составляют около 15 x 20 м (300 кв.м). В центральной части поселения был заложен шурф размерами 1 x 1 м, в котором выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн, подзол – 3–15 см. 2. Красный песок (культурный слой) – 20–25 см. 3. Желто-белый песок (материк).

Находки в шурфе: долотовидное орудие (рис. 4:15) и три скребка из кварца (рис. 4:12–14), пять фрагментов керамики сперрингс (рис. 4:6,10,11), 6 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики (рис. 5:1–3), 10 фрагментов асбестовой керамики (рис. 4:1–5,7–9), отщепы сланца – 4, кварца – 14, лидита – 2, кремня – 1 и кварцита – 12.

На основании находок керамики можно датировать время существования данного поселения периодом раннего неолита – энеолита (V–II тыс. до н. э.).

Поселение Лижмозеро VII располагается на восточном берегу о. Большой, в 3 км юго-восточнее д. Лижмозеро, на узком мысу шириной около 40–45 м, на ровной площадке высотой 2 м над уровнем озера. С востока ограничено болотом, с запада – берегом озера. Территория покрыта сосновым лесом. Подмывается водами озера.

Размеры памятника составляют около 40 x 12 м (480 кв.м). В юго-восточной части поселения была сделана зачистка берегового обрыва размерами 1 x 1 м, в которой выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн, подзол – 10–25 см. 2. Красно-желтый песок (культурный слой) – 25–30 см. 3. Белый песок (материк).

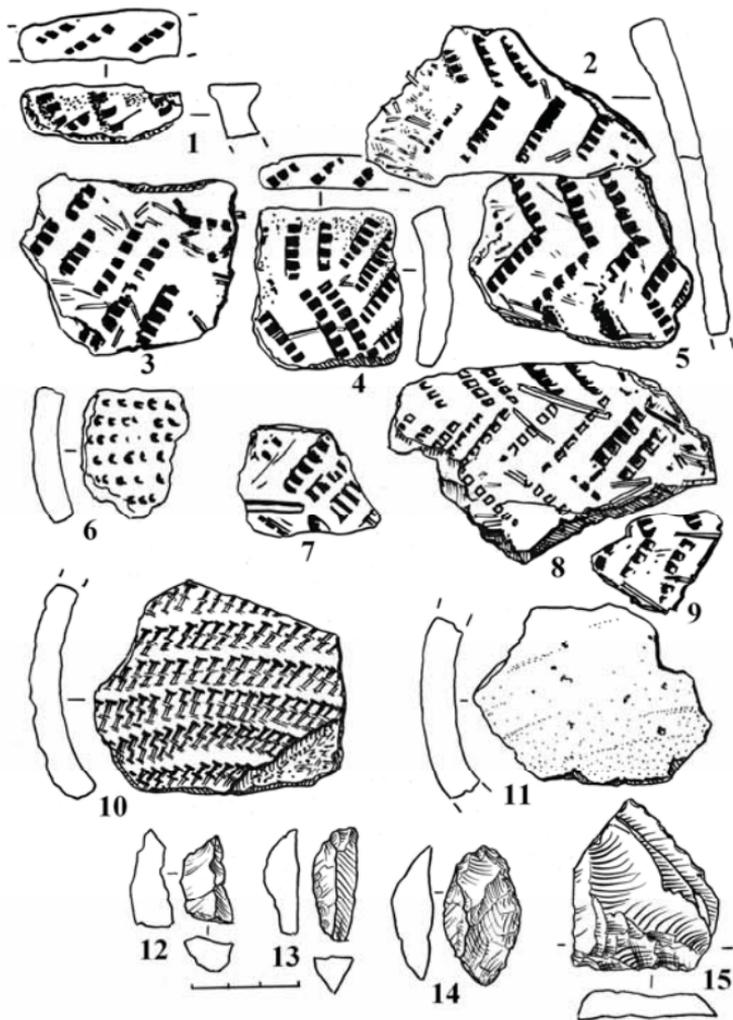

Рис. 4. Находки из поселения Лижмозеро VI

Находки в зачистке: тесло (рис. 5:7) и обломок обушной части орудия из сланца (рис. 5:8), обломок пилы из кварцита (рис. 5:11), долотовидное орудие (рис. 5:5) и нуклеидный осколок из кварца (рис. 5:4), три фрагмента ямочно-гребенчатой керамики (рис. 5:6,9,10), отщепы сланца – 4, кварца – 18, кремня – 1.

На основании находок фрагментов ямочно-гребенчатой керамики можно датировать время существования данного поселения периодом неолита (IV тыс. до н. э.).

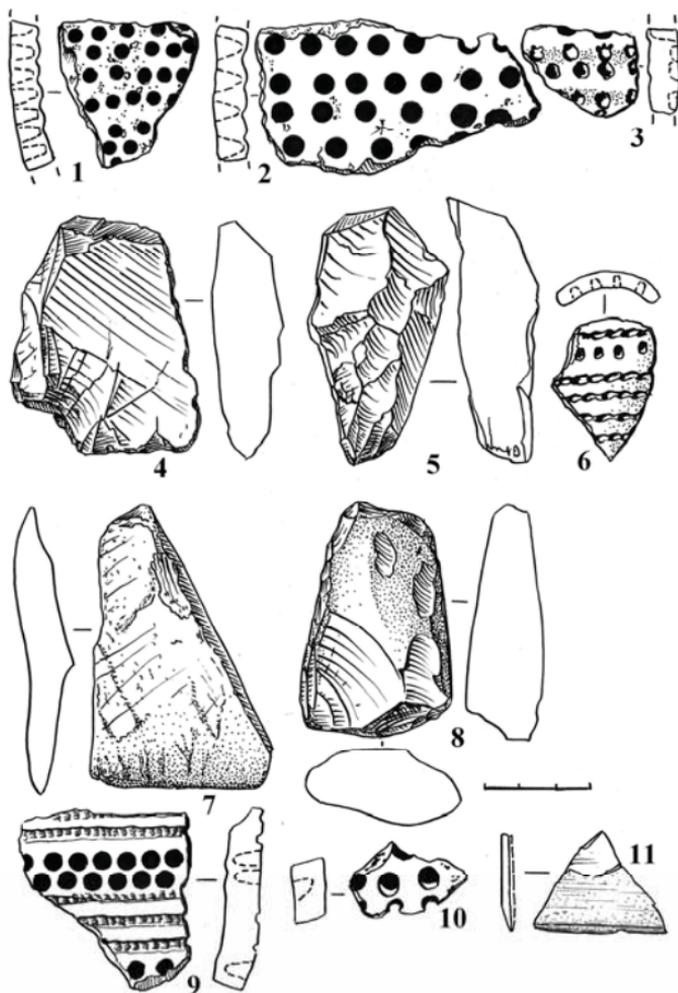

Рис. 5. Находки из поселений Лижозеро VI (1–3) и Лижозеро VII (4–11)

Поселение Лижозеро VIII располагается на южном берегу озера Лижозеро, в 3,7 км юго-восточнее д. Лижозеро, 0,3 км юго-западнее пролива Узкий, на ровной площадке высотой 1–1,9 м над уровнем озера. Территория покрыта луговой растительностью.

Размеры памятника составляют около 47 x 20 м (940 кв.м). У северной и южной границ памятника были заложены два шурфа размерами 1 x 1 м. В шурфе № 1 у северной границы памятника выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн, подзол – 3–5 см. 2. Красный песок с галькой (культурный слой) – 10–15 см. 3. Желтый песок с галькой (материк).

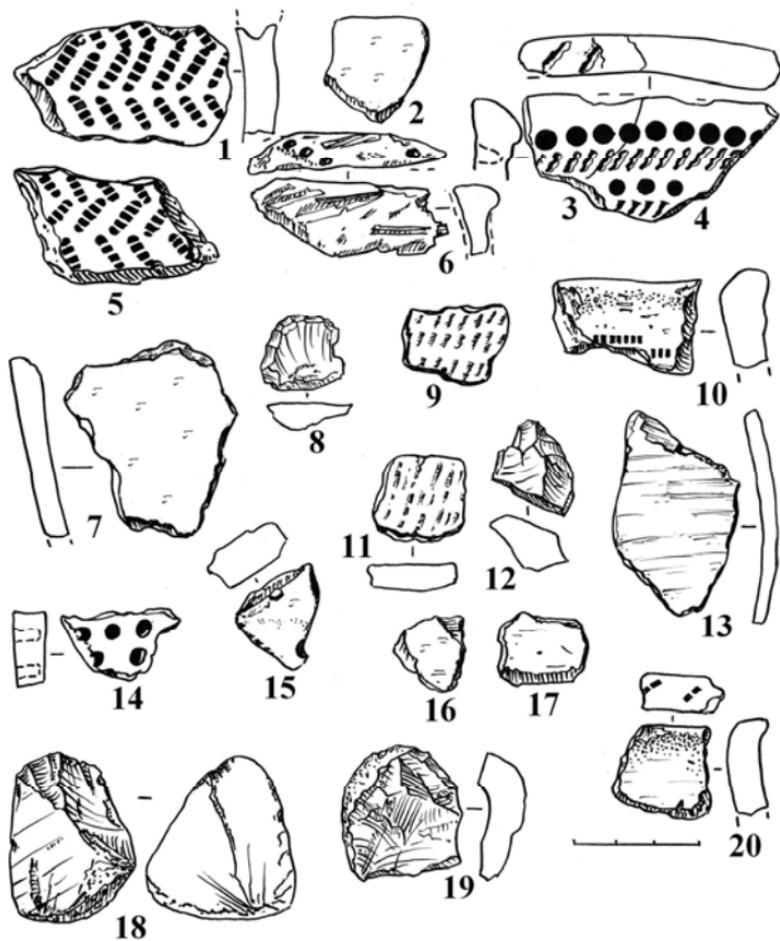

Рис. 6. Находки из поселения Лижмозеро VIII

Находки в шурфе: три скребка из кварца (рис. 6:8,18,19), два фрагмента ямочно-гребенчатой керамики (рис. 6:14), 4 фрагмента асбестовой керамики (рис. 6:6,10), 6 фрагментов керамики раннего железного века (рис. 6:2,9,16,17), отщепы сланца – 1, кварца – 17, кварцита – 2.

В шурфе № 2 у южной границы памятника выявлена следующая стратиграфия: 1. Дерн, подзол – 3–5 см. 2. Красный песок с галькой (культурный слой) – 10–20 см. 3. Желтый песок с галькой (материк).

Находки в шурфе: скребок из кварца (рис. 6:12), фрагмент ямочно-гребенчатой керамики (рис. 6:3,4), 13 фрагментов асбестовой керамики (рис. 6:1,5,7), 3 фрагмента керамики раннего железного века (рис. 6:11,15,20), отщепы кварца – 3, кварцита – 2.

На основании находок керамики можно датировать время существования данного поселения периодом раннего неолита – энеолита (IV–II тыс. до н. э.), а также ранним железным веком (середина I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.).

В результате работ можно сделать следующие выводы:

1. В 2011–2012 гг. была обследована часть береговой линии озера Лижмозеро и выявлены семь археологических памятников, что показывает перспективность дальнейшего обследования побережья озера.

2. Судя по археологическим материалам, озеро Лижмозеро посещалось древним населением с периода мезолита до раннего железного века.

3. В расположении памятников эпохи мезолита (поселений Лижмозеро III–IV) наблюдается высотная закономерность, присущая памятникам мезолита бассейна Онежского озера. Она выражается в удалении их от современного уреза воды на расстояние 35–55 м и расположении на ярко выраженных древних береговых террасах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВОГЗ – Вестник Олонецкого губернского земства

ГИМ ОПИ– Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (Москва)

ИИМК– Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

ИРЛИ – Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)

КазГАСУ – Казанский государственный архитектурно-строительный университет

НАМК– Научный архив музея-заповедника «Кижы» (Петрозаводск)

НАРК – Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)

РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

ФМК – фонды музея-заповедника «Кижы»

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО, ИКОНОПИСЬ

Дудинова Т. Ю. Неопубликованная работа Ларса Петтерссона и Пен-ти Хяркёнена «Кижская Преображенская церковь. Величественный памятник церковного искусства Олонецкого края»	3
Фролова Г. И. Символика архитектурных форм церкви Преображе-ния Господня на о. Кижь	51
Гущина В. А., Гущин Б. А. Трапезная церкви Преображения Гос-подня: из истории создания	67
Пуцко В. Г. Икона Спаса Всемилоственного в Покровской церкви на острове Кижь	92
Линник Ю. В. Кижское древо	102

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Харегова Л. С. Новые биографические материалы о космозерских иконописцах Абрамовых	128
Намятова Е. С. Заонежане – участники Первой мировой войны (обзор фондов Национального архива Республики Карелия)	137
Кожевникова Ю. Н. Кижское сельское общество на рубеже XIX–XX вв.: к вопросу о налогообложении крестьян (по документам из карельского собрания ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)	152
Гвоздева Ж. В. Остров Кижь в воспоминаниях жителей Заонежья (по материалам из научного архива музея-заповедника «Кижь»)	162

ЭТНОГРАФИЯ

Трифорова Л. В. Традиционный крестьянский костюм южной Каре-лии конца XIX – начала XX в.	177
Скобелев О. А. Планировка и постройки усадьбы Елизаровых в де-ревне Потаневщина в первой трети XX в.	207
Ершов В. П. Жители заонежской деревни Красная Сельга на фото-графиях 1930–1980-х гг.	225
Наумов Ю. М. Результаты работы музея-заповедника «Кижь» по изучению, музеефикации и сохранению традиций народного судо-строения и судоходства	269

АРХЕОЛОГИЯ

Мельников И. В. Итоги изучения памятников археологии в окрестностях острова Кижы	286
Герман К. Э. Новые археологические исследования музея-заповедника «Кижы» на озере Лижмозеро (Кондопожский район Карелии) . .	302
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	312

Научное издание

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 15

Обложка выполнена по образцу сборника «Кижский вестник № 5»
(издательство ПетрГУ, 2000 г.; оформление *Л. Л. Лангинен*,
фото *В. М. Парркинена*)

*Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижь»*

Редактор *Л. С. Баранцева*
Оригинал-макет *Н. Н. Сабанцева*

Подписано в печать 09.06.2015 г. Формат 90×60¹/₁₆. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 21,57. Усл. печ. л. 19,75.
Тираж 200 экз. Заказ 281.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
